

ISSN 0131-6650

# СМЕРЬ

ЮРИЙ НАГИБИН • АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ • ГОРДОН МАКГИЛ • ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ • БУНТ СТЕНЫКИ РАЗИНА

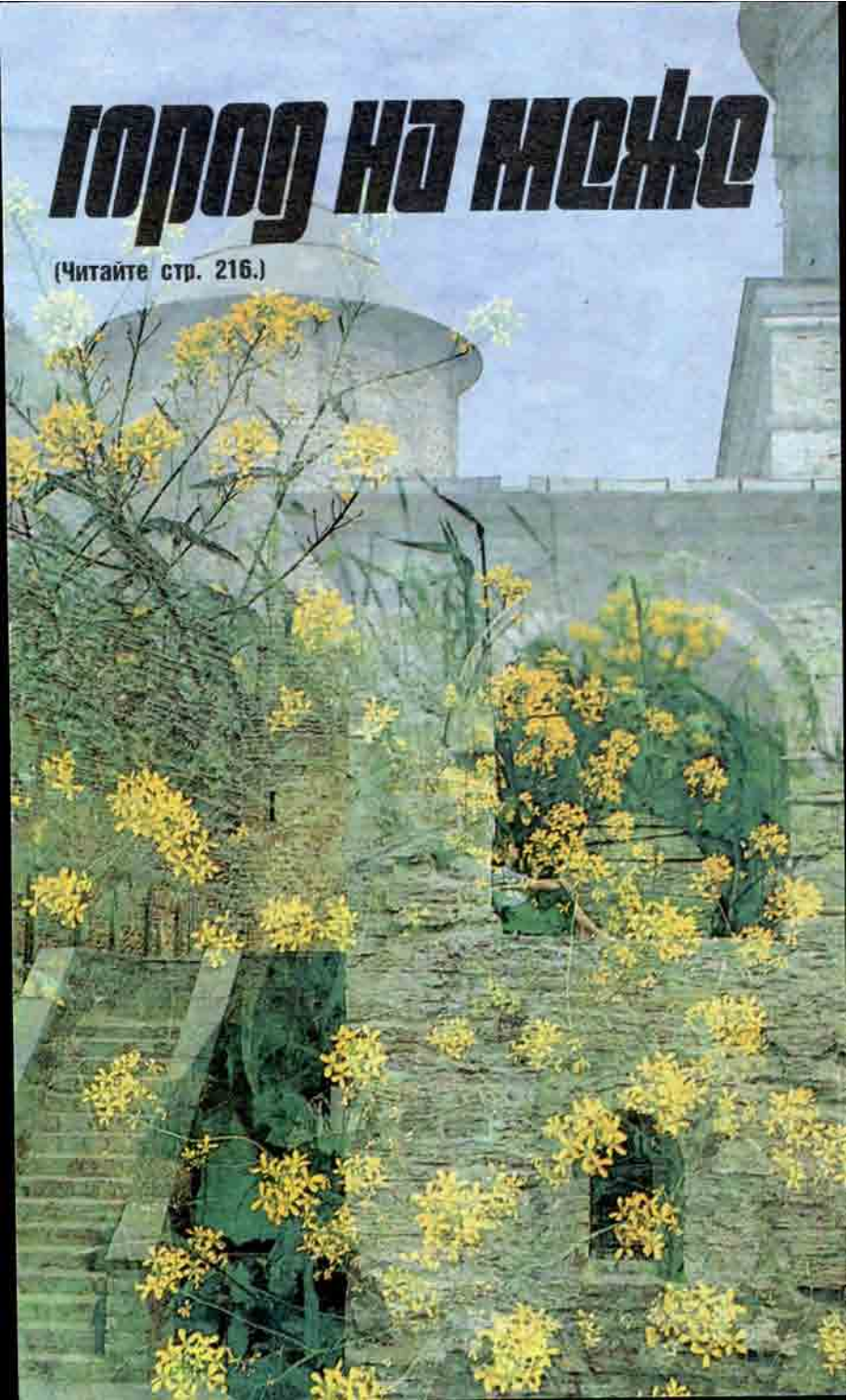
ЕЛЕНА МАСЛАКОВА

2-3'92

• МИЛИЦЕЙСКАЯ ВДОВА

# **Город на море**

(Читайте стр. 216.)





# 2-3'92 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ  
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ  
Основан в январе 1924 года.**

**Главный редактор  
МИХАИЛ КИЗИЛОВ**

**Редколлегия:**

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА  
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ  
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ  
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,  
зам. главного  
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ  
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ  
СЕРГЕЙ ПОПОВ,  
зам. главного  
редактора

ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ  
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ  
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,  
главный  
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

**Оформление  
ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА  
Художественно-  
технический редактор  
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА**

Сдано в набор 25.12.91.  
Подписано к печати 12.02.92.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>2</sub>.  
Бумага газетная «Тампресс».  
Печать офсетная.  
Усл. п. л. 15,54.  
Усл. кр.-отт. 17,64.  
Уч.-изд. л. 23,10.  
Тираж 2 416 000 экз.  
Заказ № 1159.  
Цена свободная.  
101457, ГСП, Москва,  
Бумажный проезд, 14,  
212-15-07 — для справок  
212-11-27 — отдел писем.  
212-23-79 — отдел молодежных  
проблем  
251-04-10 — отдел литературы  
и искусства.  
Типография издательства  
«Пресса» 125865, ГСП, Москва,  
А-137, ул. «Правды», 24.  
Рукописи, фото и рисунки  
не возвращаются.

**2—3 (1528-29) ФЕВРАЛЬ — МАРТ**

© Издательство «Пресса».  
«Смена», 1992.

## К ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

Насколько сегодня все шатко и непредсказуемо в нашей жизни, думается, особо напоминать читателям не надо. В первом номере мы уже писали о буквально губительном положении, в котором оказались вся пресса и наш журнал в частности. Рынок, пресловутая либерализация цен, в гипертрофированном виде ворвавшиеся в экономику, привели к немислимому увеличению тарифов на авиа-, автотранспортные и железнодорожные перевозки, к 10—20-кратному вздорожанию бумаги, типографских красок, полиграфических услуг, проявки слайдов (кстати, за некоторые услуги типография требует от нас оплаты в твердой валюте, которую мы должны приобретать, естественно, по биржевому курсу). Поверьте, что расходы тут исчисляются многими десятками миллионов.

А 13 февраля — буквально накануне выхода в свет главного экземпляра этого номера — еще один «сюрприз»: получаем письмо из ГО «Киевский почтамт», в котором сообщается о введении на территории Украины новых, увеличенных тарифов на услуги связи по распространению подписных тиражей изданий. В ультимативной форме нас предупреждают, что если мы не будем перечислять Киевскому почтамту ежемесячно по 386 620 рублей за услуги по распространению подписного тиража (а у «Смены» на Украине 391 тысяча подписчиков), то доставка журнала украинским читателям с 15 февраля будет прекращена. Вот так-то! Вряд ли киевские почтовики подумали о том, что у редакции таких денег (а ведь за год это миллионы рублей) сегодня нет и быть не может.

Все это заставляет нас выискивать самые разные варианты «выживания» нашего журнала. Найдём — хорошо. Не найдём — значит, надо признать себя банкротами, закрыть издание с почти 70-летним стажем, предварительно рассчитавшись с подписчиками, то есть вернув ваши кровные 24 рубля 80 копеек (на которые, кстати, сегодня и килограмма леденцов не купишь). Нам, естественно, этот смертельный вариант не устраивает. Вас, думается, тоже. Так где же выход? В чем он и есть ли вообще?

Есть, уверенно говорим мы, но только с тем условием, если вы, наши читатели, правильно поймете и поддержите нас в этой критически трудной ситуации.

Прежде всего мы, не меняя подписной платы за «СМЕНУ-92», постараемся в этом году выпустить все 12 номеров журнала. Что за чудо? — спросите вы. Чем же редакция собирается компенсировать многомиллионные расходы, перечисленные выше? Чуда, конечно, никакого нет, но на некоторые ухищрения нам пришлось пойти.

Первое. Теперь журнал (с № 4) будет выходить без цветных вкладок.

Второе. Мы сознательно идем на сокращение (очень незначительное) объема журнала — это дает экономию бумаги и снижает расходы на экспедирование и доставку. Журнал будет чуть тоньше нынешнего, но не за счет уменьшения

На нашей  
обложке  
фотоэтиюд  
ВИКТОРА  
БРЕЛЯ.





количества интересующих вас литературных произведений.

Еще, очевидно, нам придется несколько раз в году выпускать сдвоенные номера — в них мы намерены печатать по два детектива. Поверьте, друзья, экономить приходится на всем. Мы вынуждены отказаться от литературных консультаций произведений начинающих авторов — нет денег на оплату работы постоянных консультантов.

К счастью, нам помогает АО «Инвестпул» (председатель Совета директоров доктор экономических наук В. П. Грошев), который выделил несколько десятков миллионов рублей. Но и этого сегодня не хватает для выживания журнала. Мы также обратились к Президенту Украины Л. М. Кравчуку с просьбой оказать финансовую дотацию Киевскому почтамту на доставку журнала к подписчикам. Будем искать и другие варианты компенсации увеличившихся расходов на все виды услуг, не исключено, что вынуждены будем обратиться за финансовой поддержкой и к вам, наши читатели.

Сообщаем, что стоимость подписки на 1992 год для тех, кто подписался на полугодие и желает продлить подписку, — 96 рублей. Цена одного экземпляра журнала — 16 рублей.

А в остальном все остается по-старому. Мы ищем и находим самое интересное в мире журналистики и литературы. Вы, надеюсь, с нетерпением ждете выхода своего любимого журнала.

Будем же долготерпимы!

# АНОНС:

■ **МАРИНА КРЕТОВА.** Прекрасный сфинкс.

Жизнь и судьба баронессы Юлии Вревской.

«Придворная дама, первая красавица Петербурга, богатая, чуждая любому физическому труду, утонченно воспитанная и образованная — что привело ее в Болгарию, в военный госпиталь и побудило выполнять грязную, изнуряющую каждодневную работу сестры милосердия?..»

■ **ВЛАДИМИР НАБОКОВ.** Волшебник.

Мало кто знает, что написанной по-английски «Лолите» предшествует русский рассказ «Волшебник», где уже разработаны сюжет романа и тончайшая паутина эротических переживаний, способствовавшие скандальной славе книги.

■ **ЛАРИСА ИСАРОВА.** Запонки императора, или орехи для беззубых.

Криминальная повесть.

■ **ИВАН ПУШКАРЬ.** Удар.

Свидетельства ядерного заложника.

«...Сквозь закрытые глаза и затемненные пленки очков противогазов, находясь в блиндаже, почувствовали ослепительно-яркую вспышку. А через 18—20 секунд раздался страшной силы взрыв...»

ИСТОКИ

Пыль серо-бурых городов,  
 Кочевий древнее унынье,  
 Гул телеграфных проводов  
 Над ковылем и над польнью,  
 Вихрь, свищущий среди крестов  
 Могильных и шпилей острожных,  
 И между фермами мостов  
 Тяжелых железнодорожных.  
 Как будто этого и нет  
 Ни в песнях,  
 ни в квартетах струнных.  
 С рельс отслуживших стерся след  
 Отбрякавших колес чугунных.  
 Но если б не было всего,  
 Что зыблется на этом фоне,  
 То не было бы и его,  
 Творца совсем иных симфоний.  
 Все это было так давно,  
 Что к этому нельзя вернуться.  
 Что, как и чем порождено,  
 Быть может, чем  
 позже разберутся.

ГОСУДАРСТВО

Государство  
 Создавалось  
 В мире диком и пустынном,

Государство  
 Основалось,  
 Люди прятались за тыном.

Государство  
 Мощно крепло,  
 Раздувая пламень в горах,  
 В груды праха, в кучи пепла  
 Превращая непокорных,  
 Выжигая дух измены,  
 Подавляя беспорядки  
 И порой свои же члены  
 Отсекая в лютой схватке.  
 И, попав  
 В свои же руки,  
 Руки алчности, коварства,  
 Ощувив свои же муки,  
 Трепетало государство.



*Государство  
Ужаснулось,  
Видя собственную силу,  
Государство отшатнулось,  
Заглянув в свою могилу.*

*Но могила не зияла  
Поглощающею пастью,  
А как будто засияла  
Светом будущего счастья.*

*— Люди!  
Будет меч могучий  
Перекован на орало!  
Вы дождетесь доли лучшей!*

*Государство  
Отмирало.  
Был огонь его заката  
Для людей лучом рассвета...*

#### **СТАТУЯ**

*И я  
Свои закончил дни,  
Меня почти уже не стало —  
Кой-где лишь статуи одни,  
Кой-где лишь только пьедесталы.*

*Не подымается рука  
Принять покорное прошение;  
Проходят целые века,  
Чтоб дать на что-то разрешение.*

*Такая вот пора пришла  
И, ни о чем уж не заботясь,  
Гляжу, как за свои дела  
Без разрешенья вы беретесь.*

*Без разрешенья моего...  
И я, стоявший здесь на страже,  
Не в силах сделать ничего,  
Когда б и жив еще был даже!*

==  
*О, высокие стены, ограды!  
В этом каменном мире мертво  
Захоронены всякие клады  
И сокровища... Но, кроме того,  
Недоступно для глаза и уха,  
В этой каменной глубине*

Сколько всяческих узников духа  
Замуровано в каждой стене,  
И чтоб узник из праха и тлена,  
Улыбаясь, восстал, как живой,  
Прошибать приходится стены  
Исключительно головой,  
А не трактором, не тараном,  
Не бревном, не фонарным столбом,  
И не толом, и не ураном,  
А как будто бы собственным лбом.

Да!  
Смешную рисую я сцену,  
Но, знаясь взлететь в Эмпирей,  
Пробивал головою ты стену,  
Избегая открытых дверей.

### ВОСЕМЬ БАЛЛОВ

Кто разбудил меня? Не ты ли,  
Ночная грешница, луна?  
Я выглянул в окно. Царили  
Спокойствие и тишина.

Лишь фонари напоминали  
О дымно отгоревшем дне,  
Как потускневшие медали  
Напоминают о войне.

Я вышел из дому. И вяло  
Прокрался сонных улиц вдоль.  
Спокойствие мне причиняло  
Большую внутреннюю боль.

Я знал, что полон лицемерья  
Весь город, дремлет лишь едва.  
И вспомнил древние поверья  
И все приемы колдовства.

К луне подбросил я старинный  
Грош, засверкавший серебром,  
И вдруг под улицей пустынной  
Протяжный прокатился гром.

Неясным, отраженным светом  
Блеснул луны ответный взгляд.  
Давно не верил я газетам,  
Что страсти преспокойно спят...

Но, впрочем, никаких скандалов.  
Лишь рано утром бред газет:  
Землетрясенье. Восемь баллов.  
Жертв нет и разрушений нет.



==  
Замазан типографской краской  
Смысл слов? Нисколько  
не замазан!

И не замазаны замазкой  
Уста. И можно быть  
чумазым  
Покрытым сажей трубочистом,  
Душевно оставаясь чистым!

==  
По мере сил  
Я воскресил  
Немало славных мудрецов,  
Но главное в конце концов  
Не в этом, а совсем в шом —  
В том, что, обьятых мертвым сном,  
Живых будил я мертвецов.  
И подымались мертвецы,  
И в бой за жизнь, восстав от сна,  
Они бросались, храбрецы,  
Поскольку смерть  
Им не страшна!

==  
Неразговорчивый газетчик  
На шумном городском углу.  
Вонзился желчный человек  
В киоск, похожий на иглу.

— «Известия»? — Он отмолчался.  
— А «Правда»? — Он ответил:  
— Вся.

Скорей бы этот день кончался  
И следующий начался.

==  
А ночь  
кругла, черна  
И нынче не шая,  
чем в дни, когда я жил,  
О смерти знать не зная!

Двукрылый стан любви,  
о почему ты снова  
Не защитишь меня  
от ужаса ночного!

≡  
Была  
Когда-то  
Роза школьницей  
И Лилия цветком была,  
Но жизнь не шутит шуток с вольницей —  
Свои порядки навела,  
Из многих знаков препинания  
Лишь многоточье разрешив...  
И мечутся воспоминания,  
Себя почти что удушив,  
И колются иголки иголки,  
И лепестков ослаб дурман...

А жизнь давно стоит на полочке,  
Как будто бы чужой роман.

### ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕН

А Светопреставленья началось  
И кончилось. И вновь с того же лозга  
Сама Венера поднялась, похожа  
На Боттичелли в золоте волос,  
Чтоб море, златоруно, как баран,  
Являло не небес потусторонность,  
А мир, где жив супруг Земли Уран  
И косит жизнь его сынишка Хронос.

Но значимости всех этих имен  
Чуждались люди, точно иностранцы.  
Лишь Океан, седой, как Посейдон,  
Согнав со щек пиратские румянцы,  
Взбежал, обеспокоенный, на шканцы  
Кренящегося корабля времен!

≡  
Гадая,  
Чем меня ты манишь,  
Я сам, почти старик седой,  
Уверен, что и ты не станешь  
Воображать себя звездой.

Но вот что:  
Ни в хулу, ни в мечь им,  
Всем звездам, блещущим в ночи,  
Вообрази себя созвездьем,  
Средь них подобия ищи.

Черты созвездий  
Многолики.



*В их сложную вникая явь,  
Ты Волосами Вероники  
И Девойю себя представь.*

*Чтоб любовался  
Час за часом  
Твоим сверкающим лицом  
И я, однажды став Пегасом,  
Центавром, Скульптором, Стрельцом.*

*А может быть,  
С тобою вместе  
Никто иные — я и ты, —  
В одно сольемся мы созвездье,  
Сверкающее с высоты.*

≡

*Зима  
Земная,  
А не с неба слезшая,  
Ведя бурян гривастый под уздцы,  
Идет, на елки планомерно вешая  
Новейших украшений образцы.*

*Дай, Господи, чтоб сытая, хорошая  
Она была для птиц и для людей,  
Но воссиял над заячьей порошею  
И этот вот подарочный халдей:*

*— О, много бед придется вам терпеть еще!  
Горит меж всяких шариков и звезд  
Огромнейшая новая кометица,  
Из головы извергнувшая хвост!*

*И худшее заранее предрекается,  
И слышится в эфире трескотня:  
— Недалека! И не пора ли каяться.  
Каков канун? Не Судного ли дня?*

*Как для кого!*

**Публикация  
ГАЛИНЫ СУХОВОЙ-МАРТЫНОВОЙ.**



ПОСЛЕДНЯЯ





Рисунки ИГОРЯ ГОНЧАРУКА

# СХВАТКА

ГОРДОН МАКГИЛ



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Астроном не отличался религиозностью. В свой телескоп он рассматривал именно небо, а не небеса. Когда астроном был еще юношей, он, разумеется, верил в того же Бога, что и его родители. Но, превратившись во взрослого мужчину, он оставил эти детские забавы. По мнению Джона Фавелла, все тайны Вселенной имели прямое отношение к чудесам математики и физики.

Зрелище, представшее перед ним благодаря двухсотдюймовому телескопу Фернбэнковской обсерватории в Сассексе, было достаточно захватывающим и без Высшего Существа, которое только осложнило бы дело.

В этот раз облачный покров был минимальный, поэтому Джон быстро справился с ежедневной подготовительной рутинной. И сейчас он погрузился наконец в созерцание небесного свода. Параллельно Джон проводил фотографическое сканирование, раз за разом пополняя свой каталог новыми группами данных и постепенно составляя космический атлас.

Джон потягивал кофе, исподволь наблюдая, все ли идет как надо. Обсерватория, почти все пространство которой занимал телескоп, безмолвствовала. Рядом с Джоном сидел техник, его руки лежали на контрольном пульте. Ожидая распоряжений, он оглянулся на Фавелла, подобно псу, просящемуся на прогулку.

Фавелл склонился над столом и прищурился, уставившись на монитор.

— Так куда мы сегодня отправляемся? — пробормотал он.

— В Кассиопею, сэр, — подсказал техник.

На какую-то долю секунды сознание астронома затуманилось, что-то мелькнуло в памяти — что-то, чему Джон никак не мог найти объяснения, — и тут же исчезло. Фавелл устроился возле телескопа.

— Кассиопея, — повторил он, — подъем справа. Один час, шестнадцать минут, двадцать секунд. Подберите угол на двадцать два градуса в соотношении восемь к четырем.

Фавелл удовлетворенно хмыкнул, когда телескоп выбрал нужный небесный участок. Он повторил команду, как делал это каждый раз последние пять лет, сканируя фотообъективом небо и производя свои записи. Наконец Фавелл увидел то, что ему было нужно.

— О'кей, снимок получился классный.

Джон оторвался от своего стола, пересек зал и остановился, ожидая, когда снимок необходимого ему небесного участка выскользнет из бокового отверстия телескопа. Он осторожно поднял диапозитив, перенес его на освещенный стенд и, разгладив на стекле, внимательно взгляделся в снимок. Затем сощурил глаза и фыркнул:

— Странно. Мы ведь делали подобный снимок на днях, так?

Техник кивнул:

— В понедельник, сэр.

Он достал картотеку со слайдами, выбрал нужный и протянул его Фавеллу. Тот положил второй диапозитив рядом с первым и растерянно заморгал.

— Произошло какое-то движение,— промолвил Фавелл.— Три солнца.

Теперь, в свою очередь, нахмурился помощник.

Щеки Фавелла порозовели от возбуждения, он взглянул на техника.

— Найдите все снимки части звездного неба в хронологической перспективе. И сразу же возвращайтесь.

Некоторое время астроном следил за тем, как его помощник торопливо роется в картотеке, затем снова подошел к телескопу, посмотрел на звезды и поджал губы. «Физика с математикой — вот, пожалуй, единственная определенность»,— подумал он. И тем не менее каждый раз на очередном банкете или приеме обязательно находился какой-нибудь придурок, который непременно задавал ему вопросы обо всех этих idiotских штуках — о НЛО или о маленьких зеленых человечках. Невежественных людей всегда волнует таинственность и разного рода чепуха, и ему иногда с трудом удавалось скрыть презрение, которое он испытывал к этому сорту людей.

Помощник дернул его за рукав и протянул целую стопку прозрачных слайдов. Фавелл, внимательно просмотрев их, повернулся к молодому человеку.

— Что скажете?

— Скажу, что все это напоминает какой-то сон,— как бы извиняясь, промямлил помощник, пожимая плечами.

— Именно так.— Фавелл жестом указал на монитор.— Каково ускорение?

Молодой человек снял показания приборов.

— Пара тысяч парсеков, как минимум. Черт возьми, похоже, мы становимся свидетелями еще одного грандиозного взрыва.

Фавелл раздраженно покачал головой:

— Это не столкновение, они просто выстраиваются в одну линию. Суньте все это в компьютер. Посмотрим, можно ли получить приблизительный график сближения.

Помощник щелкнул на мониторе нужным тумблером, и ученые стали пристально вглядываться в экран, наблюдая за проекцией полета трех звезд. Взгляд мужчин то и дело перескакивал со сближающихся точек на цифровые показатели в углу экрана.

Глядя на мельтешащие цифры, Фавелл наконец вспомнил то, что несколько минут назад промелькнуло в его сознании.

Кассиопей. Именно ее упоминал священник три года тому назад на международной конференции в Ницце. Итальянский священник в сутане явился на эту встречу незванным гостем и призывал всех делегатов внимательно следить, не возникнут ли в созвездии Кассиопеи три звезды, которые будут стремительно сходитьсь. Он умолял участников конференции постоянно наблюдать за небом и, как только они заметят что-либо подобное, тут же сообщить ему.

Теперь Фавелл ясно припомнил все детали: священник находился в неимоверном возбуждении, но вместе с тем держался



с таким потрясающим достоинством, что никому из участников конференции и в голову не пришло насмеяться над его искренней верой. Правда, когда тот покинул зал, они позволили себе слегка почесать языки.

— Сэр! — Помощник показывал на экран.

Точки сблизились, часто запульсировали и испустили множество светящихся колец. Числовой датчик замер, и цифры четко отпечатались на экране монитора.

002.26.00.24.03.82.

Время и дата.

Голос священника прозвучал в мозгу Фавелла, безумные слова о рождении нового Мессии, втором пришествии Христа.

24.03.82.

Это была дата рождения.

Джон Фавелл инстинктивно перекрестился.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### Глава первая

Уже пару часов вгрызался массивный бур в толщу Земли на глубине десяти футов под улицами Чикаго. Каждые шесть минут туннель удлинялся на один метр. Влажная земля, пройдя через бурильную установку, выбрасывалась позади нее на ленту конвейера.

Тщедушный человечек с трудом удерживал рукоятку буровой установки, он молча наблюдал за струей земли, бьющей на конвейер, и время от времени окатывал из шланга вращающийся бур. Воздух в туннеле был спертый, и Джо обливался потом от духоты.

Самая мерзкая работенка на земле, во всеуслышание объявит он потом своим друзьям. Но именно это занятие вызывало в нем также и гордость. Однажды, влив в себя пару кружек пива, он сравнил его с отбыванием наказания в аду.

Неожиданно бур застопорился, странно чихнул, а затем заскрежетал, упершись в какую-то плотную массу. Скрежет сменился визгом, и Джо, с головы до ног обстрелянный кирпичными и бетонными осколками, едва успел отскочить. Машина выплевывала раздробленный кирпич на стены туннеля.

Ругаясь на чем свет стоит, Джо заорал оператору, чтобы тот отключил бур, затем проверил, не поврежден ли механизм. Опираясь на стены туннеля, Джо глянул вниз и снова чертыхнулся: каменная стена. Джо нанимался бурить землю, а не кирпич. Если по какой-то причине в работе происходил сбой, это означало только одно: отсрочку жалованья. Джо яростно проклинал всех этих невидимых начальников, этих безмозглых, с иглолки одетых чистюль, которые никогда толком не разбирались в своих обязанностях, в результате чего люди вроде Джо постоянно сталкивались с неприятностями.

Спустя некоторое время его окружили другие рабочие, прибежал и мастер, с удивлением рассматривавший выбитые буром кирпичные обломки.

Насупившись, Джо ожидал дальнейших распоряжений.



— Ничего страшного, — заверил мастер, — просто подвальная стена, остатки музея Торна.

Джо вспомнил это место. Сам музей сгорел лет пятнадцать — двадцать назад. В памяти всплыла загадочная история — таинственный пожар, случившийся невзвестно по какой причине. Виновного до сих пор не нашли.

Джо сплонул и опять обложил своих боссов. Если они знали о стене, то какого черта отрядили его с буром для мягкого грунта? Джо так убедительно крыл руководство, что мастер обернулся и велел ему заткнуться.

Через несколько минут Джо остался один. Все разошлись, договорившись взорвать стену и пробиваться дальше.

...Бурильная установка чихнула и снова принялась вгрызаться в податливый грунт, только Джо держался теперь подальше от земляной струи. Он потянулся за шлангом, чтобы остудить бур. Внезапно среди комков грунта что-то блеснуло. Общими руками Джо спихнул с конвейера комья, они, развалившись, упали. Джо склонился над ними и вдруг отшатнулся. Из распавшихся на кучки комьев торчали обгоревшие кости и остатки раздробленного черепа. А среди этих останков поблескивали какие-то металлические стержни.

Осторожно, почти не дыша, Джо вытянул ближайший и огрубевшими пальцами стер с него землю. Это оказался кинжал с длинным тонким лезвием и инкрустированной рукояткой.

— Необычный ножичек, — констатировал Джо, — пожалуй, старинный. — Он провел по лезвию большим пальцем и вздрогнул. Лезвие было очень острым. Джо поскреб рукоятку и в полумраке рассмотрел, что вырезана она в форме распятия.

В фигурку распятого Христа влезла земля, она покрывала тело и лицо Спасителя.

Джо огляделся. Никого. Его никто не видел. А он не промах, этот пройдоха Джо. Все как дважды два. Кинжалы плюс кости означали, что здесь произошло убийство. Кто-то закончил свои дни в огне, но если Джо сообщит об этом в полицию, то с кинжалами придется расстаться.

Он совсем позабыл о бурильной установке. Единственное, чего он сейчас хотел, это забрать кинжалы. Один, два, три...

Откинув в сторону кости, Джо счищал с лезвий и рукояток грязь. Он спрятал кинжалы под конвейерную ленту до тех пор, пока не представится возможность унести их отсюда.

Ростовщик, разглядывая кинжалы, неопределенно похмыкал.

— А что если они принадлежали какой-нибудь банде? — предложил он.

Джо тыльной стороной ладони вытер лоб.

— Да ладно, вы же сами видите, что они древние.

Ростовщик пожал плечами.

— Наверняка совсем старинные и уж как пить дать стоят целое состояние, — настаивал Джо.

— Неужели?

В конце концов Джо пришлось уступить. Из своего обширного опыта он хорошо знал, что спорить с ростовщиком значило

попусту тратить время. Джо зажал в горсти кучку помятых банкнот и покинул лавку.

Он скользнул в дождь, на ходу пересчитывая деньги. Их оказалось немного, но все равно это было лучше, чем ничего. Раскапывать погребенные сокровища — до чего же вдохновляющее занятие! Монетка ли случайная, иная ли драгоценность, свалившаяся в сточную трубу, — с этого ведь не взимаются налоги. Хотя за кинжалы ему, конечно, следовало выручить гораздо более солидную сумму. С другой стороны, это был неожиданный презент, небесный дар.

Джо распахнул двери бара. Он был суеверен. Такие деньги хранить нельзя. Либо он их промотает на скачках, либо просто прокутит. Джо взгромоздился на стул и для начала заказал порцию шотландского виски. Затем угостил бармена и своих друзей.

Утром он чувствовал себя так погано, что, пожертвовав своим дневным заработком, счел за благо остаться дома.

Приблизительно месяц провалялись кинжалы, никем не замеченные, в глубине витрины. И вот наконец один из сотрудников аукциона заметил их и купил. Два дня спустя они были выставлены на аукционе. Экспонат назывался «Семь кинжалов», все они — один к одному — красовались на бархате. Семь ликов Христа ослепительно сверкали, а лезвия были отполированы до звездного блеска.

16 Сначала торг никак не удавалось сдвинуть с мертвой точки. Сезон заканчивался, и на аукционе присутствовали всего лишь несколько участников, а «Семью кинжалами» заинтересовался, похоже, лишь один человек, стоявший в конце зала. Всего два раза поднималась цена на кинжалы, прежде чем он купил их.

По дороге домой он поглядывал на свою покупку, завернутую в упаковочную материю. Мысль о ней будоражила в нем любопытство. Что-то необыкновенное не давало ему покоя, но тщетно пытался он вспомнить, что и где читал про эти самые кинжалы несколько лет тому назад.

Добравшись домой, он прошел прямо в свой кабинет и разложил реликвии на письменном столе. Некоторое время смотрел на них, потом поднял ближайший кинжал, пробуя его на вес. Едва холодный металл коснулся ладони, мужчина вскрикнул: лезвие мгновенно рассекло кожу, выступила кровь. Он обмотал кисть носовым платком и зажал кинжал между большим и средним пальцами, так что большой палец пришелся как раз на лик Христа. Медленно приподнял кинжал над лежащим на столе блокнотом и отпустил его. Лезвие пробило блокнот и воткнулось в стол.

Христос на рукоятке вздрогнул. Мужчина выдернул кинжал из стола и принялся разглядывать дырку. Да, это было страшное оружие с треугольным лезвием, и любая рана, полученная от него, заживала бы очень долго. Мужчина направился к книжным полкам. Выбрав три нужных тома, вернулся к письменному столу, устроился поудобней и стал читать, поглаживая рукоятку.



Часом позже мужчина протянул руку к телефону, набрал номер и стал ждать.

— Отца Дулана, пожалуйста, — попросил он и даже не удивился, услышав, насколько взволнованно прозвучал его голос.

Пассажиры, очутившиеся на борту «Боинга-747» рядом со священником, были поначалу несказанно рады этому соседству. Люди в ожидании полета нервничали, и когда массивный самолет, вздрогнув на взлетной полосе Нью-Йоркского аэропорта Кеннеди, поднялся над Лонг-Айлендом в чистое небо и взял курс на восток, они несколько поуспокоились, вслушиваясь в молитвы священника. Но уже через небольшой промежуток времени эти же пассажиры ощутили некоторое беспокойство. Почему священник так суетлив? Чем он так глубоко озабочен? Неужели что-то скрывает от них? Что может находиться в странном свертке на его коленях? Он так вцепился в этот сверток, что не отложил его даже во время еды. Приземлившись в Риме, люди были счастливы, что находятся наконец в безопасности.

На контроле таможенник, извинившись, попросил священника предъявить багаж. При этом он испытал некоторое смущение от того, что был вынужден оказать недоверие человеку в сутане, но другого выхода у него не было. Наркобизнес применял нынче всяческие уловки, и контрабандисты вполне могли выдавать себя за служителей церкви.

Таможенник растерянно заморгал, увидев в сумке священника кинжалы, но не успел он и рта раскрыть, как тот выложил перед ним счет за купленный на чикагском аукционе экспонат.

Пропустив священника, таможенник посмотрел ему вслед, размышляя, что же собирается затеять в Риме этот американский церковный служка с полудожинной кинжалов. Неисповедимы пути Господни, решил он, повернувшись к следующему пассажиру. И тут же забыл об отце Дулане.

В аэропорту священник взял напрокат машину и, несмотря на глубокую ночь, поехал на юг.

Приближаясь к нужной деревушке, он сверился с картой и взглянул на часы. Скоро рассвет. Он зевнул, потянулся и уверенно направил свой юркий «фиат» по деревенской дороге мимо спящих ферм и поселков в сторону местечка Субиако.

Было еще темно, когда отец Дулан затормозил и выключил мотор. Непривычная тишина заставила его вздрогнуть. Священник вышел из машины, осмотрелся по сторонам и взглянул на монастырь — темное, потрескавшееся древнее сооружение, будто выросшее из вершины холма. Обшарпанная, выдавшая виды крыша монастыря четко вырисовывалась на фоне ночного неба.

Пробираясь к зданию, отец Дулан внезапно осознал, насколько древним являлось это место, впервые в жизни его пронзило ощущение времени и истории. Он вдруг отчетливо и ярко представил себе постоянную борьбу добра со злом, веками происходившую на этой брэнной земле, и почувствовал собственную убогость и незначительность.

Отец Дулан застыл в нескольких ярдах от старинной двери.



Перед его мысленным взором пронесли вереницы монахов, дено и ноцно молившихся в этих древних стенах. Священника затопило ощущение непрерывности и бесконечности времени. Он вздрогнул. Никогда в жизни отец Дулан не испытывал столь необъяснимого страха.

Наконец священник толкнул тяжелую дверь, и она со скрипом подалась. Медленными шагами он вошел и легонько постучался во внутреннюю дверь. Она тут же распахнулась, и поначалу отец Дулан не смог ничего рассмотреть, кроме длинного темного силуэта в дверном проеме. Жестом его пригласили войти. Теперь священник заметил, что встретивший его высокий монах был черен, как гарлемская ночь, и носил козлиную бородку. Монах повернулся и пригласил Дулана следовать за ним в маленькую часовню.

Очутившись в часовенке, отец Дулан вцепился в рукоятки кинжалов и принялся оглядываться по сторонам. Он был один. Чернокожий монах удалился.

Почти все пространство часовенки занимал крест, и в полумраке Дулан различил крошечную моленную у противоположной стены. Преклонив колени перед крестом, он вдруг почувствовал, как в часовенку кто-то вошел. Священник обернулся и увидел плотного мужчину лет пятидесяти с широким лбом и орлиным носом.

— Отец де Карло? — прошептал Дулан.

Мужчина кивнул и велел ему подняться с колен. Дулан встал, протянул священнику кинжалы. Он ожидал хоть какого-нибудь объяснения. Но в этот момент за ним вернулся чернокожий монах. Может быть, потом ему что-нибудь и объяснят, а пока он хотел только одного — спать.

Отец де Карло подождал, пока останется один, затем вытащил из свертка кинжалы и, прежде чем положить их на алтарь, пристально оглядел каждый клинок. Он склонился в молитве, благодаря Господа за возвращение кинжалов, древних кинжалов из города Мегиддо, известного в свое время под названием Армагеддон.

Священник поднялся, собрал кинжалы и, достав кожаный кошель, сложил их внутрь. Затем вернулся в моленную, распахнул двери, поцеловал кошель и положил его в центре моленной.

Молча воздал он благодарственную молитву за звездочета Джона Фавелла, сообщившего о дате рождения в Субиако, и за возвращение кинжалов — единственного оружия, способного оборвать жизнь Антихриста.

Уже дважды предпринимались попытки свести счеты с Антихристом, но каждый раз они заканчивались трагедией.

На этот раз неудачи быть не могло, ибо Сын уже шел к ним. А Антихрист все еще жил.

Близился час последней схватки.

## Глава вторая

Высоко над улицами Чикаго, в маленькой комнатке, где на одной из стен висел экран, а занавески на окнах были чуть приподняты, в полумраке расположились несколько молодых

людей. Один мужчина беспрерывно курил, другой, то и дело хватаясь за спинки кресел, расхаживал по комнате. Третий грыз ногти. Громко и как-то бестолково они переговаривались друг с другом и постоянно хихикали. Переполюнявившее их возбуждение ощущалось почти физически.

Дверь открылась, и луч света из коридора ворвался в комнату.

На пороге стоял Дэмьен Торн — председатель совета директоров. Стройный брюнет шести футов роста. Недавно в одном из влиятельных журналов Дэмьен был представлен как завидный жених, входящий в тройку наиболее изысканных и могущественных холостяков Западного мира. Не достигнув тридцати трех лет, он являлся основным держателем акций «Торн Корпорейшн» и, конечно же, одним из богатейших людей на Земле.

В сопровождении своего помощника Дэмьен Торн проследовал в комнату.

— Господа! — обратился он к присутствующим.

— Дэмьен! — хором подхватили те, пока Торн лавировал между ними к своему месту.

— Вы все знаете Харвея Дина.

Дин кивнул в знак приветствия — каждому в отдельности. Худощавый, щегольски одетый сорокалетний мужчина, он будто испускал особую энергию. Взгляд Дина то и дело перебегал с одного человека на другого. Каждый считал своим долгом улынуться Дину, ибо именно Харвей Дин являлся своего рода сторожевым псом председателя. Кто-то из директоров пошутил однажды, что Дин для Дэмьена все равно что Борман для Гитлера.

Торн и Харвей уселись и подождали, пока остальные займут свои места. Дэмьен легонько хлопнул в ладоши, и свет погас. Люди начали шуриться, осваиваясь в темноте.

Дэмьену Торну, рожденному самкой шакала, не нужно было привыкать к мраку.

Спустя мгновение засветился экран. Вот на нем сверкнула молния, освещающая пустынный пейзаж. Присутствующие внимательно вслушивались в голос диктора, доносящийся с экрана:

«Пятьдесят тысяч лет тому назад человечество впервые столкнулось с ужасной угрозой собственной гибели...»

Дэмьен почесал за ухом.

«Опустошение, вызванное природой. Ледниковый период. Он длился пять тысяч лет. За это время четыре пятых поверхности планеты превратились в необитаемые земли. Ледник подмял под себя всех, кроме наиболее приспособленных живых существ».

На экране появилась пещера с примитивными рисунками.

«Одним из этих выживших существ был Человек, — продолжал диктор, — посреди ледяной пустыни зарождалась новая эра и новая надежда. Слово Феникс, человек восстал из страшной мерзлоты и холода и устремился к своей мечте».

Теперь по экрану пробежали кадры, запечатлевшие уничтоженную засухой плантацию.

«С тех пор человечество пережило множество катастроф, но ни одна из них не была безнадежней той, что угрожает ему ныне.



Экологический кризис последних десятилетий коснулся всех уголков земного шара. Он принес человечеству инфляцию, голод и хаос».

Дэ́мьен облизнул нижнюю губу. Мужчина, сидящий сзади, подмигнул своему соседу и толкнул его локтем.

«Некоторые считают это Великим Отступлением, — сообщал далее диктор, — другие называют Армагеддоном — последней битвой согласно предсказаниям древних пророков. Но вот в этом пессимистическом хоре раздается один голос, выражающий надежду на будущее. Это голос Торна...»

Когда по экрану поползло изображение здания «Торн Корпорейшн», все присутствующие поудобней устроились в своих креслах. Это был сверкающий небоскреб, взмывший в ночное небо. Огромные светящиеся буквы сливались в единую гигантскую литеру.

«Там, где свирепствуют голод или болезни, «Торн Корпорейшн» первой появляется на месте несчастья...»

На экране мириадами лампочек вспыхнула карта мира, каждый огонек указывал, что и на эту точку распространяется влияние «Торн Корпорейшн».

«...ведя беспощадную войну с нуждой, снабжая своими ресурсами, технологиями и проектами, которые не только помогают облегчить страдания, но и закладывают основу для будущего всеобщего процветания».

Наступила короткая пауза, потом снова зазвучал голос другого диктора.

«Торн» — это обнадеживающий луч света в деле строительства завтрашнего рая».

Рекламный ролик закончился.

Присутствующие затаили дыхание, боясь пошевелиться и тем самым выдать свое волнение.

— Ну и как? — наконец поинтересовался один из зрителей.

— Все абсолютно ясно, как дважды два, — негромко произнес

Дэ́мьен.

Все, за исключением Дина, рассмеялись.

Дэ́мьен встал и окинул взглядом присутствующих.

— Думаю, что телезрители вряд ли обратят внимание на эту ханжескую белиберду.

Это заявление повисло в воздухе, а служащие заерзали на своих местах.

— Я же говорил, что мне необходимо действие, а не слова. Я хочу видеть, как работает Торн, а не слышать об этом.

Головы присутствующих поникли, сидящие избегали встречи со взглядом Дэ́мьена.\*

— Тысячи голодающих детей, требующих сою компании «Торн Корпорейшн». Целый штат медиков компании за работой. Строительный размах Корпорации. Технические сооружения.

Дэ́мьен помедлил и обратился к человеку, прервавшему молчание после просмотра рекламы.

— Вместо этого вы добрую половину ролика тратите на низко-сортные рассказы о ледниковом периоде.

Колкий упрек задел служащего, он слегка поежился в своем



пятисотдолларовом костюме. «Уйма времени, — рассуждал он про себя, — целая куча денег, творческие усилия — и все ради чего? Чтобы в один прекрасный момент почувствовать себя рыбой на крючке?»

Дэмьен повернулся к своему помощнику:

— А не отснято ли что-нибудь об оказании помощи во время австралийской засухи?

Дин утвердительно кивнул и добавил:

— Но там нет ничего особенного, почти все было показано по телевидению.

Дэмьен снова обратился к человеку, снявшему рекламный ролик:

— Хорошо, мы что-нибудь найдем для вас. А пока продолжайте работу над старым роликом. Этот мне не нужен... — Он жестом указал на потухший экран. — Этот вообще не выйдет.

С этими словами Дэмьен прошел между служащими, Дин следовал за ним.

— До свидания, мистер Торн, — попрощались собравшиеся, но ответа не последовало.

Дэмьен устремился в свой кабинет.

— Ну и что мы имеем на сегодняшний день? — спросил он Дина, когда тот нагнал его.

— Ботсвана — на следующей неделе, затем Асуанская плотина — в конце месяца.

Дин задумался. Ботсвана являлась проблемой. Но команда, внедрившаяся в эту страну, уже предсказывала, что переворот может произойти в ближайшие три-четыре дня. Начнется неразбериха. Надо будет прокормить тысячи беженцев. Что же касается Асуанской плотины, то приготовления по проведению этой операции еще продолжались, однако имелись все шансы на успех. Ведь у них работали лучшие взрывники. Да и Поль Бухер — президент Корпорации — сам занимался этим проектом. А у Бухера редко случались сбои.

— Сможем ли мы вовремя доставить в Ботсвану фильм?

— Определенно, — заверил шефа Дин, — но до переворота мы не вправе забрасывать туда наши спасательные команды, а никто не знает, как будет протекать эта заварушка и сколько она займет времени.

Дин проследовал за своим боссом в кабинет и прикрыл дверь, скользнув напоследок оценивающим взглядом по внутреннему убранству только что пройденных залов. Как любой новичок, он предполагал увидеть здесь хром и сталь, стекло и кожу, короче, что-то сугубо мужское, и был поражен, заметив, что стены обшиты деревом, стулья — какие-то старомодные, а инкрустация стола являла собой сценки из охотничьей жизни. Вся атмосфера кабинета напоминала о старых добрых временах и располагала к неге.

Однажды Поль Бухер отпустил в адрес Дэмьена шпильку, предложив тому примерить напудренный паричок и шелковые панталоны, дабы соответствовать интерьеру. Разумеется, только Бухер мог отважиться на подобную вольность, хотя даже он — второй человек в компании — весьма редко шел на такой риск.

Поначалу он хорошенько прикидывал в уме, в каком настроении сегодня Дэмьен, и уж затем мог позволить себе что-то в этом роде. Он никогда не выделял подобных фокусов за спиной у босса, как и не принимал никаких важных решений без одобрения Дэмьена. Это правило он постиг давно, двадцать лет тому назад, когда работал еще на Ричарда Торна — тогдашнего президента компании.

Дэмьен обошел письменный стол и, пройдя к окну, уставился вверх чикагских крыш.

— О'кей, пусть будет плотина. Ты сможешь обеспечить необходимый контингент наших людей, когда заварится каша?

Дин кивнул.

— И удостоверься, чтобы основной фронт работ остался-таки за нашими спасателями. Чтобы никакой там Красный Крест их не обскакал.

Дин улыбнулся и подошел к Дэмьену. У него созрел план.

— А почему бы тебе не отправиться туда собственной персоной? Вот это рекламка: Дэмьен Торн лично руководит спасательными работами.

Дэмьен, усмехаясь, покачал головой:

— Мне придется остаться здесь.

— Но зачем? — Дин никак не мог отыскать причину отказа. Оставаться на месте его шефу было, похоже, незачем.

— Чтобы быть под рукой, когда меня вызовет президент.

Подобное заявление из каких угодно уст прозвучало бы абсурдно и претенциозно. Но только не из уст Дэмьена Торна. Оно, возможно, и смахивало на своеобразную шутку, однако Дэмьен Торн не имел привычки шутить.

— Он собирается предложить мне пост посла в Великобритании.

Дин заморгал и пожал плечами. Так и не сумев найти подходящего слова, он наблюдал, как Дэмьен направился в сторону книжных полок, рядами выстроившихся вдоль стены.

— Ты что-нибудь слышал о Хевронской книге?

— О какой книге? — Ну вот, сперва Великобритания, теперь Хеврон. Этот человек говорит загадками.

Дэмьен тем временем снял с полки томик:

— Хевронская книга — одно из апокрифических писаний. «И придет время, — прочитал он, — когда в конце лет зверь будет править дюжину сотен и тридцать дней и ночей, и воскликнул верующий: Где ты, Господи, во дни торжествующего зла?

И внемлет Господь их молитвам, и с острова Ангелов призовет Он Освободителя, святого Агнца Божьего, который сразится со зверем... и сотрет его с лица Земли».

Дэмьен захлопнул книгу.

— «Зверь будет править дюжину сотен и тридцать дней и ночей» — довольно образная интерпретация срока моего пребывания на посту главы «Торн Корпорейшн». «И с острова Ангелов Господь призовет Освободителя». — Дэмьен помедлил. — «Остров Ангелов». — Потом пожал плечами. — «Англия».

Дин нахмурился, пытаясь собрать воедино все эти загадки;



неохотно и как-то болезненно сознание его пыталось выстроить неведомую цепочку.

— Только не зверь будет стерт с лица Земли,— произнес Дэмьен,— уничтожен будет Назаретянин.

Это уже слишком! Чтобы переварить подобное, требовалось немыслимое усилие. Мозг Дина противился информации, как будто в него был впаян некий запретный механизм.

— Так что же там насчет посла в Великобритании? Человека, который сейчас в Лондоне?

Дэмьен расплылся в улыбке. Эта улыбка и послужила единственным ответом на заданный Дином вопрос. До поры до времени.

### Глава третья

Преследование, казалось, длилось уже целую вечность, и он окончательно выбился из сил. Дыхание прерывалось. Ноги отяжелели. Когда он попытался кашлянуть, его стошнило.

Спотыкаясь, он брел сквозь пустыню и не отрывал взгляда от маячащих на горизонте деревьев: покачиваемые легким ветерком ветви словно манили его, подбадривая, призывали двигаться вперед, к спасению. Но он знал, что никогда не доберется до деревьев. Он понимал это изначально, но продолжал плестись, хотя ноги его уже с трудом отрывались от земли. Как будто завязли в патоке.

Он слышал, как она тащила за ним, ощущал ее омерзительное зловоние, но не мог оглянуться. И даже тогда, когда влажное и горячее дыхание твари обожгло ему спину, подернутые пеленой глаза продолжали смотреть вперед. Внезапно раздалось клацанье челюстей, и он почувствовал боль в спине. Вскрикнув, он взмахнул руками, и чудовище отпрянуло, когтями разодрав ему кожу. Он снова закричал, но опять его горло не исторгло ни звука. Он упал на колени, тут же попытался подняться, но зверь накинулся на него. Тогда он попробовал свернуться в клубок, но чудовище уже вгрызлось в его живот острыми клыками, вспарывало тело, в какой-то момент он чуть было не задохнулся от смрада этого зловонного монстра.

И тут он попытался зажмурить глаза, но не смог. Он продолжал сражаться за свою жизнь. На костях чудовища не было ни плоти, ни шерсти, это был скелет с голым черепом.

Он ухватился за клыки, пытаясь разомкнуть их, но сил не хватало. Каждой клеточкой он ощущал, как жизнь постепенно уходит из него, просачиваясь сквозь пыль и песок; он наблюдал как бы со стороны, как его на части разрывают чудовищные когти, а жуткие клыки вгрызаются в пах...

С истошным воплем он проснулся.

— Эндрю! — Жена обхватила его за плечи, пытаясь уложить спиной на подушку.

Какое-то время он пробовал сопротивляться, потом повернулся и уставился на ее застывшее в напряжении лицо.

— Ты себя нормально чувствуешь?

Эндрю кивнул и попробовал заговорить, но едва смог пролепетать что-то невнятное.



— Может быть, тебе лучше показаться докто...

— Нет! — Он ожесточенно замотал головой, потом попытался ободряюще улыбнуться, но вместо улыбки лицо исказила вымученная гримаса. — Все в порядке. Со мной все в полном порядке. Извини. Спи.

Окончательно расстроившись, жена повернулась на другой бок и закрыла глаза. Эндрю дождался, пока ее дыхание станет ровным, и выскользнул из постели. Обнаженный, он на цыпочках пересек комнату, зажимая свой израненный живот. Никогда бы Эндрю не решился рассказать об этом жене. Ее всегда привлекала его сила, и вряд ли сумела бы жена вынести и простить его слабость. Если бы Эндрю все-таки попытался посвятить ее в весь этот кошмар, жена бы точно решила, что он свихнулся.

Он шагнул в душ, пустил струю воды, наблюдая, как кровь заструилась по ногам, и чувствуя, как когти впиваются в его спину. Эндрю слегка коснулся раны на животе. Во время схватки тварь все время метила своими чудовищными клыками прямо в его пах, будто получая от этого особое удовольствие. Эндрю рассмеялся про себя, выключил душ и облачился в халат.

Вернувшись в спальню, он откинул простыню и уже было собрался рухнуть в постель, но тут лицо его исказилось гримасой отвращения. На том самом месте, где он лежал всего несколько минут назад, находилась кровавая куча шакальих экскрементов.

Эндрю оставалось только надеяться, что Эйлин не пошевелится во сне. Вряд ли она перенесет весь этот ужас. Он опустил простыню на прежнее место и вышел из комнаты, собираясь пройти в кабинет и уснуть на кушетке. Может быть, там, на этой кушетке, зверь оставит его наконец в покое. До конца ночи.

Самым светлым моментом в жизни Эндрю Дойла была утренняя прогулка по Гайд-парку. Она несла в себе желанное освобождение от письменного стола, телексов и всей той утомительной кутерьмы, которой до отказа забит его день.

За последний год такая прогулка превратилась в устойчивую привычку. Один из престижных журналов даже поместил на своих страницах статью под названием «День из жизни посла Соединенных Штатов». Эндрю вспомнил, как вскинулись секретные службы, прочитав этот материал. Ух, как они там кипятились, разъяренные подробной информацией о расписании и маршруте объекта их пристального внимания! Статья спутала им все карты, усложнив наблюдение. Хотя, с другой стороны, у этой организации всегда находился повод пожаловаться на что-нибудь.

Эндрю взглянул на аллею, раскинувшуюся в северной части парка. Впереди, примерно в двадцати ярдах от посла, шагал один из его телохранителей. Другой должен находиться на таком же расстоянии сзади. Эндрю вдруг улыбнулся, прокрутив в мозгу некоторые воспоминания. Как ему поначалу льстило, что у него появились телохранители. Однако позже это начало раздражать, ибо таило в себе и определенные неудобства. Эндрю понадобилась уйма времени, чтобы привыкнуть к личной охране. Но сейчас толку от них никакого не было. Они ведь не имели ни

малейшего представления о тех кошмарах и галлюцинациях, что мучили Эндрю в последнее время. А если бы он им про все это рассказал, ребята попросту решили бы, что он сошел с ума.

Собака стояла на дороге, ведущей к аллее, и пристально вглядывалась вдаль. Черный, с массивными клыками и желтыми пронзительными глазами зверь застыл в ожидании. Он был без ошейника. Не мигая, стояло это изваяние, твердо упревшее в землю лапы. Другие собаки предпочли держаться подальше от этого монстра, да и у детей не возникло желания приласкать жуткого пса.

Собака наконец дождалась того, кого выслеживала. Она запрокинула морду, потрусила вверх по склону, не оставляя следов, и вскоре скрылась в кустах.

Доыл медленно брел по парку, оглядываясь по сторонам и наблюдая за происходящим. Он улыбнулся, заметив, как спящие по веткам бука серые воробьишки выпрашивали у прохожих еду. Группа японцев, непрерывно щелкавших фотоаппаратом, окружила одну из скульптур. Двое мужчин невдалеке спиливали засохшее дерево.

Доыл вдруг резко остановился и обернулся. Это произошло так внезапно, что шедший сзади подросток неожиданно налетел на него.

— Мистер, лучше смотрите себе под ноги!

Эндрю не обратил на мальчишку никакого внимания. Он только вздохнул, покачал головой и возобновил прогулку. Затем на мгновение прищурил глаза, а когда вновь открыл их, то сразу же заметил, что охранник, шедший впереди, исчез. Ему вдруг показалось, что опустел весь парк. Эндрю вздрогнул, ощутив внезапно налетевший ветер, стремительные порывы которого раскачивали деревья, скрипевшие и стонавшие. Он посмотрел направо, потом перевел взгляд на вершину холма, надеясь, что вот-вот кого-нибудь заметит. Но ничего не произошло.

Доыл ускорил шаг, пытаясь подавить волнение и желание пуститься наутек, но в это мгновение услышал сзади хрип и знакомое гнусное урчание. Еще немного, и он почувствовал мерзкое зловоние...

— Боже, помоги мне, — прошептал Доыл. Ветер усилился, и Эндрю обхватил себя за плечи, с трудом продвигаясь вперед. Боль овладела всем его телом.

— Боже, пожалуйста, — вновь еле слышно пробормотал Эндрю и бросился бежать. Ноги его отяжелели, будто увязая в грязи. Словно в ответ на молитву Эндрю, всего в пятнадцати ярдах от него показался на повороте раскрашенный фургончик, и толстый продавец улыбнулся послу. Доыл замедлил бег и уже шагом направился к фургончику, на ходу приглаживая волосы и пытаясь выдавить хоть какое-то подобие улыбки. Сейчас он купит себе гамбургер. Он не брал в рот ни одного со студенческих времен, однако вкус их помнил. Конечно, это дрянная еда, но он съест их с горчицей, кетчупом и луком. Черт с ним, с этим луковым запахом изо рта, да и со всеми посольскими посетителями вместе!



Попросив гамбургер, Эндрю обрадовался, что голос его не дрожит.

— Минуточку, сэр. — Продавец за прилавком склонился, намереваясь достать булочку. Дойл посмотрел вокруг и заглянул в кусты, размышляя при этом, какотреагирует его язва на лук и кетчуп.

Когда он снова повернулся, фургончик исчез. Вместо него Дойл увидел череп, таращившийся на него пустыми глазницами, и почувствовал смрадное дыхание.

— О Господи! — Посол споткнулся и бросился бежать. Он стремительно несся назад по той же дороге, что привела его сюда, не обращая внимания на удивленного продавца. Хозяин фургончика еще с минуту вглядывался в удаляющуюся спину странного покупателя, затем выругался на огромного пса, столкнул с прилавка его лапы и бросил булочку назад в ящик. Некоторое время он наблюдал, как пес беззвучно поднимается вверх по склону, затем пожал плечами и отвернулся.

А Эндрю Дойл уже никого не видел. Все, что происходило теперь с ним, было рождено его воспаленным воображением: его окружали хищники с острыми клыками; эти твари питались падалью, вгрызаясь в останки когда-то живых существ.

Гены.

Стервятники.

Шакалы.

Очувшись возле своего автомобиля, Дойл чуть не задохнулся, но остановиться не смог. Не обращая ни малейшего внимания на приветствие шофера, он помчался в сторону Парк-Лейн. Здесь было оживленное движение. Три потока машин двигались к северу по направлению Марбл-Арч: автомобили, грузовики, такси и туристические автобусы будто выбрали эту дорогу для гоночного трека, то и дело пытаясь обогнать друг друга.

Дойл шагнул в этот сумасшедший поток, не слыша ни заскрежетавших тормозов, ни злых окриков. Живой и невредимый, он добежал до барьера, перешагнул через него и слепо побрел в противоположную сторону, снова и снова протискиваясь между бамперами, пока наконец не добрался до тротуара. По тротуару Дойл устремился к Дорчестеру, затем задними улочками к площади Гросвенор.

Он взбежал по ступеням, ворвался в дверь посольства, не слыша приветственного оклика охранника, промчался мимо стола секретарши. Та, улыбувшись, встала со своего места и открыла было рот, чтобы передать последние сообщения, но Дойл распахнул дверь в свой кабинет, захлопнул ее за собой и бросился к столу, с трудом переводя дыхание.

Вид массивного стола из черного дерева, герб Соединенных Штатов, висящий на стене, а также два свернутых флага, казалось, привели его в чувство. Вот оно — его рабочее место.

Постепенно спокойное дыхание вернулось к нему. Тогда Эндрю направился в ванную. Там он досчитал до пятидесяти, провел руками по волосам и прижал большие пальцы к вискам. Тихонько напевая, он пустил холодную струю, набрал полные



пригоршни воды и плеснул себе в лицо, затем потянулся за полотенцем и взглянул в зеркало.

Из зеркала на него уставилась тварь из ночного кошмара.

Эндрю отшатнулся, его широко открытые глаза пристально смотрели в зеркало. Через несколько секунд Эндрю отвернулся от черепа чудовища, в пустых глазницах которого пульсировали вены.

Он вдруг осознал, что ему больше никуда не спрятаться от этого кошмара.

Он медленно направился в кабинет. С минуту постоял возле письменного стола, уставившись в стену. Потом протянул руку к кнопке на столе и нажал на нее.

Тут же раздался ответ:

— Пресс-офис.

— Это посол. — Дойл говорил ровным безжизненным голосом. — Я хочу провести в своем кабинете конференцию в три часа.

— Но, господин посол, вы же назначили конференцию на завтра, на десять утра.

Дойл взглянул на большой герб и снова пригладил волосы.

— Господин посол?

— В три часа в моем кабинете, — повторил Дойл и отключил селектор.

Сев за стол, посол уставился в пространство, затем потянулся к одному из ящиков и вытащил ружье. Прищурился, рассматривая его, приподнял, оценивая на вес, заглянул в магазин. Губы посла беззвучно двигались в молитве. Он положил оружие на стол, вытащил из пишущей машинки катушки и принялся раскручивать ленту. Продолжая ее разматывать, он встал и направился к двери. Дойл аккуратно замотал ею ручки больших распахивающихся дверей, уверенной походкой вернулся к письменному столу, посмотрел на ружье и сел. Потом взглянул на часы.

Очень скоро все кончится. Кошмаров больше не будет.

Кейт Рейнолдс расплатилась с таксистом и поспешила к ступеням парадного входа в посольство. Она испытывала облегчение от того, что выбралась наконец из такси. Водитель оказался редкостным болтуном: моментально узнав ее по телевизионным передачам, он с развязной фамильярностью телезрителя всю дорогу называл ее не иначе, как Кейти. Еще минут пять, и он сподобился бы позвать ее на обед.

На входе Кейт предъявила свое удостоверение, и ее проводили наверх, в приемную посла. Там журналистка расписалась в книге: «Кейт Рейнолдс, Би-би-си», — и ее пропустили.

Кейт узнала среди посетителей множество журналистов, в том числе и дипломатический корпус из национальной прессы, репортера из Ай-Ти-Эн, а также своих коллег, стоящих у окна. В приемной царил атмосфера томительного ожидания, все до одного терзались вопросом, что же происходит. Еще не было случая, чтобы к послу вызывали так срочно и внезапно. Никаких видимых и очевидных причин для этого не было.

Журналистка, как и другие ее коллеги, ерзала от профессионального любопытства. Как только секретарша объявила, что посол готов их принять, она потихоньку стала продвигаться к дверям.

Кейт держалась позади секретарши, когда та потянула за ручку двери. Дверь почему-то не поддавалась. Кейт взялась за дверную ручку, и обе женщины потянули сильнее. Дверь распахнулась, и Кейт мельком заметила привязанную изнутри ленту от пишущей машинки; лента протянулась через ковер к столу. Посол коленями зажимал направленное вверх дуло ружья.

Лента натянулась, и у Кейт чуть было не остановилось дыхание от оглушительного грохота. Она успела разглядеть, как тело вздрогнуло, будто его дернули за веревку, голова откинулась назад, половина лица разлетелась, а стена позади обогрилась кровью.

У Кейт подкосились ноги, но она продолжала смотреть на Дойла. Тело посла начало заваливаться вперед, левая нога дергалась в конвульсиях, один глаз уставился на посетителей, другой был выбит — лицо Дойла невозможно было узнать. Осколки черепа оставили жуткие следы на стене, кровь залила висящий там же герб.

Тело посла все еще шевелилось. Кейт, как пригвожденная, застыла на месте. Вокруг раздавались стоны и крики ужаса. За секунду до того, как ее сознание затуманилось, Кейт успела подумать, что это был исключительно садистский способ свести счеты с жизнью.

#### Глава четвертая

Смерть Эндрю Дойла породила массу сплетен. Весь штат посольства был скрупулезно допрошен. Одна из газет предлагала свою версию происшедшей трагедии: сотрудник какой-то мнимой террористической организации тайно проник в кабинет Дойла, напичкал посла наркотиками и привязал ленту к ружью. Однако другие версии были еще похлеще. «А почему бы и нет, — оправдывались авторы самых невероятных предположений, — если несколько лет тому назад прямо в центре Лондона среди бела дня отравленным зонтиком был заколот болгарский гражданин?»

Для многих же ключа к разгадке и вовсе не находилось. Дипломатическая карьера Дойла приближалась к концу, его ожидала прекрасная пенсия. Брак был вполне удачным. Жена не могла дать мало-мальски толковых объяснений. К тому же она предпочла умолчать о его криках по ночам, ибо каким-то образом ощущала свою вину, свою молчаливую причастность к неразделенной трагедии мужа. Но для нее, как и для всех остальных, гибель посла оставалась тайной.

В тот самый момент, когда тело Дойла поднимали на борт самолета — ибо похороны должны были состояться непременно в Вашингтоне, — Дэмьен Торн находился в Белом доме. Он стоял возле письменного стола в Овальном кабинете и дожидался президента, который разговаривал по телефону. Дэмьен был в прекрасной форме и превосходно себя чувствовал.



Торн кончиками пальцев коснулся стола, осознавая, что находится практически в самом сердце политической власти. Именно здесь в свое время Кеннеди «сцепился» с Хрущевым по вопросу о Кубе; здесь кончалась неудачная карьера Никсона и Киссинджера, в этих стенах Картер горевал о заложниках в Тегеране. Но с проблемами, которые возникли перед нынешним владельцем кабинета, не приходилось сталкиваться ни одному из его предшественников.

— Назовите мне любую страну, — заявил однажды президент, — и вы тут же столкнетесь с какой-нибудь проблемой. Пусть даже не с революцией или чем-то в этом роде. Любая заварушка может оказаться следствием более сложной проблемы. Арабы убивают друг друга в Лондоне и Париже. НАТО одолевают собственные заботы, которые эхом отзываются даже в обычно спокойных Скандинавских странах, не говоря уже о горячих точках от Белфаста до Тегерана или от Майами до Кабула. Оружие везде наготове, равно как и те, кто жаждет крови.

Как всегда, на Ближнем Востоке царил полная неразбериха, пальба там не стихала. Люди жили в постоянном напряжении, даже старость наступала раньше. А теперь еще и плотина взорвалась. Последствия этой трагедии были устрашающими.

Дэмьен чувствовал себя в своей стихии, будто этот кабинет был его собственной резиденцией. Он принялся рассматривать портрет Джона Кеннеди, висящий на стене. Многие репортеры давно обратили внимание на внешнюю схожесть Дэмьена с семейством Кеннеди, в особенности с Робертом. И они так часто использовали это сходство в своих материалах, что давно уже превратили его в клише.

Конечно, некоторое сходство действительно существовало. Дэмьен, правда, был более темноволосым, чем Роберт Кеннеди, но обоим было присуще мальчишеское очарование, пленяющее как женщин, так и мужчин. Роберт Кеннеди, как и Дэмьен, пользовался успехом у самых очаровательных женщин. Оба были богатейшими и могущественными людьми. Карьера Кеннеди стала легендой. Теперь наступила очередь Дэмьена.

Торн резко повернулся и взглянул на президента. Тот пожал плечами, как бы извиняясь, что телефонный разговор затянулся.

— Я знаю, — говорил президент утомленным голосом, — но не сделаю никаких заявлений ни для него, ни для кого бы то ни было. Это только усугубит ситуацию. — Он забарабанил пальцами по столу. — И, пожалуйста, удостоверьтесь, чтобы телеграмма звучала нейтрально: «Президент выражает соболезнование» и т. д. Перед тем как отправить, дайте мне взглянуть на нее.

Он положил трубку и откинулся на спинку стула — солидный и уставший мужчина, изрядно поседевший за последние шесть месяцев.

— Вы можете поверить в это? — обратился он к Дэмьену. — Египетская оппозиция, видите ли, желает, чтобы их ноту протеста против плотины мы передали Израилю. А откуда мы можем знать, виновен ли в этом Израиль?

Дэмьен согласно кивнул.



— Сдается мне, что это работа НФО,— заметил он.

Президент недоуменно уставился на него.

— Нубийский Фронт Освобождения,— пояснил Дэмьен.— Это вполне проамериканская группировка, которая с самого момента построения плотины точит зуб на Каир. Они заявляют, что плотина отняла у них пятьдесят процентов родной земли. Кстати, так оно и есть в действительности. Если помните, сэр, во время сооружения плотины проводилась потрясающая операция по спасению бесценных статуй.

— Ах да,— уклончиво проговорил президент.

— Рамзес Второй,— подсказал Дэмьен.— Это был грандиозный успех с точки зрения археологов, но жизнь сотен тысяч нубийцев, оставшихся без крова, он никоим образом не улучшил.

— Но ведь было обращение ООН, не так ли? — поинтересовался президент.

— Правильно, сэр.

Президент наклонился вперед.

— Откуда у вас эта информация?

— Одна из наших спасательных команд находилась в это время там. Еще до того, как появились египетские спасательные отряды. И они собрали воедино обрывки сведений, которые услышали от местных жителей.

— Я хотел бы увидеть их отчет.

— Но, как вы понимаете, это совершенно неофициально.

Президент кивнул.

— Едва ли необходимо упоминать о том, что если мы докажем непричастность Израиля к этой трагедии, то сумеем избежать колоссального скандала.

Дэмьен помедлил, как бы взвешивая в уме слова президента.

— Сначала я проверю все это сам,— объявил он.— Не хотелось бы передавать в Белый дом фальшивую информацию. Что касается другого вопроса, боюсь, мне придется отказаться от права контролировать «Торн Корпорейшн», и я...

— Ни в коем случае,— оборвал его президент.— Об этом мы позаботимся.

Дэмьен изобразил на своем лице удивление:

— Но это же противозаконно...

Президент улыбнулся.

— Ну, тогда мы слегка подправим закон,— попытался он закончить беседу.

— Есть еще два условия,— продолжал Дэмьен, глядя прямо в глаза президенту.— Во-первых, я бы хотел занять эту должность только на два года, до выборов в сенат.

Президент согласно кивнул.

— Во-вторых, мне бы хотелось возглавить Совет по делам молодежи ООН.

Президент нахмурился. Вот здесь он собирался поторговаться. С какого перепугу Торну приспичило завладеть этим постом? И вдруг его осенило. Дэмьен постоянно произносил нескончаемые речи о молодежи. Чрезвычайное пристрастие к молодым было похоже на душевное заболевание, ибо никто не мог объяснить его причины. Возможно, оно явилось следствием воспита-

ния. Отец Дэмьена был убит при кошмарных обстоятельствах, когда мальчику было всего шесть лет. Потом бесследно исчез дядя, воспитывавший ребенка. Видимо, все эти трагические события оставили в душе мальчика глубокий след.

Но просьба Дэмьена была неудобна со многих точек зрения. Президент покачал головой:

— Я уже обещал этот пост Фостеру.

— Я понимаю ваши затруднения, — продолжал Дэмьен, все еще пристально глядя в глаза президенту. Какое-то время тот удерживал взгляд, затем отвернулся и взял в руки блокнот. И тут Дэмьен понял, что выиграл.

— Так как там — Н, Ф...? — начал президент.

— О, — подсказал Дэмьен, — Нубийский Фронт Освобождения.

Президент пометил что-то в блокноте, затем нажал на кнопку селектора.

— Сандра, пришлите, пожалуйста, Крейга и не забудьте о билетах на субботний спортивный праздник. — Президент взглянул на Дэмьена. — Не хотите присоединиться к нам? Моя жена и детишки тоже собираются пойти на соревнования.

Дэмьен покачал головой:

— К сожалению, я занят весь день.

— Сандра, пять билетов так и остаются.

Как только президент отключил селектор, раздался легкий стук в дверь, и на пороге показался молодой человек.

— Крейг! — Президент кивком поздравил его. — Я хочу, чтобы вы познакомились с нашим новым послем при английском королевском дворе — с Дэмьеном Торном.

Молодой человек протянул руку для пожатия.

— И попросите, пожалуйста, Эйзенберга подготовить для прессы сообщение.

— Сю минуту, господин президент.

Молодой человек направился к выходу, а Дэмьен с обескураженным видом повернулся к президенту.

— Ах да, Крейг, — спохватился тот, — не могли бы вы там же добавить, что господин Торн назначается президентом Совета по делам молодежи при ООН.

Крейг обернулся. На его лице застыло крайнее удивление.

— Но, я думал...

— Пожалуйста, сделайте то, что я сказал, — раздраженно оборвал его президент.

— Конечно, господин президент.

Президент дождался, когда его помощник выйдет из комнаты, затем повернулся к Дэмьену. На лице его играла улыбка, знакомая миллионам американских телезрителей. Он поднялся со своего кресла и протянул Дэмьену руку.

— Ваш отец гордился бы вами, Дэмьен.

Конечно, президент намекал на то, что отец Дэмьена, являясь одним из наиболее уважаемых послем в Великобритании, радовался бы назначению своего сына на этот пост, что само по себе это назначение в некотором роде сглаживало кошмарные воспоминания, связанные с гибелью Роберта Торна.

Однако Дэмьен резко перебил говорящего.



— Я ценю ваши соболезнования, сэр, — заявил он, пожимая руку президенту.

Они улыбнулись друг другу. И тут президент внезапно почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Перед ним стоял невероятно уверенный в себе человек. Будто этот кабинет принадлежал Дэмьену, а президент был всего-навсего гостем. И пока президент провожал взглядом выходящего из кабинета Дэмьена, он осознал, что Торн ни разу не упомянул имени Эндрю Дойла. Все остальные как-то выразили свое потрясение или соболезнования. От Дэмьена он не услышал ничего подобного. Будто бывшего посла и вовсе никогда не существовало.

### Глава пятая

Харвей Дин прищурившись смотрел на стюардессу, склонившуюся над ним. Девушка разъясняла пассажирам, что пора отстегнуть ремни безопасности. Дин попросил мартини, откинулся в кресле, мельком глянул на Дэмьена, погруженного в чтение романа, достал свой кейс и расслабился. Обычно он редко занимался самоанализом, хотя время от времени все-таки оглядывался на прожитые годы и прикидывал, на какие высоты занесла его нелегкая. Сейчас был как раз такой момент. Дин находился на борту авиалайнера, принадлежащего Торну. Это был самолет, способный без посадки пересечь Атлантику. К тому же он был изнутри настолько роскошный, что пассажиры, при известной доле воображения, могли представить себе, будто находятся, например, в отеле «Савой».

32 Дин взял мартини, поблагодарил стюардессу и принялся смаковать напиток, который оказался превосходным, как раз то, что надо: особо сухой с джином. Дин считал себя удачливым человеком. Он прекрасно знал свои сильные и слабые стороны, что само по себе уже было преимуществом. К своим слабостям он относил неспособность понимать людей. Его представления о человеческой природе были смутными, он не разбирался в мотивах поведения того или иного человека, постоянно удивляясь, как по-разному реагируют люди на определенные явления. Но вот уловить суть какой-нибудь проблемы он мог за считанные секунды. У него были сверхъестественная хватка в области бизнеса и прямо-таки пророческий дар, если дело касалось важнейших советов. Дин обладал также острейшим чутьем на неприятности: чуть где запахнет жареным, он уже держит нос по ветру.

Именно благодаря этим способностям восемь лет назад Дина пригласили из Гарвардской школы бизнеса в директорат крупнейшей транснациональной компании. Дин с точностью мог припомнить мельчайшие детали своей встречи с Полем Бухером. Он с благодарностью тогда принял приглашение на обед. А Бухер перешел прямо к делу. Сотрудники «Торн Корпорейшн» были приятно поражены стилем работы Дина. Внимательно просмотрев все характеристики Дина, Бухер тут же предложил ему место. Дин, конечно же, был польщен и принял предложение еще до того, как подали горячее. Он был совершенно очарован Бухером. Дин знал, что это тот самый Бухер, который двена-



дцать лет назад настоял на расширении компании «Торн Индастриз» и предложил заняться соей и удобрениями; решение это превратило «Торн Индастриз» из промышленного гиганта в транснациональный колосс. Именно Бухер понял, что люди, занимающиеся пищевыми продуктами, делают погоду во всем.

А после второй порции бренди Дин почувствовал к Бухеру такое расположение, что, уже не стесняясь, поинтересовался, правда ли, будто именно Бухер произнес фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Только при одном условии мы можем быть уверены в завтрашнем дне. И это условие... голод!»

Бухер слегка улыбнулся:

— Да, полагаю, что-то в этом роде.

Месяц спустя Дин стал служащим «Торн Корпорейшн». А еще двумя неделями позже Бухер начал на свой лад перекраивать жизнь Дина Харвея. В один из уик-эндов на загородной вилле Бухера проводилась вечеринка. Жена Дина — Барбара — проводила лето в Хэмптоне, а для мужской половины «Торн Корпорейшн» это время являлось традиционной порой разного рода любовных походов и других приключений.

На вечеринке Бухер познакомил Дина с Аэйшей. Она была наполовину креолкой, наполовину венесуэлкой. Дин, большую часть жизни проведший в стенах колледжа, никогда не встречал подобных женщин. Он был ошеломлен ее сексуальной насыщенностью. Ее поведение в постели никак не вписывалось в рамки обычных представлений Дина о женщинах: грубая инициатива вкупе с потрясающей чувственностью. Будь Дин чуточку помоложе, он с негодованием отказался бы от подобной женщины.

После второй бурно проведенной ночи Аэйша ни с того ни с сего достала Библию. Дин решил было, что это очередной плод извращенной фантазии. Но женщина казалась на редкость серьезной, когда посвящала его во многие тайны, заключенные на страницах Библии. И он сдался. Оглушенный ее наркотическим влиянием, почти задохнувшийся в ее тягучих и острых благоволиях, он уже в каком-то экстазе ощутил, что все, о чем она ему поведала, имеет смысл. После этого, когда Дину объяснили наконец, кто же такой Дэмьен Торн, он чуть не разрыдался от счастья.

С этого самого дня Дин готов был следовать за Дэмьеном на край света и с радостью отдал бы за него жизнь. К своему удивлению, он легко скрывал все это от Барбары.

Он полез в кейс за документами, нашел необходимые и отложил портфель в сторону.

«Советский Союз ведет переговоры с Египтом о закупке сои ценой пятьдесят долларов за тонну с рассрочкой платежа на пять лет. Это на восемь долларов меньше того, что предлагаем мы».

— Каковы ваши соевые запасы? — поинтересовался Дэмьен, отрываясь от книги.

— Где-то восемьсот миллионов тонн.

— Отлично. Пусть покупают по тридцать долларов за тонну и пять процентов годовых за десятилетнюю рассрочку платежа. — Впервые за день Дэмьен улыбнулся. — В результате этой

акции правительство Египта будет находиться у нас в кармане ближайšie десять лет.

Дин сделал пометку в документах. Дэмьен продолжал:

— Президент настаивает на отчете об НФО, но я не желаю, чтобы он появлялся на его столе, пока информация не устареет. Как скоро мы сможем переложить вину за взрыв плотины на Израиль?

— У нас есть в Тель-Авиве свой человек, его зовут Шредер, — напомнил Дин, — министр обороны в израильском правительстве. Бухер разговаривал с ним на прошлой неделе, и Шредер заявил, что берется подготовить подложные документы, где будет содержаться очевидный намек на необходимый нам ход событий.

Дэмьен впился глазами в Дина.

— А не выведет ли это на нас? — усомнился он.

— Бухер утверждает, что никоим образом, — возразил Дин, прекрасно понимая, что снимает с себя ответственность, взваливая все на плечи Бухера.

— Ну что ж, — повеселел Дэмьен, — сколько времени ему на это понадобится?

— Самое большее, пару недель.

— Отлично.

Дэмьен опять уткнулся в книгу, а Дин продолжал изучать документы. Самолет набрал высоту, и Дэмьен вдруг обратился к Дину:

— Когда приезжает Барбара?

— К концу недели она должна быть в Лондоне. По морю путешествие занимает около пяти дней. Я пытался убедить ее лететь с нами, но она испугалась, что родит прямо в самолете.

Дэмьен усмехнулся:

— Лучшего места для рождения ребенка не придумаешь.

Дин хмыкнул в ответ и вытащил финансовый отчет. Все оставшееся время они сидели молча, занимаясь каждый своим делом.

— Рейс будет несложным, — сообщил командир самолета.

Дул попутный ветер, и небо над Лондоном было чистым.

В то время, как самолет Торна снижался над лондонским аэропортом в Хитроу, в Субиако отец де Карло собирал монахов.

Один за другим, со склоненными головами и сложенными под сутаной руками, входили они в слабо освещенную часовенку. Когда последний из них зашел в помещение, отец де Карло поднял руки, и монахи преклонили колени. Они расположились полукругом перед крестом, возвышавшимся над небольшой модельней.

Отец де Карло взял в руки массивную Библию, лежавшую у основания креста, и, перелистав страницы, обратился к «Откровению Иоанна Богослова»:

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала оть болей и мукъ рождения. И другое знамение явилось на небе. Вотъ, большой





красный драконъ, съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь диадемъ. Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звездъ, и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей стать предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родить, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужеска пола, которому надлежитъ пасти все народы железомъ железнымъ, и восхищено было дите ея къ Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для ней место от Бога...»

Священник склонил голову в молчаливой молитве, затем обратил взор к кресту. Монахи тем временем шептали ответную молитву. Священник открыл дверь в молельню, достал кожаный кошель и разложил кинжалы полукругом у подножия креста. Таким образом образовалось полукольцо защищающей стали.

Когда молитва подошла к концу, отец де Карло склонился перед алтарем. В часовне воцарилось молчание.

— О, благословенный Спаситель,— прошептал священник,— который через признание отступившего от него слуги, отца Спилетто, раскрыл нам присутствие в обличье Антихриста на земле, дай нам Твою силу и укажи путь к спасению, чтобы смогли мы освободить мир от Дэмьена Торна и обеспечить святость Твоего второго пришествия.

Священник распростер над кинжалом руки.

— О Господи, благослови эти семь священных кинжалов из Мегиддо, которые Ты вернул нам. Пусть они послужат своей священной цели и уничтожат Царя Тьмы, ибо жаждет он стереть с лица земли Дитя Света.

Монахи еле слышно подхватили:

— Аминь.

Отец де Карло не спеша поднялся с колен и повернулся к ним.

— Теперь я призываю каждого из вас вооружить себя во имя Господа Бога. Брат Мартин.

Невысокий человек встал с колен. Он был лыс, неряное лицо его, казалось, было освещено изнутри. Брат Мартин шагнул вперед, взял один из кинжалов и, твердо сжав его, вернулся на место.

— Брат Паоло.

Черный монах проделал то же самое.

— Брат Симеон.

Самый молодой, по-юношески прекрасный.

— Брат Антонио.

Огромный седобородый здоровяк с копной волос.

— Брат Матвей...

Сорокалетний неприметный человек с мягкими чертами лица.

— Брат Бенито...

Молодой и темноволосый. С застывшим, напряженным лицом.

У креста оставался лежать последний кинжал. Отец де Карло поднял его и посмотрел в глаза каждому монаху.

— Прежде чем мы отсюда выйдем, каждый в глубине души должен помолиться Господу нашему.

Молча покидали монахи часовенку. Они направлялись вверх по истертым ступеням, в свои кельи. Из одного коридора —



в другой. Так же молча святые братья разошлись по своим кельям — пустым комнатенкам, где стояли только кровать да стол с кувшином воды. В келье каждый монах склонился у изголовья кровати, закрыв глаза, зажав в руках кинжалы, как распятия.

Они молились, а внизу, в часовне, отец де Карло молился за всех.

«И раз мы готовы отдать наши жизни во исполнение этого святого дела, нам надобно сейчас испросить отпущения грехов, дабы не было нам отказано в последнем предсмертном искуплении...»

Только он произнес эти слова, как монахи наверху одновременно вздрогнули и прижали к груди кинжалы.

«Мы должны просить Бога даровать нам силы, мужество и указать, как нам побороть Сатану и сына его, Антихриста.

Небесные знамения явили нам точный час второго пришествия Господа нашего, о котором мы веками проливали слезы. И теперь надо избавить мир от Антихриста еще до второго пришествия. Времени у нас остается в обрез».

Де Карло возвел глаза к небу, где, казалось, видел будущее. Он знал, что произойдет.

«Братья, помните: мы сами да еще эти семь кинжалов — то единственное, что стоит между Сыном Сатаны и Сыном Бога, только эти кинжалы могут уничтожить Дэмьена Торна».

Он поднялся на ноги и взглянул на крест, думая о Роберте Торне, чей сын был убит при рождении, уступив дорогу Антихристу. Убийца камнем проломил череп младенцу, а чудовище, зачатое дьяволом и рожденное самкой шакала, заняло его место. Отец де Карло вспомнил, как, еще будучи молодым монахом, он выслушал признание отца Спилетто, который помог появлению проклятого ублюдка.

Священник помолился за душу Торна, воспитывавшего Антихриста. Сын Сатаны убил жену Роберта и еще не рожденного в ее чреве ребенка. Де Карло припомнил и других людей, погибших только потому, что стояли на пути у сатанинского отродья.

Затем был брат Роберта, Ричард. Он вырастил ребенка, а после вместе со своей женой исчез с лица земли. Ричард Торн, Анна Торн и многие другие.

Так много невинных жертв!

На этот раз неудачи быть не могло, ибо судьба мира зависела от них — священника и шести монахов, людей добрых и мягкосердечных, терпеливых и постоянно размышляющих о человеческих судьбах.

Теперь же им предстояло совершить ужасное дело.

Де Карло подумал о каждом из братьев-монахов, и глаза его наполнились слезами.

## Глава шестая

Собираясь на прием в посольство, Кейт Рейнолдс облачилась в элегантное дорогое платье приглушенных мягких тонов. Вы-

кроив часик, она забежала в парикмахерскую и теперь была во всеоружии. Эта женщина почти не пользовалась косметикой. Мужчины часто повторяли Кейт, что она ей вообще не пужна. У журналистки было очень выразительное лицо с высокими скулами, широко поставленными глазами и великолепным профилем.

Кейт Рейнолдс уселась в такси и прикинула, что для корреспондента Би-би-си очень даже неплохо выглядит. Она помахала на прощание сынишке, стоящему у автомобильной дверцы. Мальчик подшучивал над матерью, утверждая, что для своего возраста она прекрасно сохранилась.

Кейт попросила водителя отвезти ее к американскому посольству. Уже второй раз за этот месяц она направлялась туда. И пока автомобиль не спеша катил по лондонским улицам, перед мысленным взором Кейт предстал разможенный череп Эндрю Дойла. Она вздрогнула от жуткого воспоминания. Никто толком не объяснил этого загадочного самоубийства. И очень уж скоропалительно прибыл новый посол.

Кейт разбирало жгучее любопытство относительно Торна. И не только оно. Тридцать два года — фантастически молодой возраст для такой исключительно ответственной должности, и было ясно, как божий день, что для Торна это место — лишь первая ступенька на политической лестнице. Вспоминая сегодняшний телефонный разговор с корреспондентом из Вашингтона, Кейт состроила гримасу. Через океан тот подтрунивал над ней, расписывая, какой красавчик этот Торн, да какой очаровашка, и какое несказанное удовольствие получит она, взяв у нового посла интервью.

Кейт заинтересовал и тот факт, что Торн не был женат. Обычно у жены посла имелся определенный круг обязанностей. Интересно, кто же будет их выполнять? Похоже, в жизни Торна не было пока прочной привязанности, как не было и ни одного хотя бы незначительного скандального эпизода. Тридцать два года и не женат — совершенно естественное подозрение возникло в ее мозгу, но тут же исчезло. «Даже чрезвычайно раскованные американцы не осмелятся послать в Лондон беспутного посла», — осадила себя Кейт. Лондон кишел гомосексуалистами, и воскресные газеты пару раз в месяц выдавали на своих страницах новые и новые пикантные истории. Кейт послала к черту свое расшалившееся воображение и достала кошелек, потому что таксист уже подруливал к площади Гросвенор.

Зал для приемов был отделан дубом, по стенам висели старинные портреты, написанные маслом. Зеркала в золоченых рамах достигали потолка, драпировка была из темного тяжелого бархата, зал освещали массивные светильники. «Потрясающе экстравагантная обстановка», — мелькнуло в голове Кейт.

Предъявляя приглашение, она механически пробежала глазами список гостей. Журналистов в этом списке было раз-два и обчелся. Пригласили только серьезных профессионалов, занимающихся исключительно дипломатической хроникой.

Кейт знала, почему находится здесь. Она официально обрати-



лась в посольство с просьбой об участии Дэмьена Торна в одной из телепередач. Заявку рассмотрели, и теперь у Кейт появилась возможность лично встретиться с Дэмьеном. А заодно, возможно, и очаровать его.

Осмотревшись по сторонам, Кейт взяла бокал вина и стала прислушиваться к обрывкам разговоров. Вечер начинался, как обычно в таких случаях. Справа от Кейт стояли двое пожилых мужчин, и она узнала в них служащих иностранного отдела, завсегдатаев встреч. Оба чувствовали себя, как рыба в воде, один из них разглядывал этикетку на бутылке.

Проходя мимо, Кейт улыбнулась им и невзначай бросила:

— Неужели ему действительно всего тридцать два?

— Понятия не имею, — пожал плечами первый. — Вообще-то я не удивлюсь этому. Американцы уверены, что умеют управлять раньше, чем научатся ходить. — Он хмыкнул.

— Отвечаю на ваш вопрос, — вдруг раздался голос сзади. — Да, тридцать два. Самый молодой посол за всю историю Соединенных Штатов.

Кейт обернулась и увидела щегольски одетого, улыбающегося человека в очках.

— Харвей Дин, — представился он. — Личный секретарь посла.

Кейт пожала ему руку и представилась.

— Моя супруга Барбара, — познакомил Дин журналистку со своей женой.

Барбара представляла собой довольно милую женщину, хотя для подобной вечеринки была совсем не к месту. Будучи на сносях, она с упоением только об этом и щebetала. Кейт не могла придумать, что же сказать этой женщине.

— Хотите познакомиться с послом? — поинтересовался Дин.

— Да, очень. — Журналистка уже заметила Дэмьена в противоположном конце зала и мгновенно оценила его притягательность. Очарование, внешняя привлекательность и, надо полагать, интеллект.

Следом за Дином Кейт протиснулась сквозь толпу гостей.

— Господин посол, — обратился Дин к Дэмьену, — это Кейт Рейнолдс с Би-би-си. Миссис Рейнолдс ведет собственную шоу-программу «Мир на ТВ».

— «Мир в фокусе», — поправила Кейт.

— Извините, «Мир в фокусе», — продолжал Дин.

— Или без фокуса, — пошутила Кейт, — это уж как получится.

Дэмьен слегка поклонился.

— Приятно познакомиться, миссис Рейнолдс. Вы, похоже, английская Барбара Уолтерс\*?

— С моим-то жалованьем? — рассмеялась Кейт.

Дэмьен широко улыбнулся, наклонился к журналистке и на смешливо-доверительным тоном сообщил ей, что имеет отношение и к благотворительности. Кейт тут же поставила себе высшую оценку. Она болтала с послом, как со старинным приятелем.

\* Барбара Уолтерс — популярная в США ведущая шоу-программы «20/20». В ее передачах принимают участие многочисленные «знаменитые люди планеты».

лем. И как здорово, что на ней именно это платье. Кейт решила идти напролом.

— Вам нравится Лондон?

— Надеюсь, что понравится, — заверил ее Дэмьен. — Все, что я успел здесь разглядеть, привлекательно.

Кейт улыбнулась.

— Вы, вероятно, в курсе. Я просила о встрече с вами. Разумеется, официальной.

— Нет, я не в курсе, — удивился Дэмьен. — А что вы хотели обсудить?

— Ну, например, ваши взгляды на молодежь, — закинула удочку журналистка. — Моему сыну всего двенадцать лет, но он уже глубоко убежден, что все ваши идеи гениальны...

Ее прервал Дин:

— Посол Израиля покидает нас, он хотел бы переговорить.

Дэмьен взял Кейт за руку.

— Буду счастлив встретиться с вами, — сказал он. — Позвоните завтра Харвею, и он назначит время. Как насчет воскресенья?

— Хорошо, — быстро ответила журналистка. Но тут же вспомнила о Питере. Воскресенье — единственный день, который она проводила вместе с сынишкой. На все остальное в этот священный день накладывалось табу. Кейт разрывалась на части. Однако Дэмьен мгновенно разрешил этот конфликт.

— И захватите с собой Питера, — бросил он на прощание.

Кейт наблюдала, как Дэмьен пересекал зал. Она взяла еще один бокал и поздравила себя. Замечательно. Слишком все легко. Чрезвычайно хорошо, чтобы быть правдой.

Обаятельный, красивый и умный.

И неженатый.

Питер и Дэмьен подружились с первой встречи. Их отношения настолько окрепли, что Кейт испытывала к ним что-то вроде ревности. Никогда еще Питер вот так, с ходу, не попадал под влияние мужчины. С другими он бывал, как правило, либо замкнут, резок и груб, либо чрезвычайно любезен. С Дэмьеном же мальчик был самим собой: подвижным и милым ребенком.

В Гайд-парке Питер и Дэмьен склонились над Серпантинном и следили за игрушечной моделью яхты, скользящей по его поверхности. Кейт наблюдала за ними. Питеру было двенадцать лет, и он превращался в красивого юношу, очень похожего на своего отца.

Его бабушка с милой старомодностью утверждала, что Питер разобьет не одно сердце. А коллега Кейт с Би-би-си был предельно откровенен, заявляя, что Питер восхитительно хорош, и с тех пор мать держала сына подальше от него.

Кейт полезла в сумочку и, достав фотоаппарат, взглянула на Дэмьена и Питера. Они склонились над водой, не замечая направленного на них объектива. И тут невесть откуда появилась странная огромная собака. Она уставилась на журналистку, и Кейт, вздрогнув от ужаса, невольно отступила. Зверь был устрашающих размеров, черный, с исполинскими клыками и поразительными глазами, в которых полыхало желтое пламя.



Кейт пыталась поначалу не обращать на собаку внимания. Она нажала на затвор, затем убрала фотоаппарат в сумочку и направилась к воде.

— Эй, мам! — Питер поднялся с колен. Когда Кейт подошла к нему, глаза его сияли. Руками он вцепился в пульт дистанционного управления яхтой. — Ты только посмотри, что мне подарил Дэмьен. Я его не просил. Это он сам.

Кейт укоризненно покачала головой и повернулась к Дэмьену. Яхта была очень дорогой.

— Но... вы не можете... — начала она.

— Но... он может, — передразнил ее Питер. — Он ее только что подарил мне.

Дэмьен взглянул на журналистку.

— У него яхта, пожалуй, будет в полной безопасности. А из меня лоцман нукудышный. Представляете, столкнись я с другим судном, вспыхнул бы международный скандал.

Добавить к этому было нечего.

Они вместе наблюдали за резвящимся Питером.

— Вам не следует его баловать, — упрекнула Дэмьена Кейт.

— Но дети заслуживают того, чтобы их время от времени баловали.

— Знаю. Я сама постоянно этим занимаюсь. Мой муж умер, когда Питер был совсем крошечным. — Женщина не знала, зачем рассказывает обо всем Дэмьену, но тем не менее продолжала. — Поэтому Питер вьет из меня веревки.

— Сказать по правде, это он портит меня, а не наоборот, — заметил Дэмьен. — Далеко не каждый день у меня появляется возможность ощутить себя снова мальчиком. Вы должны гордиться Питером. Я бы гордился, будь у меня такой сын.

— Я горжусь, — согласилась Кейт, — только не захваливайте его. Он и так не в меру тщеславен.

Она пристально посмотрела на Дэмьена и вдруг откровенно спросила:

— А вы сами думали когда-нибудь о женитьбе?

Дэмьен отрицательно покачал головой.

— Я неизлечимый скептик. Кроме того, у меня просто не было времени.

— И куда же вы так торопились?

Дэмьен пожал плечами, наблюдая за Питером.

— Знаете, я сам удивляюсь, частенько думая об этом. — Несколько секунд он стоял молча, потом обернулся и уставился на собаку. Та как-то незаметно подкралась сзади и не мигая смотрела на него сузившимися глазами. В ее взгляде сквозило странное неодобрение.

— Питер все время пристает ко мне, требуя купить собаку, — сказала Кейт.

— Вам следует это сделать. — Дэмьен не сводил глаз со странного пса. — Мальчики и собаки очень дружат между собой. А вы знаете, что такие вот собаки сопровождали римскую армию еще две тысячи лет назад?

— Неужели?

— Они такие же древние, как и грех.

Собака вскочила на лапы и потрусилась в сторону. Дэмьен и Кейт направились следом за ней, их догнал Питер, тащивший яхту и швырявший время от времени псу палку. Случайный наблюдатель решил бы со стороны, что по парку прогуливается счастливая семейка.

Покинув Серпантин, Кейт вдруг сообразила, что прогуливались они как раз по тому маршруту, которым шел Эндрю Дойл в день своей гибели. Она вскользь упомянула об этом, выразив сожаление. Но Дэмьен, если и слышал ее слова, не обратил на них никакого внимания. Пожав плечами, Кейт решила, что мысли его где-то далеко.

Когда они дошли до угла, где выступали спикеры, Питер бросился к фургончику с мороженым. Люди собрались в группки, слушая ораторов, но один голос перекрывал все остальные:

«...День Христа близок, писал апостол Павел во втором послании к фессалоникийцам...»

Дэмьен и Кейт продирались сквозь толпу.

«И не позволяйте ни одному человеку обманывать вас, так как этот день не наступит, пока Человек Греха не будет обнаружен. Проклятый Сын, Антихрист. И не обманывайтесь, ибо сам Сатана превратился в светлого ангела...»

Кейт слушала говорящего, но смысл слов не доходил до нее.

— Дэмьен, вы, должно быть, считаете, что я никуда не гожусь как журналист, — заговорила она. — Я ведь не задала вам и половины намеченных вопросов.

— Так вот почему наша прогулка была особенно приятна, — улыбнулся Торн. — А ваши вопросы оставьте для телепередачи.

«Отлично, — подумала Кейт, — значит, вопрос об участии Торна в программе решен». Утро выдалось на славу. Все усилия журналистки увенчались успехом. Новый посол впервые появился на Британском телевидении именно в передаче Кейт Рейнолдс.

Поздравив себя, она вдруг обнаружила, что стоит в одиночестве. Дэмьен продвинулся вперед и, не отрываясь, смотрел на говорящего.

«Час Второго пришествия Христа приближается...»

Кейт проследила за взглядом Дэмьена и принялась рассматривать священника. Тот стоял на возвышении, а надпись на плакате рядом с ним гласила о близости Второго пришествия. Кейт сдержала улыбку и встала рядом с Дэмьеном.

«Пророчества исполнились — одно за другим, — продолжал священник, — и возникнут еще знаки и на солнце, и на луне, и на звездах... Прямо сейчас, друзья мои, в созвездии Кассиопеи сближаются три звезды, чтобы возвестить о Втором пришествии Господа нашего, и так же, как звезда над Вифлеемом указывала путь древним мудрецам, так и эта святая троица соберет всех верующих».

Священник обернулся и встретился взглядом с Дэмьеном. На какое-то мгновение они уставились друг на друга, забыв обо всем на свете.

«...горе вам, — говорит святой Иоанн в Откровении, — ибо



Дьявол явился к вам в великом озлоблении, зная, что время его коротко...»

— Что случилось? — озабоченно спросил Питер, заметив напряженное лицо Дэмьена.

— Ничего особенного, — внезапно расслабился тот, взглянул на Питера и взял у него протянутое мороженое. — Я не устаю поражаться эксцентричности одной из ваших общественных организаций.

Питер кивнул и повернулся к Кейт, предлагая и ей мороженое. Взяв мороженое, Кейт вдруг вздрогнула, как от боли. Питер, испуганный внезапным выражением лица матери, проследил за ее взглядом и хмыкнул, увидев собаку. Пес, твердо уперев в землю лапы, застыл в неподвижности. Шерсть на нем ошетижилась и встала дыбом.

— Эй, песик, привет, — помахал чудовищу Питер.

— Питер! — резко вскинулась Кейт. — Держись от него подалше.

Мальчик отрицательно помотал головой и принялся свистеть собаке.

— Мама, это только ты ей не нравишься.

Собака миновала Кейт и потрусилась дальше, к деревьям, устремив свой горящий взгляд на высокого человека в черном, наблюдавшего за ними.

— Эй, песик, пошли! — крикнул Питер. Собака подбежала к нему, лизнула руку и направилась к Дэмьену. Кейт, держась от них подалше, снова подошла к ораторам и не слышала, о чем разговаривали Питер и Дэмьен.

— Интересно, почему собака не любит маму?

— Потому что мама не принадлежит к нам.

Кейт не заметила и того странного выражения, которое внезапно промелькнуло на обоих лицах.

Монахи прождали целый день, и отец де Карло начал беспокоиться. Он стоял возле пыльного и грязного окна, уставившись на красные полуразвалившиеся кирпичные дома напротив.

Де Карло взглянул на небо, но оно было покрыто тучами, напоминавшими дешевые потолочные обои. Он тряхнул головой. Кейбл-стрит действовала угнетающе, но их священная миссия должна осуществиться именно в этих сырых трущобах. Всю свою жизнь отец де Карло прожил в вере, загнав воображение в строгие рамки. Прелести внешнего мира не коснулись его души. Но восточный Лондон так удручал священника, что Субиако в сравнении с ним казался просто раем. По крайней мере в Субиако светило солнце и можно было видеть безоблачное небо. Отцу де Карло стало жаль тех, кто был вынужден жить в Лондоне всю свою жизнь.

Он взглянул на остальных монахов, мрачно сгрудившихся в сумрачной каморке.

Со стороны лестницы послышались шаги, и де Карло, повернувшись, увидел входящих монахов Паоло и Матвея. Они несли с собой плакат. Матвей дрожал от волнения и тут же с порога пытался выложить новости. Когда все расселись, де Карло разрешил Матвею высказаться.

И тот поведал, что они видели его, Антихриста, в человеческом обличе, сегодня днем, совсем близко. Его сопровождали женщина и ребенок. С ними была и собака.

— Какая женщина? — заинтересовался отец де Карло.

Паоло достал свою записную книжку.

— Телерепортер. Я справился у тех, кто просил у нее автограф. Кейт Рейнолдс. Очевидно, очень известная личность.

— А мальчик?

Паоло пожал плечами.

— Наверное, ее сын.

Положив на стол руки, отец де Карло склонился вперед.

«Женщина и ребенок, — подумал священник. — Что ему нужно?»

Матвей перебил ход его мыслей.

— Пожалуйста, святой отец, — взмолился он. — Можно мне начать? Мы уже встретились с ним: глаза в глаза. Он клонул на меня. Я заманю его и уничтожу.

Отец де Карло покачал головой и вздохнул. Какие же они порывистые, храбрые и... наивные.

— Он наверняка прочел твои мысли, — возразил священник. — Мы должны сначала усыпить его бдительность.

Де Карло оглядел комнату, мрачную и убогую даже при дневном освещении. Семь кинжалов. Семь мужчин, сидящих за ветхим, скрипучим столом. Такая слабая и крошечная армия против страшного и всемогущего противника.

— Цель должна быть определена, — заявил один из монахов.

— Может быть, когда он спит? — произнес другой.

Отец де Карло опять отрицательно покачал головой.

— Его резиденция охраняется и днем, и ночью.

— А посольство?

Отец де Карло не удостоил высказывание ответом; а Паоло пробормотал: «Невозможно». Отец де Карло успел рассмотреть здание на площади Гросвенор — сооружение внушительных размеров с кучей охранников. И вот это-то здание брат Мартин собирался атаковать с одним кинжалом!

Тихий голос нарушил его мысли:

— Вот наш выход.

Священник взглянул на Бенито, указывавшего в левый угол, где на трех ножках стоял сломанный телевизор.

Сначала он никак не мог взять в толк, куда клонит Бенито. И лишь когда тот вместе с Паоло начали вслух высказывать свои мысли, отец де Карло поднял глаза и возблагодарил Господа за озарение.

## Глава седьмая

Битый час стоял брат Бенито под моросящим дождем. Костюм, который ему выдали, сковывал движения. Брюки плотно прилегли к телу, и он никак не мог взять в толк, зачем люди выдумали такую неудобную одежду. То ли дело просторная сутана.

Монах стоял у дверей высокого особняка и наблюдал за люд-



ми. Кинжал, завернутый в ткань, покоился у пояса; Бенито сжимал его рукоятку, не вынимая руку из кармана.

Туристический автобус затормозил у студии. Бенито выскользнул из-под козырька и пристроился в хвост потоку людей, сошедших с автобуса. Он улыбнулся про себя, миновав привратника, а затем охранников в приемной. Вот он уже в студии. Здесь монах отделился от толпы туристов, свернул в сторону и направился в туалет. Он зашел в кабину и огляделся. Пока ему везло, и Бенито помолился, чтобы удача и впредь не покидала его.

Монах подождал некоторое время, пока не почувствовал, как уверенность наполнила его душу. И тогда он вышел в коридор. Ему понадобилось минут пятнадцать, чтобы найти студию № 4. Осмотревшись по сторонам, Бенито толкнул дверь. Она тут же поддалась, и монах проскользнул внутрь. Здесь было темно. Монаху без труда удалось спрятаться среди какого-то хлама. Теперь оставалось ждать начала передачи.

Дэ́мьен прибыл сорок минут спустя. Он перекинулся парой фраз с Кейт и продюсером, затем в сопровождении двух телохранителей направился в гримерную. Харвей следовал за ним.

Пока гримерша усердно занималась лицом Торна, тот заметил через ее плечо телевизионный монитор. На нем уже появились первые кадры передачи «Мир в фокусе». Дэ́мьен бесстрастно наблюдал за вереницами беженцев на экране. Люди отрешенно брели вдоль берегов разбушевавшейся реки. И тут в кадре возникла рухнувшая Асуанская плотина. Вода хлестала через пробоины.

Никто не заметил, как на губах Дэ́мьена мелькнула короткая усмешка.

В гримерной раздался голос Кейт Рейнолдс, доносящийся из двух динамиков: «Израильское правительство категорически отвергает обвинение в причастности Израиля к катастрофе, которая унесла, как было объявлено на сегодняшний день, около пятидесяти тысяч жизней. Однако многие высказывают опасение, что окончательное число жертв окажется в два раза больше.

У некоторых беженцев уже начался тиф, и, видимо, не избежать тяжелых эпидемий...»

Дэ́мьен взглянул на дверь, около которой застыли два его телохранителя, уставившиеся на экран монитора.

«Как и в Камбодже, — продолжала Кейт, — основная помощь была оказана не правительством пострадавшей страны, а Соединенными Штатами, в частности «Торн Корпорейшн».

Гримерша дотронулась до волос Дэ́мьена. Тот резко отстранился:

— Спасибо, я сам причешусь.

Женщина передала Торну расческу и повернулась к столу. Она не первый раз сталкивалась с различными проявлениями тщеславия. Дэ́мьен Торн, накормивший добрую половину голодающих, настоял на том, чтобы причесываться собственными руками. Любопытно. Но в конце концов у всех, заносимых сюда волею судьбы, была своя изюминка. Да и вообще, стоит нацелить на человека телекамеру, как он тут же приобретает особые

черты. Профессия наложила на гримершу определенный отпечаток, развив в ней наблюдательность. Позже она поведала своей приятельнице, что Дэмьен Торн — человек с большими странностями. Кожа его казалась чрезмерно огрубевшей, а кончики пальцев, наоборот, невероятно гладкими. Как будто на них вообще не было ни одной линии, словно они побывали в огне.

К сожалению, первопричина, символ которой был запечатлен на скальпе Торна, осталась для гримерши тайной.

Дэмьен Торн уложил наконец волосы и опять взглянул на монитор.

«И хотя некоторые обозреватели считают, будто «Торн Корпорейшн» наживается на человеческой трагедии, тем не менее египетское правительство сообщило, что Торн поставляет сою почти на пятьдесят процентов дешевле, чем на мировом рынке».

Внезапно дверь приоткрылась, и в гримерную заглянул молодой человек. Он поинтересовался, готов ли Дэмьен. Тот кивнул, улыбнулся гримерше и покинул комнату в сопровождении своих телохранителей.

Голос Кейт раздавался и в коридоре.

«В центре всех проводимых корпорацией мероприятий стоит человек, имя которого уже при жизни стало легендой».

Дэмьен улыбнулся и переступил порог студии. Он увидел Кейт, залитую светом юпитеров. На нее, сидящую в легкой задумчивости, были направлены три камеры.

К Дэмьену приблизился один из сотрудников студии и, прижав к губам палец, повел их за собой. В полумраке Дэмьен разглядел Дина. Он шагнул вперед и постучал по часам: полчаса здесь, затем едем в Пирфорд. Позже будет звонить Бухер, кроме того, имеется целая куча бумаг, касающихся Израиля...

Дин внезапно наклонился к уху Дэмьена и прошептал:

— Ты заметил, как здесь кормят? Потрясающе!

Дэмьен улыбнулся. Харвею Дину стукнуло уже сорок, а он, как мальчишка, все еще удивляется жизни.

В это время на противоположном конце студии медленно выступил вперед Бенито. Он все еще сжимал рукоятку кинжала. Ладонь была влажной от пота, а лоб покрылся испариной.

«На прошлой неделе, — рассказывала Кейт, — господин Торн прибыл в Британию в качестве самого молодого посла за всю историю Соединенных Штатов. Чуть позже в программе мы еще встретимся с господином послом».

Когда Дэмьен приблизился к своему креслу напротив Кейт, Бенито глубоко вздохнул и отступил в тень.

«Но сначала, — продолжала журналистка, — давайте остановимся на главных вехах в его карьере. Ее ведь не зря сравнивают с карьерой Джона Кеннеди».

Дэмьен удобно расположился в кресле. Бенито прикинул в уме расстояние, отделявшее его от Торна. Примерно десять — двенадцать шагов. Монах закрыл глаза, пробормотал какую-то молитву, затем открыл их.

— Разрешите вам помочь? — внезапно раздался над его ухом голос. Бенито вздрогнул и резко обернулся. Позади монаха стоял человек и с любопытством рассматривал его.



— Что-что? — промямлил Бенито, стараясь скрыть свое смятение.

— Сдается мне, что вы не участвуете в этой передаче, не так ли? — Это был скорее не вопрос, а вызов.

— Я иду студию 8, — попытался выпутаться монах.

— Но это студия 4, а 8 — в коридоре напротив, — спокойно объяснил человек.

Бенито торопливо поблагодарил незнакомца и поспешил скрыться. Голос Кейт преследовал его. «После окончания Йельского университета Дэмьен Торн был зачислен в Оксфорд. Здесь же, в Англии, он стал победителем по водному поло на Кубок Уэстчестера...»

У двери Бенито оглянулся и заметил, что незнакомец пристально наблюдает за ним. В смущении монах двинулся от двери к юпитерам. Следивший за ним человек что-то прошептал оператору. Оба уставились в темноту, затем направились к двери.

Бенито тихонько простонал и свернул направо. Он двигался вслепую, пытаясь сообразить, что делать, если его обнаружат. Монах напоролся на что-то плечом и задрал голову. Он заметил края металлической лестницы, ведущей к осветительным приборам. Ни минуты не размышляя, монах ухватился за перекладину и, подтянувшись, повис на лестнице, пока те двое стояли от него в каких-нибудь десяти футах.

«В 1975 году, — рассказывала Кейт, — Дэмьен взял в свои руки бразды правления «Торн Индастриз» и в течение семи лет превратил ее в крупнейшую на планете корпорацию, производящую буквально все, начиная от соевых бобов и кончая ядерным оружием...»

Двое мужчин какое-то время всматривались в темноту, затем вернулись на свои места. У Бенито от напряжения заняли руки. Он еще раз подтянулся и принялся взбираться по лестнице, пока не очутился на самом верху у осветительной установки. Здесь монах перевел дыхание и стал продвигаться вперед. Снизу до него долетал голос Кейт: «А теперь, в возрасте тридцати двух лет, Дэмьен Торн вступил на политическую арену не только как посол США в Великобритании, но и как президент Совета молодежи при ООН...»

Из горла Бенито вырвался крик, он чуть было не послал Торну проклятия.

«Через два года Дэмьен Торн намерен баллотироваться в американский сенат, он уже сегодня имеет серьезные шансы стать самым молодым президентом США за всю их историю».

Бенито наблюдал, как в двадцати футах под ним Кейт повернулась к Дэмьену. Монах остановился и стал осматриваться, намереваясь продвинуться хоть еще на несколько дюймов, чтобы оказаться прямо над Торном.

— Замечательная карьера для молодого мужчины, господин посол, — обратилась Кейт к Торну.

— Ну, не знаю, — возразил Дэмьен, — если учесть, что Александр Македонский командовал армией в шестнадцать лет.

Бенито с отвращением хмыкнул и, цепляясь за выступающие детали осветительных установок, продолжал продвигаться впе-

ред. Внезапно он остановился, заметив, что переборки резко обрываются и с них свисают провода прямо к ногам осветителей. Двое мужчин, только что преследовавших монаха, посмотрели вверх, но, ослепленные ярким светом юпитеров, не разглядели его. Бенито снова пробормотал молитву и продвинулся еще на несколько дюймов вперед.

— Многие люди и считают вас Александром двадцатого века, — нашла Кейт. — Они убеждены, что под вашим руководством начнется золотая эра процветания.

Дэмьен улыбнулся:

— Вы, вероятно, просмотрели слишком много моих рекламных фильмов.

— Но ведь именно этот образ вы пытались создать, — настаивала на своем Кейт.

— Образ корпорации — да, но не личный образ. Вообще-то я оптимист и, естественно, хочу надеяться, что Торн будет играть не последнюю роль в будущем.

Бенито замер на месте и взглянул вперед. Он продвинулся так близко к самому краю, что рисковал сорваться вниз. О прыжке и речи не могло быть. Он тут же сломал бы себе шею. Подавив отчаяние, монах принялся соображать, как выйти из этого положения. Через всю студию под ним протянулись сооружения наподобие лодочек с осветительными лампами. Бенито впился в них глазами. Он вспомнил, как однажды, давным-давно, вместе с дядей оказался на море, и тот рассказал ему о кораблекрушениях, о том, как моряки перебираются из одной тонущей лодки в другую.

Бенито сжал губы и кулаки, почти физически ощущая, как поднимается в крови адреналин. Только бы веревки выдержали. Он дотянулся до одной из них и потянул, пробуя на прочность. Канат казался достаточно крепким. Взглянув вверх, монах убедился, что веревка спускается с самого потолка. Бенито помолился, чтобы крепление выдержало его вес, обернул одну ногу веревкой, ухватившись за канат обеими руками, шагнул с перекладины и бесшумно соскользнул в лодочку. Сжавшись в комок, он затаил дыхание и почувствовал, как кинжал уперся острием в его бедро. Тогда он развернул ткань и крепко сжал рукоятку в ладони. Ближайшая лодочка находилась от него в нескольких футах. Если его не заметят, он без труда переберется в нее.

— Вы всегда интересовались молодежью, господин посол, — вела беседу Кейт. — Каковы ваши планы теперь, когда вы стали президентом Совета молодежи?

— Масса планов, — заявил Дэмьен. — Я полагаю, что самое главное для меня — помочь молодым людям играть в мировых проблемах более заметную роль, чем мы им сейчас позволяем или, точнее, не позволяем.

Кейт открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но Дэмьена, похоже, разобрало красноречие:

— До какой же степени нас одолело тщеславие, заставляющее думать, будто мы справимся со всем лучше, чем они?

Кейт покачала головой, но Дэмьен и не рассчитывал на ответ.



— Мы называем их наивными и незрелыми, — продолжал он. — Подождите, пока повзрослеете, — говорим им мы, — вот тогда мы вас выслушаем». На самом же деле мы имеем в виду другое: «Подождите, вот состаритесь, а там посмотрим». Таким образом, у молодежи не остается выбора. Вот поэтому с ней-то я и собираюсь сотрудничать.

Внимание всех присутствующих было сосредоточено на Дэмьене. Не часто интервьюируемый так стремительно прибирал к своим рукам инициативу и говорил так страстно и убедительно.

Никто не заметил монаха, перебирающегося из одной лодочки в другую, пока он наконец не оказался прямо над Дэмьеном.

— Мы усиленно напшиговываем их нашими ценностями, — ораторствовал Торн. — Мы вколачиваем в них наши доктрины до тех пор, пока они не покидают стены институтов с промытыми мозгами. Вот тогда — с нашей точки зрения — это «полноценные граждане». А у них остаются выхолощенные собственные мысли и абсолютно аморфная воля. Стремление к поступку — нулевое. Зато они абсолютно безопасны.

Впившись глазами в затылок Дэмьена, Бенито присел. Потом поднялся и наклонился, приготовившись к прыжку. Лодочка чуть сдвинулась под весом монаха и качнулась в сторону. От внезапного напряжения натянулась поддерживающая ее веревка, и она резко нырнула вниз. Хлопнула вторая веревка. Бенито упал на колени и, чтобы не выпасть, схватился за края лодочки. Разом сдвинулись все крепления.

Кейт взглянула вверх и вскрикнула. Дэмьен вскочил со своего кресла. Лодочка пронеслась мимо него. Две огромные лампы вылетели из нее и, подобно бомбам, оглушительно взорвались на полу. На заднем плане съемочной площадки мгновенно вспыхнули тяжелые нейлоновые занавески.

Во время падения Бенито зацепился ногой за кабель, моментально обвившийся вокруг его лодыжки, и, как маятник, раскачивался над всей студией.

Он закричал. Но не от страха, а от бессильной ярости. Когда его тело относилось к пылающим занавескам, он в безграничном отчаянии думал о том, каким идиотом будет выглядеть в полицейском участке. Он никогда не сможет взглянуть в глаза отцу де Карло. Провалился, как последний дурак. И даже в тот момент, когда языки пламени коснулись его, Бенито не почувствовал ни боли, ни страха.

Волосы вспыхнули, как сухая трава. Брови и ресницы тут же сторели, лицо почернело. Нейлоновые занавеси закрутили его лицо и тело, пока он болтался из стороны в сторону. Они, как расплавленный саван, облепили Бенито, заживо его зажаривая. Кто-то наконец отыскал огнетушитель и направил на пламя струю. Дэмьен бесстрастно следил за действиями техника. Он думал о том, что вычитал где-то, будто мозг и сердце сторают в последнюю очередь. Вдруг Торн что-то заметил. Он стремительно бросился вперед, несмотря на предостерегающие крики Дина, наклонился, схватил какой-то блестящий предмет и так же быстро вернулся на свое место.

От висящего тела исходил пар, все оно было покрыто пеной. Занавески расплавились настолько, что сквозь них проступало черное, обугленное, уже нечеловеческое лицо. Ноги, с удовлетворением заметил Дэмьен, продолжали дергаться. И пока он завороченно рассматривал их, Дин взял его за руку и повел к дверям.

Поездка до Пирфорда, где находился загородный дом Дэмьена, заняла около сорока минут. И пока они добирались до дома, ни один из мужчин не проронил ни слова. Дэмьен уставился в окно, а обычно разговорчивый Дин уперся невидящим взглядом в газету. Он был бледен от только что пережитого шока. Оказавшись в кабинете Дэмьена, Дин достал бутылку со спиртным, и молчание наконец было прервано.

— Да, мне необходимо вышить, — пробормотал Дин. — У меня перед глазами это кошмарное лицо.

Дэмьен бросил на стул пальто и поднес к свету кинжал.

— Это была попытка убийства, — спокойно констатировал он. Дин, широко раскрыв глаза, обернулся к нему.

— Сядь.

Дин послушно опустился в кресло и, медленно потягивая джин, слушал, как Дэмьен, словно на уроке истории, преподносил ему сведения о роде Бугенгагенов, которые на протяжении веков боролись с Сатаной. Девятьсот лет тому назад одному из них удалось побороть сына сатаны; в 1710 году другой Бугенгаген вновь восстал против исчадия ада и не дал тому выполнить страшную миссию. Бугенгагены — сторожевые псы Христа...

— Ты когда-нибудь слышал о Мегиддо?

Дин отрицательно замотал головой.

— Подземный город Мегиддо, что под Иерусалимом. Он назывался раньше Армагеддон. Двадцать лет назад там жил Бугенгаген. Именно он обнаружил кинжалы. — Дэмьен снова поднес кинжал к свету и внимательно посмотрел на него. — Он-то и передал их моему отцу. Семь кинжалов. Роберт Торн попытался уничтожить меня. Последний раз я видел этот кинжал в занесенной надо мной руке Торна. Мне было тогда шесть лет. — Дэмьен выбросил вперед руку с кинжалом, и острое сверкнуло, отражая свет камина. — Да, он попытался убить меня, но я был защищен настоящим отцом.

Какое-то время Дэмьен стоял неподвижно, как изваяние, его рука с кинжалом была словно занесена для удара. Потом она упала, а сам он бессильно рухнул в кресло.

Дин нервно глотнул из своего бокала.

— Ты говоришь, имеются семь кинжалов. А у тебя только один. Где же остальные шесть?

— Именно это нам и надо выяснить. Их, должно быть, обнаружили при раскопках музея в Чикаго...

Дин взглянул на Дэмьена в полном недоумении.

— Был пожар, — напомнил тот, — ты должен о нем знать. Все было разрушено до основания. Не смогли спасти и моих дядю с тетей.

— Твой дядя был убит? — удивился Дин.



— Котел взорвался. Их и завалило в подвале. Никто не знал, что они были в музее.

— Но откуда же ты... — Дин вдруг заметил выражение лица Дэмьена и зашнурлся на полуслове. На лице Торна было написано презрение, губы змеились сардонической усмешкой. Конечно, Дэмьен знал. Ему ведь открыто все, что для другого остается тайным. Ничто не могло ускользнуть от его мысленного взора.

— Единственное, что не погубило, — продолжал Дэмьен, — это кинжалы. И теперь они в руках моих врагов, прекрасно знающих, кто я.

— А знающий, кто ты, — пробормотал Дин, — должен знать и пророчество.

— Да, именно. Вот-вот грядет рождение Назаретянина. — Дэмьен пристально посмотрел на рукоятку в форме распятого Христа и перевел взгляд на Дина. — Немедленно свяжись с Бухером. Вели ему добраться до Чикаго как можно быстрее... Расскажи ему... — Торна прервал стук в дверь. Она распахнулась, и вошел лакей.

— Извините, сэр, только что позвонили из больницы и спросили господина Дина.

— Барбара, — хлопнул себя по лбу Дин, и на его лице появилось выражение вины. — Сегодня днем она куда-то собиралась пойти. — Он повернулся к Дэмьену. — Ты не возражаешь, если?..

— Конечно. Бери машину и поезжай, только сначала все-таки дозовись из посольства Бухеру.

— Но ведь Бухер в Вашингтоне, — возразил Дин. — Он там по поводу израильской заварушки. Завтра ему необходимо быть в Белом доме...

Дэмьен разъяренно накинулся на помощника:

— Идиот, ты что, не понимаешь? Они же здесь, чтобы уничтожить меня. Если это им удастся, все вы пойдете следом за мной... Я имею в виду каждого из вас.

Дин покинул кабинет, оставив Торна одного с кинжалом в руке. Дэмьен медленно подошел к окну и устремил взгляд в небо. Губы его двигались в еле слышном шепоте:

— И какой же это зверь, чей час пробил, приближается ныне к Вифлеему, чтобы появиться на свет?

Отец де Карло и пять монахов сгрудились возле стола, уставившись на мерцающий экран телевизора. Как только новости закончились, священник перекрестился, поднялся со стула и, выглянув в окно, повернулся к монахам. Он пытался осмыслить происшедшее. Отец де Карло припомнил свою первую встречу с Бенито, когда монах был еще послушником, исполнительным, спокойным и преданным вере человеком. Он не поддался юношеским искушениям и посвятил свою жизнь Богу. А теперь Бог забрал ее. Но эта смерть была ужасной.

— Какой-то неизвестный, — тихо повторил Паоло вслед за диктором.

Отец де Карло повернулся, пытаясь в точности вспомнить, что же сообщил диктор.

— Разве о кинжале ничего не было сказано? — спросил он.

— Нет, — ответил Паоло. — Они трактуют это как несчастный случай.

— Торн знает, что это не так, — мягко возразил де Карло.

— Нет, — перебил его упрямый Паоло, обладающий фотографической памятью на детали. — В заявлении американского посольства сообщается, будто Торн удовлетворен, что между ним и этой несчастной жертвой не прослеживается никакой связи.

Отец де Карло с нежностью взглянул на этого большого и наивного человека. До чего же Паоло педантичен. Все в этом мире раскладывалось у него на белое и черное. Вот сейчас сообщили, что связь не прослеживается, и у Паоло ни на минуту не возникло сомнения в обратном. До чего же наивен. И все они наивны.

Торн прекрасно все знал. И теперь он будет начеку. Гибель Бенито осложнила их миссию. Но пусть они все-таки верят. В конце концов это было не столь важно. Главное, не позволять им закиснуть от отчаяния. Де Карло подошел к столу и призвал всех к молчанию.

— Наша главная задача: как только Святое Дитя появится на свет, найти Его, — начал он. — Брат Симеон и брат Антонио, я хочу, чтобы вы сегодня сопровождали меня. Надо узнать место Его рождения, ибо час приближается.

Двое монахов кивнули и преданным взглядом впились в глаза священника, радуясь, что он назвал именно их.

— Остальным придется подождать, когда мы вернемся. Затем нам надо будет решить, как действовать дальше. В следующий раз наши усилия должны быть четко скоординированы. Второй раз мы не можем допустить ошибки.

Стулья зашкряпали, и монахи, шепча молитву, поднялись. В душе каждый из них собирал все свое мужество для грядущего противостояния.

## Глава восьмая

Покалывание в пальцах вернуло Дэмьена к действительности. Его взор так долго было прикован к небу, что ощущение времени просто пропало. Дэмьен взглянул на свои руки, вцепившиеся в кинжал. Запястья победели от напряжения, пальцы посинели. Он отбросил кинжал и принялся растирать затекшие руки, мельком глянув на часы. Часы были очень дорогие, их подарил ему сам президент. Эта роскошная штукавина не только нравилась Торну, но из соображений дипломатии он предпочитал так носить ее. На циферблате, вдогонку друг за другом, бежали какие-то точки и цифры. По этим часам в любое время суток можно было определить и дату, и температуру воздуха, и влажность, и еще Бог знает что, как выразился президент. Кроме того, они были противоударными, водонепроницаемыми, антимагнитными, в них можно было без опасения и взобраться на Эверест, и пересечь Сахару... Дэмьен тогда горячо поблагодарил президента, прикинув в уме, а не испытать ли их прочность где-нибудь и на дне океана.

Было десять тридцать пять, двадцать третье марта. Дэмьен



даже присвистнул, осознав вдруг, что простоял у окна более получаса. Он снова взглянул на небо, чувствуя, как кровь начинает пульсировать в пальцах, затем повернулся и вышел из кабинета. Поднявшись по широкой лестнице, он позвал:

— Джордж!

Дверь приоткрылась, и из-за нее выглянул лакей.

— Сегодня вечером мне больше ничего не понадобится.

— Да, сэр. Спокойной ночи.

Дэмьен подождал, пока лакей закроет за собой дверь. События сегодняшнего страшного дня вновь пронеслись перед его мысленным взором. Он вспомнил изуродованного, обугленного человека, висящего на веревках, и взглянул на свою ладонь, где отпечатался след от рукоятки кинжала. Вдруг его обуяла холодная ярость.

Торн миновал галерею, выходящую в холл, и устремился по темному коридору, двигаясь быстро и целенаправленно. Он свернул сначала в один, затем в другой и, наконец, в третий коридор. Миновав открытую дверь, он заметил выбежавшую из комнаты собаку. Тяжело дыша, сверкая в темноте желтыми глазами, она потрусила следом за ним.

В конце узкого коридора Дэмьен остановился. Он наклонился, отворил дверь, проскользнул внутрь и закрыл ее за собой. Собака устроилась снаружи, высунув язык и вытянув лапы.

Комната, куда зашел Дэмьен, оказалась часовней для черных месс. Она была круглой и поддерживалась шестью колоннами. Здесь не было ни единого предмета, за исключением креста, стоящего посреди часовни и как бы символизирующего власть в этом пространстве. На кресте висела прибитая деревянная скульптура Христа в полный рост. Лицо и грудь Христа были прижаты к наружной стороне креста, ноги скрещены вокруг продольной перекладины, а руки, распростертые вдоль поперечной перекладины, прибиты ладонями вниз. Он был обнажен.

Единственный луч света падал с потолка на скульптуру Христа, выхватывая из тьмы его измученную фигуру, выступающие ребра и позвонки на спине.

С противоположной стены на Дэмьена смотрело лицо ребенка. Изображение красивого мальчика — плод безумной фантазии несчастного сумасшедшего художника, заявившего, что его посетил Сатана. Остаток своей жизни бедный художник пытался запечатлеть дьявольский облик. Он рисовал его тысячи раз и как-то изобразил на стене, которую и обнаружил археолог Бугенгаген. Кто хоть однажды видел эту стену, погибал, ибо на ней было нарисовано лицо Дэмьена Торна.

Дэмьен посмотрел на свой детский портрет, затем повернулся и обратился к окружающей его тьме:

— О, отец мой! — тихо молился он. — Князь Тьмы! Человечество не признает Тебя и тем не менее жаждет припасть к Твоим стопам. Поддержи меня и укрепи мои силы в попытке спасти мир от Иисуса Христа и его мирской ненасытности. — Дэмьен помедлил. — Двух тысяч лет было достаточно. — Он прошел вперед, застыв перед крестом. — Яви человеку величие Твоего царствия, и пусть он проникнется и глубиной Твоей скорби,

и святостью одиночества, и чистотой зла, и раем боли. Что за извращенные фантазии порождают в человеке мысли, будто ад сокрыт в земных толпах? Существует только один ад: свинцовая монотонность человеческого бытия. И рай только один: царствие отца моего.

Дэмьен поднял руки ладонями кверху. Взгляд его уперся в затылок Христа. Во мраке часовни глаза Торна отсвечивали желтым огнем.

— Назаретянин, шарлатан, — раскатистым басом вдруг взревел Дэмьен, — что ты можешь предложить человечеству? — Он замолк, словно ожидая ответа, затем продолжал: — С тех самых пор, как ты явился на свет из исстрадавшегося чрева женщины, ты ничего не сделал. Зато потопил все горячие и настоящие желания человеческого естества в потоке благочестивой морали.

Дэмьен сделал шаг вперед, от лика Христа его отделяли несколько дюймов. Он яростно вцепился в крест, словно собираясь уничтожить сведенное судорогой тело, а затем горячо зашептал в ухо Христа:

— Ты воспламенил незрелый ум молодежи своей мерзкой догмой о первородности греха, и ты же отказываешь человеку в праве на радость после смерти, пытаешься меня уничтожить. Но ты проиграешь, Назаретянин, как и в прошлый раз.

Страшная суть этих слов, казалось, лишила Дэмьена последних сил. Он склонил голову, и его волосы коснулись плеча Христа. Со звериным неистовством Дэмьен обхватил и сжал распростертое на кресте тело. Когда он вновь поднял голову, голос его окреп:

— Мы оба созданы по образу и подобию человеческому, но тебя зачал твой импотентный Бог, меня же — сам Сатана, отверженный, падший. — Дэмьен задумчиво покачал головой. — Твоя боль на кресте — это всего лишь заноза по сравнению с муками моего отца, низвергнутого с небес, по сравнению с болью падшего и отвергнутого ангела. — Он вцепился в голову Христа, и терновые колючки впились ему в ладонь. — Я вгною эти иголки еще глубже в твоё прогнившее тело, ты, нечестивый, проклятый Назаретянин.

Дэмьен резко отстранился от креста, прикрыл глаза и закричал, но отчаянный и страшный крик этот внезапно прервался.

— О, Сатана, возлюбленный отец мой, я отомщу за твоё страдание. Я уничтожу Христа навсегда.

Дэмьен почувствовал, как шипы глубоко вонзились в его ладонь. Кровь закапала с нее на глаза Христу и пурпурной слезой скатилась по искаженному в муках лику Спасителя...

## Глава девятая

Подстегиваемый любопытством, Джон Фавелл мчался в своем автомобиле на юг. Нервы его были напряжены. Пробежав глазами прогноз погоды, Джон в мыслях обратился к Богу, в которого, по сути дела, не верил, умоляя Его, чтобы облачность рассеялась. Молитва астронома была услышана. Значит, он сможет зафиксировать слияние — слияние Троицы, как он его называл. И вов-



се не Святой — осложнять дело, привнося в это явление еще и религиозные мотивы, не было никакой нужды.

Нельзя, правда, сбрасывать со счетов священника. Когда тот в своем письме напросился присутствовать при этом событии, Фавелл поначалу чертыхнулся про себя, разозлившись, что в его дела вечно кто-то пытается сунуть нос. Но из вежливости он все-таки ответил священнику, и теперь от рабочей атмосферы не осталось и следа. Фавелл терпеть не мог, когда в обсерватории присутствовали посторонние. Своими идиотскими вопросами посетители каждый раз выводили астронома из себя.

Однако чем больше Фавелл размышлял над будущим визитом священника, тем сильнее росло его любопытство. Понаблюдать за реакцией человека, далекого от науки, весьма интересно. Пожалуй, своими действиями священник будет напоминать антрополога, следящего за поведением низших существ.

Фавелл свернул за угол и взглянул на вырисовывающуюся вдалеке обсерваторию с гигантским зеркалом телескопа. Каждый раз при виде этого здания его охватывало волнение. Он любил свою работу.

Выйдя из лифта, астроном поднялся на залитую неоновым светом смотровую площадку. Его помощник Барри уже с головой ушел в работу, и они обменялись обычными приветствиями.

Первое время они занимались необходимой ежедневной рутинной. Когда раздался звонок, оба ученых взглянули на часы. Барри пересек кабинет, подошел к селектору, послушал и повернулся к Фавеллу:

— Это тот ненормальный монах.

— Не богохульствуй, — улыбнулся Фавелл. — Пусть заходит.

— Вот они уже и входят, — констатировал помощник, нажимая на кнопку, контролирующую вход внизу.

— Что?

— Их трое.

— Черт возьми, — пробормотал Фавелл. — Здесь вряд ли найдется место для всех. — Астроном опять начал злиться. «Не хватает, чтобы они захватили с собой ладан и мирту», — сердито подумал он.

Однако как только отец де Карло вместе с братьями Симеоном и Антонио вошли в кабинет, раздражение Фавелла как рукой сняло. Священник и монахи были вежливы, скромны и вели себя на редкость достойно.

Отец де Карло назвал себя, затем представил монахов.

— Мы благодарим вас за сообщение о Троице.

— Ну, меня-то не стоит благодарить, — смущенно протянул Фавелл.

— Бог вознаградит вас, — продолжал отец де Карло.

— Боюсь, что я не отвечаю вашим...

— Господь все равно вознаградит вас, — просто возразил священник.

Фавелл пожал плечами и подвел его к телескопу, объясняя на ходу, что это один из лучших в мире телескопов. Астроном показал им компьютер, мониторы, а также прозрачные слайды на освещенном стенде, позволяющие проследить движение трех звезд.

— Нам необходимо знать, где произойдет рождение, — напомнил де Карло.

— Мы сможем определить точку максимальной интенсивности в пределах квадратного метра. — Фавелл повернулся к телескопу.

Заметив, что Барри уставился на часы, Фавелл кивком пригласил всех в дальний угол кабинета к сканирующему монитору.

— Вы просто наблюдайте, а мы займемся всем остальным, — предложил он.

— А что это за цифры? — поинтересовался отец де Карло.

— Дни, часы, минуты, а самые быстрые — секунды, — пояснил астроном и вернулся к пульту. Оборудование обсерватории было настолько сложным и чувствительным, что поэтически настроенный Барри назвал его как-то мостом к звездам. Однако сегодня Барри был серьезен. Фавелл посмотрел на него, затем повернулся к мониторам. На одном из них простиралось звездное поле. На другом виднелась изрешеченная карта Земли. Астроном взглянул на цифры в углу, склонился к селектору, забыв о прежнем волнении, и вперился взглядом в экран.

— Переходите к квадрату восемьдесят четыре, — скомандовал Фавелл. — Угол наклона сорок четыре градуса двадцать один. Зафиксируйте AP-4.

Телескоп, отыскивая нужный участок пространства, так стремительно заскользил по звездному полю, что у отца де Карло закружилась голова.

— Задержите этот участок, — приказал Фавелл.

Изображение на мониторе застыло.

— Включите суперфильтр 1-A.

Экран потемнел, и Фавелл взглянул на часы. Три изумленных вздоха раздались одновременно, когда отец де Карло и монахи увидели темное небо в четком фокусе. Но астроном ничего не слышал, он слился с машиной в единое целое. Случись в эту минуту в обсерватории грандиозный пожар, вряд ли Фавелл заметил бы его.

Еще какое-то время изображение оставалось неподвижным, затем в центре, а также из двух точек снизу, начал пробиваться свет. Отец де Карло затаил дыхание. Руки сами собой молитвенно сложились.

Постепенно три светлых пятна начали сближаться, разгораясь все ярче и ярче, пока наконец экран не озарился ослепительной вспышкой. Ее сияние было настолько ярким и невыносимым, что Антонио, прикрыв ладонью глаза, откинулся на спинку стула.

— Включите десятый фильтр, — резко произнес Фавелл.

Фильтр притушил ослепительный свет трех слившихся дрожащих дисков. Отец де Карло заморгал, ожидая, что вот-вот с экрана вырвутся языки пламени. Он перевел взгляд на Фавелла и собрался было заговорить с ним, надеясь хоть на какое-нибудь разъяснение, но астроном был погружен в свою работу, глаза его перебегали с изображения звезд на цифры в углу экрана. Здесь, на земной карте, три диска сливались.



Фавелл бросил очередное отрывистое указание, и изображение на экране сменилось: теперь это был крупный план трех слившихся звезд. Максимальное свечение приходилось как раз над Британскими островами.

Де Карло взглянул на щелкающие в углу экрана секундные показатели:

0012

0011

0010

009

008

007...

Он перекрестился и затаил дыхание.

В глазах Фавелла, перебегающих с одного монитора на другой, плясали чертики, пальцы барабанили по пульту компьютера, и теперь уже вся обсерватория погрузилась в дрожащее мерцание, исходившее от двух экранов. Священник и монахи купались в сиянии, исторгнутом глубинами Вселенной.

003

002

001

000!

Оба экрана вспыхнули ярчайшим светом, а на карте, над южным участком Англии, запульсировали три диска. Монахи, молясь, упали на колени, а отец де Карло, не сдерживаясь более, разрыдался.

В этот момент в двадцати милях к северу от обсерватории Дэмьен вскочил с кровати. Он резко дернулся, будто с ног до головы был опутан веревками. В течение получаса он метался во сне, мучимый кошмаром, и вот теперь весь этот ужас становился реальностью. Пот струился по его телу, заливая простыни и пропитывая матрас. Глаза горели, а на приоткрытых губах застыл беззвучный вопль. Пальцы через скомканную простыню впились в кожу. Он неподвижно уставился в потолок, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Он даже не осознал, что за звук раздался совсем рядом: жуткий, чудовищный вой собаки, будто из ее черного тела вырвали душу.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### Глава десятая

Группа демонстрантов на площади Гросвенор, такая малочисленная с утра, постепенно росла и превратилась к обеду в толпу. Были вызваны дополнительные отряды полиции, прибыли репортеры, толпа еще более пополнила свои ряды, а отдельные выкрики можно было слышать уже и на Оксфорд-стрит, и на Парк-Лейн.

Когда к посольству подкатил автомобиль Торна, из толпы вырвались несколько человек, но их тут же задержали полицейские. Дэмьен вышел из лимузина и повернулся к толпе, задерживая взгляд то на одном, то на другом плакате.

«Осудить израильских зачинщиков кровавой бойни!»

«Где же твой голос, Америка?»

«Прекратите поддержку еврейских подонков!»

Сквозь толпу репортеров Дэмьен продирался ко входу в посольство.

— Как вы себя чувствуете, господин посол? — прозвучал первый вопрос.

— Как никогда хорошо.

— А не находите ли вы, что существует какая-то связь между тем, что произошло на Би-би-си, и сегодняшними событиями?

— Никакой связи.

Торн, окруженный репортерами и телеоператорами, протиснулся к двери. В это время отчетливо и громко прозвучал вопрос:

— Как бы вы прокомментировали заявление Шредера, будто за взрыв Асуанской плотины несут ответственность израильтяне?

— Если это соответствует действительности, — произнес Дэмьен, — происшедшее — настоящий удар по миру на всем земном шаре.

— Можно считать ваши слова официальным заявлением? — выкрикнул другой репортер.

— Я осуждаю всякое насилие, но делать выводы слишком рано.

Раздались многочисленные голоса, но Дэмьен, как бы извиняясь, развел руками и поспешил к дверям, которые один из его охранников услужливо распахнул перед ним.

Он уже заходил в здание посольства, когда услышал голос Кейт, позвавшей его. Дэмьен обернулся и увидел журналистку, проталкивающуюся к нему сквозь толпу.

— Доброе утро, миссис Рейнолдс. — Дэмьен кивнул телохранителю, и Кейт вошла в здание, не обращая внимания на возмущенную толпу репортеров.

Следом за Дэмьеном она добралась до лифтов и перевела дыхание.

— Я вчера пыталась вам дозвониться, но телефон не отвечал. — Кейт взглянула на посла. В ее взгляде еще сквозило тревожное воспоминание о случившейся трагедии. — Сможем ли мы хоть как-нибудь исправиться?

— Как, например? — полюбопытствовал Дэмьен, останавливаясь у лифта и нажимая на кнопку вызова.

Кейт пожала плечами. Пока она в уме лихорадочно перебирала все возможные варианты, Дэмьен сам пришел ей на помощь.

— Ну, к примеру, можно закончить интервью.

Кейт благодарно взглянула на него.

— Однако на этот раз я бы предпочел встретиться у меня, — продолжал Дэмьен. — Ваши апартаменты меня не очень-то устраивают.

Кейт облегченно вздохнула.

Дэмьен стоял перед разошедшимися створками лифта.

— Вы можете остаться на обед, если захотите. — Он вошел в лифт. — Мы будем втроем.

Кейт в недоумении захлопала ресницами.



— Вы, я и Питер.

«Почему Питер?» — подумала Кейт и выпалила скороговоркой:

— Спасибо, но мне кажется, что Питеру необязательно присутствовать.

— Мне бы хотелось, чтобы он пришел, — бросил на прощание Дэмьен, прежде чем дверцы лифта сомкнулись.

Кожа и дерево в кабинете Эндрю Дойла уступили место мебели, отвечающей вкусам Дэмьена. Сжав в руке телефонную трубку, Харвей Дин испытывал в кабинете Торна странное ощущение, будто все это уже происходило. Он стоял у окна и наблюдал за демонстрантами. Сквозь толстые оконные стекла до него долетали выкрики. Дин пытался определить размеры толпы.

— Когда Белый дом получил все это? — спросил он в трубку. Услышав ответ, Дин кивнул и бросил взгляд на часы. — Полагаю, мы можем ждать ответа... м-м-м... во сколько? К полудню по вашему времени? — Он помедлил, заметив отряд полицейских, направлявшийся к площади, затем продолжал со странным удовлетворением в голосе: — Я уже давно не видел ничего подобного. Даже представить себе боюсь, как все это выглядит у израильского посольства.

Дин прошел на середину кабинета, потянув за собой телефонный шнур. На его лице играла торжествующая улыбка.

— Нет, — возражал он кому-то, — мальчик. — Тут Дин увидел входящего в кабинет Дэмьена. — Я потом перезвоню, Поль, — бросил он на прощание и повесил трубку.

Улыбка Дэмьена улетучилась. Здесь, за закрытыми дверями, он мог позволить себе быть самим собой и не прятать свое отвратительное настроение.

— Это был Бухер, — радостно объявил Дин, не уловив напряженности, зависшей в воздухе. — Поль сообщил, что отправил сейчас в Белый дом доклад о Нубийском Фронте. Однако в этом докладе такие дыры, что впору танку проехать.

Дэмьен молча подошел к окну.

— Спасибо за цветы, — продолжал Дин. — Барбара очень признательна.

— Так как же все-таки насчет кинжалов? — раздраженно перебил его Дэмьен. Ему не хотелось говорить о мелочах.

Дин посмотрел на Торна, и вся его оживленность моментально испарилась.

— Бухер выясняет. Очевидно, кинжалы появились на аукционе, где были куплены священником, передавшим их в какой-то итальянский монастырь. — Дин подошел к письменному столу и заглянул в свои записи. — Суби... В общем, что-то в этом роде, — припомнил он.

— Субиако, — уточнил Дэмьен. — Монастырь святого Бенедикта.

— Да, точно, — согласился Дин. — Мы подключили к этому наших итальянских ребятшек, так что...

— Слишком поздно, — резко оборвал Дина Торн. — Птички

уже вылетели из клетки. — Он не отрываясь смотрел в окно. — Они уже в Англии. Пытаются засвидетельствовать рождение Назаретянина и уничтожить меня прежде, чем я сотру их с лица земли. — Дэмьен взглянул на небо. — Он родился этой ночью.

Дин склонился над письменным столом. Листки бумаги, разлетевшись, упали на пол.

— Как только он родился, я сразу же почувствовал его присутствие, — поворачиваясь к Дину, произнес Дэмьен. — Это как вирус, пожирающий мои силы, иссушающий мое тело.

Дин впервые видел Торна таким измученным. Под глазами черные круги, лицо прорезали морщины. Это был уже не прежний, молодой и подтянутый Дэмьен. Он как бы состарился за одну ночь.

— Изю дня в день, пока он живет и растет, — монотонным и тусклым голосом констатировал Торн, — мои силы будут таять.

Он снова отвернулся от Дина и уставился в окно невидящим взглядом.

— Назаретянин, неужели ты такой трус, что боишься встретиться со мной наедине? Прячься, если хочешь, но рано или поздно я выслежу тебя. Ты пригвоздил человечество к своему жалкому кресту. Вот так же я распну тебя на кресте забвения.

Дин вздрогнул и подошел к окну, пытаясь разглядеть то, что видел Дэмьен, стремясь понять и разделить его боль. Он заметил в центре толпы человека с плакатом. Плакат выделялся среди прочих: «Возрадуйтесь рождению Христову!»

Дэмьен и Дин увидели глаза священника, державшего плакат. Во взгляде его светилось торжество. Это были глаза победителя.

Дэмьен вздрогнул, отпрянул от окна, устало покачал головой и рухнул в кресло.

С наступлением вечера толпа постепенно рассеялась, площадь опустела, и только один человек оставался сидеть на скамейке. То и дело посматривая на здание посольства, он наблюдал, как постепенно гаснет свет в его окнах. Когда ко входу подкатил огромный лимузин, Мэтью поднялся и приблизился к посольству, но к автомобилю никто не вышел. Водитель сидел в машине и дремал. Только в одном окне горел свет, и Мэтью разглядел силуэты двух мужчин.

— Возрадуйтесь, — еле слышно произнес он, — ибо Христос снова с нами...

Дин начинал беспокоиться. Дел накопилась целая куча, а Дэмьен наотрез отказывался к чему-либо прикасаться. Вместо этого он впился мрачным взглядом в площадь и не произносил ни слова. Напряжение в воздухе достигло предела, и Дин то и дело выбегал в ванную, чтобы хоть на мгновение избавиться от него.

Священник на площади не трогался с места.

— Чего это он там сидит? — нарушил молчание Дин.

— Он ждет меня, — тусклым голосом объяснил Дэмьен, — заманивает в ловушку.

Дин негодуяюще хмыкнул:



— Да он, похоже, идиот. — И тут же почувствовал, как его ладонь инстинктивно сжимается в кулак. Уже одно присутствие священника было оскорбительным. — Что заставляет его думать, будто ты клонешь на крючок?

— Он знает, что именно это я и собираюсь сделать.

Дин недоуменно пожал плечами. Он вдруг вспомнил человека в студии, его обгоревший труп, и внезапно ему в голову пришла мысль, что один из кинжалов находится у этого священника.

Дэмьен приблизился к письменному столу, взял бинокль и навел его на скамейку.

— Если у него не хватает времени, я трачу время впустую, — заметил он.

Дин покачал головой. Это было слишком сложно для него. Полная бессмыслица. Дэмьен опять заговорил загадками. Но, может быть, лучше и не понимать всего этого...

### Глава одиннадцатая

Из вагонного окна Мэтью наблюдал, как фигура отца де Карло уменьшилась до размеров пятнышка. Он в последний раз помахал ему рукой, размышляя при этом, что ни разу, с тех самых пор, как силы добра и зла столкнулись в битве за его душу, не испытывал он подобных мук.

Накануне Мэтью проснулся, охваченный паническим страхом. Однако отец де Карло успокоил его.

Наконец наступила и его, Мэтью, очередь. Тридцать лет он прекрасно ладил и с Богом, и с самим собой. У него не возникало ни сомнений, ни страхов. В молодости его терзала собственная плоть, и Дьявол искушал его запретными плодами. В нем происходила настоящая борьба, пока он, наконец, не встал на праведный путь...

Мэтью склонил в молитве голову и попросил Бога даровать ему силы. Подняв голову, он вдруг осознал, что впервые остался совершенно один. Один — с тех самых пор, как переступил порог монастыря. Он взглянул на пассажиров. Сидящий напротив мужчины был занят своим портфелем. Семья по другую сторону прохода обедала, уплетая сэндвичи и запивая их чаем из термоса. Впереди сидели две женщины, бесстыдно выставившие на всеобщее обозрение свои тела.

Мэтью прижал к себе сумку, свисающую через плечо, нащупал через плотную ткань кинжал и вновь покрылся испариной. А сможет ли он воспользоваться кинжалом, когда пробьет нужный час? Будет ли он в состоянии вонзить кинжал по самую рукоятку в плоть и кровь? «Пусть это буду я, Отец, — умолял Мэтью Господа в воскресенье. — Пусть я буду единственной жертвой». Но тогда ушел Бенито. Теперь же была его очередь. То, что ему предстояло осуществить, являлось невероятной честью и привилегией. Мэтью вспомнил, как, впервые мельком увидел Антихриста, чьи пылающие глаза, казалось, буравили его насквозь — желтые, безумные глаза животного.

«Он прочел твои мысли точно так же, как ты прочел его», — объяснил тогда отец де Карло. Именно эти слова пробудили

в Мэтью мысль о приманке. Антихрист обязательно последует за ним. Он, Мэтью, вынудит его отправиться на поиски Сына Божьего. Эта роль и волновала, и пугала его.

Укачанный плавным ходом состава, он задремал, но вскоре проснулся и до самого конца пути не смыкал глаз, то и дело ощущая на себе любопытные взгляды окружающих.

Под вечер он сошел с экспресса, перебрался по мосту на противоположную сторону платформы и сел на другой поезд, старенький, с крошечным купе. В нос ударил резкий запах конюшни.

Оставшийся путь Мэтью проделал в тишине, если не считать стука колес и поскрипывания вагона. Вокруг простиралась зеленая однообразная сельская местность. Маленькие полустанки были безлюдны. Поезд периодически останавливался, но никто не входил в него и не покидал вагона. Монах какое-то время разглядывал оклеенные выцветшими фотографиями стены купе, затем вытащил кинжал и принялся поигрывать им. Пытался взяться за чтение, но никак не мог сосредоточиться. Когда поезд добрался до нужной станции, Мэтью облегченно вздохнул и ступил на платформу. Уже смеркалось. Он вышел со станции и зашагал по проселочной дороге. Прижав к себе перекинутую через плечо сумку, Мэтью приблизился к автобусной остановке и стал дожидаться автобуса. Наконец автобус вынырнул из-за угла и остановился перед монахом. Впереди, рядом с водителем, сидели двое мужчин. Мэтью кивнул им и прошел на заднее сиденье.

Через некоторое время он заметил роскошный лимузин, свернувший на ту же дорогу. Когда автомобиль поравнялся с автобусом, Мэтью успел заглянуть в глаза водителю. Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами, затем лимузин притормозил и отстал от автобуса.

Мэтью в страшном напряжении пытался справиться со своим волнением. Он дрожал с головы до ног. Итак, на приманку клюнули.

Мэтью раскрыл сумку и достал портативный передатчик, который дал ему де Карло. Он коснулся пальцами кнопок на панели и прижал его к уху. Никогда раньше не приходилось ему пользоваться такой штуковиной, но сейчас он был рад, что имел ее при себе.

В это время автобус круто повернул и затормозил. Обернувшись к Мэтью, водитель объявил, что это конечная остановка. Монах поблагодарил шофера и сошел с автобуса. Ему показалось, что он путешествует уже целую вечность. Автобус скрылся из виду, а Мэтью удовлетворенно хмыкнул, обнаружив тропинку, что вилась сквозь бархат дерна. Он радостно устремился по ней вперед, испытывая облегчение и приказывая себе не оглядываться. Он даже начал разговаривать с овцами, которые, оторвав морды от травы, удивленно поглядывали на него.

Послышался рокот автомобиля, и монах оглянулся. Силуэт лимузина четко вырисовывался на горизонте в лучах заходящего солнца.

— Отлично, — громко проговорил Мэтью, шагая по заболочен-



ному лугу и радуясь, что находится на открытом пространстве, вдали от автобусов и поездов, вызывающих клаустрофобические настроения.

Ему понадобилось минут двадцать, чтобы добраться до долины. Впереди на вершине скалы он разглядел очертания часовни. Купол ее был разрушен, в сумеречном свете возвыпались лишь неровные, обвалившиеся стены. Часовенка напомнила Мэтью монастырь, и ему вдруг захотелось домой. Глянув под ноги, он заметил белую палочку, воткнутую в землю. Мэтью остановился, достал передатчик, надавил на кнопку и поднес аппарат к губам. Чувствуя себя несколько глуповато, он заговорил в микрофон, и голос его напугал овец. «Мэтью у полукилометровой отметки. Тörn следует параллельно в сотне метров к северовостоку от меня. На нем голубой капюшон. — Мэтью помедлил. — Прием». «Действуй, как договорились, вперед в часовню». — Услышав ответ, Мэтью округлил глаза от удивления и улыбнулся про себя. Современная наука творит чудеса. Голос Мартина был слышен отчетливо, как будто тот был рядом, в каких-нибудь нескольких футах. Мэтью сунул передатчик обратно в сумку и зашагал вперед, пытаясь уловить шум автомобильного двигателя. Но единственное, что он услышал, был звук его собственного дыхания.

За все время путешествия собака ни разу не шевельнулась. Положив морду на спинку заднего сиденья, она устремила взгляд на дорогу сквозь автомобильное стекло. Лишь несколько раз, когда лимузин подскочил на ухабах узкой дороги, ее огромное тело слегка дернулось. Машина остановилась, и собака на-пряглась в ожидании. Когда открылась дверца, она выпрыгнула из автомобиля и напрямик устремилась в глубь лесочка, бесшумно и незаметно двигаясь туда, где на фоне ночного неба высился черный силуэт часовни. С каждым метром собака настигала свою жертву.

Мэтью добрался до кладбища и взглянул на часовню, высившуюся над ним. Сквозь разрушенные стены и пустые оконные проемы виднелась луна. Мэтью про себя поздравил отца де Карло за сделанный выбор. Место действительно как нельзя лучше отвечало предназначенной схватке. Разрушенная и заброшенная обитель Господа все равно являлась Божьим пристанищем. Гордость переполняла Мэтью. Он выполнил то, что было ему поручено. Довершить задуманное должны другие.

Мэтью крадучись пробирался между могил. Некоторые из них провалились, на других надгробия так накренились, что могилы казались сросшимися. Между могил металась какие-то тени. Вдруг Мэтью услышал страшный, как бы предупреждающий звук, и тут же к нему выскочила крупная овца. Несколько мгновений она стояла, застыв от ужаса, затем дернулась и, постукивая копытами по надгробиям, помчалась в сторону. Мэтью с улыбкой повернулся и проследил за овцой, пока она не скрылась из виду. Взглянув снова вперед, он отшатнулся. Из тьмы на Мэтью уставилось адское видение с чудовищными клыками...

Целый день напролет эти двое не отрывали глаз от дороги. Они болтали друг с другом, обсуждая всякую чепуху, как будто

разговорами о ерунде можно было отстраниться от жуткой реальности, и пристально вглядывались в темноту.

— Он уже должен быть здесь... — прошептал Паоло.

Когда он произносил эти слова, Мартин прижался к скале, ибо в это мгновение увидел Антихриста. Схватив Паоло за руку, он потащил его за собой через разрушенный вход внутрь часовни. Они подошли к темному массивному алтарю, возвышавшемуся посреди часовни, и спрятались в его тени.

Снаружи послышалось движение. Должно быть Антихрист запыхался, взбираясь на вершину скалы. И немудрено, так как карабкаться надо было на высоту порядка сорока футов. Монахи слышали тяжелое дыхание, словно застревавшее в горле. Заметив в дверях силуэт, они замерли, будто вросли в стену. «К алтарю, иди же к алтарю!» Это необходимо свершить на алтаре. Как бы повинуюсь их мысленному приказу, фигура решительно скользнула в сторону алтаря, положила на него руки и неподвижно застыла.

Зажав кинжал в правой руке, Паоло схватил Антихриста левой рукой за шею, как его учили, и вонзил клинок. Он услышал треск костей и почувствовал, что рука немеет от охватившего его шока. Паоло хотел было выпустить из рук кинжал, но вместо этого погрузил его еще глубже. Пальцы коснулись капюшона. «Пожалуйста, только не кричи», — пробормотал Паоло.

Бубня что-то себе под нос, Мартин высоко занес кинжал, ударил по капюшону, но промахнулся. Лезвие, попав в плечо, скользнуло по нему и вонзилось в позвоночник.

Выдернув кинжалы, монахи отшатнулись. В жутком оцепенении они наблюдали, как тело качнулось вперед и, медленно оседая, упало на алтарь лицом вниз.

Наступила короткая тишина, затем Паоло шагнул вперед и перекрестился, бормоча молитву. Мартин двинулся следом за ним. Монахи с трудом перевернули тело и оцепенели. Перед ними лежал Мэтью. Лицо его застыло в неестественной гримасе, невидящие глаза закатились так, что сверкали одни белки.

Паоло и Мартин отпрянули от тела, отирая об одежду руки, и в ужасе уставились друг на друга. Губы их беззвучно двигались, они пытались найти объяснение, но его не было. Паоло поднял к небу полные страдания глаза, только бы не смотреть в это страшное, искаженное гримасой смерти лицо. «Господи, Спаситель, — прошептал он, — избавь наши умы от помрачения, предотврати беду...»

Вдруг сзади раздалось звериное рычание. Повернувшись всем телом, Паоло увидел огромную собаку. Мартин тоже обернулся и застыл на месте, впившись взглядом в черного пса. Монахи инстинктивно отступили назад, а чудовище, стоявшее в дверном проеме, переводило свои пылающие глаза с одного на другого. Шерсть на нем вздыбилась, огромная пасть была оскалена.

«Окно», — мелькнула у Паоло спасительная мысль. Они забегутся в оконный проем и дождутся, пока эта тварь исчезнет. Паоло почувствовал в руке ладонь Мартина и двинулся к окну, но в оконном проеме вырисовывался череп шакала, таранившийся на них пустыми глазницами, в которых ритмично пульсировала кровь. Череп как будто освещался изнутри.



Монахи в ужасе отшатнулись. С их губ сорвалось невнятное бормотание. Мартин оступился. Пытаясь сохранить равновесие, он вцепился в волосы Мэтью, но пальцы его соскользнули в мертвые глаза. Мартин вскрикнул, отскочил и, опять споткнувшись, растянулся на каменных плитках. Взгляд его различил на полу ржавую решетку. Она была наполовину отодвинута. Повинуясь какому-то внутреннему зову, Мартин подполз к решетке и заглянул вниз. Это был старый заброшенный колодец с гладкими черными стенами. Дно его находилось у самого основания скалы. Не колеблясь ни секунды, Мартин протиснулся в отверстие и ухватился за прутья решетки. Ногами он пытался нащупать опору. Паоло забрался в колодец следом за ним. Монахи повисли, вцепившись в ржавую решетку на высоте пятидесяти футов от земли и прижавшись к стенам колодца.

Они неподвижно висели над пропастью. И вдруг отчетливо услышали какой-то странный, похожий на шлепанье, топот. Монахи взглянули вверх и увидели страшного пса. Собака замерла у края колодца, слюна стекала прямо на лицо Мартина. С минуту стояла она так, словно сторожа их, затем раздался скрежет. Решетка вместе с вцепившимися в нее монахами стала задвигаться. У Мартина и Паоло побелели косточки на запястьях — так крепко вцепились они в ржавые прутья. Тела их начали раскачиваться, ударяясь о стенки колодца, ноги болтались в воздухе.

Решетка тяжело и плотно задвинулась. Собака торжествующе зарычала. Паоло бросил на пса взгляд и почувствовал, как его левая ладонь, еще влажная от крови Мэтью, постепенно соскальзывает. И вот он уже висел на одной руке, опираясь о стену. Со второй попытки ему удалось опять ухватиться правой рукой за прутья. Тяжело дыша, Паоло смотрел вверх. А собака тем временем надавила лапой на пальцы Мартина. Монах закричал, пытаясь оторвать собачью лапу.

— Не двигайся, — прошептал Паоло. — Оставь ее...

Лицо его исказилось от страха. Мартин, уставившись на Паоло, покачал головой. Рот у него приоткрылся, будто он силился что-то сказать, пальцы соскользнули, и Мартин рухнул вниз. Паоло зажмурил глаза, но заткнуть уши он не мог. Он услышал протяжный вопль Мартина и стук тела о скалу.

Собака вновь зарычала, а затем как сквозь землю провалилась. Паоло открыл глаза. Он был сильным и выносливым, но прекрасно понимал, что может провисеть еще минуту-полторы от силы. Ему оставалось прожить безумно короткий промежуток времени. И тут Паоло заплакал, слезы струились по его лицу, стекая на подбородок. В свои последние секунды он надеялся, что боль не продлится целую вечность...

## Глава двенадцатая

Впервые за этот год денек выдался по-настоящему теплым. Весенний солнечный свет заливал гостиную в загородном доме Дэмьена. Он бил в глаза телевизионщикам, устанавливающим оборудование.

Обычно молчаливые и циничные, сейчас они перебрасывались шуточками. Удивительно, как на свой лад перекраивало людей весеннее солнце.

А на террасе Дэмьен и Дин без особой радости разглядывали весенние цветы. Оба предпочитали осень. Молча прогуливались они вдоль террасы, и Дин размышлял про себя, станет ли Дэмьен когда-нибудь вновь нормальным человеком. Напряжение Торна распространялось на весь персонал, и Дин на своей шкуре ощущал состояние Дэмьена, как будто страдания того были чем-то вроде заразной болезни. Дин плохо спал, стал раздражительным. Он прекрасно прожил бы без этой Рейнолдс, вечно торчавшей рядом. Она являлась частью их тревог. Дин был в этом уверен. Но в конце концов это не его дело.

Дин решил нарушить затянувшееся молчание.

— Итак, у нас уже четыре кинжала, — начал он.

Дэмьен кивнул:

— Дин, осталось три, но я не могу больше терять время. — Он помедлил, затем еле слышно продолжал: — Единственный способ отделаться от Назаретянина — это истребить по всей стране всех младенцев мужского пола, родившихся ночью двадцать четвертого марта.

Дин оторопел, не веря своим ушам, и взглянул на Дэмьена. Лицо Торна выражало твердую решимость, и Дин даже присни-  
снул, пытаясь мысленно охватить грандиозность предложения.

— Но можем ли мы быть уверены, что он до сих пор еще здесь, в стране? — сделал он слабую попытку возразить.

— В пророчестве сказано, что Он явится на острове Ангелов, — заявил Дэмьен. — А эти педантичные христиане точно придерживаются буквы предсказания.

Они пришли в сад. Дэмьен сорвал цветок с куста рододендрона и принялся обрывать лепестки.

— Как Барбара? — поинтересовался он.

— Хорошо, — ответил Дин.

— А как твой сын?

Дин тут же подавил в себе страшную догадку.

— Прекрасно, прекрасно, — заверил он Торна.

Их окликнули. Дин повернулся и увидел, что к ним подбегает Питер. Дэмьен даже не взглянул на него, по-прежнему не сводя глаз с Дина.

— Он ведь родился ночью двадцать четвертого марта, не так ли?

— Кто? — Дин прикинулся дурачком и тянул время.

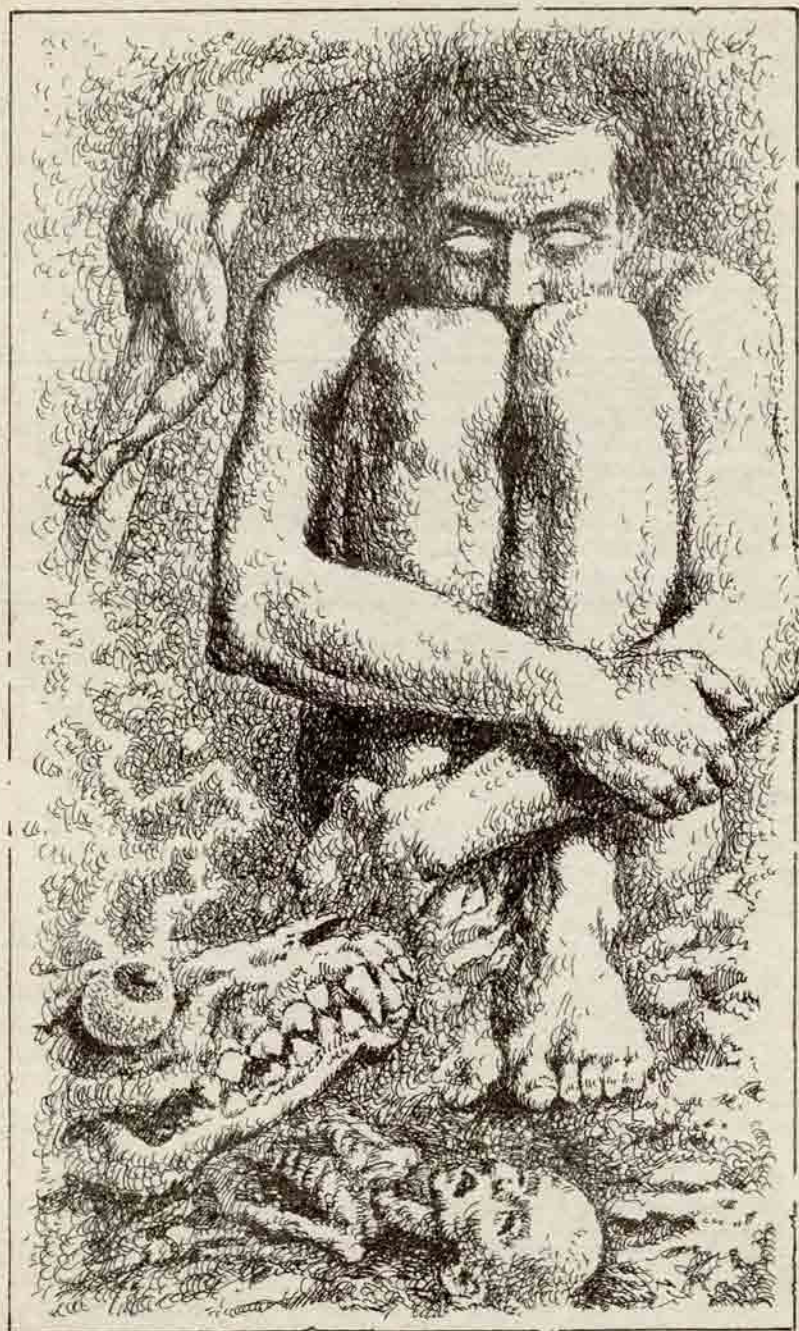
— Твой сын.

— Нет. — Впервые Дин солгал Дэмьену. До сегодняшнего дня в этом не было ни нужды, ни смысла. Этот человек читал все его самые сокровенные мысли. — Нет-нет, — повторил Дин, — двадцать третьего марта, как раз перед полуночью.

Питер подбежал к ним и передал, что мама готова начать работу.

— Скажи ей, что мы уже идем, — пообещал Дэмьен, все еще пристально глядя на Дина. Он оборвал с цветка все лепестки





и теперь мял в пальцах его сердцевину. — Уничтожьте Назаретянина, — еле слышно произнес Торн.

— Но как? — раздраженно бросил Дин.

— Для этого-то и существуют ученики, — просто заметил Дэмьен. — Собери их всех на острове в воскресенье. В субботу я прихвачу с собой на охоту в Корнуэлл Кейт и Питера, так что туда доберусь сам.

Он повернулся и зашагал к дому, улыбнувшись и пожелав Дину приободриться.

Дин наблюдал за ним. Да уж, приободриться. Пожелание в духе британцев: «Возьми себя в руки. Вот теперь можешь и чай с орешками попить». Внезапно Дин осознал, как остро ненавидит эту женщину. Именно она оказывает на Дэмьена плохое влияние. И впервые Дин почувствовал безотчетный страх, будто совершил ужасную и непоправимую ошибку. Волна внутреннего сопротивления поднялась было в нем, но он тут же совладал с ней и направился в кабинет, где хранились документы, в том числе и разнообразные списки. Бежать ему было некуда. Он давно продал свою душу, и никто не мог вернуть ее ему. Сожалеть о чем-то уже поздно. Однако, подойдя к письменному столу и подняв телефонную трубку, он поклялся себе, что одной вещи не сделает никогда, даже если это будет означать для него великие муки...

В тридцати милях к востоку, в Чэнсэри Лейн — самом сердце обитания английских юристов, — молодой адвокат по имени Фрэнк Хатчинс поднял трубку, внимательно выслушал звонившего и, порозовев от волнения, повесил ее. Он вызвал своего клерка и отпустил его на весь день. Убедившись, что персонал покинул контору, Хатчинс подошел к сейфу, вытащил справочник и положил его рядом с телефоном.

Сколько же лет прошло, попытался вспомнить адвокат. Три года назад его взяли на службу, правда, целый год он валял дурака, томительно ожидая настоящего дела. Наконец ему оказали такую честь, и он достойно справился со своей работой. А начал Хатчинс с того, что принялся выуживать из воскресных газет нужную информацию. Он выискивал заголовки вроде «Сатанизм и сотворенное им зло» и тщательно исследовал подобные статьи. В конце концов у него собралось изрядное досье.

И вот его час пробил. Хатчинс трудился весь день напролет. Когда он покинул свой кабинет, в ушах все еще стояло дребезжание телефонных звонков. Адвокат закатился в бар и, в одиночестве восседая за стойкой, потягивал «чери».

Для сестры Ламонт поменять свою смену на другую было делом несложным. Подружка Шарки знала об ее новом ухажере и догадывалась, как он ей дорог. Когда Ламонт попросила о замене, Шарон великодушно уступила, проворчав, правда, что теперь у нее получилась двойная смена.

Сестра Ламонт поблагодарила Шарон, упаковала свою дорожную сумку и отправилась на станцию. В понедельник Шарон требует от нее детального изложения событий, поэтому прямо



сейчас, не откладывая в долгий ящик, ей надо напрямч свою фантазию и сочинить достойную историю, чтобы развлечь бедную толстуху...

...В Хампстедде десятилетний Тревор Грант разработал план. Он прекрасно понимал, что родители ни за что не отпустят его одного на уик-энд. Если он исчезнет, то они поднимут на ноги всю полицию и начнется дурацкий переполох. Тревор позвонил своему кузену в Уэмбли и узнал, что сможет у того погостить. Значит, он выиграет какое-то время. А когда мать поймет, что он не собирается возвращаться в этот же день, Тревор будет уже в Корнуэлле и просто звякнет им, чтобы они не сходили с ума. Положив трубку, Тревор пересчитал свои карманные деньги и стал прикидывать, попросит ли у мистера Хатчинса денег на проезд или лучше просто стащить их. Он остановился на последнем. В будущем он еще не раз прибегнет к подобному решению...

В Ливерпуле преподобный отец Грэхэм Росс вызвал молодого священника и осведомился, не сможет ли тот провести воскресную службу за него. Воскресенье — день семейного траура, объяснил Росс. Молодой человек с готовностью согласился. Он выразил свои соболезнования, испытывая волнение при мысли о предстоящем выступлении перед многочисленной аудиторией.

— Благослови тебя Господь, — напутствовал священника Росс и вернулся в свой приход. Он возьмет с собой в Корнуэлл черное одеяние и свой любимый крест с фигуркой Христа, висящего вверх ногами...

...Доктор Горацио Филмор позвонил из своего кабинета жене и сообщил, что в этот уик-энд ему придется выехать на срочную деловую встречу. По ее голосу он понял, что жена не поверила ему. Возможно, она будет проверять, звонить, выяснять, и когда он, наконец, вернется, разразится чудовищный скандал. Да ладно, пусть орет сколько влезет. Он даже находил прелесть в этих ссорах, добавлявших перцу в их скучную семейную рутину...

...По всей стране мужчины, женщины и дети собирались в дорогу. Они еще раз проверили маршрут перед путешествием к их общей заветной судьбе. Каждый осознал, что готов выполнить все, что пожелает или потребует Дэмьен Торн.

### Глава тринадцатая

С тех пор как страшная весть обрушилась на него, Антонио был безутешен. Он любил их всех, особенно Мэтью, которого знал вот уже тридцать лет. Но постепенно его скорбь превращалась в гневное ожесточение. Он начал испытывать страстную ненависть к человеку по имени Дэмьен Торн. Если бы это было в его власти, он не просто вонзил бы в него кинжал. Он придумал бы для Торна долгую, мучительную смерть. Лежа в постели, Антонио представлял себе, как разрезает Дэмьена на мелкие кусочки. Бог не стал бы наказывать его за эту жестокость.

Днем и ночью монах раздувал пламя своей ненависти. Он начисто забыл об осторожности. Его безудержная ярость то и дело выплескивалась наружу, стоило в разговоре коснуться имени Дамьена Торна.

У Антонио имелся собственный план. Торна следует захватить, когда тот будет находиться без охраны. За ним нужно охотиться на открытом пространстве, зажать, обложить его, как зверя, каковым он и является.

На этот раз отец де Карло не возражал, поскольку у него просто не осталось выбора.

Пока поезд, громяхая по рельсам, уносил их на запад, Антонио поглядывал на юношу, примостившегося рядом. Симеон так юн и нежен. Он то и дело всхлипывал во сне, будто его одолевали кошмары. Антонио коснулся влажного лба юноши. «Бедный мальчик, — подумал монах, — такой чувствительный». Вот он — Антонио — никогда не испытывал кошмаров. Отец де Карло заметил однажды, что причиной тому — отсутствие у Антонио воображения. Ну а что еще мог сказать священник?

Всю дорогу Антонио обдумывал план, прорабатывал его до мельчайших деталей. Выполнение его потребует тщательной подготовки, точности, вплоть до секунды, и, конечно же, удачи. На везение приходилось только надеяться, но если разработать план досконально, то у него появятся шансы на победу.

70  
Все шло гладко с самого начала. Они устроились в деревенской таверне и через короткое время уже беседовали с местными фермерами. Общаться было довольно сложно. Люди в этой местности говорили на странном диалекте. Но все равно им удалось понять друг друга, и они без умолку болтали о политике, спорте и таких штучках, о которых Антонио знал лишь понаслышке. Но он был прекрасным слушателем. К концу вечера у них с Симеоном завелась уже куча друзей. Хорошенько надравшись пивом, Антонио лежал в постели и размышлял о том, что, останься он в миру, вполне мог бы достичь определенных высот на деловом поприще, ибо обладал умом расчетливым и предприимчивым.

На следующее утро они прогуливались по полям с одним из фермеров. Этот человек не задавал лишних вопросов и, когда Антонио спросил его, где можно достать лошадей и терьеров для охоты на лис, даже не удивился. Просто объяснил, у кого все это можно найти. Если человеку вдруг понадобился терьер, разве это не его личное дело? А захочет рассказать — так сам и расскажет.

Милю за милей оставляли они позади себя, вышагивая по полям то через молодую поросль, то через подлесок. По виадуку пересекли узкое ущелье, по дну которого протекала речушка. На несколько минут задержались на мосту и посмотрели вниз, на речку. Но взгляд Антонио впился в противоположный конец моста. Часть скалы здесь обрушилась, и в месте обвала виднелась влажная земля.

Битый час дремала лисица в своем жилище. Расслабившись и прижав уши, она время от времени принохивалась и потягивалась, пытаясь повернуться на бок. Но места в норе было



недостаточно. Лисица зевнула. При этом ее задние лапы вздрогнули, будто она собиралась бежать.

И тут животное почувало опасность. Навострив уши, лисица мгновенно проснулась и поползла, задевая головой свод норы. Снаружи доносился собачий лай и царапанье. Пятно света впереди — и без того небольшое — внезапно исчезло, как будто вход в нору чем-то загорделили...

Навстречу ей полз терьер, глаза его сверкали. Лисица стремительно прыгнула на него, вцепилась в собачью морду и затрясла ею. В какой-то момент она выпустила голову терьера, нацелившись ему в глотку. Подобрав под себя задние лапы, лисица завалилась на бок, мгновенно проскользнула под собакой и прижалась к стене норы. Лязгая зубами, терьер пытался выхватить клоч лисьей шерсти, но его противница оказалась проворней, она моментально подрыла лапами землю и молниеносно рванулась вперед, к свету.

И тут она мордой врезалась в какой-то предмет. Охваченная паникой, лисица пыталась развернуться, но не могла сдвинуться с места. Путь к отступлению был отрезан, ей некуда было деваться — ни вперед, ни назад.

Симеон действовал быстро. Как только лисица оказалась в клетке, он захлопнул дверцу. Монах крепко держал клетку, не обращая внимания на вылезшего из норы терьера. Тот был весь залепан грязью, с морды капала кровь, и он выл от боли и возбуждения.

Антонио, верхом на серой кобыле, наклонился, перехватил из рук Симеона клетку и торжествующе поднял кверху кулак.

Часом позже возле замка Мэнор вот-вот должна была начаться охота. Участники уже допивали глентвейн и возвращали грумам кружки. В утреннем тумане клубилось дыхание гончих и лошадей. Собаки нетерпеливо перебирали лапами, то и дело наталкиваясь друг на друга. Топча копытами землю, лошади были готовы сорваться с места в карьер.

Кейт расправляла на Питере курточку. «До чего же он красив, — подумалось ей, — в этих бриджах, сапожках и охотничьей куртке». Однако Кейт чувствовала, что сына раздражает ее внимание. Мужчины, отправляющиеся на охоту, не нуждаются в том, чтобы рядом суетились какие-то женщины, пусть даже их матери. Кейт отошла от сына, и тот быстро смешался с остальными участниками. Женщина с трудом сдерживала волнение. Пронзительное ржание заставило ее резко обернуться. В дверях показался Дэмьен и направился к великоленному антрацитовому жеребцу. Конь бешено повел глазами и, обнажив зубы, отпрянул. Волнение жеребца передалось и другим скакунам. Один из них несколько раз воровисто лягнулся, чуть было не сбросив седока, другие же, яростно раздувая ноздри, зафыркали и захрапели.

Вокруг черного жеребца засуетились люди. Странно, поразились они, что случилось с лошадьми? Обычно они были такими покладистыми. Однако и минуты не прошло, как грум успокоил антрацитового жеребца. Дэмьен сунул в стремя ногу и вскочил

в седло. Несмотря на охотничью одежду, он вдруг напомнил Кейт кого-то из героев вестернов. Видимо, из-за манеры сидеть в седле. Да, американцы по-другому скачут на лошадях, и она отдала должное мастерству Дэмьена. Кучка репортеров толкалась возле Торна, и Кейт улыбнулась. А неплохо будут смотреться в газетах снимочки: американский посол, репивший поразвлекся на охоте.

Питеру достался пони. Мальчик умело вскочил в седло и улыбнулся матери, когда та направилась в его сторону.

— Держись сзади, возле Сьюзен, — напутствовала сына Кейт, кивая молодой женщине на небольшой лошадке. — И не выпендривайся перед Дэмьеном.

— Не буду, — заверил ее Питер с ангельской улыбочкой на губах.

Кейт слишком хорошо знала эту улыбку. Он с кротким смиренным соглашался со всем, чтобы мать ни говорила, а сам, разумеется, делал все наоборот.

— И не заводишь понапрасну, — Кейт наклонилась, лаская пони, — тебе еще только предстоит крещение кровью.

— Что означает «крещение кровью»? — продолжая наивно улыбаться, спросил Питер, и глаза его округлились.

— Ты прекрасно знаешь, что это означает, — покачала головой Кейт.

— Честно, нет.

— Это старая охотничья традиция, — вмешалась в разговор Сьюзен.

— Ты сейчас впервые на охоте, — терпеливо объясняла Кейт. — Когда убьют лисицу, ее кровью вымажут тебе щеки. — Она улыбнулась. — Удовлетворен?

Питер кивнул, скорчил ей рожицу и обернулся на звук охотничьего рога.

— Будь осторожен! — крикнула Кейт.

Сын с любопытством взглянул на нее.

— Почему ты всегда дрожишь надо мной?

— Потому что я тебя очень люблю. Ты — единственное, что у меня осталось.

И вот они умчались — всадники на лошадях и целая стая гончих. Когда они достигли подножия холма, Дэмьен догнал передних всадников, непринужденно болтавших о том, как убить лису.

— Да уж, давно такого не случалось, — присвистнул главный егеря, — эти чертовы лисы стали такими хитрыми.

На вершине холма Дэмьен оглянулся, пересчитывая наездников. Всего двадцать пять человек, считая Сьюзен и Питера. Мальчик помахал ему, Дэмьен отсалютовал в ответ, а затем взглянул на главного егеря, который указывал на подлесок внизу, в четверти мили от места, где они сейчас находились. Старик приняхивался к чему-то, как те гончие, свору которых он только что направил вниз с холма. Собаки помчались что есть духу, пригнув к земле морды. Они слились в единое целое, испытывая безудержную радость от того, что вырвались, наконец, за пределы своей собачьей конуры.



Пока собаки прочесывали подлесок, всадники — кто терпеливо, кто от возбуждения привстав в стременах — ждали, готовые в любой момент рвануться вслед за собаками. Наконец тишина была прервана. Гончие залаяли. Главный егерь протрубил в рог и поскакал вниз.

Дэмьен последовал за ним. Остальные всадники помчались вдогонку. Переведа лошадей в галоп, они скоро достигли подлеска и, приблизившись к густой поросли, перешли на шаг.

Дэмьен, замороженный охотой, услышал вдруг сзади крик и звук падения. Он резко обернулся и увидел распростертое на земле неподвижное тело. Дэмьен с беспокойством переводил взгляд с одного наездника на другого, выискивая глазами Питера. Наконец кусты раздвинулись. Заметив мальчика верхом на пони, он улыбнулся.

Дэмьен первым выследил лисицу. Глаза его сузились, ноздри раздулись от возбуждения. Из горла вырвался сдавленный хрип, и Торн замер на месте, поджидая главного егеря. Мгновение спустя старый егерь издал воинственный клич и припустил свою лошадь сквозь кусты в сторону гончих и огненно-рыжего зверька, мчавшегося впереди через поле.

Дэмьен прижался к лошади и пустился в погоню. Он без труда опередил всех, возглавив кавалькаду. Еще через несколько секунд он догнал свору гончих и, распластавшись на своем черном жеребце, очень скоро оставил ее далеко позади.

Охотники восхищенно и с удивлением наблюдали, как мастерски управляет Дэмьен жеребцом. Никогда еще не доводилось им видеть, чтобы лошадь этой породы неслась так быстро...

Брат Антонио в бинокль разглядывал сцену погони и, довольный происходящим, улыбался. Все шло по плану.

Он повернулся к серой кобыле, вскочил в седло и поправил на спине ружье, постоянно бившееся о клетку, привязанную к передней луке седла. Лисица внутри клетки огрызнулась и бросилась было на него, но монах не обратил на нее внимания. Он проскакал по лесу добрую сотню ярдов и очутился наконец в намеченном местечке. Антонио спешился, отвел лошадь подалее в кусты и привязал ее. Потом отстегнул ружье и поднял его к плечу.

Прищуриль глаза, всматривался Антонио вдаль. Губы его были плотно сжаты. «Если бы все было так легко, — думал он, — если бы все это можно было разрешить ружейным выстрелом».

И тут Антонио заметил лисицу. Он спустил курок. Осечка. Он выстрелил снова, подбежал к убитой лисице, поднял трупик и, торопливо возвратившись той же дорогой, закинул его в кусты. Затем отвязал от седла клетку и стал продираться назад к тропинке. Он то и дело прислушивался, пытаясь определить, насколько приблизилась свора гончих. Она уже почти настигла его. Антонио молниеносно распахнул дверцу клетки, и лисица тут же выскочила на тропинку. Антонио бросился на землю и прижался к ней лицом как раз в тот самый момент, когда Дэмьен, а за ним гончие, преследуя лисицу, пронесли мимо.

Антонио подхватил мертвую лисицу, привязав ее к длинной веревке, вскочил на лошадь и поскакал обратно, надеясь поспеть

вовремя. На дороге он оказался за несколько секунд до того, как туда примчалась собачья свора. Когда Антонио внезапно появился среди них и неожиданно повернул в обратную сторону, собаки замешкались в растерянности, но затем одна за другой бросились следом. Они пытались ухватить труп лисицы, привязанный к лошади Антонио и тащившийся за ней на веревке по грязной дороге.

Через некоторое время монах свернул направо и поскакал галопом. За ним по пятам мчались гончие. За спиной он уже слышал стук копыт и крики отставших охотников.

Антонио ликовал. Разделив их, он добился своего. Все отлично работало.

На полном скаку монах подтянул веревку и ухватил лисицу за голову. Дорога из лесу теперь резко спускалась к берегу, где стояла мельница. Отвязав веревку от лисьего трупика, Антонио подбросил его высоко в воздух и еще успел заметить, как он свалился футах в тридцати от старой, разрушенной мельницы. Но монах даже не остановился. Времени было в обрез. К месту встречи он должен подоспеть вовремя.

...Дэмьен, распластавшись, мчался по тропинке, что-то нашептывая на ухо жеребцу. Лисица скрылась из виду, и Дэмьена это поразило. Похоже, что зверек несся сейчас еще быстрее, чем прежде, на старте. Лес поредел, Торн увидел впереди глубокое ущелье и мост через него. Лисица направилась напрямиком к ущелью, нырнула в ворота моста и устремилась дальше.

74 Дэмьен прищипорил лошадь и снова помчался вперед. За мостом расстиралось открытое поле. Там загнанной лисе уже не спрятаться. Оказавшись на мосту, Дэмьен мельком взглянул через парапет, а когда вновь поднял глаза, то увидел, что лиса вдруг остановилась и неожиданно исчезла в норе. Дэмьен выругался и в сердцах бросил поводья. Свора гончих огрызалась возле норы, собаки яростно рыли лапами землю, скуля от отчаяния и бессильной злобы.

Дэмьен спешил. Хрипло дыша, он сорвал с головы жокейский картуз и смахнул пот со лба. Похоже, егерь был прав — день выдался неудачным. Дэмьен подошел к собакам, наклонился и попробовал заглянуть в нору. А когда поднял голову, то увидел идущего в его сторону молодого монаха с кинжалом в руке. Дэмьен медленно распрягнулся, заметив, что монах запер за собой ворота с одной стороны виадука. Резко обернувшись, Дэмьен увидел, что и на противоположной стороне моста медленно закрылись ворота. Седобородый монах,двигающийся к нему верхом на лошади, тоже сжимал в руке кинжал.

Дэмьен окаменел. Его поймали в ловушку! Но как, как они могли это сделать, как могли угадать, куда именно побежит лисица? Однако времени на размышления не оставалось. С обеих сторон к нему приближались вооруженные кинжалами монахи.

Вглядевшись в лицо старца, Дэмьен отметил, что на его губах играет победная улыбка. Всадник и лошадь были не дальше, чем в десяти ярдах от него, когда Дэмьен перевел взгляд на кобылу и пристально, не мигая, стал смотреть в глаза лошади. Он нарисовал в воображении страшный финал погони шакалов за



лошадью: вот они настигают ее, впиваются зубами в ляжку, виснут на боках до тех пор, пока она не падает на колени. Ноги лошади изодраны в клочья, а шакалы яростно рвутся к животу, выгрызают куски мяса, терзают внутренности. Лошадь бьется от боли, угасающим взглядом обводя тварей с окровавленными пастями, пожирающими ее живую плоть...

Кобыла под Антонио вдруг резко остановилась, не реагируя ни на поводыя, ни на шпоры. Глаза ее расширились от ужаса, она замотала головой из стороны в сторону, но не смогла избавиться от пронзительного взгляда Дэмьена. Внезапно кобыла взвилась на дыбы и сбросила Антонио прямо на парапет. Лишь мгновение его тело удерживалось на парапете, а затем сорвалось вниз. Бессильно взлетели и опустились руки, из горла вырвался протяжный крик, оборвавшийся на дне ущелья.

Дэмьен резко обернулся. Молодой монах стоял в нескольких шагах от него. Лицо его побелело от ужаса, когда он взглянул через парапет на дно ущелья. Но монах быстро совладал с собой и, сказав кинжал, стал медленно приближаться к Дэмьену. Дэмьен не сдвинулся с места. Он просто перевел взгляд на самую большую собаку и стал смотреть ей прямо в глаза...

Однако теперь перед его мысленным взором проносились совершенно иные видения. Собака, как замороженная, не сводила с Дэмьена сузившихся глаз. Она наклонила голову набок и тяжело дышала. Всего несколько секунд стояла она замерев, потом медленно повернулась. Симеон находился в шаге от нее. Собака стремительно прыгнула на монаха, пытаясь вцепиться ему прямо в горло, но промахнулась и ухватила его за плечо, вырвав клок одежды. Симеон выронил кинжал, отступил назад и в полнейшем недоумении посмотрел на кровь, сочившуюся из раны. Он коснулся своего плеча и нахмурился. Несколько мгновений все стояли молча, застыв, как на картине: двое мужчин и собака. И тут второй пес бросился на спину Симеону. Собака когтями вцепилась в одежду, зубы ее лязгали. Она пыталась ухватить монаха за шею. Симеон рванулся, и пес, сильно ударившись о парапет, взвыл от боли. Но вот уже третья собака набросилась на монаха, а за ней и четвертая. Пинаясь и распыривая гончих, Симеон схватил одну из них за горло и сдвинул ей морду. Тут же, снизу, ему на грудь прыгнула еще одна собака. Симеон споткнулся и, неловко расставив руки, упал. Свора собак мгновенно облепила монаха, и крик его внезапно оборвался.

Дэмьен взглянул на часы. Схватка длилась всего полторы минуты, ровно столько, сколько одной из собак понадобилось, чтобы добраться до горла монаха и разодрать его. Теперь же свора обезумела от крови и еще долгое время терзала мертвое тело Симеона.

Для гончих эта утренняя охота выдалась на редкость удачной. Вернувшись в замок, Питер принялся жаловаться матери:

— Дэмьен, наверное, преследует другую лисицу, — ворчал он, — наша удрала за водопад.

Кейт пожала плечами.

— Думаю, и я предпочла бы утонуть, лишь бы не быть в клочья изодранной.

Питер с улыбкой взглянул на мать. Чувством юмора оба обладали с избытком, а это уже было кое-что, особенно в сложном подростковом возрасте.

Кейт стиснула руку сына, но Питер уже глядел через ее плечо и указывал на что-то пальцем. Она оглянулась и разглядела Дэмьена, скачущего в их сторону. Сзади него мчалась свора гончих. Морды их были в крови.

Питер устремился навстречу Дэмьену.

— Ты поймал лисицу? — приблизившись, воскликнул мальчик.

— Гончие не много оставили мне на память, — охладил тот его пыл, — однако я кое-что припас для тебя. — Дэмьен полез в карман и вытащил густо пропитанный кровью платок.

— Ты можешь окрестить меня этой кровью? — спросил Питер. — Это считается?

— Для меня считается, — заверил его Дэмьен.

Он наклонился и вымазал кровью щеки мальчика. Питер коснулся лица, увидел кровь на своих пальцах и прижал их к губам.

В сотне ярдов от них стояла Кейт. Она наблюдала за ними... и ей стало не по себе от увиденного.

#### Глава четырнадцатая

На протяжении всего долгого путешествия в Корнуэлл Фрэнк Хатчинс дразнил свое воображение, подогревая себя мыслями о предстоящей встрече. Он хотел приехать первым, чтобы стоять в первых рядах и видеть его, подойти к нему как можно ближе. Может быть, удастся даже переброситься с ним хоть парой слов и получить его благословение за все, что сделал он, Хатчинс. В конце концов ведь именно он — Фрэнк Хатчинс — собрал их вместе. Он являлся жизненно важным элементом в этом огромном организме, и, если, конечно, повезет, Дэмьен Торн его выделит.

Когда Хатчинс очутился на стоянке, он с радостью обнаружил, что ни один автомобиль не опередил его. Он прибыл рано. И он будет первым.

Хатчинс захлопнул автомобильную дверцу и двинулся по тропинке к убежищу среди скал. Нужно было пройти пешком с полмили, и, прежде чем Хатчинс добрался до места сбора, он услышал, как внизу волны бьются о скалистый берег, и разглядел мигающий вдали маяк.

Хатчинс некоторое время любовался морским пейзажем, затем начал спускаться вниз, к морскому берегу. Ночь была беззвездная, тьма — хоть глаз выколи, и он пару раз поскользнулся. Достигнув подножия, Хатчинс обернулся на скалы, окаймляющие их убежище.

Тайное убежище было необычным и странным, и Хатчинс почувствовал вдруг, как в нем начинает расти волнение. Кровь запульсировала в висках. Он обернулся и разглядел первых учеников, пробирающихся сюда, маленькие световые пятнышки от фонариков — три человека, четыре... еще одна группа,



и еще. Волна гордости захлестнула Хатчинса — вот он каков! — и он принялся расставлять всех на скале. Находясь среди учеников, Хатчинс перезнакомился с ними.

Назначенный час приближался. Хатчинс стоял на пляже возле молоденькой медсестры и озирался по сторонам. Каждый из присутствующих вглядывался в море, тысячи лиц, освещенных колеблющимся отблеском далекого маяка, тысячи белых пятен подобно чайкам на фоне темной скалы.

— Вот он, — шепнула сестра Ламонт, и Хатчинс взглянул на горизонт. Он тут же услышал шум мотора и свист вертолетных винтов. Хатчинс поперхнулся от волнения, когда огромный черный вертолет, мигая посадочными огоньками и кружась над ними, начал снижаться и опустился на берег в каких-нибудь пятидесяти ярдах от толпы. Хатчинс хотел было двинуться вперед, но остался стоять на том же месте.

Теперь он уже видел его, задержавшегося на мгновение в проеме вертолетного люка. Хатчинс внезапно задохнулся и тут же почувствовал, как медсестра прижалась к нему, ее ладонь коснулась его руки.

Дэмыен спрыгнул на берег и стоял неподвижно, ожидая, пока вертолет, взлетев, покружится немного над морем и исчезнет за горизонтом.

Воцарилось молчание. Дэмыен возвел руки к небу.

— Ученики Царя Ночи! — прокричал он. — Я стою перед вами от имени единственно подлинного бога — князя Подземной империи, сброшенного с небес, но ожившего во мне.

Он помедлил, затем продолжал:

— Вы слышите меня?

Каждая женщина, каждый ребенок и каждый мужчина в один голос ответили:

— Мы слышим и подчиняемся.

Свет маяка вновь достиг скал, выхватив из тьмы лица, застывшие в немом повиновении и страхе. В этом неясном свете Хатчинс на мгновение уловил выражение лица своей соседки: глаза горели возбуждением, губы были влажными.

— И теперь я вам приказываю, — опять раздался громкий голос Торна, — найти и уничтожить младенца — Назаретянина.

Медсестра ближе придвинулась к Хатчинсу.

— Убейте Назаретянина, и я буду царствовать вечно. Если вам это не удастся, я погибну.

— Нет, — прошептала Ламонт, — я не допущу промаха.

— Убейте Назаретянина, и вы, мои ученики, унаследуете Землю. Если вас постигнет неудача, вы бесследно исчезнете. Убейте Назаретянина, и вы познаете райскую жестокость и восторг отца моего.

Ламонт впенилась в руку Хатчинса, и тот почувствовал, как она прижалась к нему всем телом.

— Если вам не удастся сделать это, вы будете навечно прокляты в объятиях немощного и вялого Христа. Вы слышите меня?

— Мы слышим и подчиняемся, — хором прозвучал ответ.

— Ученики Царя Ночи, нельзя откладывать. Убейте Назаре-

тянина, и мы победим. Отныне и во веки веков. Вы слышите меня?

— Мы слышим и подчиняемся.

Дэмьен стоял перед толпой, отовсюду до него долетали слова: «Убить Назаретянина. Убить Назаретянина...»

В последний раз прокричав эту фразу, Хатчинс рванул к себе медсестру, и она вцепилась в него, на ходу раздирая одежду. Они тут же по-звериному схватили друг друга, совершенно забыв об остальных... Хатчинс услышал крик своей партнерши, перекрывающий все остальные голоса: «Дэмьен, я люблю тебя!», но ревности он не испытал, ибо в этот миг кричал то же самое.

### Глава пятнадцатая

Барбара Дин влюбилась в Лондон с первого взгляда. От их очаровательного домика в Хампстеде так и веяло уютом. Барбара с нетерпением дожидалась лета, когда можно будет порадоваться новых друзей умением создавать барбекю. А до чего красивы были лондонские улочки — такие узкие и своеобразные! Барбару поразили и антикварные магазины. Очень скоро она перенесла свое восхищение английской столицей и на жителей Лондона, казавшихся ей чудесными! Конечно, среди ее новых знакомых встречались и такие, что вели себя с Барбарой несколько заносчиво. Иногда казалось, что они просто насмеются над ней. Что за слово употребил Харвей, рассказывая ей об этих людях? Барбара порылась в памяти. «Высокомерные». Вот именно. А впрочем, это не имело значения. Похоже, англичанам и полагалось быть именно такими: высокомерными и отчужденными. Барбара разочаровалась бы, окажись они другими.

Хампстед являлся для Барбары Дин вершиной мечтаний, особенно теперь, когда она стала матерью. Это был идеальный уголок для воспитания ребенка.

Напевая про себя, Барбара составляла список покупок. Закончив писать, она заглянула в кошелек, проверила наличность и кредитки. Потом подошла к кроватке, взяла на руки младенца и слегка потрепала его. Малыш разудыбался. Когда мать уложила его обратно в коляску, он протянул к ней свои ручонки. И тут раздался стук в окошко. Барбара повернулась.

— Привет, Кэрол, — воскликнула она, помахав подружке рукой, — я сейчас.

Она завернула ребенка в одеяльце, взбила ему волосики и, направившись к двери, крикнула:

— Харвей!

— Да. — Голос Дина слабо доносился откуда-то из комнат.

— Я пошла в магазин с Кэрол.

— О'кей.

— Малыш со мной.

— О'кей.

Барбара опять принялась что-то напевать про себя. Она повернулась и выкатила коляску в сад перед домом. Коляска Кэрол находилась возле калитки, и Барбара поставила свою рядом. Женщины с обожанием рассматривали своих младенцев.



- Прямо как близнецы, — заметила Кэрол.
  - Ну, в какой-то мере они и есть близнецы.
  - В какой-то мере, — повторила Кэрол, чему-то улыбаясь.
- Барбара взглянула на подругу и рассмеялась.
- Только после тебя, — сквозь смех выдавила она.
  - Нет, это я после тебя, — заходилась бессмысленным хохотом Кэрол.

Задиваясь смехом, они выбрались на солнышко и покатали свои коляски вдоль улицы.

Дин некоторое время постоял у окна, наблюдая за женщинами, пока те не скрылись из виду. Затем вернулся к письменному столу, где были разбросаны листы. Он аккуратно собрал их в стопку. Это были фотокопии свидетельств о рождении. Хатчинс славно справился с заданием. Он был знаком с клерком из нотариальной конторы. Никому и в голову не пришло что-либо заподозрить, когда Хатчинс заглянул в контору и просмотрел какие-то документы. Предполагалось, что молодой юрист имеет право интересоваться определенными сведениями.

Дин перелистал свидетельства. Потом несколько минут сверял их со своими списками. Сливив данные, Дин вытащил из портфеля радиотелефон.

Сделав глубокий вдох, он на мгновение прикрыл глаза. И набрал номер.

— Петерсон? — заговорил Дин в трубку. — Это Харвей Дин. Ведь ты работаешь в этом секторе? ТК 1423 до ТК 2223. Понятно? Отлично. У тебя еще три в Ливерпуле.

Дин взял в руки три верхние фотокопии и прочитал адреса. Затем набрал следующий номер.

Когда с покупками было покончено, обе женщины сложили пакеты на сетчатые поддоны колясок. Ребенок Барбары уже спал, а младенец Кэрол забавно пускал пузыри.

Они остановились воле забегаловки на X-стрит. Кэрол заглянула в бар и вернулась с двумя бокалами пива. Так они и стояли, потягивая пиво и наслаждаясь ласковым весенним солнцем. Барбара в шутку заметила, что выглядит, наверное, как законченный алкоголик, подавая их крошечным сыновьям достойный пример. Допив бокал, она взглянула на часы и спросила Кэрол: «Ты будешь еще?»

Кэрол отрицательно замотала головой. Пора возвращаться. Подняв ладошки своих малышек, обе женщины помахали ими друг другу и в веселом настроении разошлись в разные стороны.

Некоторое время Кэрол следила за тем, как Барбара переходила улицу. «Какая же она милая, — подумала Кэрол, — и какая наивная. Но временами она слишком серьезна и не понимает, когда люди шутят. Принимает все за чистую монету!»

Ребенок пискнул, и Кэрол наклонилась и приласкала младенца. Тот заулыбался и выбросил из коляски погремушку.

— Ну ты и баловник, — воскликнула Кэрол, наклоняясь к тротуару и подбирая игрушку. Погремушка была в пыли, но женщина сунула ее в сумку. Малыш замахал ручонками.

— Саймон Джеймс Фрезер, — нарочито серьезно произнесла Кэрол, — ведите себя прилично.

В ответ ребенок что-то пробубнил, и мать рассмеялась. Никогда еще Кэрол не была так счастлива, как теперь. Через два месяца Тони уйдет в отпуск, и они снимут виллу на Корфу. Будут валяться на пляже и впитывать в себя солнце.

— И ты станешь толстым и загорелым, — обратилась Кэрол к сынишке. — Пухленький Саймон.

Розовая ножка высунулась из-под одеяльца, Кэрол пощекотала пяточку, спрятала ее под простынку и развернула коляску, чтобы идти дальше.

Вдруг что-то мелькнуло у нее перед глазами и стукнуло по плечу. Кэрол застыла на месте и завизжала от ужаса. Откуда-то сверху спускалась бечевка, и к ее концу, вверх лапками, была привязана серенькая белочка с перерезанной глоткой.

Кэрол отпрянула и в страхе оттолкнула трупик, всего на какое-то мгновение выпустив коляску из рук. Но этого было достаточно. Коляска стремительно покатила под уклон. Малыш продолжал весело махать матери пухленькими ручонками и улыбаться.

Кэрол бросилась вслед за коляской, но не успела схватить ее. Она побежала, пытаясь на ходу скинуть туфли на высоком каблуке, мешавшие бегу. Коляска неслась все быстрее и быстрее. Кэрол споткнулась, упала на колени, тут же снова вскочила и, всхлипывая, бросилась следом. Коляска достигла подножия холма, отскочила от тротуара и выехала на дорогу, Кэрол даже не успела прикрыть глаза, когда огромный грузовик налетел на коляску, раздавил ее, как картонную коробку, и пронесся дальше...

Спрятавшийся в кустах Тревор Грант подтянул бечевку с трупиком белки и рассмеялся, поздравив себя с успехом.

Роды были трудные. Схватки начались задолго до положенного срока, и матери сделали кесарево сечение. После операции она быстро пришла в себя, и ей разрешили взглянуть на сынишку, лежащего в инкубаторе интенсивной терапии. Ребенок весил всего полтора килограмма, но врачи заверили мать, что он вполне здоров и это всего лишь вопрос времени. Ее выписали домой и предложили навещать ребенка в любое время. А главное — не волноваться.

Ребенок спал и дышал кислородом. Он был одним из двенадцати таких же крошечных пациентов. Врачи и медсестры гордились сверхсовременным медицинским оборудованием палаты. С тех пор как ее внедрили, детская смертность в их округе снизилась в половину.

Две медсестры в белых халатах и марлевых повязках еще раз проверили, исправно ли оборудование. Наконец они покинули палату и, сняв повязки, направились выпить чаю. Когда они скрылись в конце коридора, сестра Ламонт проскользнула в двери палаты. Стояла тишина, слышалось только шипение кислорода. Ламонт подошла к первой кровати, взглянула на именную табличку, затем к следующей и так до тех пор, пока не нашла нужный инкубатор. Ламонт с любопытством заглянула в него. Ребенок набрал уже с момента рождения пару фунтов. Личико



его утратило неприятный синюшный оттенок, оно порозовело, как и ручки; дыхание стало ровным и легким.

Протянув руку к выключателю, Ламонт перекрыла в трубке кислород, отошла к окну и подождала несколько минут. Потом вернулась снова, пустила кислород и заглянула в инкубатор. Ребенок не шевелился.

Она взглянула на мирно спавшего ребенка и возблагодарила Бога. Дважды у нее случались выкидыши, и если бы третья беременность обернулась несчастьем, шансов у нее не осталось бы.

Мальчик родился чудесный, весил девять фунтов. Глазами и подбородком он был в отца. Когда вырастет, будет играть за сборную Англии, заявил ее муж на крещении в той самой церкви, где крестился и она. У ребенка будет все. Они ничего не пожелают для него.

Вокруг нее в церкви раздавалось пение. Она посмотрела на мальчиков, поющих в хоре, потом на мужа, на своих родителей, перевела взгляд на vikария и присоединилась к пению. Крестные отец и мать подошли поближе к купели.

— Возлюбленные чада мои, — заговорил преподобный отец Грэхэм Росс, — вы принесли сюда этого ребенка, дабы окрестить его. И я требую во имя этого дитяти отречься от всего дьявольского, дабы ничто бесовское не смогло соблазнить вас.

— Отрекаемся, — в один голос произнесли родители.

Викарий сделал шаг вперед и протянул руки. Мать еще раз взглянула на младенца и передала его vikарию. Она вцепилась в руку своего мужа.

— Я нарекаю этого ребенка... — начал Викарий.

— Александром-Дэвидом, — тихо подсказала мать.

— Благословляю тебя, Александр-Дэвид, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. — Росс повернулся, придерживая левой рукой голову мальчика, а правую опуская в купель, и побрызгал на лицо ребенка водой. Тот пискнул, сморщил носик и расплакался. — Мы принимаем это дитя в лоно церкви Христовой и благословляем его крестным знамением...

Сильные пальцы Росса нащупали на детском темечке мягкий, пульсирующий родничок, и ребенок навсегда перестал плакать.

В своей квартире на одном из верхних этажей молодая мать находилась на грани отчаяния. Какие-то варвары опять сломали лифт, и она не могла вывезти младенца на прогулку. Ее муж ушел в плавание, а ребенок заливался днем и ночью, сводя молодую женщину с ума. Его вопли действовали ей на нервы, а сегодня она проворонила молоко, и оно полностью выкипело. Женщина попыталась досчитать до ста. Затем снова принялась укачивать ребенка. В какой-то момент ей захотелось выпрыгнуть из окна, лишь бы избавиться от этого бесконечного крика. А там пусть разбирается полиция.

В прихожей раздался звонок.

Ворча себе под нос, она подошла к двери и открыла ее.

На пороге стояли два бой-скаута и приветливо улыбались.

— Доброе утро, миссис,— поздоровался один из них.— Мы пришли, чтобы помочь вам сегодня.

Она молча уставилась на них.

— У кого-нибудь из вас есть младшие братья или сестры?

— Да, миссис,— ответил мальчик.

— И вы знаете, как обращаться с младенцами?

— Да, миссис, я знаю, как играть с ними.

— Подождите здесь,— попросила женщина и направилась к своему ребенку, благодаря Бога за то, что на свете существуют бой-скауты. Она взяла младенца на руки и подошла к двери.

«Может быть, теперь,— подумала она,— у меня будет хоть немного покоя...»

### Глава шестнадцатая

Когда позвонил Тони и сообщил Барбаре страшное известие, она сначала никак не могла в него поверить. Потом, переварив в мыслях случившееся, свалилась в обморок. Придя в себя, Барбара проплакала целый час, а затем побежала к Кэрол. Но та находилась под присмотром врачей, и это продолжалось еще два дня. На третий день ее выписали домой, и женщины наконец встретились. Обнявшись, они разрыдались.

И теперь Барбара ежедневно навещала Кэрол, надеясь, что своим присутствием хоть чуть-чуть развеет тоску подруги.

Как только Барбара узнала о происшедшей трагедии, она тут же закатила коляску в гараж и никогда больше не пользовалась ею. Теперь она повсюду носила своего малыша на руках. Одна знакомая предложила ей специальный рюкзак, чтобы носить ребенка на спине, но Барбара отмела и этот вариант.

Несколько раз Барбара изливала свою душу Харвею. Она рыдала в его объятиях, бормоча что-то невнятное.

— Это моя вина,— всхлипывала Барбара,— нельзя было соглашаться пить пиво; если бы я отказалась, то, может быть...

Харвей пробовал успокоить жену, но она частенько видела своего ребенка во сне. Он спал в коляске, а та стремительно неслась вниз с холма. Барбара с криком просыпалась.

Харвей ничем не мог ей помочь. Последнее время он был постоянно чем-то озабочен и отдалился от жены.

Барбара Дин возненавидела Лондон.

В этот вечер за ужином они едва обменялись парой слов. Харвей угрюмо уставился в экран телевизора, а Барбара кормила младенца. Показывали какой-то вестерн. Его сменила очередная передача.

«Мир в фокусе», представляемый Кейт Рейнолдс...

Барбара задала себе вопрос, почему Харвею так не нравится эта женщина. Она находила ее довольно приятной. Конечно, несколько напориста, но такова уж ее профессия. А может быть, Харвей просто побаивается ее? Он инстинктивно бежал от агрессивных женщин, как от чумы.

— Добрый вечер,— поздоровалась Кейт, улыбаясь телезрителям. Харвей поднялся со стула, чтобы выключить телевизор.

— Сегодня первая часть нашей передачи будет посвящена



загадочному явлению, которое озадачило на этой неделе и полицию, и врачей.

Харвей потянулся к кнопке.

— ...загадочная смерть младенцев мужского пола...

— Подожди! — воскликнула Барбара, устраиваясь в кресле. Харвей пожал плечами.

— ...смерти при ряде обстоятельств, классифицируемых следователями как «несчастный случай».

— Харвей, сядь, мне не видно, — резко бросила Барбара, и Дин подчинился, взяв бокал с вином.

— В одном только Лондоне, — продолжала Кейт, — за последнюю неделю умерли семнадцать мальчиков, из Бирмингема нам сообщают о шести смертях, из Манчестера — о четырех, из Лидса — о двух и из Глазго — о восьми.

Барбара впиалась взглядом в экран.

— Эти цифры далеко не так безобидны, как кажется на первый взгляд, ибо они означают подъем детской смертности по стране на пятнадцать процентов. Детали пока не выяснены, и четкой картины происшедших трагедий не имеется. За исключением одного факта, — Кейт помедлила. — В каждом случае жертвой стал младенец мужского пола.

Барбара застыла, как изваяние, и вцепилась в сынишку. Дин повернулся к ней. Он хотел успокоить ее, заверить, что все хорошо, что он рядом и их ребенок в безопасности. Но слова застревали в горле. Он так ничего и не сказал и молча вернулся в кресло. Кейт тем временем представляла телезрителям сотрудников министерства здравоохранения и социальной защиты.

— Скажите, пожалуйста, доктор Филмор, какое объяснение вы можете предложить на данный момент?

Чиновник заерзал на стуле и пожал плечами.

— Ну, конечно, еще слишком рано делать какие-то определенные заявления...

Кейт оборвала его:

— Но тем не менее вы признаете, что это совершенно необъяснимый подъем смертности среди младенцев мужского пола?

— Да, конечно, тут наблюдается подъем, но ведь он наблюдается, например, и при эпидемии гриппа.

Камера вновь остановилась на Кейт, лицо которой выражало теперь явное презрение.

— Однако сейчас мы не ведем речь об эпидемии, — вскинулась она, — мы говорим о... — тут она принялась выбрасывать в счете пальцы, — об утопленниках, о пожарах в домах, автомобильных авариях, пищевых отравлениях. Во всех этих случаях гибли младенцы. — Кейт помолчала, размышляя над только что сказанным. Филмор тут же воспользовался паузой и обрушил на Кейт целый поток слов:

— Простите, если я скажу напрямик. Ваш панический репортаж — это как раз тот стиль представителей средств массовой информации, который не делает им чести. Должен заметить, что крайне безответственно преувеличивать факты, подтасовывая их, и таким образом устраивать очередную сенсацию. Самые бульварные газетчики подумали бы немножко перед тем, как напечатать подобный материал.

Камера снова застыла на журналистке, потерявшей дар речи и сидевшей с приоткрытым ртом.

Дин взглянул на жену. Она все еще хмурилась и прижимала к себе малыша, будто он мог рассыпаться на кусочки. «Филмор, конечно, молодчина, — подумал Дин, — именно поэтому они его и выбрали. Это было его лучшее выступление, однако, похоже, Барбару он вряд ли убедил». Дину оставалось надеяться, что Филмор убедил остальных.

— Что с тобой стряслось? — вопрос прозвучал обвиняюще.

— Извини, Боб, я просто не ожидала... — начала оправдываться Кейт.

— И позволила ему нести эту чушь...

— Да говорю же тебе, — выпалила Кейт, — это было абсолютно неожиданно. Мне и в голову не приходило, что беседа примет такой оборот.

— Довольно, Кейт, — взорвался коллега. — Надо было держаться с ним в том же тоне и не позволять этому негодню натянуть тебе нос. — Репортер резко повернулся и вышел из комнаты, оставив Кейт наедине со своим огорчением.

— Ах ты, кембриджский зазнайка, — раздраженно пробормотала Кейт. Посмотреть бы на него там, в студии, под лучами юпитеров. Со стороны легко критиковать. Но, в общем, он, конечно же, прав. Настроение Кейт окончательно испортилось. Ей никоим образом нельзя было позволить Филмору припереть себя к стенке. Он просто захватил ее врасплох. И журналистка не смогла дать ему отпор. А ведь это более чем странно. На протяжении многих лет Кейт считалась мастером интервью, где преобладали наступление и натиск. Ее мишенями становились люди, у которых, как говорится, было рыльце в пуху.

А вот почему Филмор повел себя подобным образом? Чем больше Кейт ломала над этим голову, тем сильнее запутывалась в своих догадках. И она сочла за благо забежать в бар и опрокинуть стаканчик вина.

Вернувшись домой, Кейт почувствовала раздражение. Обычно, возвращаясь, она забирала с собой на верхний этаж Питера, но сейчас было уже очень поздно, и он наверняка спал. Женщина припарковала машину и, поднявшись по ступенькам крыльца, принялась шарить в сумке в поисках ключей. При этом бубнила себе под нос, до чего же она никудышная мамаша.

— Миссис Рейнолдс...

Внезапно раздавшийся голос испугал журналистку. Она резко обернулась и увидела священника.

— Мне необходимо срочно поговорить с вами, миссис Рейнолдс...

Кейт удрученно вздохнула. «Нашел по телефонному справочнику», — подумала она. Пожалуй, она стала уж слишком известной. Все новые и новые незнакомцы прогуливаются у нее под окнами.

— ...о вашей передаче. Об этих смертных случаях.

— Демонстрация протеста одного из недовольных телезрите-



лей,— саркастически съязвила Кейт.— Как же все это надоедает.

— Наоборот,— возразил отец де Карло,— я поздравляю вас. Вы очень проникательны.

Кейт вставила ключ в замочную скважину.

— Ну и что дальше? — спросила она, наблюдая, как священник внимательно окинул взглядом окрестности.

— Нельзя ли мне поговорить с вами в доме?

Кейт отрицательно покачала головой.

— Извините, но...

— Меня зовут отец де Карло. Я священник.

— У меня был очень тяжелый день, святой отец,— устало произнесла женщина.— Может быть, вы позвоните моему секретарю на студию и договоритесь о встрече...

— Это дело чрезвычайной срочности, миссис Рейнолдс...

Кейт пристально посмотрела на священника. Он совсем не походил на человека, от которого можно было ожидать неприятностей. К тому же он, видимо, был искренен. «Ладно,— решила про себя Кейт,— пусть этот человек выскажется и успокоится». Она толкнула дверь и пропустила священника.

— Только, пожалуйста, говорите потише, мой сын спит.

Кейт проводила священника в гостиную. Как обычно, там царил полный хаос: повсюду валялись справочники, книги и листы бумаги. Поначалу журналистка решила извиниться за этот беспорядок, но потом передумала. Черт с ним, в конце концов. Никого она сегодня не приглашала.

Кейт усадила священника в кресло, а сама сбросила пальто. Она хотела узнать о цели ночного визита, но священник вдруг уставился в потолок и заговорил:

— ...Ирод послал их вперед, и они перебили в Вифлееме всех младенцев, родившихся в тот же день, что и Иисус, о чем царь выспросил у мудрецов.

С губ Кейт сорвался стон.

— Чего ради?..

Но отец де Карло приподнял руки, успокаивая женщину, и продолжал:

— Вы сообщили в своей передаче, что во всех этих смертных случаях прослеживается общая закономерность: жертвами оказались младенцы мужского пола.

Опустившись в кресло, Кейт согласно кивнула.

— Но есть и другая общая деталь, миссис Рейнолдс. Все мальчики родились между полуночью и шестью часами утра двадцать четвертого марта. И любой мальчик, явившийся на белый свет в это время, подвергается смертельной опасности, если с ним уже не покончено.

«Не покончено,— мысленно повторила Кейт.— Какой странный священник! Однако ну и хватка же у него».

— Так вы полагаете, что их всех убили?

— Нет, я утверждаю, что так оно и было.

— Но кому же понадобилось совершить это преступление?

Отец де Карло наклонился, и Кейт почувствовала, что он

волнуется. Руки священника дрожали, глаза блестели, он вообще выглядел так, будто не спал уже целую вечность.

— Он снова родился, миссис Рейнолдс. Так же, как и Антихрист, сын Сатаны, что было предсказано в «Откровении».

— Извините, святой отец, — прервала его Кейт, поднимаясь с кресла. — Я уважаю вашу веру, но не разделяю ее. — В душе женщина ругала себя последними словами, не понимая, как допустила в свой дом этого сумасшедшего. Надо было немедленно выпроводить ненормального священника.

— Вы не в полном смысле христианка? — поинтересовался де Карло.

— Я в полном смысле журналист, — отрезала Кейт, — а первая заповедь журналистики — быть Фомой неверующим. Мне нужно увидеть доказательства собственными глазами.

Отец де Карло тут же решил воспользоваться этими словами, раскрыл свой чемоданчик и вытащил какие-то документы.

— Вот доказательство. Почитайте.

Кейт неохотно взяла бумаги и разложила на столе. Это были копии свидетельств о рождении. Ее глаза расширились, когда она узнала несколько фамилий.

— Я раздобыл их в центральной нотариальной конторе, — объяснил де Карло. Кейт недоуменно уставилась на него, и священник продолжал: — Я, конечно, не могу взывать к вашей вере, но взываю к вашей логике. Кому может прийти в голову уничтожать мальчиков, родившихся в определенное время? Не тому ли, кто пытается стереть с лица земли единственного, нужного ему, ребенка?

— И кто же это? — спросила Кейт.

— Американский посол. Дэмьен Торн.

Кейт ошарашенно взглянула на священника и тут же залилась смехом.

— Дэмьен, — сквозь хохот выдавила она, пытаясь взять себя в руки. — Но я знаю Дэмьена.

— Вы знаете мужчину, — парировал священник, — но не его душу. Я человек религиозный, но не фанатик. Наша вера запрещает нам клеветать на человека... Если бы у меня была хоть капля сомнения в отношении Дэмьена Торна, моя вера приказала бы мне молчать.

Кейт заставила себя взглянуть священнику в глаза. Она посерьезнела, заигнотизированная его спокойной искренностью. Оба так напряженно вдумывались в слова друг друга, что не услышали, как Питер, на цыпочках прокравшись по коридору, притаился за дверью.

— Я наблюдаю за Торном вот уже двадцать семь лет, — продолжал де Карло. — С того момента, когда его отец переступил порог нашего монастыря и обратился к нам за помощью, не зная, как уничтожить Антихриста. На моих глазах Торн превратился во взрослого мужчину и смел со своего пути всех, кто пытался восстать против него.

Питер напряженно вслушивался, отступив слегка в темноту коридора.

— Вы знаете Торна, как мужчину, миссис Рейнолдс. — Свя-



щенник поднялся и достал из своего чемоданчика папку. — Я оставляю вам все сведения, но вы должны прочесть их до конца и только потом составить свое мнение. Когда вы дойдете до последней страницы, умоляю вас связаться со мной по адресу... — И де Карло записал на папке адрес. — Сделайте это как можно быстрее.

Кейт приняла из его рук папку и в упор посмотрела на священника.

— Я ничего не могу обещать вам, святой отец, — сказала она. — Вы говорите, будто я знаю Дэмьена, как мужчину, и не знаю его душу. Но ведь я и в собственной душе не разберусь, так как же я могу заглянуть в его?

— Господь подскажет вам, — улыбнулся де Карло и почувствовал вдруг неизмеримое облегчение от того, что скептицизм Кейт изрядно поубавился. — Имется знак, выделяющий Антихриста среди всех прочих. Вы найдете упоминание о нем в «Откровении Иоанна Богослова». А знак вы отыщете у Торна на затылке, под волосами. Это клеймо дьявола: 666. Да поможет вам Бог! — вымолвил он и направился к двери.

Питер резко отпрянул от нее и бесшумно устремился в свою комнату.

Священник ушел, и Кейт, прихватив папку, поднялась в спальню. В голове у нее царила полнейшая неразбериха, недоверие граничило со жгучим любопытством. Конечно, высказывания священника были безумными. Но надо непременно прочесть записи. Кейт забралась в постель и стала листать документы.

Ее взгляд наткнулся на газетную вырезку о назначении Торна президентом Совета по делам молодежи. Рядом, видимо, рукой священника, были сделаны несколько пометок. Когда Кейт мельком пробежала их глазами, на ум ей внезапно пришло интервью с Дэмьеном: он говорил, что стремится дать молодым людям большие полномочия в общественной жизни. В памяти вспыхнули страстность и красноречие, сопутствовавшие тогда его выступлению. Журналистка вспомнила древнее высказывание: «Отдайте мне мальчика, когда ему нет шести, и я завладею им навсегда».

Кейт вздрогнула, подумав вдруг об охоте, о Питере, о следах крови на его лице после «крещения».

В обширную документацию отец де Карло вложил и брошюру о «Торн Корпорейшн» со списком тех стран, кому эта корпорация оказывала помощь. На полях он добавил свой вывод: «Президент США к сорока годам».

Кейт попыталась разобраться в своих мыслях. Доверчивость — это, пожалуй, самый серьезный недостаток журналиста. Но и агрессивный скептицизм — не лучший стиль в этой области. Кейт припомнила своего первого шефа, однажды заявившего ей, что никакого труда не составляет бросить фразу, вроде «ну и чушь все это». Язвить или насмешничать, конечно же, неизмеримо проще.

Но ведь как раз в этом-то случае все и являлось чушью, разве

нет? Полное безумие. Она страшно утомилась, а священник воспользовался ее усталостью и предложил ей эту... ерунду.

Дэмьен Торн — сын Сатаны. Абсурд, бред. Кейт повернулась на бок и мгновенно провалилась в сон.

Она не слышала, как в спальню вошел Питер, взял в руки папку и впился глазами в оставленный священником адрес.

### Глава семнадцатая

Симптомы были налицо. Харвей Дин понимал, что ему грозит опасность превратиться в бросовую, ненужную вещь. Он боялся теперь просыпаться по утрам и идти на работу, чувствовал себя в присутствии Дэмьена на грани срыва. Дин пытался найти хоть какой-нибудь выход, но ничего путного придумать не мог. От этого никуда не уйти. Он вынужден помалкивать и надеяться на лучшее. Его будущее в чужих руках.

Чудовищность ситуации заключалась в том, что Дин внезапно обнаружил в себе страстную отцовскую любовь. Он был без ума от своего сынишки. Дин обожал в нем все, начиная с крошечных ноготков на пальчиках до торчащих на голове волосиков. Он любил малыша сильнее, чем Барбару и Дэмьена, вместе взятых. Однако вздумай он удрать с ребенком хоть на край света, его все равно нашли бы.

Дин что-то пробормотал в телефонную трубку и взглянул на Дэмьена.

— Израильтяне вцепились в Шредера, — заявил Дин. — Придется его ликвидировать, пока он еще не проболтался.

Дэмьен не отрывался от бумаг.

— Ну так сделайте это, — бросил он.

— У нас нет возможности подобраться к нему, — возразил Дин, не скрывая отчаяния в голосе. — Его ведь держат в Тель-Авиве, а ты один можешь сделать это, Дэмьен.

— Ты тоже в состоянии позаботиться об этом.

— Но ведь я только что сказал тебе...

— А я сказал тебе, — перебил его Дэмьен, поднимая, наконец, голову от письменного стола и насквозь прожигая взглядом Дина. — Я еще раньше говорил тебе, что силы мои будут убывать с каждым новым днем Назаретянина. Сколько осталось мальчиков?

— Может быть, один или два, — заверил Дин, взмолившись про себя, чтобы Дэмьен оставил его в покое.

— Включая твоего сына.

— Моего сына? — всполошился Дин. — Но, погоди, я же тебе говорил, что он родился двадцать третьего марта. Дэмьен, поверь, он...

— Убей Назаретянина, тогда поверю.

Зазвонил телефон, и Дин так вцепился в трубку, будто это была соломинка, за которую хватается утопающий. В трубке что-то хлюпало, и Дин нахмурился.

— Да? Кто это? — Он повернулся к Дэмьену. — Это сын Кейт Рейнолдс. Он звонит из автомата. Откуда у него твой номер?

— Я ему дал.

Дэмьен поговорил с мальчиком и повесил трубку, а Дин



исподтишка взглянул на него, пытаясь уловить, не вернется ли Дэмьен к начатому разговору.

— Будь осторожен, Дэмьен. Его мать звонила сегодня утром и хотела тебя видеть. Мне удалось отговорить ее, но...

— Почему ты мне ничего не сказал об этом? — оборвал его Дэмьен. — Я сам хотел поговорить с ней.

— Но это опасная женщина, — стоял на своем Дин. — Ее телешоу и так уже растревожило...

— Мне решать, кто для меня опасен, а кто — нет, — отрезал Дэмьен с потемневшим от гнева лицом. — Найди ее по телефону и передай, чтобы сегодня днем она приехала ко мне домой. Но не вздумай проболтаться о Питере.

— Ты хозяин, — буркнул Дин и сделал пометку в блокноте. Когда Дэмьен покинул кабинет, Дин вздохнул с облегчением.

Харвей рано покинул здание посольства, его терзали страх и сомнения. Автомобиль влился в вечерний поток машин и несся сквозь город на север. Через некоторое время Дин достиг холма, радуясь, что едет домой. Он желал только одного — чтобы телефон умолк навечно. Ах, если бы он мог прийти домой и, захлопнув за собой дверь, отгородиться от всего мира!

Дин поставил машину в гараж, вошел в дом и прямо с порога окликнул жену. Ответа не последовало. Он заглянул в кухню и столовую. Может быть, она вышла куда-нибудь? Хотя обычно она оставляла ему записку. Дин плеснул в бокал спиртного и по лестнице поднялся в свой кабинет. Открыв дверь, он замер, ошарашенно уставившись на бедлам, представший перед глазами.

Барбара с ребенком на коленях сидела в его кресле. Вокруг нее на полу были разбросаны бумаги. Тут же валялась опрокинутая картотека, ящики были выдвинуты.

— Какого черта? — начал бьюлю Дин и двинулся вперед. Барбара вся съежилась и крепко прижала к себе ребенка. Лицо ее исказилось гневом, глаза покраснели от слез.

— Не подходи к нему!.. — закричала она. — Убийца!

— Ты с ума сошла? — Дин попытался сделать шаг в ее сторону. Барбара схватила нож для разрезания бумаг и выставила его перед собой. Дин с побелевшим лицом застыл как вкопанный.

— Только тронь его, и я тебя прикончу, — выдавила жена. — Как ты прикончил всех этих детишек.

Дин протестующе открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Сегодня приходил священник, — выпалила Барбара, — и рассказал мне все о Дэмьене Торне. Он объяснил, кто такой твой шеф, и предупредил, что Торн убьет моего ребенка так же, как убил всех остальных, родившихся в этот час.

«Отрицай, отрицай все!» — мелькнула в голове Дина мысль, и он заговорил охрипшим голосом:

— Ты хочешь сказать, что веришь этим религиозным маньякам, которые...

— Нет, — оборвала его Барбара, царапая ножом стол. — Я сама нашла доказательства. — И протянула ему копии свидетельств о рождении.

Крыть Дину было нечем. Он тряхнул головой и принялся тереть лицо, будто получил удар в челюсть. Вид его был жалок. Ненависть в Барбаре мгновенно улетучилась, она подошла к Дину.

— Ради Бога, Харвей, помоги священнику уничтожить Дэмьена!

Дин взглянул на жену и кивнул. Окрыленная его согласием, Барбара кинулась к мужу.

— Он говорит, что ты можешь это сделать. Дэмьен доверяет тебе. Харвей, пожалуйста, свяжись со священником. Ради любви к Богу... ради любви к сыну.

Дин обнял жену. Они стояли среди всего этого хаоса, прижавшись к ребенку, и покачивались из стороны в сторону. Младенец улыбался им и дергал Дина за волосы.

### Глава восемнадцатая

Будучи ребенком, Кейт неизменно пробуждала в своих родственниках и их знакомых одни и те же чувства. Ее считали излишне самоуверенной. С этим клеймом она и росла, пока не отправилась учиться в Лондон и Париж. Вот уж там Кейт развернулась на полную катушку: без всяких утрызений совести ложилась в постель с каждым встречным-поперечным. Она сама нашла Фрэнка и выскочила за него замуж, ко всеобщему восторгу своих родственников.

Когда Фрэнк скончался, все дружно решили, что Кейт непременно сломается, ибо эта трагедия была в ее жизни первой. Но никто не увидел в ее глазах даже слезинки.

С тех пор у Кейт было еще трое мужчин. Она сама их выбирала, была с ними счастлива и сама же отказывалась в дальнейшем от них. Кейт рассказывала им о Фрэнке, но запрещала лезть в душу. Ей удалось сохранить со своими бывшими партнерами дружеские отношения. Кейт часто повторяла, что первым признаком зрелости является способность сохранить дружбу с прежним любовником. Однако в холодные часы ночного одиночества она жаждала близости с тем, с кем невозможны после расставания никакие отношения. Проснувшись утром, Кейт отбрасывала свои ночные мечты, как сентиментальный, романтический бред.

Самонадеянный, уверенный в себе профессиональный журналист. Да, все так и было. Пока она не встретила Дэмьена Торна.

Кейт проснулась этим утром, цепляясь за обрывки сна. Сначала она никак не могла понять, где находится, а потом сразу вспомнила. Сумасшедший священник и его безумные теории. За завтраком Кейт пыталась сосредоточиться на бумагах и утреннем сообщении по радио, но вчерашний разговор с де Карло постоянно лез в голову, перебивая все другие мысли.

Добравшись до письменного стола, Кейт позвонила в посольство. Она еще точно не знала, что скажет, но уж что-нибудь придумает. Все зависит от того, кто снимет трубку. Однако проблема разрешилась сама собой. Торна не было на месте. Кейт продиктовала записку для него и постаралась тут же забыть



о Дэмьене. Она принялась просматривать почту, затем пробежала глазами свой еженедельник, но так и не смогла сосредоточиться. Ее мозг напоминал в это утро расстроенное банджо с тренькающими не в лад струнами. Через полчаса Кейт сдавалась. Это было уже совсем плохо. Она сгорала от любопытства и ничего не могла с этим поделать. Захлопнув еженедельник, Кейт поднялась из-за письменного стола и направилась в библиотеку. Там она попросила все газетные материалы, касающиеся Дэмьена Торна.

Библиотекарь скорчил гримасу:

— Уж не собираетесь ли вы снова брать у него интервью?

Кейт одарила его лучезарной улыбкой. С такими людьми необходимо поддерживать дружеские отношения, иначе здесь придется торчать целую вечность.

Она взяла подборку и начала читать ее с самого начала, с заметки о няне Дэмьена по имени Чесса, которая повесилась во время праздника в Пирфорде, когда Дэмьену было всего четыре года. Газетная вырезка пожелтела от времени. Кейт перевернула страницу и принялась читать дальше. Миссис Кейти Торн, жена американского посла, сильно пострадала при падении в своем загородном особняке. Она была беременна и потеряла ребенка. Катерина Торн умерла при таинственных обстоятельствах, выбросившись из окна больницы.

— Господи! — выдохнула Кейт.

Роберт Торн. Она, конечно, знала о нем, это было частью трагедии Дэмьена. Затем шли газетные вырезки о процветании и росте влияния «Торн Индастриз». Была упомянута история некоего Уильяма Ахертон, исполнительного директора компании. Он утонул во время уик-энда на даче Торнов. Трагедия произошла на реке, возле загородного особняка. Сообщалось, что Ахертон во время игры в хоккей провалился под лед. Следом за этой заметкой стояла другая: о трагедии с Дэвидом Пасарианом — шефом отдела по сельскохозяйственным исследованиям компании «Торн Индастриз». Он погиб, когда в помещении его отдела проходила экскурсия учащихся из школы Дэмьена. Этот случай по сравнению с другими был очень коротко изложен, как будто газетчики вообще не придали ему никакого значения.

Кейт сморщилась, заметив на своем пальце капельку крови. Она, оказываясь, сидела и грызла ногти, чего не делала никогда в жизни.

Как зачарованная, Кейт продолжала читать: кузен Дэмьена Марк умер в возрасте тринадцати лет. Также таинственная смерть, хотя вскрытие показало, что был разрыв сосудов головного мозга.

— Тринадцать, — еле слышно прошептала Кейт. — Всего на год старше Питера.

Дальше читать она не смогла. Хватит!

Лицо Кейт искажилось от всей этой информации, из пальца продолжала сочиться кровь. Кейт сходил в ванную и сполоснула руки. Смерть и разрушения, трагедии и загадочность, несчастные случаи без видимых причин. Да и тот труп в студии никто не опознал. Здесь крылась еще одна тайна.

— Кейт!

Журналистка обернулась и увидела на пороге своего секретаря.

— Некто по имени Харвей Дин только что позвонил из американского посольства. Он передал, что тебя хочет видеть посол. Ты приглашена сегодня на обед в его загородный особняк.

Кейт поблагодарила и вытерла руки. Внезапно ее охватило волнение. Чувствуй все это. Ведет себя, как школьница, собирающаяся на свой первый бал. Кейт взглянула в зеркало и показала своему отражению язык. Она вернулась к письменному столу и снова заглянула в свой еженедельник. Если она поедет в Пирфорд, придется отложить две встречи. Ничего, обойдутся. Эти могут и подождать. В конце концов, если уж так приспичит, она объяснит режиссеру, что уточняла некоторые детали.

Конечно, для режиссера Кейт могла придумать любую историю, но обманывать себя не было никакой нужды. Ведь не существовало ни одной веской причины, побуждавшей ее к визиту. Ехала она только потому, что он хотел ее видеть. И все. Проще не бывает.

Пока Кейт колесила по окраинам западного Лондона, она то подпевала песенкам, доносившимся из динамиков приемника, то отвечала на вопросы радиовикторины. Но как только машина вылетела на загородное шоссе, рокот мотора заглушил все остальные звуки. Кейт выключила радио и принялась воображать свой разговор с Дэмьеном.

— Вчера вечером ко мне приходил священник, — громко сказала Кейт самой себе.

— Неужели?

— Он заявил, что ты — сын Сатаны.

— Сатаны?

Кейт усмехнулась.

— Ты что-нибудь слышал о гибели младенцев?

— Да.

— А ты знаешь, что все они родились между полночью и шестью утра двадцать четвертого марта?

— Да, что-то в этом есть, не так ли?

Кейт встряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Вокруг тебя все время умирают люди...

Кейт сделала над собой усилие и попробовала улыбнуться. Перед глазами опять возник обгоревший труп. На какую-то долю секунды ей вдруг захотелось развернуться и бежать отсюда. Если у нее осталась хоть капля здравого смысла, надо держаться подальше от Дэмьена Торна. Но мысль эта тут же исчезла. Кейт внимательно следила за дорогой и вскоре вынырнула на финишную прямую.

Привратник сообщил Кейт, что ее ждут. Она подрулила к особняку. На пороге появился Джордж — слуга Дэмьена и, поклонившись, пропустил ее в дом. Кейт зябко поежилась, выйдя из автомобиля. Здесь было холоднее, чем в городе.

— Посол в кабинете, мадам, — доложил Джордж.

— Спасибо, — ответила Кейт и подумала про себя: «Неплохо иметь лакея, а заодно и повара, и шофера, и массажиста, и...»



— Кейт, как это мило, что вы приехали, — произнес Дэмьен, поднимаясь из-за стола. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо. У меня и так после этой поездки голова, как кочан капусты.

— Тогда можно подышать свежим воздухом. Прогуляемся по окрестностям, — предложил Дэмьен.

— Отличная идея.

Кейт наблюдала, как он облачался в замшевый пиджак. «Да, — прикинула она, — у него прекрасные глаза и овал лица. Интересно, сколько девчонок имел он в колледже и сколько после окончания его? И почему о них никто никогда не упоминал?»

Застегивая на куртке «молнию», Дэмьен с трудом подавил зевок. Сильнейшая усталость проглядывала даже сквозь загар. Интересно, откуда у него эта усталость? Кейт собралась было спросить Дэмьена, но сдержалась. В конце концов это не ее дело.

— Готовы? — поинтересовался Дэмьен, раскрывая окна и дверь. Кейт прошла мимо него на террасу, и они направились в сад. В какой-то момент Кейт вдруг оглянулась на дом, прикидывая, из какого окна с петлей на шее выпрыгнула няня Дэмьена.

Торн провел ее через розарий к забору, за которым земля покато спускалась к реке. Кейт слушала Дэмьена и никак не могла взять в толк, когда же, наконец, он объяснит, зачем пригласил ее сюда.

Возле забора они оглянулись, чтобы еще раз посмотреть на особняк.

— Знаете, — сказал вдруг Дэмьен, — если я когда-нибудь стану президентом США, то первое, что я сделаю, перенесу мой загородный дом со всем хозяйством и окружением в Соединенные Штаты.

— А я была бы первой, кто встал бы у вас на пути, — возразила Кейт. — Вы, американцы, уже увезли и Лондонский мост, и «Королеву Мэри». Скоро у нас вообще ничего не останется, кроме тумана, правда, и его количество неуклонно понижается.

Дэмьен лукаво улыбнулся.

— А если серьезно, — продолжала Кейт, — чем Англия так запала вам в душу?

— Ну, не знаю, — протянул он, пожимая плечами. — Полагаю, сердце любого человека остается там, где прошло его детство. Мое пролетело здесь. Англия для меня — страна утраченных радостей.

Кейт метнула в Дэмьена внимательный взгляд, взвешивая в уме, насколько слова Торна могли соответствовать действительности. Однако Дэмьен задумчиво смотрел на дом.

— Думаю, что если бы мой отец был послом в Гренландии, я точно так же пошел бы по его стопам. — Взяв Кейт за руку, Дэмьен увлек ее за собой по аллее. — Здесь я провел самые счастливые дни своей жизни, — тихо произнес он. Настроение его вдруг резко изменилось. — Пойдемте, — позвал он Кейт, — я покажу вам реку, где обитает Старый Ник.

— Старый кто?

Но Торн не ответил. Он легко перемахнул через забор и бегом устремился к реке.

«Господи, Всевышний! — подумала Кейт. — Старый Ник и сын Сатаны. Что дальше?»

И пока Кейт догоняла Торна, она вдруг осознала, что тот ничего не спросил у нее о Питере. Это было необычно. Однако ведь и она ни разу не вспомнила о сыне за все утро. Кейт почувствовала уколы совести.

У реки Дэмьен остановился, затем взобрался на старые деревянные мостки над узким ручьем, впадающим прямо в реку. Касаясь ветхих поручней, он склонился над ручьем и устался на воду.

Когда Кейт достигла мостков, она успела порядком запыхаться. В изнеможении женщина ухватилась за Дэмьена и поручни.

— Он где-то там, — сказал Дэмьен, указывая пальцем в воду.

Кейт вглядывалась в ручей и никак не могла сообразить, что же Дэмьен собирался там увидеть. Или кого?

— Это самая гигантская щука, какую вам когда-либо доводилось видеть, — пояснил он.

— А, так это, значит, рыба, — произнесла Кейт и почувствовала себя дурачком.

— Да, и ей уже по меньшей мере лет сорок. Впервые мы встретились, когда мне было всего четыре года, и вот с тех пор дружим с ней.

— А вам известно, что Старым Ником называют в этих местах дьявола? — выпалила Кейт.

— Конечно, знаю. И имя это отлично подходит щуке.

Кейт внимательно посмотрела на Торна.

— Вы верите в Бога? — Вопрос был задан как-то помимо ее воли. Но Дэмьен, даже если и услышал, не обратил никакого внимания на последние слова Кейт. Он просто улыбнулся и склонился еще ниже.

— Смотрите, вот она.

— Где? — Кейт нагнулась, вглядываясь туда, куда указывал Дэмьен.

— Да вон же... смотрите.

Внезапно раздался треск, Кейт почувствовала, что соскальзывает, и, вскрикнув, рухнула в ручей. Оказавшись в воде, она вдруг представила, что попала прямо в огромную зубастую пасть щуки, и принялась неистово колотить руками и ногами. Ледяная вода оглушила Кейт, она погрузилась с головой в ручей, затем стремительно вынырнула, жадно хватая воздух и выплевывая воду, как фонтанирующий кит. Ярдах в пятидесяти она смутно различала сквозь брызги очертания особняка, а впереди, все более затягивая ее, бурлила река. Кейт вновь ушла под воду, почувствовала, что ноги ее коснулись дна ручья и тут же зацепились за корни деревьев. Она опять запаниковала и, вынырнув, замолотила по воде руками.

И тут взгляд ее упал на Дэмьена. Ей показалось, что он улыбается, но Кейт видела его нечетко. Протянув руку, она нащупала обломившийся поручень и вцепилась в него. Поток был стремительным, и Кейт потребовались все ее силы, чтобы



преодолеть течение и выбраться на пригорок. Наконец она оказалась в безопасности — замерзшая и полуживая от ужаса.

Дэ́мьен опустился на колени и ухватил ее за запястье. Кейт не сопротивлялась, когда он вытянул ее из воды и на руках перенес на берег. Она выплевывала воду, трясла и мотала головой, чтобы вода вылилась из ушей. Дэ́мьен предложил ей переодеться, поднял ее на руки и понес.

Кейт сидела у камина и, расчесывая волосы, наблюдала, как пылают потрескивающие поленья. Сейчас, когда шок миновал, она вдруг осознала, что никогда в жизни ей не было так хорошо. Кейт потянулась за бокалом бренди. После горячего душа тело ее как будто звенело, а халат был таким шершавым, что кожа сделалась гусиной. Кейт казалось, что к ее ногам подвесили гири, и она не могла подняться со своего кресла. Глаза ее ярко блистали. Перед ее мысленным взором то и дело вставал улыбающийся Дэ́мьен. Никогда ей не удавалось угадать, о чем он думает. Дэ́мьен Торн был окутан тайной. Единственный вывод, сделанный ею со всей определенностью, состоял в том, что Торн являлся уникальным мужчиной, обладавшим незаурядной волей. Такой волей, которой хотелось подчиняться.

Кейт никогда не лгала себе. Ее потрясла мысль, что рядом с Дэ́мьеном она чувствовала себя настоящей женщиной.

Она услышала, как в комнату вошел Дэ́мьен, но не оглянулась.

— Тут вот, наверное, что-нибудь придется вам впору, — предложил тот. Кейт продолжала смотреть на огонь, всем телом ощущая приближение Дэ́мьена.

— Вот, кажется, то, что надо.

Кейт резко повернулась, щеки ее пламенели от каминного жара. Дэ́мьен уставился на нее, зажав в руках зеленую сопочку.

— Зеленая или серая — это уж как настроение подскажет, — произнес он.

Кейт потянулась за рубашкой и коснулась руки Дэ́мьена. Когда она снова заговорила, голос ее упал до шепота:

— Я чувствую, что мотылек слишком близко подлетел к племени.

Дэ́мьен улыбнулся и пальцем очертил ей на ладони округлость.

— Но кто же все-таки этот мотылек? — спросил он.

Как долго длилось все это? Пожалуй, месяцев шесть. Она только теперь поняла, насколько ей этого не хватало. Первый порыв настиг их в коридоре. Они буквально вцепились друг в друга по пути в спальню. И не было ни сил, ни желания скрывать пожирающую их страсть. Шесть месяцев подряд снадала ее эта лихорадка, но теперь их время пришло...

— Ну, иди же, иди ко мне, — шептала Кейт, глядя Дэ́мьена по волосам. Она ласкала обнаженные плечи и прижимала его к себе. И вдруг почувствовала, что он сопротивляется. Кейт слегка отстранилась и заглянула ему в лицо. Веки Дэ́мьена были плотно сжаты, как от боли.

— Что такое? Что? — причитала Кейт, стараясь привлечь его к себе, но Дэмьен внезапно отпрянул от нее.

— Нет, плохи дела, — пробормотал он. — Не могу любить. Не умею, не хочу, не буду любить.

— Да, Дэмьен, да, люби же меня, — умоляла Кейт. Она вся горела и находилась на грани отчаяния. Дэмьен склонился над ней и заглянул ей в глаза. Кейт вдруг показалось, что они полыхнули желтым пламенем.

— Хочешь видеть то, что вижу я? — прошептал Дэмьен у самого ее уха. Кейт отрицательно замотала головой, пытаясь выкинуть в смысл его слов.

— Боль всеильна и всеобъемлюща. — Дэмьен зубами коснулся ее шеи. — Рождение — это боль. Смерть — это боль. И красота — это боль.

— Люби меня, Дэмьен, — все еще бормотала Кейт, едва осознавая, что эти слова уже не имели никакого значения.

— Я дам тебе мою боль, ибо любовь — это тоже боль...

Кейт обхватила руками свою голову, пытаясь не слышать его слов, лицо ее исказилось, но она не могла уйти от его рук, вцепившихся ей в спину, от его ногтей, вонзившихся в кожу.

— Яви ей настоящую боль, отец, — крикнул Дэмьен. — Не мелкие уколы повседневного страдания, а подлинную святую боль истязания...

И Кейт сдалась. Она уже не слышала его слов, а только выкрикивала что-то вместе с ним, и скоро вопли ее смешались с торжествующим воем зверя.

96  
Было еще темно, когда Кейт проснулась. Она инстинктивно потянулась к Дэмьену, но его не оказалось рядом. Кейт выскользнула из постели и пробралась к двери. В зеркале она разглядела, как испарано ее тело; синяки и кровоподтеки покрывали спину, шею и руки. Кейт вздрогнула и отшатнулась. Накинув рубашку, она выскочила в коридор и шепотом позвала Дэмьена, но ответа не последовало. Ее окружала тьма. На цыпочках она миновала галерею, заглянула в холл.

Через какое-то время Кейт набрела на часовню, толкнула дверь и разглядела белеющее в полумраке тело Христа, гвоздями приколоченного к кресту. Кейт вздрогнула, увидев эту фигуру, ее охватил ужас, но, всмотревшись, она заметила Дэмьена. Обнаженный и скрюченный, он спал у подножия креста. Колени его были подтянуты к подбородку, и он обхватил их руками.

— Дэмьен? — прошептала Кейт, но тот даже не шелухнулся.

Она бесшумно подкралась к нему и, склонившись, слегка коснулась его спины. Он замерз. Кейт протянула руку и погладила его волосы, а потом опять взглянула на крест. Когда она вновь опустила глаза, то увидела под раздвинутыми волосами метку. Это была метка зверя.

666.

Прикрыв глаза, Кейт застыла на месте. Потом поднялась и направилась к двери. Она ни разу не оглянулась. Слезы ручьем лились по лицу и скатывались ей на грудь.

Когда она вышла, Дэмьен открыл глаза, отсвечивающие желтым пламенем.



Подъехав на следующее утро к зданию посольства, Харвей Дин обнаружил здесь толпу репортеров, запрудивших вход в вестибюль, вплоть до лифта. Дин бросил на охранников выразительный взгляд, в котором сквозило раздражение, но те в ответ лишь пожалы плечами. Дин не мог себе представить, как журналистам удалось проникнуть внутрь здания, но у него не было времени раздумывать над этим.

Никто даже не пытался соблюсти формальности.

— Торн заплатил Шредеру? — задал первый вопрос один из них.

— Извините, господа, — проворчал Дин, проталкиваясь сквозь плотные ряды репортеров и нажимая кнопку лифта. — Я не собираюсь давать никаких комментариев.

— Почему мы не можем видеть посла?

— Потому что в настоящее время его нет на месте. — Дин все еще пробивался к дверям лифта.

— А где же он?

Ответа так и не последовало. Дверцы лифта раздвинулись, и Дин с облегчением вошел в него, отирая со лба пот.

На пороге своего кабинета Дин остолбенел, заметив за письменным столом Дэмьена.

— Я думал, ты дома, — растерянно протянул он.

Дэмьен не ответил.

— Пресса переполошилась в связи с заявлением Шредера. Надеюсь, мне удастся удержать толпу, пока ты переговоришь с Бухером, но...

— Что вчера делал де Карло в твоём доме? — Вопрос был задан бесцветным голосом, лицо ничего не выражало.

— Кто? — Недоумение Дина было искренним. — Кто такой, черт побери, этот де Карло?

Ярость овладела Дэмьеном. Он медленно поднялся и пристально посмотрел на Дина.

— Скажи мне правду.

Дин пожал плечами. Что он мог сказать?

Во взгляде Дэмьена мелькнуло отвращение. Не отводя глаз, он крикнул: «Питер!» Открылась боковая дверь, и на пороге появился мальчик. Как сомнамбула, он постоял некоторое время в дверях, затем, странно волоча ноги, продвинулся вперед.

— Иди, иди сюда, Питер, — ласково позвал Дэмьен.

Мальчик вытащил записную книжку и открыл ее. Когда Питер заговорил, он стал похож на полисмена, зачитывающего на суде протокол: «Вчера в половине четвертого я заметил священника по имени де Карло, входящего в дом номер 114 на Эбби-Кресит, где он, разговаривая с женой мистера Дина, провел один час двадцать две минуты».

Дин вышел из себя, все его раздражение выплеснулось наружу. Не замечая Питера, он в бешенстве обратился к Дэмьену:

— Послушай, я же не знал, кто это, я имею в виду, Барбара мне ни слова не говорила.

— Уничтожь своего сына.

Дин тряхнул головой и отшатнулся. Рот его приоткрылся, но он не мог подыскать нужных слов.

— Остался только один мальчик,— холодно констатировал Дэмьен,— и это твой сын. Уничтожь его, или сам будешь уничтожен.

Дин качал головой и инстинктивно отступал к двери. Страх постепенно перерастал в панику.

— Нет, нет...— запинаясь, бормотал он.— Ради Бога, Дэмьен...

Дэмьен и бровью не повел, услышав последнюю реплику Дина. Он неподвижно стоял, сложив на груди руки.

— И Бог сказал Аврааму: «Возьми жизнь твоего сына, твоего единственного Исаака, которого ты любишь, и отдай его на жертвенный огонь».

Дин наткнулся на стену и принялся судорожно шарить в поисках дверной ручки.

— Если Авраам был готов убить сына из любви к своему Богу, то почему ты не сделаешь этого из любви к своему? — продолжал Дэмьен, вцепившись взглядом в Дина.

Дин потерял дар речи. Язык его будто прирос к небу. Похоже, только ноги могли еще двигаться. Он толкнул дверь, вылетел из кабинета и, забыв о достоинстве, промчался мимо секретарш прямо к лифту.

Питер спокойно наблюдал за ним, а потом обратился к Дэмьену:

— Ты не остановишь его?

Дэмьен покачал головой. В этом уже не было нужды.

За все время супружеской жизни Барбара Дин впервые спала одна. Она втащила в детскую комнату кушетку и расположилась на расстоянии вытянутой руки от колыбели. Трижды за ночь она просыпалась, убеждаясь, что с ее малышом все в порядке.

За завтраком они с Дином едва обменялись парой слов. Если сегодня он ничего не предпримет, то она уедет, с Дином или без него.

Барбара опустила трубку и удовлетворенно покачала головой. Подруга Кэрол согласилась на время принять Барбару у себя в Сассексе.

Перед тем как укладывать чемоданы, Барбара решила прогладить белье. Она установила доску и залила в утюг воды. Малыш резвился у окна в люльке, лучи солнца касались его лица.

Гладя белье, Барбара то и дело заглядывала в люльку. Когда она в очередной раз подошла к колыбели, малыш, сложив ручки, заснул. Барбара вернулась к гладильной доске. Скоро они уедут — она, ее ребенок и, может быть, ее муж.

Собака бесшумно двигалась в намеченном направлении. Достигнув нужной улицы, она принюхалась и потрусила дальше вдоль дороги. Люди шарахались от нее. Дважды она сворачивала и наконец остановилась. Шерсть встала дыбом, клыки обнажились в злобном рычании. Поводя носом, собака подбежала к дому, встала на задние лапы и заглянула через распахнутые





створки в люльку. Желтые пронзительные глаза ее не мигали, из пасти на одеяльце стекала липкая слюна.

Барбара завопила не своим голосом, а собака спрыгнула на землю и медленно потрусила прочь. Она сделала свое дело.

Барбара захлопнула окно. Сердце ее неистово колотилось. Появившееся в окне чудовище ввергло женщину в состояние шока. Она склонилась над малышом. Он повернулся во сне и лежал ничком, его ножки подергивались, будто он пытался убежать.

— Все в порядке, солнышко, — сказала Барбара, — мы прогнали эту ужасную собаку. — И она перевернула ребенка.

Из колыбели на нее уставилось старое, сморщенное лицо, желтые глаза запали в глазницах, кожа посерела. Ребенок протянул к ней скрюченные ручонки, и Барбара отшатнулась. Рот у нее приоткрылся, но крика не последовало. Ребенок взирал на нее умирающими глазами.

Припарковав автомобиль, Дин распахнул двери и, вбежав в дом, остановился в холле. «Как она будет рада!» — подумал он. Теперь, когда Дин наконец принял решение, он чувствовал себя значительно лучше. По крайней мере выбор был сделан.

— Барбара?

Тишина. Дин нахмурился и заглянул в гостиную.

— Барбара?

Он распахнул дверь на кухню и увидел Барбару. Она стояла к нему спиной возле гладильной доски. Дин взглянул на колыбель и заметил поднятую детскую ручонку: крохотные пальчики, словно в приветствии, замерли в воздухе.

— В чем дело, Барбара, ты меня что, не слышишь? Я хочу, чтобы ты начала собирать чемоданы. Мы...

Барбара обернулась, и он застыл на месте, оборвав себя на полуслове. Глаза ее покраснели от слез, лицо было искажено жуткой гримасой. Она издала звериный рык и набросилась на него. Последнее, что он заметил, была ее рука, сжимающая дымящийся утюг. В следующее мгновение она нанесла ему удар по глазу.

Предсмертный вопль Дина смешался с шипением пара и запахом горелого мяса. Из обгоревшей глазницы сочилась желтоватая жидкость и стекала по разбитой щеке.

Барбара аккуратно поставила утюг на доску и, склонившись над трупом мужа, коснулась его плеча. Затем подошла к раковине, взяла полотенце и, вернувшись к мужу, нежно и осторожно вытерла его лицо.

После этого Барбара села за стол и... окончательно потеряла рассудок.

## Глава двадцатая

За последнюю неделю отец де Карло превзошел все пределы человеческой выносливости. Ел он очень мало и почти не спал, поддерживаемый разве что верой и Богом. Священник испытывал неописуемую радость от мысли, что Сын Божий родился



и что он — де Карло — призван защитить Его. Сознание своей роли вдохновляло священника, укрепляло его силы. Плоть жаждала отдыха, но разум не позволял телу расслабиться.

Из окна такси, катившего по улицам Вест-Энда, де Карло разглядывал прохожих. Они спешили по своим делам, и священник завидовал этим людям, занятым простыми житейскими проблемами. В одном из пешеходов де Карло уловил сходство с Антонио и снова, в сотый раз, склонил голову, молясь за души шестерых монахов. Иногда печаль и отчаяние овладевали его душой, и казалось, будто они вот-вот одержат верх. Единственное, что спасало в подобные минуты, — это надежда. Святое Дитя должно быть спасено.

Де Карло перелистал записную книжку. В последнее время он сам удивлялся своей хитрости. Ему в одиночку удавалось прятать Дитя, а также следить за каждым передвижением Торна, этой женщины и ее сына.

— Би-би-си, приятель, — бросил через плечо шофер.

Отец де Карло поблагодарил его и выбрался из такси. Здание окутывала мгла, окна не горели, но священник знал, что Кейт обычно задерживается допоздна. Вход никем не охранялся, и де Карло возблагодарил Бога за удачу. По крайней мере ему не надо торчать на холоде. Он может спокойно войти и перехватить ее.

Кейт сделала в блокноте последние пометки и стала искать глазами пальто.

— Через пять минут закрываем, миссис Рейнолдс.

— Иду, иду! — крикнула она в ответ. Обычно Кейт радовалась, когда программа удачно завершалась, но сегодня все было иначе. Она боялась возвращаться домой.

— Миссис Рейнолдс, — внезапно раздался чей-то голос. Кейт вся сжалась. Обернувшись, она гневно взглянула на священника. Как он проник сюда? Вечно появляется в темноте и пугает ее.

— Что вы здесь делаете? — спросила Кейт.

— Вы его видели, не так ли, миссис Рейнолдс?

Священник казался изможденным. В полумраке она смогла разглядеть его впалые щеки, усталые глаза, поникшие плечи.

— Теперь вы знаете, что Торн — Антихрист, — продолжал он. — Почему же вы защищаете его?

— Либо вы уйдете отсюда, либо я вызову охрану, — раздраженно отрезала Кейт.

— Миссис Рейнолдс, а ваш сын... Где он?

— В кровати. Спит, конечно.

Отец де Карло покачал головой.

— Нет, он не в кровати. Ваш сын с Дэмьеном Торном.

Кейт удивленно уставилась на него.

— С Торном, миссис Рейнолдс, — повторил священник. — С ним — душой и телом. Ваш сын сделался апостолом Антихриста.

Кейт разразилась язвительным смехом. Она до смерти устала, и ей хотелось, чтобы священник оставил ее наконец в покое.

— Вы думаете, что последние три недели Питер провел в школе, не так ли?

Кейт насмешливо кивнула.

— Проверьте, если не верите мне. Позвоните в школу. — Отец де Карло заметил, как переменилось выражение лица Кейт — гнев уступил место сомнению и страху. — Питер служит Торну. Он его последователь в деле зла. Но им не удастся убить Божьего Сына. Святое Дитя вне пределов их досягаемости. Оно в безопасности, но ваш сын — нет.

Кейт покачала головой и нахмурилась.

— Есть только один путь спасти Питера, миссис Рейнолдс, и путь этот — уничтожение Антихриста. — Священник полез в свою куртку и вытащил кинжал. Кейт смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Вы просите, чтобы я... — Она замолчала. Взгляд ее был прикован к лезвию.

— Нет, миссис Рейнолдс, это уж мой святой долг. Но если вы дорожите бессмертной душой сына, то должны помочь мне.

Кейт все еще смотрела на кинжал. Отец де Карло пристально вглядывался в ее лицо. Он нуждался в помощи Кейт. Если она не поможет, надежды мало.

— Пожалуйста, поспешите, миссис Рейнолдс, — раздался голос одного из сторожей.

— Да, да, закрываю! — воскликнула Кейт.

Голос охранника, похоже, вернул ее на землю.

— Иду! — прокричала Кейт и, уже полностью овладев собой, проговорила: — Я еду домой, к своему сыну.

— Тогда умоляю, разрешите мне присоединиться к вам, — попросил де Карло. — Нельзя терять ни секунды после того, как вы убедитесь, что его нет дома.

Кейт пожала плечами и пошла к выходу. Она не могла запретить ему следовать за ней. Она проведет его наверх, в спальню, и ткнет пальцем в своего сына. Может, после этого он наконец оставит ее в покое!

— Питер!

Дом, погруженный во мрак, безмолвствовал. Пока Кейт поднималась в спальню сына, отец де Карло дождался в гостиной. Когда женщина вернулась, на ней не было лица.

— Вы были правы, — потухшим голосом вымолвила она.

Де Карло поднял телефонную трубку и передал ее Кейт. Она набрала номер школы и замерла в ожидании.

— Миссис Грант? Извините за столь поздний звонок. Это Кейт Рейнолдс...

Пока Кейт разговаривала, священник поглядывал через окно на улицу.

— Вы опять правы, — положив трубку, проговорила Кейт. — Вы утверждали, что Питер был прошлой ночью в Пирфорде?

— Боюсь, что так.

— О, Господи! — Кейт так сжала свои руки, что кожа на запястьях побелела.

— Вы поможете мне? — спросил священник.

— Конечно.



Маршрут был ей знаком. Она вела машину, пытаясь переварить в уме то, о чем рассказывал ей де Карло.

— Я в курсе, что вы читали о трагедии Торнов, — тихим голосом говорил тот. — Но вы знаете только половину.

Кейт бросила на него любопытный взгляд.

— Отец Тассоне, — тихим голосом продолжал де Карло, — трагическая фигура, он помогал при рождении. Потом пытался искупить свой грех и предупредить Роберта Торна. Он мертв.

Де Карло поднял правую руку и начал загибать пальцы.

— Фотограф по имени Дженнингс, пытавшийся помочь Роберту Торну. Обезглавлен.

Кейт вздрогнула.

— Шесть лет спустя, — продолжал священник, — Бугенгаген, археолог. Похоронен заживо. Билл Ахертон...

— Да, — прервала его Кейт, — я читала о нем.

— Джоан Харт. Как и вы, журналистка. Мертва. Доктор Чарльз Уоррен, руководитель музея Торнов. Раздавлен...

— Хватит, — остановила его Кейт. Лицо ее побледнело, голос дрожал. — Я не хочу больше слушать.

— Ладно, — согласился священник. — Тогда я вам расскажу кое-что другое. — Он прикрыл глаза. — Мы наблюдали вспышку трех звезд. Это были самые восхитительные минуты в моей жизни. Через две тысячи лет. Второе пришествие.

Кейт слегка расслабилась, пытаясь избавиться от страшных видений.

— А потом мы бросились на Его поиски. Все было очень просто. Астроном указал нам точное место Его рождения. И мы нашли Его... у цыган.

Кейт всплеснула руками.

— Это самое красивое и чудесное существо, которое я когда-либо видел. Цыганам не нужны свидетельства о рождении, потому-то Он и остался жив. А все остальные несчастные младенцы, родившиеся в ту же ночь, были перебиты. Ради чего?

— А ваш друг, монах? — вставила Кейт. — И он умер? Ради чего?

— Не только он, — мягко возразил де Карло.

— Разве был еще кто-то?

— О, да.

Кейт протестующе оторвала одну руку от руля.

— Пожалуйста, не говорите мне. Я больше не вынесу.

— Да, я понимаю. Но есть еще кое-что... — Несмотря на возражения Кейт, священник рассказал ей о рождении Дэмьена, о камне, разможившем голову младенца, и ужасном чудовище, извлеченном из утробы шакалихи.

— Чьей? — переспросила Кейт, резко повернувшись к де Карло и чуть было не выпустив руль из рук. Она вновь почувствовала на своем теле укусы и когти. Кейт передернуло, когда она вспомнила животную похоть, тяжелое дыхание, странные слова и звериный вой... Гнусная мерзость. Ей захотелось выдрать себя до крови, но она понимала, что никогда больше не почувствует себя чистой.

— Вот здесь, — указал де Карло. — Мы приехали.

Кейт затормозила, подождала, пока священник вылез из машины, затем развернулась и направилась за Питером. Когда весь этот кошмар кончится, она заберет сына с собой, и они уедут отдыхать. Она обнимет его и долго-долго не будет выпускать из своих объятий. Пока не залечатся раны в их душах.

У ворот особняка охранник улыбнулся Кейт и доложил, что господин посол ждет. Она даже не удивилась, ибо ничего на свете уже не могло удивить ее.

Часовня была погружена во мрак, но Питер видел все, что ему было нужно. Он уставился на крест и на Дэмьена, застывшего перед распятием.

— Итак, ты думаешь, что победил? — обратился Дэмьен к Христу. — Ты равнодушно наблюдал, как я истреблял вместо тебя сотни младенцев, и даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти их... — Дэмьен презрительно взглянул на распятие и обошел его, чтобы посмотреть в искаженное агонией и прижатое к кресту лицо. — Твоя вечная игра в кошки-мышки. На протяжении столетий. Ну теперь-то она закончилась. — Дэмьен взглянул на Питера. Потом подошел к нему, взял за руку и поднял глаза к потолку. — О Сатана, возлюбленный отец мой, победа за тобой! Благодарю тебя за то, что ты отдал мне этого чистого отрока, и теперь я смогу встретиться с Назаретянином.

Дэмьен упал на колени, глядя в лицо Питеру и удерживая его за обе руки.

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня, Питер, — произнес он. — Слушай меня внимательно. Твоя мать на пути сюда. Она собирается забрать тебя...

Питер замотал головой:

— Нет, Дэмьен, не отдавай меня.

— Не беспокойся, с этого момента ты принадлежишь мне душой и телом, — улыбнулся Дэмьен, коснулся лица мальчика и приподнял его подбородок. — У христиан десять заповедей. У меня — всего одна.

Питер кивнул. В коридоре послышались шаги, но Дэмьен даже не обернулся. Он впился взглядом в лицо Питера.

— Повторяй, что я говорю, и мы станем с тобой единым целым.

— Я обожаю тебя, — выдохнул Питер.

— Сильнее всех и превыше всего, — требовал Дэмьен.

— Сильнее всех и превыше всего.

— Сильнее самой жизни.

— Сильнее самой жизни.

Дэмьен вздохнул и склонил голову. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась Кейт.

— Я здесь, чтобы поторговаться с тобой, Дэмьен, — бросила она.

Питер испуганно переминался с ноги на ногу. Но Дэмьен крепко держал его за руки.

— Где Он? — спросил Дэмьен, продолжая глядеть Питеру в глаза.



— Верни мне моего сына, и я отвезу тебя к Нему, — предложила Кейт.

Питер прижался к Дэмьену:

— Нет, Дэмьен, я не ее сын. Я принадлежу тебе.

Из груди Кейт вырвался стон. Услышав его, Дэмьен улыбнулся и, медленно повернувшись, посмотрел на стоящую в дверях женщину.

— Веди нас к Назаретянину, — согласился он. — И тогда ты сможешь забрать Питера.

Мальчик съезился и снова замотал головой:

— Нет, Дэмьен, это уловка.

— Если она хочет вернуть сына, это не может быть уловкой.

Кейт кивнула и привалилась к двери, впившись взглядом в Питера. Питер, ее единственный ребенок, превратился во врага. Она не могла принять этого.

— Пойдем, — произнес Дэмьен.

Кейт бросила взгляд на крест. Вся ее жизнь разлеталась вдребезги. У нее не оставалось выбора. Ей предстояло вести своего сына в западню. Единственное существо, за которое она легко отдала бы собственную жизнь.

— Если ты можешь помочь мне, — прошептала Кейт, глядя в искаженный мукой лик Христа, — то помоги.

### Глава двадцать первая

Кейт глянула в зеркальце заднего вида. Две пары глаз смотрели на нее, две пары глаз, отсвечивающих желтым пламенем. Она слышала, как они переговариваются, будто два заговорщика, и ее охватила ярость... Кейт попыталась взять себя в руки. Но мысли обрывались и путались. Пожалуй, в таком состоянии она в два счета разобьет машину. Это, конечно, шанс спасти Питера. Но если он пострадает, она никогда себе не простит.

— Мы уже подъезжаем? — Голос Питера прервал ход ее мыслей.

— Еще две мили, — вмешался Дэмьен.

Кейт удивленно захлопала ресницами. Он знал. Он читал ее мысли, проникал в самое сокровенное. Сидя за спиной Кейт, он наверняка посмеивался над ее нелепыми и шаткими планами. И Кейт сдалась. Она полностью сосредоточилась на дороге. Крутом не было ни души, и только насекомые то и дело разбивались о лобовое стекло. Ночь выдалась ясная и светлая. Множество звезд мерцали в высоком небе. Все безмолствовало.

Наконец Кейт заметила силуэт разрушенного собора. Питер поперхнулся на вдохе и прикрыл лицо руками, чтобы не видеть собора, будто его присутствие доставляло мальчику боль. Дэмьен облизнул губы.

Кейт резко ударила по тормозам, и из-под самых колес взметнулась стая ворон. Она услышала проклятия Дэмьена и отметила, что он еще крепче прижал к себе мальчика.

Неодолимая ненависть поднялась в ней. В конце концов это его судьба, а не их. Кейт вдруг вспомнила, как он любовался загородным домом и рассказывал ей о безоблачной поре своего

детства. Да черт с ним, с его невинным детством, пропади он пропадом, и пусть душа его вернется в ад, где ей и место!

Ярдах в пятидесяти от собора Кейт заглушила мотор. Тишина обрушилась на них.

— Разреши мне войти первой, — попросила Кейт. — Давай пойдём вдвоём, Дэмьен, только ты и я. Оставь Питера в машине. Пожалуйста!

— Мы пойдём все вместе, — отрезал Дэмьен.

— Поверь мне, Дэмьен. Я просто хочу знать...

— Нет, — закричал вдруг Питер, — не доверяй ей!

Он выбрался из машины, Дэмьен — следом за ним. Они стояли рука об руку — мальчик и мужчина — и ждали Кейт. «У меня нет выбора, — внезапно осознала Кейт, — я не могу ничего изменить».

— Веди нас, — приказал Дэмьен.

Кейт взглянула на собор. Он казался холодным и пустым. Разрушившийся монумент забытому Богу. Кейт нетерпеливо вглядывалась в темноту, но так ничего и не обнаружила.

— Иди же, — скомандовал Питер с нетерпением в голосе.

Кейт медленно двинулась вперед. Она боялась упасть. Божий Сын родился среди цыган. Кейт все еще не могла поверить в это. Впрочем, ее уже не волновали подобные мысли. Она думала о кинжале...

У входа Кейт остановилась, каждой своей клеточкой чувствуя присутствие Дэмьена.

— Там, внутри, — произнесла Кейт.

— Открой дверь, — приказал Дэмьен.

Кейт шагнула вперед и потянула дверную ручку. Краешком глаза она заметила де Карло, появившегося из-за колонны с кинжалом в руке, и инстинктивно вскрикнула: «Нет, святой отец!»

Священник колебался ровно столько, сколько хватило Дэмьену, чтобы повернуться, схватить Питера и, приподняв его перед собой, прикрыться мальчиком, как щитом. Однако де Карло уже не мог остановить свой прыжок. Кинжал, нацеленный на Дэмьена, вонзился в спину Питера.

— Питер! — закричала Кейт, когда Дэмьен, швырнув мальчика на землю, ринулся на священника, пытаясь ухватить его за горло.

— Питер! — Кейт бросилась к сыну, но споткнулась и упала на колени. Мальчик полз на четвереньках, из спины торчала рукоятка кинжала.

— Сыночек, любимый мой... Не покидай меня! — взмолилась Кейт. Но глаза его уже затуманились, дыхание с хрипом вырывалось из груди. — Не умирай, пожалуйста, не умирай!..

— Я люблю тебя, — пробормотал мальчик.

— Питер...

— Больше жизни люблю. Я люблю тебя, Дэмьен... — Он улыбнулся, закрыл глаза и поник на руках матери.

— Нет, Питер, нет!..

Кейт несколько секунд смотрела на сына, затем осторожно перевернула тело и, затаив дыхание, обеими руками вытащила кинжал.



Дэ́мьен повалил отца де Карло и склонился над ним, пытаясь добраться до горла. Он не видел, как Кейт медленно двинулась к нему. Яростный крик прорезал тишину в тот момент, когда она вонзила кинжал ему в спину. Послышался хруст костей, и Кейт погрузила лезвие по самую рукоятку. Только тогда она отступила, а крик ее эхом продолжал отдаваться среди руин.

Дэ́мьен поднялся и выпрямился во весь рост. Он пытался дотянуться до кинжала. Из груди его вырывался хрип, он снова рухнул на колени, затем встал и, шатаясь, двинулся к дверям собора. Распахнув двери, он застыл на пороге.

Несколько мгновений стоял Дэ́мьен, не шевелясь, глаза его лихорадочно блуждали по разрушенным стенам.

— Назаретянин! — выкрикнул он рокочущим басом. — Где ты, Назаретянин? Ты слышишь меня?

Как бы в ответ на этот призыв в дальнем конце собора забрезжил едва различимый свет, сияющий ореол, разгоравшийся все ярче и ярче. Дэ́мьен шагнул вперед и направился навстречу свету. Раскинув руки, он побежал. Спину жгла невыносимая боль, лицо исказилось от мучительного страдания, но взгляд его был устремлен в небо, разгоравшееся чудесным сиянием сквозь разрушенный купол собора.

— Сатана! — прорычал Дэ́мьен. — Почему ты покинул меня?

Руины эхом отразили бас, и Дэ́мьен рухнул на четвереньки.

— Вот и все, отец, — прошептал он. — Забери меня обратно в свой рай. — Тело его задрожало, он ничком упал на каменный пол и затих.

Сияние становилось невыносимым, но отец де Карло впился в него немигающим взглядом. Затем он посмотрел на Кейт, склонившуюся над телом сына, коснулся ее волос и перекрестил мальчика. Кейт взяла тело Питера на руки и встала рядом со священником. Они не отводили глаз от ослепительного ореола, и по их щекам струились нескончаемые слезы.

Пробил час рассвета. Противоборство завершилось. Наступала новая эра.

«И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будетъ; ибо прежнее прошло. И сказалъ сидящий на престоле: се, творю все новое...

Се, гряду скоро: блаженъ соблюдающий слова пророчества книги сей».

Откровение Иоанна Богослова,  
гл. 21: 4, 5; гл. 22: 7.

# ЧИТАТЕЛЬ «СМЕНА» ЧИТАТЕЛЬ

┌ «Мы — люди другого века?..»

┌ Что нам стоит дом построить

В журнале (№ 9 за 1991 год) был напечатан очерк Леонида Лернера «Собственные Ньютоны», который вызвал много читательских писем и телефонных звонков.

┌ Дорогая редакция! Я по профессии врач-педиатр, работал в роддоме. Теперь занимаюсь лечением алкоголиков. Очень интересуюсь педагогикой, психологией. Убежден, что лечение психической зависимости от алкоголя и наркотиков нужно искать в немедикаментозной сфере. Судя по экспериментам Игоря Викентьева, методика ТРИЗ может и в этом деле сыграть свою роль.

**Е. ТРОФИМКИН,**  
Москва

┌ Уважаемая редакция!  
Прочитала в «Смене» очерк «Собственные Ньютоны», который меня очень заинтересовал. Немного о себе: учусь в 11-м классе. С детства была человеком любознательным и самостоятельным и вот чего в своей 17-летней жизни достигла: рисую, играю на гитаре, пою, здорово танцую, занимаюсь теннисом, увлекаюсь астрологией, психологией, интересуюсь бизнесом, хочу овладеть английским... Хотелось бы поподробнее

узнать о ТРИЗе, о его методах, о жизни кружка Игоря Викентьева. Может, кто-то из его учеников захочет со мной переписываться? Буду очень благодарна.

**ВИКТОРИЯ КОМПАНИЕЦ,**  
Севастополь

┌ Уважаемый Игорь!

Пишет вам тридцатилетняя мама. Я работаю научным сотрудником в самом обычном НИИ Санкт-Петербурга, кандидат технических наук. Одна воспитываю сына семи лет.

Честно говоря, не рассчитываю получить ответ, но вдруг... Я читала статьи о ТРИЗе, даже слушала лекции в нашем институте. Мне, наверное, уже поздно меняться, но меня очень волнует мой сын. Умный, любознательный, с прекрасной памятью, мальчик делает именно то, о чем вы говорите в очерке: «...шатается из угла в угол». Он просто пропадает, а мне не вылезти из клубка бытовых проблем. Умоляю вас, ответьте, как вас разыскать? Где тот счастливый ДК? Есть ли надежда попасть к вам моему сыну? Ну хоть несколько слов!

**ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА,**  
Санкт-Петербург



Поскольку почти во всех письмах высказывается желание познакомиться с героем очерка «Собственные Ньютоны» Игорем Викентьевым, сообщаем его адрес: Санкт-Петербург, Казначейская ул., д. 1/61, кв. 3. Тел. 311-27-27.

Меня давно мучает проблема: как жить дальше? По-моему, я и многие мои сверстники родились не в свое время, так сказать, перепутали века. Наши родители воспитали нас мягкими, интеллигентными. Про таких «стальные большевики» говорили — «хлюпики». Я, например, не могу ответить на оскорбление, а когда меня оскорбляют, лишь беспомощно улыбаюсь, да при этом еще и боюсь чем-нибудь обидеть человека. Мне кажется, что такие люди, как мы, вредны для общества, в котором «человек человеку — волк». Ведь своим непотворением злу мы лишь еще больше развязываем руки и языки всем досточтимым потомкам шариковых. Мне лично кажется, что трагедия нашей нации не в том, что нам нечего есть и не во что одеться. Печальнее, когда люди с высшим образованием (не говоря уж о тех, кто имеет лишь корочки о среднем и восьмилетнем) не могут связать в предложение три слова без всем известной нецензурной связки. Меня оскорбляет, например, когда мне вслед молодые ребята бросают восхищенно: «Ух ты, какая б...!» Может, это, конечно, для кого-то и комплимент, но для меня это оскорбление. Самое же страшное, что у меня язык не поворачивается достойно ответить на такое

проявление восторга. Многие мои знакомые считают меня слегка чокнутой и лишь за то, что я люблю классику, театр, что я, по их словам, вышла из «пансиона благородных девиц». Нет, вы не думайте, что я какой-нибудь ученый робот. Вовсе нет. Внешне я вполне современна, говорят, симпатична, хорошо одеваюсь, отлично танцую. Но внешняя сторона дела лично меня мало интересует. Я просто чувствую, как от ежедневных оскорблений у меня расстраивается психика — общество убивает во мне личность. «Господин» — теперь многие мечтают, чтобы к ним так обращались. Но, может, для начала нужно научиться говорить по-человечески, есть при помощи вилки и ножа, а главное, уважать и любить в окружающих Человека? Может, нам хватит всячески обижать стариков, детей, животных, тех, кто безусловно слабее и беззащитнее нас? Ведь волна всенарастающей злобы может захлестнуть и погубить всех нас. Меня очень волнует один из основных вопросов в жизни женщины. Как мне воспитывать детей? Подобными себе? Где гарантии, что им не будет так же плохо, как и мне? А иначе я просто не смогу! Не знаю, напечатаете ли вы мое письмо. Значит ли что-то «нытье хлюпика» по сравнению с огромными бедами, одолевающими нашу многострадальную землю? Впрочем, это не так и важно для меня. Нас уже не спасти. Мы вымираем, как когда-то вымерли динозавры...

ИРИНА,  
Ивановская обл.,  
г. Фурманов

110

Выросла я в хорошей, благополучной семье, окончила институт, вышла замуж, тут бы прежде жить-поживать и добра наживать, да вот какая оказия — мы с мужем из разных городов — я москвичка, а он из небольшого русского города на «Золотом кольце». Какое-то время мы жили у моих родителей, оба неплохо работали, с родителями были дружны, но мой муж затосковал по дому и уехал в родной город. Звал меня, уговаривал, а для меня это казалось невысказанным — уехать из Москвы, да еще в наши голодные, неустойчивые времена. Несколько месяцев жили врозь, но потом я собрала вещи, бросила работу и уехала под всеобщее недоумение к нему. Мы сняли плохонькую квартирку, так как о жизни со свекровью нет и речи, не сложило у нас с ней, и ведь смешно — невзлюбила она меня за то, что я не смогла убедить ее сына остаться в Москве: говорит, что ты за баба, раз мужика удержишь не смогла. А я уважаю в нем человека и берегу его мужское достоинство. Ведь уехал он еще и из-за того, что ему хочется иметь свое жилье, а не у моих родителей быть в примаках. И пошел он работать в колхоз за гроши (120 р.), чтобы дали ему землю под строительство дома. А тут как раз кампания прокатилась по раздаче земли, и выделили нам восемь соток. Ну, все вроде бы — живи да стройся, но это легче сказать, чем сделать. Я не работаю, так как не прописана в этом городе, а куда же мне, скажите на милость, здесь прописаться без жилья? Весь наш доход — его зарплата, с квартиры того гляди выгонят (хозяйка надумала дом продать), другую найти почти невозможно (я весь город уже исходила). На какие деньги строиться, если на еду еле хватает? Рассчитывали мы на ссуду, да не

тут-то было — нужен попечитель, а где его взять? Я не работаю, мои родители пенсионеры, его родители не хотят брать на себя ответственность, да и вообще они против этого строительства, езжайте, говорят, обратно, сидите в Москве с родителями и помалкивайте, не сдюжить вам эту стройку — вот и весь сказ.

Надумала тогда муж уйти из колхоза, податься на заработки, так нет же — директор грозится землю отобрать, хоть и не по трудовому соглашению она выдавалась. В общем, куда ни кинься, нигде помощи не видать, и где выход искать — загадка. Вот и получилось, что сидим мы с мужем в холодной квартирке и думаем, как же нам жить. Конечно, были бы мы пожилые, у нас бы, может, были какие-то накопления, и мы бы потихоньку строили это жилье. Но мы молодые, за душой ни копейки, помощи ждать неоткуда. Я очень хочу ребенка, мне уже двадцать четыре года, но о каких детях может сейчас идти речь? Словом, замкнутый круг. Конечно, наша история банальна, таких молодых, неустойчивых очень много. Но разве это порядок, когда дом может построить тот, у кого есть квартира, а тот, кому жить негде, — не может? Разве порядок, когда молодая сильная женщина с высшим образованием не может устроиться даже уборщицей в сельский магазин из-за того, что у нее нет местной прописки? Разве порядок, когда человек должен за гроши работать в колхозе, чтобы не отобрали клочок земли, а ведь он глава семьи, ведь ему ее кормить надо. Ну что тут скажешь? Выплеснулась на вас очередная человеческая судьба, погорюете, может, со мной, посочувствуете, а что дальше?

**ИРИНА,  
Кострома**





КАК  
Я СТАЛ  
«ЛОХОМ»

КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ

**Н**а языке преступного мира «лох» означает простак, человек, которого обмануть — раз плюнуть. Писать об этой истории мне ужасно неловко, но... Поверьте на слово, в кругу моих знакомых я не слышу ни слабаком, ни трусом, ни простофилей.

Будучи наслышанным о ловкости рук различных «наперсточников» и прочего

рода уличных игроков, всегда со спокойной иронией смотрел на зазывал у раскладных столиков, охотившихся за ротозеями. Было только жаль бедолаг, которые доверчиво покупались посулами выигрышей. Нет, думал я, своими трудовыми ни за что не стану рисковать, уж на эту удочку в жизни не попадусь...

В тот день я чувствовал себя богачом. Месячная зарплата и премия — более 800 рублей — оттягивали мне задний карман, будя воображение различными возможностями. Из этой суммы, правда, надо было вернуть долг, но и оставшегося хватило бы, чтобы замануться на какую-нибудь обнову.

В таком прекрасном расположении духа солнечным августовским вечером я оказался на столичной площади Дзержинского (нынешней Лубянской. — Ред.). Чуть не доходя до метро, на углу, возле касс Аэрофлота стояла толпа, человек двадцать. Почти миновав их, я решил все же сунуть нос не в свое дело. Сработало профессиональное журналистское любопытство. Я пролез в середину людского круга...

Вот тут позволю себе отвлечь вас от основного сюжета одним важным, кое-что объясняющим, на мой взгляд, воспоминанием.

Когда-то в детстве, во втором классе, кажется, мне посчастливи-

лось попасть на хоккей. Играла сборная страны. Треснувшие клюшки хоккеисты отдавали публике. Они становились добычей мальчишек. В тот день ангел удачи целовал меня в лоб, и одна из клюшек, с почти незаметным изъяном, досталась мне. То был «инструмент» самого Бориса Майорова. Во дворе клюшка стала предметом моей гордости и даже несколько повысила авторитет среди ровесников.

Делая домашние уроки, я изредка прерывался, чтобы полюбоваться своим сокровищем. Если я не брал ее на ночь в кровать, то, наверное, только потому, что не разрешала мать. Словом, я любил ее, как маленькие девочки обожают новых кукол.

Однажды во дворе, после хоккея, началась игра в снежки. Мне очень хотелось принять в ней участие, но инстинктивно я ощущал, что клюшку нельзя оставлять без присмотра, держал ее в руках. Рядом стояли «большие ребята».

— Да ты поставь ее к стене, — сказал один из них. — Я присмотрю.

«Спасибо». Благодарный и счастливый восьмилеток с головой окунулся в игру.

Не знаю, сколько прошло времени, но, когда мокрый и запыхавшийся я подошел к взрослой компании, клюшки на месте не оказалось.

— А где клюшка? — почти не тревожась, спросил я у парня.

Они начали хохотать, как сумасшедшие. Видимо, мой растерянный вид приводил их в еще больший экстаз.

Наконец тот самый, что обещал присмотреть, кое-как выдавил из себя: «Да ты что, малый? Ты мне что, зарплату сторожа платишь? Я тебе нанялся, что ли?»

И вдруг до меня с обжигающей яркостью дошло, что клюшку



украли именно они, но доказать я, конечно же, ничего не мог. Я продолжал что-то по инерции лепетать, уже безнадежно сознавая, что поезд ушел.

Было очень жаль клюшку, но что-то другое терзало душу куда сильнее, чем потеря вещи. Тогда я не мог этого сформулировать, ребенок живет эмоцией, а не мыслью. Теперь понимаю: впервые в жизни я почувствовал себя «лохом».

Спустя несколько лет я нашел в секции самбо более мощную поддержку, нежели клюшка самого Майорова.

Но вернемся на площадь Держинского. Итак, я нырнул в толпу. Банк «держал» зеленоглазый парень в черной майке. Напротив него стоял невысокий, чернявый человек, вероятно, кавказец, и чуть не плакал. Честное слово, слезы стояли у него в глазах. «Ребята, поддержите, — молил он окружающих, — вы же видели, я вытянул «девятку». Выиграш мой. Эта «фишка» не бьется.

«Мужик» выиграл, а жучила-банкомет не хочет отдавать деньги», — сообразил я.

— Даю тебе пять минут, — сказал зеленоглазый, — не найдешь денег, значит, проиграл.

— Ребята, спасайте... — умолял тот.

— Ладно, я займу тебе двести, возьмешь кон, отдашь, — откликнулся паренек лет двадцати, стоявший слева от меня.

— Так, моя тысяча плюс эти двести, — считал чернявый. — Не хватает еще восемьсот...

— Остается две минуты, — напомнил банккомет.

— Разъясните толково, в чем дело? — не выдержал я, обратившись к кавказцу.

Этот момент был решающим.

Сейчас вместе с тобой, читатель, прокручивая случившееся назад,

задаю себе важный для меня вопрос: почему же я все-таки влез в это дело? И если только все это не гипноз, не нахожу ответа. Оттого ли, что, видя, как мужчина сдерживает слезы, не мог оставаться равнодушным? Натура, что ли, такая... Ведь и прежде, слыша крик о помощи (это случалось в темных переулках), не сворачивал за угол, а бросался на зов? Где бы я ни был; нормальные люди превыше всего ценили взаимовыручку, и товарищество (часто дорожное, случайное) никого не удивляло.

И еще. Это роковое совпадение цифр — в кармане у меня было как раз восемьсот!

— Я вытянул «девятку», — спеша, как в горячке, объяснил чернявый, показывая на стол, на котором вместо карт лежали какие-то лотерейные билеты. — Но мне надо предъявить банккомету две тысячи за последний ход. Кон мой, как возьму — сразу отдам. Выручай, брат.

И моя рука потянулась к заднему карману (эта картина словно стоит перед глазами), расстегнула петельку, достала кошелек. В застывшей тишине я старательно отсчитал 8 сотен, положил их на кон и так же не спеша засунул пустой портмоне на место.

Банкомет сгреб деньги.

— Да, но и у меня еще остался ход, — вдруг воскликнул мордастый, белобрысый парень, стоявший справа от кавказца.

— Стоп, какой ход? — не понял я. — Вы же сказали, что игра окончена.

Но кредитора уже как бы и не слышали. Белобрысый вытянул билетик и заорал: «Тоже «девятка», смотрите». И по этому театрально-неестественному воплю я сразу все понял. И розовые очки, как тогда в детстве, во дворе, мигом свалились с моего носа.

— Делить? — как бы неуверенно спросил кавказец у белобрюхого.

— Какой делить! — оборвал его тот молодой, что дал двести рублей. — Играй дальше. Здесь и мои деньги.

Возражать было бесполезно. Тут все были свои. Пьеса разыгрывалась, как по нотам. Эпизод занял считанные секунды.

Белобрюхий «выиграл». Он схватил кон и тут же растворился за спинами «нейтральной» толпы.

— А мои десять процентов? — для вида крикнул ему вдогонку банкомет.

— Стоп, парень, — я почему-то все еще искал правду у банкомета, — ты говорил, что игра уже закончена...

— Я ничего не говорил, ты с ним дело имел, — ткнул человек с волчьими глазами в сторону чернявого.

— Ты же видел, брат, я сам все просадил, — уже выходя из роли, пробормотал «потерпевший».

Я подумал, не пробить ли одному из них в челюсть. С левой — это у меня когда-то получалось очень неплохо. Но взглянув на «окружение», понял, что такое развитие событий ожидается. Меня бы затоптали ввиду явного численного преимущества. Я посмотрел поверх голов: на площади имени первого чекиста страны в осматриваемом радиусе не было видно ни одного постового.

Толпа рассеялась. Я остался один, в голове гудело, как в пивном котле. Наконец, показался милиционер с дубинкой. Клянусь, если бы я в самом деле стал играть и проигрался, никогда бы не обратился к властям. Но ведь тут явное мошенничество. Даже по законам блатного мира я «прав».

Представитель власти особо не вникнул в суть вопроса, доходчиво

разъяснил мне, что, мол, не надо было лезть в игру.

Конечно, жалко было денег, для меня восемьсот — это сумма, но еще сильнее обжигало чувство, схожее с тем, детским. «Лох» — звучало в ушах. — Настоящий «лох».

Придя домой, позвонил знакомому полковнику милиции, когда-то вместе боролись в «Динамо». Не потому, что надеялся на что-то. Просто хотел выговориться.

— Не казни себя, — утешал полковник, — всякое бывает, я за службу и не такого навидался. Но с деньгами скорее всего распрощайся. Даже если ты этих людей найдешь, в суде дела о мошенничестве очень тяжело доказываются. Милиционеру же они, как правило, «отстегивают» рублей сто в день. Вот если только...

И он вспомнил некоторых общих знакомых, из бывших спортсменов, которые сейчас, по слухам, пользуются авторитетом в мире гангстеров. Попробовать вернуть деньги через них?

Однако и эту идею мы отвергли, как сомнительную, ибо рано или поздно долги надо отдавать. И неизвестно какой оплаты могут потребовать подобные люди.

Помаявшись, я решил, что правильнее будет открыть душу тебе, мой читатель. Возможно, ты в чем-то похож на меня. Пусть мой горький опыт сослужит тебе службу...



# Милиционерская Вдова



**ЕЛЕНА МАСЛАКОВА**

Город игрушечный — Сапожок называется...

Нормальная российская глубинка, полная абсурдов. На улице «50 лет ВЛКСМ» стоит гостиница «Мошка». Я сперва глазам не поверила. Но на вывеске четко написано масляной краской «гостиница МОШКА сапожковского П. У. Ж. К. Х.». Кого ни спросишь, что такое ПУЖКХ — никто не знает. А там, где улица «50 лет ВЛКСМ» пересекается с улицей «50 лет Октября», наглые куры копаются в пышной пыли. И дворняга спит на проезжей части. Во дворах парусами хлопают простыни. Фонари — по пальцам можно пересчитать, от фонаря до фонаря — непроглядная тьма. Зато звезды на небе, как садовые ромашки... Какие тут преступления? Ну, самогон, ясно, гонят. Пьяные драки случаются. Но чтобы убийство?! В семь часов вечера, посреди улицы, в центре города!

Говорят, лужа крови несколько

дней стояла на дороге, не впитывалась. Ее потом уже землей засыпали. Скоро год, как Лена — вдова. Она никогда не ходит по ТОЙ стороне улицы...

— Мы с Игорем в одной школе учились. Но не дружили. Я на три с половиной года старше. Компании разные. Но знали друг друга, конечно. Сапожок — все знают друг друга! Пока он в армии служил, мать его умерла, он один остался — ни сестер, ни братьев... В Каунасе в школу милиции поступил, приезжал на каникулы. И вдруг сделал мне предложение. Он серьезный не по годам. Всегда такой был. А я люблю серьезных. Потом, я уезжать никуда не собираюсь. А у нас ведь, в провинции, чуть не все мужчины — алкаши. А он не пил совсем!

...Любви не было тогда. Осознанный интерес, вот как. А у него ко мне возвышенное чувство. Приятно. Ну и обвенчались. Он потом еще полгода учился. Из Каунаса

приезжал — в руке корзина с розами (я их очень люблю!), а в сумке железяки для штанги. И весь багаж...

Ну вот. Назначили его участковым, как отучился. У нас один участковый не только на Сапожок, но и на Курган еще — это деревня недалеко тут. Он хотел работать в милиции, продвигаться по службе. Даже в заочную школу милиции — высшую — поступил в Москве. И служил от души. Алкашей, самогонщиков гонял — очень он их не любил. А уж они его терпеть не могли!

Игорь, представляете, мальчишек собрал — подростков и занимался с ними. В подвале оборудовал спортзал — самбо, атлетизм. Конечно, бесплатно! Все говорил: «Это, пойми, мне для работы нужно. Помощники!» А их предупреждал: «Когда у меня свой ребенок родится, я не смогу вам столько времени уделять». Детей он очень хотел. Да вот, посмотрите!..

Да, на это стоит посмотреть! Книжки, тетради, подборки вырезок — и все о детях. Еще в школе Игорь готовился к своей главной, как он считал, жизненной роли — отцовству. Сам еще ребенок — он думал уже о своих детях. Редкое для мужчины качество.

— Сашенька родилась — в каком восторге он был! Все к родственникам приставал: «Это же мой комочек родной! Моя кровь! Вы не понимаете». А они потешались: «Где уж нам! Ни у кого же, кроме тебя, сроду детей не рождалось!»

Тут, представляете, я его и любила. Нет, мне и раньше было с ним хорошо — внимательный, заботливый, спокойный. Я-то вспылчивая. Все для меня старался. Я во время беременности такая была — все меня раздражало! А он — с пониманием... Старался мне настроение поднять. Раз прихожу с работы: «Закрой глаза!» И надел мне на шею табличку «Лучшей жене 1989 года!

УРА!» Так здорово! Или еще. Получил тулуп форменный. Звонит вечером в дверь. Я открываю, а он тулуп вывернул наизнанку и говорит: «Бе-е-е! Пустите погреться!» Я ему: «Ты в таком заведении работаешь и так себя ведешь! Вот соседи выйдут сейчас — посмотрят на тебя!» Ну как ребенок!..

После роддома я ему в первый раз сказала: «Я люблю тебя!» Он так счастлив был! Мы счастливы были! Когда по улице шли — все смотрели. Подруги говорили: наверное, нет в Сапожке семьи счастливее вас! Я тогда поняла — не может человек так быть счастлив, как я! Это должно разрушиться. Предчувствовала, что ли?

Я думаю, это не было предчувствием. Просто естественный страх человека, которому есть что терять. Мне это знакомо. Я уж сколько лет живу с этим страхом. Если любишь — ты уже уязвим. А если еще и любим, начинаешь думать — за что мне такое счастье? Вроде не за что. Значит, придется платить по счету. Вот и боишься за мужа, за ребенка...

Лене досталось семь месяцев счастья. Полтора года замужества и семь месяцев счастья. А потом вдовство. Игорю было 23 года.

— Я все за его спиной! Знаете, я так боялась подорожания. А Игорь говорил: «Не бойся, ты его не почувствуешь». У него дом есть бабушкин. Так он хотел там подсобное хозяйство развести. Он говорил: «Ты посмотри, я здоровый, сильный, чего нам бояться!»

Лена ничего не говорит о себе. Семь месяцев счастья — спрашивала, за что. А вдовство бесконечное — за что? Не спрашивает. И дочка, которая научилась говорить «папа» уже не ему — фотографии на стене да камню на кладбище. Ей-то за что? Но Лена все удивляется несправедливости по отношению к Игорю.

— Последнее время он вроде чувствовал разлуку. Только уходит — звонит: «Как вы там?»



Десятого ноября, в День милиции, местная газета напечатала фотографию Игоря Ускова — лучшего участкового.

Теперь это последняя прижизненная фотография — и у Лены на стене, и в отделе милиции. Игорь на фотографии смеется — а ему оставалось жить два дня...

— Одиннадцатого заболела Сашенька. Он волновался — ужас! Двенадцатого, когда уходил, я белье полоскала в ванной. Он говорит: «Можно я тебя поцелую?» И такой нежный был поцелуй... последний. Нет, он еще заглянул на минутку вечером: «Я что-то испугался, что вы в больницу попали! Ну, я мигом. До райотдела добежу — и домой». И я ничего не почувствовала. Полчаса не прошло — соседка: там, говорит, Игоря порезали...

Как раз рабочий день кончился. Холодно было и темно уже совсем. Пятидесятилетний пьяница изготовил на работе два огромных ножа — свинью резать. Эти ножи, острые, как бритва, завернутые в матерчатую сумку, он нес домой. Все было, как обычно. Трезвым его давно уже никто не видел...

Стояли на улице двое пьяных и ругались матом. Женщина мимо шла, что-то им сказала. Ее медленно обложили. А тут — участковый. Замечание сделал. Мужик в ответ махнул свертком. Откуда было Игорю знать, что там ножи?

А мужик этот, Иван Колмогорцев, был типичный алкаш... Игорь мог бы справиться с ним одним мизинцем, если бы захотел. Если бы ждал удара...

— Я позвонила в больницу. Говорят, ранен в ногу. Я и не волновалась особо. Подумаешь, в ногу! Стала искать, куда Сашеньку деть. Без бабушек мы. Учительница моя школьная согласилась посидеть — она часто меня выручает. Я — в больницу. А меня к нему не пускают! Я все понять не могла,

что происходит. Почему нельзя? И почему он без сознания? Подумаешь, ножом по ноге полоснули! Мне объяснили — нож, мол, огромный, артерия ушла, крови потерял много... Нет, я не думала, что он может умереть. Думала, его вот-вот переведут в палату. Я ухаживать буду... Попросила ребят дать машину милицейскую. До дома доехать, переодеться. И поехала. Вернулась мигом. Поднимаюсь по лестнице, а наверху моя подруга говорит кому-то: «Идет она...» — и отвернулась к окну, не смотрит на меня. Тут я поняла...

Нет, я его не видела. Не пустили. Увезли в Рязань на вскрытие. А я ничего не понимала. Игорь умер? Да вот же он, стоит в коридоре! Я не хотела его видеть — мертвого! Когда привезти должны были, как я боялась! Сидела на кухне и выла. А сестра говорит: «Пойди посмотри на него!» Как увидела — уж не могла отойти... (Он тут вот лежал, где диван...) Я знала — последние часы мы вместе. Все хотела насмотреться...

Поначалу каждый вечер родственники собирались, друзья. Я знала, они мне добра хотят. Но они разговаривали громко. Я терпела. Но все ждала, когда мы останемся своей семьей — Сашенька, я... и душа его. А как время подходит ему с работы прийти или на обед — я жду, на дверь смотрю...

Лена рассказывает и фотографии перебирает. Семейный альбом невелик — не успел распухнуть. Его и продолжать теперь невозможно...

Лена говорит об Игоре спокойно и охотно. И смеется, когда о смешном... Только слезы непрерывно текут по щекам. Лена их вроде и не замечает. Кончается тем, что мы дружно ревом вдвоем, не стесняясь друг друга, не вытирая слез. Чего нам стесняться? Мы не только тезки и практически ровесницы. Мы не только мамы (наде-

юсь, мой сын спит дома, в Москве, так же безмятежно, как Сашенька). Мы с ней обе — милицейские жены. Нет, это я милицейская жена. Она — уже вдова.

— *Потом? Что же было потом? Зима. Ребята из милиции мне дров заготовили. Спасибо им. Пенсию назначили, и Сашеньке, и мне, пока я с ней сижу... Памятник заказала, какой понравился. Это ведь надо, понимаешь?.. Весной нам стали газ проводить. Вон — до сих пор все ведут. Полгода скоро. Печку разобрали. В кухне, сама видишь, черт ногу сломит. Тоска. Как трудно все — газ, ремонт... Нет, отопление хорошо, конечно. А ну, как не включают до холодов? И так тоска. Да еще газ этот...*

На 8 марта начальник Рязанского УВД собрал милицейских вдов. Подарки... Две тысячи и сейчас еще деньги. Но главное не это. Лена вдруг отчетливо поняла: она не одна. Есть еще такие же вдовы. И живут! И еще поняла: ей есть к кому обратиться за помощью если что. Женщине страшно оказаться без опоры и защиты. Тем более в таком — сегодняшнем — мире.

*Жутко...*

Совершенно потряс Лену приезд двух «представительных милицейских начальников из Москвы». До сих пор она удивляется: «Специально! Из Москвы! В наш Сапожок! Господи, да они небось и не слышали, что есть такой Сапожок! И специально приехали узнать, не нуждаюсь ли я в чем. Из-за меня! И тоже говорили, обращайтесь, поможем...»

— *Говорят мне, ты молодая. Еще замуж выйдешь. После Игоря?! Это очень непросто. И я не огорчусь ничуть, если мы с Сашенькой останемся одни. У меня дел очень много. Надо Сашеньку растить так, как он хотел. Спортом с ней заниматься... и книги. Он книги очень любил. Собирал — видите! А я читать как-то не при-*

*выкла, что ли? Я больше шить... Но теперь, сами понимаете. Теперь я все это перечитаю. Должна же я знать! И Сашеньку приучу...*

Она проводит пальцами по корешкам книг: Пастернак, Мандельштам, Набоков, Чехов, Аксаков, Гоголь, Лесков, Грин, Чапек... «Карлсона» вот успел купить. Для дочки. Должна же я знать», — сказала Лена. От венчания до отпевания — чуть больше года прошло. Она многого не успела узнать о своем муже. Ей многое предстоит понять — для себя и для дочери. Чтобы жить так, как он хотел.

Лена то и дело сбивается на настоящее время. Вот разливает чай, и вдруг: «Игорь сдому очень любит. Пирожки, печенье. Пеку, конечно, а как же! Для любимого мужа...» Она говорит это весело, с гордостью. Поначалу мне жутковато становилось от таких слов. Но на третий день я вдруг отчетливо поняла — нет, она не обманывает себя, Игорь умер. Просто, любя его, она продолжает жить как бы для него...

Десять лет назад, незадолго до рождения сына, я все просила мужа быть поосторожнее — боялась очень. Муж, пытаясь меня успокоить, ляпнул: «Если что — тебе будут пенсию платить в размере моего оклада». Ох, я и взвилась, помню! Всю жизнь мечтала! Спасибо! Оклад, кстати, у него тогда был рублей 150 грязными. Игорь получал чуть больше двухсот. До подорожания это было. Сейчас бы ему рублей пятьсот набегало — с компенсациями. Лена не попала под действие Закона о милиции — он вступил в свои права с 1 января 1991 года. Игорь погиб на полтора месяца раньше. Подождал бы полтора месяца, не ввязывался бы ни во что — была бы семья обеспечена на первое время. У нас вообще милиционеру выгоднее работать плохо, чем хорошо.

Но — большие или малень-



кие — деньги остаются всего лишь деньгами. Они не заменят мужа и отца, когда случится беда. Судья спросил Лену, есть ли у нее материальные претензии к обвиняемому. Нет, материальных претензий не было. Судья стал напоминать — траты на похороны, памятник... Лена удивилась: «Я не могу брать от него деньги! Он же убил моего мужа».

...Убийцу приговорили к высшей мере. Он, как водится, подал апелляцию. Ответа пока нет...

На памяти Сапожка это единственный случай убийства милиционера. В больших городах такое случается все чаще. Одних сумасшедших, которым требуется убить милиционера (любого!), пруд пруди. А кому-то нужно оружие, удостоверение. А кто-то просто пьян. Когда милиционер идет на задержание вооруженного преступника, он по крайней мере готов к нападению. А вот урезонивая знакомого пьяницу...

Милиционер — не работа. Это призвание. Не может поэт писать стихи только в рабочее время. И священник не может верить в Бога только во время службы. Так и милиционер — всегда на работе. Почти без выходных. И, ясно, все праздники — самая служба — надо людям спокойный отдых обеспечить. Но отгулов не добьешься. Потому что некомплект...

Есть статус народного депутата. И как наши депутаты своим статусом дорожат, как требуют его соблюдения — мы все свидетели... У Президента есть закон о защите чести и достоинства. А у милиционера — ни статуса, ни защиты. А преступность растет день ото дня.

И все больше среди нас молодых милицейских вдов...

**От редакции.** Страшная в своей обыденности история. Гибель милиционера сегодня уже не ЧП. Сколько же можно писать, гово-

рить о беззащитности наших защитников?! Нынче они весьма удобная мишень и для профессиональных бандитов, и для разгулявшихся алкоголиков.

...Погибший похоронен. С почестями. Осталась семья — ей жить дальше, в будничных заботах о хлебе насущном. Чем и как поможет вдове, детям погибшего государство?

Понимаем, вроде неуместно говорить о деньгах, когда речь идет о человеческой жизни. Впрочем, почему неуместно? Деньги — часть нашей жизни (и, увы, смерти...), а уж нынче-то — вдесятеро против прошлого.

Поэтому журнал «Смена» просит своих читателей: давайте поможем нашим защитникам, поможем их семьям, вдовам, сиротам. Кто сколько может.

Собственно, для этого и организован **Благотворительный фонд содействия милиции: расчетный счет 1700107 в ОПЕРУ при правлении Жилсоцбанка СССР МФО 29093.**

«Смена» переводит в Фонд 10 тысяч рублей.



Рисунок АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА



# ЧЕРВИ-

**Красивое название у села — Никольское-на-Днепре. И места здесь, над поливодной рекой, редкостные по красоте. И живут красиво, зажиточно...**

Прошлись по сельским улицам — я своей зависти скрыть не мог, припоминая невольно собственную малогабаритную квартиру. Особняки сплошь кирпичные, просторные, со встроенными гаражами, немало двухэтажных. Во дворах — виноград, абрикосы, вишни... Ну и разной живности на подворье год от года становится больше. Словом, у колхозника и на столе есть что поесть.

«Средний» дом — с водопроводом, отоплением, канализацией, газом — обходится примерно тысяча в семьдесят. Новостроек множество — стало быть, и деньги у людей имеются. Но деньги крестьянин может получить только одним путем — за произведенные

продукты, больше ему продавать нечего. Тогда вопрос: почему в магазинах села, ближайшего райцентра Соленое, шаром покати? Никогда не было столь удручающей картины на плодородной Украине.

Тема эта уже набилась оскомину, всякие разговоры о состоянии наших прилавков вызывают раздражение. Но как было не удержаться и не спросить председателя здешнего колхоза «Прогресс» Владимира Водопьянова: куда все девается?

— Понятия не имею, — ответил он. — Производство мяса мы удвоили. Зерна, овощей даем не меньше, чем прежде. На днях мне сообщили: мясокомбинат временно прекратил принимать скот: его столько, что не успевают перерабатывать.

— Очень много продукции, как известно, теряется при уборке, перевозке, переработке, хранении.

# КОЗЫРИ

— А раньше, лет десять назад, разве не терялось? Но продукты в магазинах лежали.

Прямо-таки черная дыра образовалась в нашем агропроме... Помните позапрошлый год, когда вырастили небывалый урожай? На нашем столе это никак не отразилось. Дар земли оборачивается бедствием, если везде постоянно чего-то не хватает: людей, машин, запчастей, бензина... Впрочем, в мою задачу не входит анализ положения дел в сельском хозяйстве. Просто подумалось вначале: если новшество, которое собирается применить «Прогресс», даст ожидаемые плоды, — что толку?..

Кстати, новшество — это для нас: в другом полушарии им давно и успешно пользуются. Первыми же в Союзе (бывшем) его применили хозяйства Ивано-Франковской и Львовской областей в 1990 году. А в мае прошлого года и днепропетровский «Прогресс» закупил красного калифорнийского червя.

— Выведен он в Калифорнии, потому так и называется, — пояснил начальник цеха биогумуса Алексей Фадеев. — Мы купили его в ивано-франковском объединении «Флора» три популяции — то есть три миллиона штук — по тридцать тысяч рублей.

— Зачем нужен именно этот червяк?

— Он производит биогумус, пропуская через себя полуперепревший навоз. Эффективность такого удобрения в 15—20 раз выше, чем обычного навоза. Пока, к сожалению, мы знаем об этом в основном из зарубежных изданий, но в нынешнем году проверим на своих полях. Хотя, собственно, и проверять нечего, судя по мировому опыту.

— Из чего же складывается такая эффективность?

— Сравните: если обычного на-

воза надо вывезти на поле 50 тонн, то биогумуса достаточно 3—4. Вот уже огромная выгода только на перевозках...

— А трудозатраты на полях? — добавил Водопьянов. — Скажем, овощи. Посадить их не проблема. Но потом все лето занимаемся прополкой. Дело в том, что с навозом вносится в почву много сорняков. Червяк улучшает структуру, химсостав удобрения, обогащает микроэлементами, аминокислотами. Сорняков практически не остается. Значит, отпадает масса тяжелого труда. И второе — отпадает нужда в ядохимикатах. «Химия» убивает почвенные микроорганизмы, истощает гумусный слой. А ведь на его восстановление нужны сотни лет! Биогумус позволяет сделать это значительно быстрее. Кроме того, отказавшись от химии, мы получим экологически чистый продукт. Причем биогумус годится абсолютно для всех растений. А прибавка урожая — около 30 процентов. Я видел в одном хозяйстве помидоры, подкормленные биогумусом. И урожай там на треть больше, и созревают помидоры дней на пятнадцать раньше...

— Ну да, а потом их тракторами запахивать?

— Так ведь при такой высокой урожайности можно сажать и сеять на гораздо меньших площадях — убирать будет намного легче!

Стоп. Не в этом ли ключ к решению многих аграрных проблем? Не являюсь специалистом в области сельского хозяйства, но обычный здравый смысл подсказывает: сокращение посевных площадей — это сокращение трудозатрат, экономия дефицитного горючего и т. д. Кто знает, если б позапрошлогодний урожай вырастили на значительно меньшей площади, то и потеряли б меньше?..



Фадеев показал мне свое хозяйство. В длинном пустовавшем до этого кирпичном здании они выстроили ряды двухъярусных железных коробов, в которые и закладывается полуперепревший навоз. Фадеев запустил руку в короб и показал мне ком «полуфабриката», нашпигованного шевелящимися червями. Обычные с виду червяки, но все тонкие, красные и одного размера.

— Интересно, а как на него рыба клюет?

— Лучше, чем на обычного дождевого. У этого запах особый.

— А технология производства сложна?

— Для маточного поголовья (любопытно, где у червяка голова? Но такая уж принята терминология.— В. А.) необходимо поддерживать постоянную температуру, влажность навоза, определенное освещение. Биогумус должен быть достаточной насыщенности — ни больше, ни меньше.

— А затраты?

— Мы вложили, как я уже сказал, по тридцать тысяч за миллион особей плюс сорок тысяч на оборудование этого помещения: стеллажи, отопление, свет. Теперь посчитайте. Один килограмм биогумуса стоит рубль. Миллион особей за сутки производят тридцать килограммов. А размножается этот червь быстро — за месяц его количество удваивается. Мы пока готовим биогумус в тепличных условиях, но скоро закончим подготовку утепленных буртов на улице. При таком способе нужна тяжелая техника — буртоукладчик, бульдозер, погрузчик... Но все равно, я уверен, затраты окупятся. Да еще приплюсуйте прибавку урожая.

— То есть вы собираетесь, кроме всего прочего, торговать червем, биогумусом?

— Обязательно. Мы готовы

и продавать свою продукцию, и обучать желающих методике производства. Но пока, должен признать, со сбытом туго. У нас было много гостей из самых разных мест: Крыма, Полтавы, Киева, Самары, Краснодара. Все заинтересовались и обещали купить. Но попозже, к весне. Пока у них нет помещений, приспособленных к работе такой живой биофабрики. Надеюсь, наши коллеги не будут долго раскачиваться: затраты невелики, а выгода очевидна.

...Напоследок председатель Водопьянов угостил меня такой информацией: на Западе калифорнийского червя... едят.

— В Америке это основная добавка к детскому питанию. Япония готова платить по 225 тысяч долларов за один килограмм сухого червя...

— Сколько-сколько?

— Вы не ослышались. Чем этот продукт ценен? Семьдесят процентов веса червя — усвояемый белок. Подчеркиваю — усвояемый! Нет ни одной сельхозкультуры или животного с таким количеством усвояемого белка. Мы напичканы пшеничным белком — вот и ходим толстые. Химсостав «калифорнийца» — 16 аминокислот! Для сравнения: в мясе — шесть аминокислот, в помидоре — три. Опять-таки ни один растительный и животный продукт не имеет ничего даже близкого по калорийности. Универсальный продукт питания для почвы, растения и для человека.

В принципе несложное производство биогумуса могут завести любой крупный колхоз (если он рентабельный), ассоциация фермеров, арендаторов. Либо скооперироваться несколькими хозяйствами. Уж чего-чего, а того добра, которым кормится червяк, у нас навалом. А там, будем надеяться, и он нас чем-нибудь накормит...

# ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- Г Три мнения о журнале
- Г Смешно иль горько?
- Г Хочу иметь друга-«афганца»

Г Читаю «Смену» много лет и всегда был доволен содержанием. А в 1990—1991 гг. полностью разочаровался. Вы печатаете много совершенно ненужных материалов, статей, рассказов.

Например, кому интересен рассказ А. Толстого «Никита Шубин» (№ 12—90), повествование «Жизнь и смерть Петра Столыпина» (№№ 5, 6—91), «Веселые дни» Б. Зайцева (№ 4—91), «Бесконечный тупик» Д. Галковского, рассказ «Дроль» (№ 9—91), повесть Л. Кербера «С Туполевым в тюрьме и на воле» (№ 9—91), статья В. Вейдле «Три России» (№ 8—91).

Рубрика «Мир двоих» появляется лишь изредка, а жаль. Некоторые читатели недовольны, что вы много материалов печатаете о сексе, об эротике. А вы публикуйте отрывки из книг профессионалов-сексологов, психотерапевтов, и вас никто не станет критиковать.

Вы можете смело публиковать отрывки из книг Збигнева Льва Старовича, Дэйва Барри и других. Это не бульварная литература. Вам за эти публикации будут благодарны тысячи читателей «Смены».

Где рубрики «Мораль и право», «Звезды мировых арен»? — раньше они были постоянными. Очень любил я статьи В. Еремينا. Но в этом году их нет.

Мало фантастики. Выписал журнал на 1992 год в надежде на то, что перед публикацией того или иного материала вы подумаете: «А нужна ли эта статья читателям?» Пока что вы без разбора печатаете все подряд.

Очень хочу написать вам следующее письмо в другом направлении. Будет ли оно?

**А. АЛЕШИН,**  
Одесса

Г Я хотела бы посоветоваться с вами. Живем мы в поселке. Моей дочери восемнадцать лет, после школы она окончила училище, работает. Но она одинока. Подруги разлетелись, некоторые обзавелись семьями. У них свои интересы, а одной на дискотеку неудобно идти. Вот и сидит дома. С работы — домой, вечером — телевизор, книги. Девочка без физических недостатков, нормальная, симпатичная и без вредных привычек, как теперь говорят. «Несовременная» — так она себя определяет. Она очень стеснительная. Вот пишу, когда ее нет дома. Устраивают же люди свою судьбу через переписку, может, и ей повезет — ответит кто-нибудь из ребят, отслуживших в армии и с серьезными намерениями?



Извините, не смеется, а что делать? Мне очень хочется, чтобы дочка была счастлива.

Если можно, адрес оставьте в редакции.

**Н. П. РУДАКОВА**

Прости меня, «Смена». Прости за то, что смалодушничал и остался без тебя на весь 1991 год. Первоначально было и оправдание: ведь все подписные издания подорожали и в знак протеста я, регулярный подписчик «Смены», «взбунтовался». Но это самообман, и год без тебя я не находил себе места. А все потому, что ты в 1989 и 1990 годах радовала меня остроумными романами и повестями зарубежных авторов. Мы раньше думали, что там, за границей, не умеют и писать. Но теперь я снова твой читатель. И пусть я лишний раз не пообедаю или не зайду в кафе, но у меня есть духовный стимул в виде подписки на «Смену». Здравствуй, моя «Смена»! Твой теперь уже постоянный читатель

**НИКОЛАЙ ЧЕРНОВ,**  
Светлоград Ставропольского края

Уважаемые! Третий год подписываю вас и жалею, что поспешила подписаться на 1992 год. Надоели ваши ужасы, вы зацклились на них. Жизнь и так ужасна: зачем делать из нас чокнутых? Где светлое, чистое и поистине талантливое? Очень себя жаль. И вас.

**И. Н. ЕРЕМЕЕВА,**  
Уральск

Живу я в красивом селе над рекой, работаю на сахарном заводе. Мне тридцать три года. Родители у меня очень добрые

и заботливые, есть сестра и брат, маленькие племянники. Вроде все нормально, как у людей, и в то же время мне очень и очень одиноко. Одиночество ходит за мной по пятам, как тень, — дома и на работе, в выходной и праздник, днем и ночью — уже шесть лет, с тех пор как утонул в лимане мой муж, а сыночек появился на свет мертвым. Раны зажили, а вот рубцы от них болят до сих пор. Я хотела бы переписываться с инвалидом-«афганцем». К людям, прошедшим Афганистан, я отношусь с глубоким уважением, с добротой и очень хочу иметь друга-«афганца», хочу и могу разделить его горести и радости. Может, есть где-то такой же одинокий и несчастный, как я. Я все сделаю, чтобы в его глазах светилось счастье. Ведь он спасет меня от одиночества.

Напишите мне, в редакции есть мой адрес.

**ЕЛЕНА ШАПОШНИКОВА,**  
Одесская обл.

Мы хотим поделиться с вами нашим счастьем и в то же время трагедией. Дело в том, что мы (Валерия и Наталья) дружны и неразлучны с детства. Пять лет назад мы познакомились с Аркадием. Это был красивый молодой человек двадцати пяти лет. Нам в то время было по двадцать. До знакомства с ним у нас были мужчины и много друзей. Но случилось так, что мы обе полюбили Аркадия. И если бы Аркадий симпатизировал одной из нас, то другая отошла бы в сторону и не мешала. Но Аркадий уделял внимание одинаково нам обеим. Однажды на вечеринке мы оказа-

лись строем в уединенном уголке, немного выпили, и у нас развязались языки. Валерка шутя спросила, кто из нас ему нравится больше. Аркадий задумался и серьезно ответил, что любит нас обеих. Мы оторопели. Позже Аркадий рассказал нам, как ему тяжело. Он любит нас как единое целое, мы совмещаем в себе идеал его женщины. И вот уже пять лет мы живем втроем. Не подумайте, что мы извращенцы, любовью мы занимаемся отдельно. Мы не ревнуем друг друга и счастливы. Но из нашего положения нет выхода. Мы достигли того возраста, когда хочется иметь детей и семью, но ведь это невозможно при наших отношениях. Мы любим друг друга и счастливы, понастоящему счастливы втроем. Помогите! Напечатайте наше письмо, ведь от нас все отвернулись, нас никто не понимает или просто не хочет понять. Как нам быть?

**ВАЛЕРИЯ и НАТАЛЬЯ,**  
Одесса

Мне сейчас очень тяжело, и от того, на что я решусь, зависит вся жизнь.

Мне тридцать два года, десять лет замужем, двое детей — девяти и трех лет. В семейной жизни всякое бывает, и мне кажется, редко встречаются счастливые семьи. Наша семья самая несчастная, так как в ней уже четвертый год нет согласия, любви и взаимопонимания. У мужа появилась другая женщина. Он тщательно это скрывал, все время меня упрекал за «незаслуженные» подозрения в его адрес. И он, и я ходили в суд, писали заявления на развод, но дальше дело не шло — мы мирились. В конце

концов муж во всем признался. Я разговаривала с этой женщиной (у нее тоже семья, двое детей), она сказала, что любит его, а со мной он, мол, живет, поскольку ему жалко детей, но если решит остаться в моей семье, между ними ничего не будет. И мой муж (в который раз!) клянется мне, что все там кончено, он будет верным и хорошим мужем. И я (в который раз!) ему все прощаю. И опять все повторяется сначала. Я устала от его лжи, от просьб начать все сначала. У меня нет гордости? Нет, есть. Я пыталась его понять и не смогла. Он любит детей, они любят его, я, наверное, тоже его еще люблю. Хочется, чтоб наша семья была крепкой, дружной, счастливой. Но все мои попытки сделать ее такой рушатся, все его обещания тают, как туман. Я могу понять, что люди полюбили друг друга, я не буду мешать их счастью, если он уйдет. Но он не уходит... И получается, что это я лишаю детей отца, что я во всем виновата. Некоторые друзья говорят, что мне будет тяжело одной, другие — чем так жить, лучше быть одной. И я не могу решить, как быть. Но закрыть на все глаза тоже не в силах. Понимаю, что и мне, и ему не хватает решительности. Как мне сохранить семью? Стоит ли ее сохранять? Что мне делать?

**ТАТЬЯНА,**  
Луганск



# «Пою перед тобой в восторге похвалу...»



Борис Васильевич Пучков чуть не полвека проработал стеклодувом на рижской фабрике лабораторных приборов. Выдувал колбы, пробирки... А выйдя на пенсию, удивил родных и друзей. Занялся творчеством. Дома, на кухне, оборудовал мастерскую и часами прошивал за горелкой.

Борису Васильевичу, в его семьдесят четыре, хотелось, чтобы рядом были молодые люди, которым можно было бы передать не только опыт и мастерство. Он мечтал иметь единомышленников, видящих и чувствующих красоту природы, ее незащищенность и хрупкость. И в который раз доказать, что у природы-творца есть соперник-подражатель — человек. Пучков приходил на фабрику, приглашал ребят. Но оказалось, что для творчества недостаточно умения обращаться с материалом, недо-

статочно профессиональных знаний. Необходим художественный вкус, воображение, хорошая зрительная память. Просто талант.

Общеизвестна истина — случай в жизни играет подчас решающую роль, способен резко изменить всю жизнь человека. Если бы москвич Юрий Рытин не приехал к своему родственнику Пучкову, ему бы и в голову не пришло взять в руки кусочек стекла.

Жизнь его была размеренной и прозаичной, почти как у всех его ровесников. Школа, техникум, армия. Затем учеба в Московском авиационно-технологическом институте. По окончании — работа инженером-конструктором в одном из НИИ Минавиапрома. И вдруг необъяснимая для всех, да, пожалуй, и для самого Юры, любовь к стеклу.

— Возможно, не все поймут такой неожиданный поворот в моей жизни, — рассказывает Юрий Рытин. — Ведь профессию выбрал

еще в школе. Работал по призванию. На горизонте даже забрезжила диссертация. Но... околдовал меня мастер, заворожило стекло. Большую роль сыграло общение с Борисом Васильевичем не только как с мастером, но и как с удивительным человеком, человеком глубокой художественной натуры, сохранившим поразительно тонкое, почти детское восприятие живой природы. Его фантазия поражает, во всех его работах — праздник жизни, торжество красоты.

Я благодарен судьбе за то, что свела с замечательным художником, научившим меня по-иному смотреть на мир и природу и открывшим тайну волшебного материала. «Пою перед Тобой в восторге похвалу Не камням дорогим, не злату, но Стеклу», — сказал когда-то Михайло Ломоносов.

Работать с цветным стеклом необычайно интересно, его художественные возможности кажутся неисчерпаемыми. Используя прозрачность и цвет стекла, можно добиться значительной выразительности изделия. Но есть своя специфика: надо делать все быстро.

При определенной температуре стекло из твердого и хрупкого материала превращается в мягкую, податливую массу, в этот-то момент из цветной стеклянной палочки и рождается грациозная жар-птица или озорной чертик, прекрасная роза или аппетитная земляничка. Когда изделие готово, его отправляют в печь на окончательный обжиг.

Часты, увы, и неприятные сюрпризы. Работаешь, например, над цветком. Потратишь на него немало сил и времени, наутро смотришь — никто его не ронял, не разбивал, а он рассыпался на части. Все дело в чрезмерных внутренних напряжениях в стекле, значит, неправильно выбран температурный режим нагрева и охлаждения или неверна последовательность спаивания отдельных

элементов. Случается и так: коснется холодный воздух какой-нибудь еще не остывшей фигурки — она и трескается. Приходится делать новую.

Каждый художник ставит перед собой определенную цель, пытается выбрать свою линию, свой почерк в работе. Я также стремлюсь найти свой путь, соединяя традиционные формы и приемы с поиском новых технологических и художественных возможностей.

Главная моя цель — выпустить на волю могучую скрытую силу божественного эстетического воздействия стекла, которая сделает людей добрее, красивее и лучше, смягчит душу каждого, научит бережней относиться к красоте, такой же хрупкой, как нежный стеклянный цветок.

Неблагодарное занятие пытаться описать словами чудо, рождающееся в руках Юрия Рытина: сложенную осенним ветром, почерневшую ветку с багряными листьями, вспыхивающую от редких солнечных лучей; маленькие разноцветные огоньки скромных полевых цветов, чьи тонкие стебли собраны в прозрачной вазе; грациозных гордых оленей; замершего в готовящемся броске тигра; сонную черепашку...

Действительно, лучше один раз увидеть...

## СВЕТЛАНА ТОНИНА















ЮРИЙ НАГИБИН

# АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

В русской литературе, а более общно — в русской культуре, есть много замечательных имен почти, а то и вовсе не знакомых широкой публике. Иные из этих имен блистали в свое время, другие и тогда незаслуженно оставались в тени. Но всюду, кроме России, о людях такого калибра напоминали монументы и мемориальные доски — дань народного уважения и благодарности. В Румынии в каждом городе вы обнаружите памятник тому или иному выдающемуся румынскому философу, хотя трудно вспомнить, чем обязана европейская мысль этой музыкальной стране. В огромной, безмерно богатой на таланты и от щедрот своих несприметливой и беспамятной России о многих достойных бессмертия деятелях культуры знают либо специалисты, либо книжные черви, либо чудаки, которым до всего есть дело. Многим ли, даже образованным людям, говорят что-либо имена: поэта Смутного времени князя Ивана Хворостинина, страноведа, исследователя Камчатки и писателя Степана Крашенинникова, архитектора, музыканта и поэта Николая Львова, драматурга Княжнина, писателей А. Вельтмана, А. Дружинина, Д. Григоровича, В. Слепцова, А. Левитова, Николая Успенского (даже его двоюродного брата Глеба стали подзабывать), поэтессы Каролины Павловой, ее мужа прозаика Н. Павлова, поэта И. Коневского. А ведь среди забытых и полузабытых есть люди редкого, замечательного таланта, скажем, А. Эртель, которым восхищался строгий, мало кого принимавший Лев Толстой (он даже предисловие к его роману «Гарденины» написал), мыслитель и критик Н. Страхов, высоко ценимый тем же Л. Толстым, и вовсе уни-

5. «Смена» № 2—3.

129

кальный по дарованию, силе мысли, характеру и горестной судьбе Аполлон Григорьев. Ему выпала не меньшая честь, чем Эртелю или Страхову, — признание Ф. Достоевского, отдавшего важнейший, как тогда считалось, критический отдел своего журнала «Время» московскому Аполлону, а до этого он был таким же хозяином в погодинском «Московитянине», представлявшем «русское начало» в тогдашней литературе.

Кудесник слова Н. С. Лесков в своей краткой автобиографической справке пишет: литературный талант находил и поддерживал Аполлон Григорьев. Похвала Григорьева была как патент на славу. Вместе с тем критические высказывания его наносили незаживающие раны. Он любил И. Тургенева, много писал о нем и, конечно, не только восторгался. Он анализировал, препарировал прозу Тургенева, что-то в ней не принимал. Тургенев отличался редкой терпимостью к критике, но однажды, уже после смерти А. Григорьева, признался Фету, что «ненавидел» покойного. Признание было случайным, оно против воли сорвалось с языка Ивана Сергеевича, но тем больше ему цена. Крайне считался с мнением Аполлона Григорьева А. Островский, но будучи любимым автором критика, естественно, никогда не испытывал к нему злого тургеневского чувства. Так же относился к Григорьеву весь кружок «Московитянина». Александр Блок написал о нем целое исследование. Зачин маленькой поэмы Аполлона Григорьева прочно вошел в эстрадный репертуар певцов с цыганской нотой (лучший исполнитель — Николай Сличенко), а Рубен Симонов неподражаемо читал поэму целиком. Любопытно: многие убеждены, что слова — народные, наверное, это высшая похвала поэту.

130

Как бы высоко ни оценивал поэзию Григорьева Александр Блок, близкий ему музой, любовью к цыганам и приверженностью к Лизю (придуманное Григорьевым божество вроде греческого Вакха, «но только с русской душой»; имя произведено от простого и душевного: лей!), наиболее ценно, интересно и значительно у Григорьева критическое творчество. В русской поэзии его многие превзошли, а вот критика Аполлона Григорьева не превзошел никто. Рядом с ним можно поставить по глубине и своеобразию лишь Константина Леонтьева и автора «Отражений» Иннокентия Анненского, и, уж во всяком случае, не современных ему революционных демократов, признавших в литературе лишь идею. О том, что некоторую роль играет форма — художественность, они вроде и не подозревали. Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Антонович и иже с ними отличались орлиной зоркостью к содержанию и кураханьей глухотой к слову. Их предшественник и учитель В. Белинский догадывался о существовании эстетического начала, но его промахи по этой части были невероятны. Достаточно сказать, что он отсоветовал Лермонтову включить в сборник стихотворений «Ангела», считая «этот стишок» слабым, незрелым. Его патетическую душу не смутило предчувствие, что «Ангел» будет признан едва ли не вершиной мировой лирики, так, во всяком случае, считал Борис Пастернак, которому поэзия была несколько ближе, чем неистовому Виссарйону.



После этого, нападки на Пушкина в поздних статьях Белинского и обличительное письмо к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», надолго замутившее людям мозги, кажутся грехами второстепенными.

Надо сказать, что и Писарев на заре туманной юности, и Добролюбов до последнего часа баловались стихами, но говорить об этом серьезно как о поэтическом творчестве не приходится. Григорьев же был истинный и крупный стихотворец с поэтической душой и поэтическим ухом, он слышал и переживал художественное слово.

В коротком журнальном очерке невозможно разобраться в таком сложном литературном явлении, как Аполлон Григорьев. Тем, кто хочет составить о нем представление как о поэте, лучше всего просто обратиться к его стихам, благо их опять начали издавать, и к обширной, высокопрофессиональной статье Александра Блока, написанной, как и вся его проза, кроме юношеских романтико-мистических писем к невесте — Любви Дмитриевне, в сухой, обстоятельной и вовсе не поэтической манере. Замечательно, до чего проза Блока не похожа на его стихи. Проза Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, чуть меньше Ахматовой — продолжение их поэзии. Даже в рецензиях Н. Гумилева опутима рука поэта. В прозе Соллогуба, Кузьмина, Ходасевича, Георгия Иванова не вычитывается их поэзия, но она насквозь художественна. В статьях, критических разборах, рецензиях Блока никогда не признаешь певца Прекрасной дамы. Крайне сухо, деловито, обстоятельно, протокольно ясно.

О мыслителе и критике Григорьеве я не знаю работ столь содержательных и полных, как исследование Блока. Наверное, лучше всего читать его самого.

Я буду считать свою задачу выполненной, если смогу дать хоть какое-то представление об этой замечательной личности, замоскворецком уроженце, русском до мозга костей, до дна, до отчаяния. Вот уж воистину русский характер и русская судьба! Безмерно одаренный, с широким охватистым умом, врожденной склонностью к культуре, страстной любовью ко всем искусствам, исполненный высоких нравственных требований к себе и к миру, обезоруживающе добрый, и при всех этих достоинствах — губительные пьяные загулы, скандалы, бытовое разгильдяйство, беспашабишность, дикие выходы, приносившие вред лишь ему самому, завсегдаятай полицейского участка и долговой тюрьмы — таков Аполлон Григорьев. Он был чрезмерен во всем: в любви, в дружбе, в поклонении красоте, в отвращении к низости, в отстаивании своей веры, в увлечении надрывной цыганской песнью. Русская литература богата яркими личностями, но не было в ней столь дисгармоничной фигуры. Было немало алкоголиков, пытавшихся сохранить лицо, как Левитов, и опустившихся на самое дно, как Николай Успенский; были опасноватые выпивохи вроде Писемского, унылые весельчаки пошиба Дружинина, люди, лишённые инстинкта самосохранения, как Лермонтов, были фигуры необузданные, неуправляемые, гибельные, но им всем далеко до Аполлона Григорьева. И при этом, что

удивительно, он всегда стремился к гармонии. Так и не достроенное им здание органической критики должно было, по мысли зиждителя, явить совершенную гармонию: каждое явление литературы надлежит рассматривать в его целокупности, в свете общечеловеческого дела, народного идеала, а не с нищенской позиции соответствия ближайшим сиюминутным целям. Этот метод равно отвергал насквозь идеологизированную критику Добролюбова и всего тогдашнего «Современника», а также чисто эстетический подход Дружинина и Боткина.

Любопытно, что в добрые минуты — довольно, впрочем, редкие у бедного Аполлона Александровича — его облик дышал гармонией, благостью. К сожалению, я не запомнил по старости, кто из современников Григорьева, вспоминая о нем после его смерти, дал совсем иной портрет покойного писателя, нежели все остальные мемуаристы. Он пишет о том, как хорошо шел по зимнему Невскому уже немолодой, чуть располневший, но ладный Григорьев в шубе на хорях, с красивой бородой и светящимся благорасположением к окружающим взором. И как будет не хватать городу этой милой и доброй фигуры. Я горжусь тем, что в свое время, занимаясь Григорьевым, я угадал именно такой образ его, хотя вспоминали о нем современники в подавляющем большинстве своем совсем другое. А вот что:

«Григорьев оконфузил и перепугал почтенную даму, жену композитора А. Серова, раскричавшись на всю улицу о гениальности ее мужа — создателя оперы «Юдифь». «Гениальнейшая башка у твоего Сашки! Как это у него запоет Юдифь «Оденусь я в виссон» — сапоги готов у него лизать!» А вот он грохнулся на колени посреди Лувра перед Венерой Милосской, перепугав чопорных слугителей храма искусства. Вот он ворвался к поэту Мею, читавшему друзьям свою пьесу «Царская невеста», с воплем: «Милый мой, единственный, желанный, где, скажи, твой одр благоуханный?» И завалился на продавленный диван, распространяя запах перегара, сильно смутившего склонного к Лизю поэта-драматурга. Вот он так развосторгался на премьере своего любимого Островского, что был под микитки выведен капельдинерами из зала. Вот он подрался в Долгушке с журналистом Камбеком, осмелившимся непочтительно отозваться о поэзии. Вот он так закутился с цыганским хором, что проснулся утром в чужих штанах — каких-то плисовых обдергайках — вместо собственных невыразимых». Мемуаристы, словно стоворившись, запомнили А. Григорьева непременно в плисовых штанах, косоворотке, поддевке и наперебой цитируют Фета, сказавшего, что Григорьев «рядится под московских извозчиков, которые сами так никогда не одеваются». А ведь был же Григорьев в добротной шубе не с чужого плеча и шапке с бобровым околышем. Этот Григорьев важнее того, привычного. Литература — трезвое дело, под мухой Григорьев пел, плясал, пропадал у цыган, спал на бильярдных столах в трактире или клубе, водился невесть с кем, шлялся неведомо где, а к письменному столу садился с ясной головой, в полном сборе чувств и с тем светлым взором, который запомнился наблюдательному и непредвзятому петербуржцу.



Мое глубокое убеждение: в Григорьеве не было двух разных людей — черного и белого, грязного и чистого, тема раздвоения личности — не его. Он был цельной натурой, и загулы его — почти сознательно выбранный способ жить. Когда-то я придумал для Аполлона Александровича похмельный монолог, в котором сконцентрировал свое внимание такого редкого явления, как творец «органической критики» и «Цыганской венгерки».

Он говорит, обращая к себе на «ты», после очередного приступа боли, вызванного неиссякающей памятью о его бессмертной любви к Леониде Визард. Григорьев, натура страстная и влюбчивая, знал немало летучих увлечений и две большие любви, одну в молодости — к Антонине Корш, эту любовь он сумел погасить в себе, когда она предпочла ему рассудительного Кавелина, другую — на всю жизнь — к Леониде Визард — голубоглазому сфинксу, — ставшей женой ничтожного актера и драматического Владыкина. Он так и не смог, не захотел признать, что она была сфинксом без загадки. Многие попадали под ее нечаянное обаяние и безболезненно отходили прочь. Лишь Григорьев, самый умный, значительный и проницательный из всех, не захотел прозрения, он холил и делял свое больное чувство. Он умер раньше, чем Леонида свершила ярчайшее дело своей жизни: окончила в Швеции медицинский факультет и защитила диссертацию «О влиянии цианистого калия на организм кроликов».

«Да, ты не избавишься от своей ноши до смертного часа, — думает мой Григорьев, — ибо корень в тебе самом, ты ни от чего своего не хочешь избавиться — ни от любви, ни от пьянства, ни от докучливости, ни от долгов — и даже гордишься в какой-то своей подпольной тьме, что ты монстр, не похожий ни на кого из окружающих. Пьяни кругом не сосчитать, есть и такие, что тебя перегуляют, и не бедна Русь поэтами, чья лира позвончее твоей, и мыслящими критиками и пламенными служителями идее не обойдена, и нешто когда скудела наша почва чужаками, что не страшатся и платем ярким, и диковатой повадкой навлекать насмешки и поруганье окружающих, но, чтобы в одном человеке все слилось, спаялось, спеклось намертво — этого в веках поискать — не сыщешь. Может, главное твое назначение, а каждая божья тварь чему-то назначена, не страстные стихи, не умные критики, не борьба за выстраданные идеи, а совсем в другом: явить русскую натуру во всех крайностях, яри и беспечности, готовности к высочайшему взлету и низжайшему падению. В твоих безобразиях — вызов той удручающей европейской безликости, которую сторонники западного развития пытаются навязать самобытному русскому укладу. И славянофилам — кукиш под нос! Из кожи лезут вон рыцари ракового хода, доказывая, что русский человек по самой природе своей смиренник, образцовый семьянин и святоша. Какая чушь! Будто земская жизнь возможна без гульбы «до поры, до утренней зари. Гульба по душе, гульба весеннюю ночь, весь денечек, осеннюю ночь до святочку». До чего жалки и смехотворны аксаковские славословия народному смирению! А куда девать тогда Стеньку Разина, Прокофия Ляпунова, Минина-Сухорука, Пугачева? Куда девать меня самого?»

Представляя Григорьева друзьям по кружку «Московитянина», историк-издатель Погодин, уже отдавший дань Лиэю, вопил: «Рекомендую, Аполлон Московский, Редчайший человек — не знает, где выс... где молитву прочесть. Первое справит в красном углу, второе — под лестницей. Прошу любить и жаловать!» И трудно поверить, что этот путаник, шумный, громкий и в житейском, и в литературном смысле слова непредсказуемый человек родился в типичнейшем Замоскворечье, на Малой Полянке, возле Спаса в Наливках, в почтенной купеческой семье старых твердых правил.

В жизни каждого художника заметную, а иногда решающую роль играет мать. Благостно влияние матери на Гоголя, сладкой болью навсегда остался в душе Лермонтова образ рано умершей обожаемой матери. Но совсем иным оказалось воздействие на Григорьева давшей ему жизнь — болезненной, до отращения добродетельной ханжи, навязавшей семье и дому душный, изнуряющий гнет. Его жизнелюбие пришло в непримиримое противоречие с установленным матерью порядком, и юный Полосенька в утверждение своей независимости рано научился прикладываться к бутылке. Еще подставляя голову под маменькин гребешок — правная властолюбива любила превращать орасину-сына в несмышляшка, — он следил за тем, чтобы не дыхнуть на нее кюммелем, а то и крепкой водкой. Никакого раскаяния он не чувствовал. С собой человек вправе распорядиться, как ему вздумается, быть может, это единственное достояние, в котором он до конца волен.

134 Тогда же узнал он завораживающую истому цыганских напевов, тогда же изменил глубоким тонам рояля — музыке учили, не жалели! — ради надрывов семиструнной краснощековой, тогда уже не мог противостоять разгульной, грешной жизни.

Благотворной для него оказалась дружба со студентом Афанасием Фетом, жившим в доме Григорьевых на хлебах. Юноши занимали соседние комнаты на антресолях, братски делясь мечтами, надеждами, сомнениями, даже стыдными снами, влюбленностями и первыми стихотворными опытами. Григорьев нередко приходил в отчаяние от неуклюжести собственных виршей, подчеркнутой благозвучностью фетовских строк. Но тут он не искал утешения в вине. Он восторгался, от души восторгался крылатой фетовской легкостью, проклиная корвящую нескладницу своих бедных и таких искренних стихов, но не падал духом, а полно, взволнованно жил поэзией, музыкой, любовью, громадностью раскрывающихся перед ним умственных горизонтов. Даже во дни, когда все честолюбивы, поэтическое честолюбие не терзало его. Поэзия была — и осталась — необходима ему для «собственной надобности», каждый поворот его жизни отмечен стихами, он, наверное, самый личный поэт из всех существующих на Руси. Таким он был на заре туманной юности, таким и остался, когда найденное главное дело заставило потесниться музы.

Забегая вперед, скажу: любовь к Фету, поэту и человеку, сохранилась у него на всю жизнь. Когда Фет съехал от Григорьевых и зажил собственным домом на Новой Басманной, у него тяжело заболела любимая сестра. Душевная болезнь была на-



следственной в семье Фетов. В безысходно мрачном настроении он посылал записку другу юных лет: «Приходи». И не было случая, чтобы Григорьев не откликнулся. Он знал, какое лекарство надобно Фегу: краснощековая — за спину и пешком через всю Москву на далекую Басманную: по Каменному мосту, мимо Александровского сада, навздым на Лубянскую, по Мясницкой к Красным воротам и дальше за церковь Петра и Павла. А шел он пешедралом не потому, что так уж любил променады, просто не было денег на извозчика. Приходил, подкручивал колки и своим тихим голосом не пел даже, а напевно произносил любимую другом «Цыганскую венгерку».

*Две гитары, зазвенев,  
Жалобно заныли...  
С детства памятный напев,  
Старый друг мой — ты ли?*

*Как тебя мне не узнать?  
На тебе лежит печать  
Буйного похмелья,  
Горького веселья!*

*Это ты, загул лихой,  
Ты — слиянье грусти злой  
С сладострастьем баядерки —  
Ты, мотив венгерки!*

.....

И успокаивалась, теплела, яснала омраченная душа Фета, как теплела и яснала она у всех, кто слушал неподражаемую мелодекламацию Аполлона Григорьева. Все современники единодушно утверждали, что второго такого исполнителя и собственной цыганской венгерки, и народных таборных песен, как Аполлон Григорьев, на свете не было: не голосом — маленьким, тихим — брал он, а сердцем.

Но все это позже, в молодые же годы песен было меньше, чем напряженной умственной жизни. Григорьев по праву считался главой студенческого кружка, собиравшегося у него на антресолях что ни вечер. В папиросном дыму до поздней ночи не прекращались споры о немецкой философии, и полупьяному слуге Ивану так настряли в ушах великие имена, что он заорал однажды с театрального подъезда:

— Коляску Гегеля!..

И все у молодого Григорьева было цельно, не разорвано, не доскутно: стихи, увлечение немецкой философией, бессонные ночи над книгами, вечное раздражение мысли, споры с друзьями, загулы, цыгане, жаркая близость с женщинами, которых он потом не помнил, и никакого сожаления ни о чем, никакого сомнения в том, что все происходит правильно, истово. И писалось ему стихами и прозой так же просто и естественно, как жилось и дышалось, и он не задавался вопросом, так ли, правильно ли он пишет, как не задавался вопросом, так ли, правильно ли дышит. И однажды он по-детски удивился и озадачился,

увидев черновики Пушкина. Там не было ни одной не подчеркнутой строчки, ни одного не переделанного слова. Вот каким каторжным трудом, каким прилежанием оплачена волшебная легкость пушкинского стиха! Он так не мог, не умел, у него просто времени не хватило бы. Шум жизни звал, оглушал, пьянил крепче вина. Неужели Стешина низкая волнующая нота или дружеский за полночь спор о важнейших вопросах бытия не важнее какого-то криво ставшего в строку слова? К тому же главная тема споров — искусство и жизнь — оказалась столь захватывающей и жгучей, что вскоре не стало душевного времени ни на что другое. Он понял, истина входит в человеческую душу лишь в образе красоты. Все великое сообщается жизни воплощенным в произведении искусства, наука делает лишь черную работу. И наконец в нем сказалось гулко, торжественно и чудно, как в соборе: искусство — это второй мир второго творца. Он должен внушить эту мысль людям — стихи заброшены, он пишет о литературе. Критическая деятельность пришла к нему так же естественно, как прежде поэзия, как загулы, и так же явилась прямым продолжением его личности. Но теперь он не замыкался в скорлупе собственного «я», а смело ступил в общественный поток. При этом он не поступился в своей капризной индивидуальности, оставался вызывающе самим собой.

Его не устраивало ни одно из существующих направлений: ни славянофильство с его душевными старообрядческими идеалами, с крестьянской общиной как единственно приемлемым для России обустройством жизни, ни тем более западничество, всерьез рассчитывающее привить русской стихии аглицкий парламентаризм, ни «теоретики», договорившиеся до того, что «сапоги выше Пушкина», ни эстеты-гурманы, у которых искусство — нечто вроде похотливого самоудовлетворения. Он лупил по всем, и его лупили все. Брань и насмешки барабанили по его шкуре градом, а каждая градина — с гусиное яйцо, но он не чувствовал боли, упоенный засиявшим для него светом. Он твердо знал теперь: спасение в народности. Но в отличие от славянофилов видел ее не в крестьянстве, а во всех сословиях, и в первую очередь в купечестве, сохранившем в наибольшей чистоте и цельности богатый, самобытный национальный характер, жизненную бодрость, пряную густоту русского быта, старинные обычаи, пляски, песни, теплую веру. Своим окончательным прозрением он был обязан Островскому. И ярко засверкал его меч во славу народности и столпа ее — Островского. Ответные удары могли и быка свалить, а он знай себе ломил дальше, захваченный великой мыслью — создать новый, всеобъемлющий метод критики, который назвал «органический».

Знакомство его с Островским произошло, когда он вернулся в Москву после бегства в Петербург от несчастной любви к Антонине Корш. Он не залечил ран, разочаровался в обменных возможностях столицы, в западниках и «теоретиках», но уже чуял правду, которая и привела его в стан молодой редакции погодинского «Московитянина». Он сразу понял, что нашел людей, близких ему всей кровью, но те не спешили раскрыть



объятия отечественному Гамлету (тогдашняя литературная клячка Григорьева), чья русская закваска привлекала их столько же, сколько отпугивал чужеродный меланхолический туман. Хоть доверия еще не было, а на премьеру пьесы своего главы и кумира Островского «Бедность не порок» в Малый театр взяли. Так и сидели в ложе всей компанией. Спектакль захватил Григорьева с первых реплик, но зрительный зал разогревался медленно, да и то лишь магическим обаянием великого Прова Садовского, игравшего Любима Торцова, первого замоскворецкого романтика на русской сцене. Григорьева бесила тупость публики, он себе ладони до свекольной красноты набил, орал, вскакивал на кресло. «Тебя выведут, сумасшедший!» — одергивал его Погодин, сам потрясенный до слез. Много раз потом выводили Григорьева из театра — не умел он приказывать своей душе, коли она рвалась наружу, но в тот раз обошлось и он дождался знаменитого места, когда пробудившийся от пьяной спячки и сознавший свое человеческое достоинство Любим кричит всему презревшему его миру: «Дорогу, дорогу, Любим Торцов идет!» Лед тронулся. Вск, в ком жива душа, понял, что на русскую сцену шагнул шаткой, но уверенной поступью совсем новый герой. До того на театре горланил и хвастался Ляпунов, кобенился под орлеанскую девственницу Минин (разумеется, не Островского) — жалкие подделки под русский тип, а тут развернулась во всю ширь мощная натура восставшего из грязи коренного русского человека, в коем смирение перед богом и нравственным законом в нужный час оборачивается бунтом против злотворства.

Чудо случилось в четвертом акте, когда старый, измочаливший душу о жизнь Любим Торцов тихо, из какой-то последней глубины усталости и одиночества просит Гордея — богатого и злонравного брата своего о милости: «Брат, отдай Любушку за Митю. Он мне угол даст... Назаябся я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уже мне паясничать на морозе из-за куска хлеба, хоть под старость-то да честно пожить...» Когда он кончил, была неестественная, какая-то жуткая тишина: люди в зрительном зале забыли дышать, окаменели, затем возникла долгая, стонущая нота и — обвал!.. И впервые бескорыстное сердце Григорьева сжалось не то что завистью — о, нет! — но каким-то печальным восторгом перед властью гения над толпой. И чувство это стало почти нестерпимым, когда Островский, большой, лобастый, с глазами, полными слез, поднялся в ложе и, обращаясь к друзьям своим и соратникам, сказал, беспомощно разводя руками:

— Не виноват, братцы!.. Небо свидетель — не виноват. Не я — Господь Бог писал!..

Какое же это ни с чем не сравнимое счастье — иметь право сказать о себе такое! Но, отозвавшись сжатием сердца и соленой влагой, скатившейся на губу, безмерности чужого успеха, Григорьев напрочь забыл обо всем малом и личном, растворившись без остатка в торжестве того, в чем прозревал будущее.

Его взяли на кутеж, который начался в ресторане, а закончился в доме Островского богатырской мужской попойкой. И навсегда пленилась душа Григорьева спокойной мудростью и прони-

цательностью Островского, не оставлявшими его и в подпитии, дивной старомосковской речью и глубиной взгляда великолепнейшего Прова и всем густым, свежим, здоровым даже в безобразии духом, царившим в этом кружке. У него кружилась от счастья совсем ясная голова, хотя налился он водкой и шампанским по затычку, но в огненный час не может завладеть человеком никакое отравное зелье. И старик Погодин, возвеселившись духом, потребовал, чтобы Григорьев спел под гитару что-нибудь цыганское. Тут же появилась семиструнная, и Григорьев своим тихим голосом, но с томительной страстью спел настоящее таборное. А потом с размаху кинулся на колени перед всей честной компанией и, рыдая, закричал: «Возьмите меня к себе, братья!.. Не отвергайте душу неприкаемую! Я же ваш, ваш, всем сердцем, всей требухой ваш!..»

Григорьев был принят и возлюблен всеми этими прекрасными людьми. Вскоре он стал как бы вторым центром молодой редакции, признанный теоретический глава направления, написавшего на своем знамени: народность. О том, как велик был его авторитет, говорит такой, чуть комический, факт. Известный поэт и злой сатирик Щербина в своей непристойной эпиграмме на Островского назвал того, как бы сказать поприличнее, отвратительным насекомым с волос Аполлона.

Григорьев совсем иначе, нежели Добролюбов, читал и смотрел пьесы Островского. Для революционного демократа мир Островского — это темное царство, а сам драматург — беспощадный разоблачитель его звериной сущности. Добролюбов видел только больших, диких, гордеев торцовых и прочих «монстров» торгового капитала: тьму этой жизни прорезал лишь тоненький лучик — злосчастная Катерина — и погас в волжском омуте. А для Григорьева важнее всех воротил темного царства Любим Торцов с его озарившейся душой; победив нравственно своего дремучего брата, он осилил тьму. И пробудившийся для добра Гордей тоже дорог Григорьеву. Островский круто, жестко изображает купечество, но не поношения и унижения ради, а чтобы помочь ему очиститься, отбелиться, встать в положенный рост и осознать себя новой силой России. Такой взгляд куда глубже добролюбовского.

Золотое московское пятилетие Григорьева с великой и безнадежной любовью к Леониде Визард, с геркулесовыми трудами и яростной борьбой окончилось бегством за границу.

Я до сих пор не могу понять истинной причины ретирады Григорьева. Преобладающее мнение: любовный крах. Но ведь этот крах не был внезапен. Леонида никогда не давала ему надежд, и он вполне был готов к окончательной неудаче. Я склонен думать, что тут сыграли серьезную, быть может, решающую, роль иные обстоятельства. «Московитянин» стал узок Григорьеву, в борьбе за кружковые цели он подтратил свою собственную великую цель: воздвигнуть новое здание литературной критики, тот самый «органический метод», о котором речь шла выше. Он был слишком крупной и самостоятельной фигурой, чтобы остаться на всю жизнь менестрелем Островского. К тому же постоянно нуждавшемуся в деньгах Григорьеву надоела, видать, скупость Погодина. Гарпогонья скарденность издателя «Московитянина»



была притчей во языцех. Упомянутый мною Щербина приклеил к нему кличку: «известный московский бесребреник». Москва стала тесна Григорьеву, как старый скюртук. Все сошлось к отъезду. Он начинал новую жизнь...

Начав сотрудничество с братьями Достоевскими, Григорьев не сомневался, что осуществит свою высокую цель. Он с головой ушел в работу, вновь громко, раздражающе громко для многочисленных недругов зазвучал его тихий лишь в пении голос.

Порой в густом сумеречном тумане проступали контуры величественного здания, которое вот-вот станет явью. Но контуры таяли, а там и вовсе исчезали в утомлении перетруженной мысли, бессильно упускающей какое-то необходимое звено, он посылал все к чертям собачьим и пускался в загул.

С похмельем приходили раскаяние и новый подъем сил. Он верил, что сейчас скажет свое не слышанное в мире слово, то главное слово, которого все ждали, запутавшись в направлениях и мелкой литературной грызне, и слово это станет не только платформой для журнала Достоевских, но и фундаментом обновленной критики. А он не мог сказать этого слова, не находил его, хотя порой оно щекотало кончик языка и кончик пера.

Красиво звучит «общенародное дело», а в чем оно? Самой душой выпето — «народный идеал», а где он? Расплывается в беспредельности... Вон у «теоретиков» идеал определен, ясен, да черта ли в нем?.. Фаланги усовершенствованной человечины дружно возделывают всеобщий грушевый сад. Да коли так... Коли сбудется... он повесится на первой же груше в этом цветущем саду.

Было и другое. Он писал одну из главных своих статей, отталкиваясь, по обыкновению, от Пушкина, ибо Пушкин — начало всех начал, и в подтверждение какой-то мысли хотел процитировать из «Черни»:

*Не для житейского волненья,  
Не для корысти, не для битв,  
Мы рождены для вдохновенья,  
Для звуков сладких и молитв.*

И вдруг закричал, так ошеломляюще прекрасно это было, а потом заплакал над скудостью, беззвучностью и ненужностью многомудрых своих рассуждений. Да, не вести слепцу зрячего, без художества теория — пропащее дело. Отсюда безнадежная вторость всяких критических упражнений. Как там ни крути, ни усердствуй, какие волшебные здания ни строй, дело твое не богово, а сугубо человеческое. Господь сочинял Вселенную не как критик и не как публицист. Вдохновенная творческая сила, создавшая за семь дней все сущее и сказавшая себе «это хорошо», была сродни искусству, поэзии, а никак не рассуждению, иначе не быть миру столь совершенным. Все дурное в нем — от человека с его опасным заносчивым разумом, иными словами, от критики. Его беда в том, что он незавершенный создатель, артист, у которого творчество съедено анализом...

Каждый духовный кризис Григорьева непременно должен был слиться с очередным любовным крахом. Его друзьям казалось,

что он придумал свою любовь к номерной проститутке Марье Дубровской. Было что-то жалкое и комическое в том, что человек сороковых годов выступил в классической роли шестидесятника. Не было, правда, ни швейной машинки, ни фиктивного брака. Было кое-что похуже: бегство из Петербурга и «семейная» жизнь в степном Оренбурге, смеси скверной деревни с казармой, без истории, без преданий и памятников, без старого собора и чудотворной иконы, незаконное брачное сожителство со всем тем дурным, что может дать неудачный законный брак: скандалами, бессмысленными сценами ревности, грязными оскорблениями безответной прислуги и непомерными претензиями, будто «устюцкая барышня» на принца рассчитывала, а ей достался туалетная, с завистью к дамам оренбургского «света» — их туалетах, выездах, раутам. А до этого еще в Петербурге были тщетные попытки найти ей занятие: и языком иностранным пытался обучать, и музыке, даже на сцену вывел, используя в первый и последний раз свое влияние театрального критика. Ни к чему не оказалось у нее ни терпения, ни таланта. Но, только промучившись без малого год в богом забытом Оренбурге, возненавидев до стона, до крика, сквозь всю смертную жалость ее глупую, цепкую, как волчек, эгоистическую любовь, не мешавшую ни малым, ни большим предательствам, собственную слепоту и глупейшее самообольщение, понял он, что «устюцкая барышня» навсегда останется такой, какой была в пору их знакомства, пожиная скудные плоды своего холодно и бездарно рассчитанного падения. Они расстались...

Он вернулся в Петербург. И началось все то же: работа, порой с вдохновением, но часто случайная, ради денег, которых всегда не хватало, вроде перевода «Ромео и Юлии», долгуша за юсуповским садом, по-своему уютная «арестантская» жизнь с вышивками и гитарой, выход на волю. В последний раз его выкупила из ямы адмиральша Бибикова, начинающая издательница, сделавшая на Григорьева большую ставку. Были приступы жгучей тоски по голубоглазой Леониде Визард, загулы с суррогатом любви, гитара, но все как-то уже не с прежним азартом. Он умер тихо и незаметно, так отлетает желтый, сморщенный листок с оголенной октябрём ветки. Не многие провожали его в последний путь. За гробом Стендаля шел вовсе один человек, но человек этот был Бальзак. Аполлону Григорьеву выпала не меньшая честь — за его гробом шел Достоевский...

Что осталось от Григорьева? Что вообще остается от критика? Несколько поучительных заблуждений. Где его надежды — русский купец, где прошлогодний снег? Великого здания своего он не построил, да его и нельзя построить, все литературные системы преходящи. Но непреходяща сама литература. И остались его великолепные статьи о Некрасове, Тургеневе, Островском, его горестная книжка о себе. И вечна «Цыганская венгерка». Остался, если верить Блоку, а ему надо верить, даже если ты не разделяешь его точки зрения, с десятков хороших стихотворений. И остался — пусть для немногих — необыкновенно горестный и трогательный образ нашего заблудшего и прекрасного брата в человечестве. Пусть тот, кто без греха, бросит в него камень. Я же низко ему кланяюсь...



ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЛЯ НАРОДА

# «ЕВРОРОСС»

ПРЕДЛАГАЕТ КНИГИ ДЛЯ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ

«СКАЗКИ РУССКОГО НАРОДА» — большой формат в цветной твердой обложке с цветными иллюстрациями, 280 стр., 25 руб.

«СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ» — большого формата, цв.тв. обл., цв. илл., 300 стр., 25 руб.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» — подарочное издание, тв. обл., цв. илл., 110 стр., 15 руб.

«РАЗБОЙНИКИ РОССИИ» — исторические рассказы о знаменитых атаманах. Тв. обл., 350 стр., 29 руб.

«ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ» — книга для хозяек. Тв. обл., цв. илл., 200 стр., 25 руб.

«СОЮЗ РЫЖИХ», «СКАНДАЛ В БОГЕМИИ» Артура Конан Дойла — мягкая обл., 62 стр., 4 руб.

«БИБЛИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ». Составитель А. Соколов. Тв. обл., илл., 479 стр., 30 руб.

«РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» — история дохристианства и православия Руси. Тв. обл., 440 стр., 30 руб.

«ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛИТВОСЛОВ» — подарочное миниатюрное издание. Тв. обл., 251 стр., 25 руб.

«ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ ПО ДОБРОТОЛЮБИЮ» — учение Христа. Мягкая обл., 240 стр., 28 руб.

«УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТИЯ» — собрание историй назидательных, забавных из жизни церковной иерархии. Тв. обл., илл., 350 стр., 28 руб.

Предлагаем праздничные открытки «С днем ангела» двух видов, красочно оформленные. Стоимость одной открытки 1 руб. 50 коп.

Чтобы приобрести книгу или открытку, отправьте телеграфный перевод по адресу: **121069, Москва, Коммерческий Востокстройбанк, р/с 468101, к/с 161531 МГУ Центрального Банка РСФСР МФО 201791 Москвы.** В конверт вложите копию квитанции об уплате (написанную от руки). Организации должны прислать копию платежного поручения. Копии плюс конверт со своим адресом и названием книги отправьте по адресу: 121069, Москва, «ЕВРОРОСС».

☎Телефон: 371-05-69 (код Москвы 095).

Получение указанных книг  
гарантируем в течение **1992** года —

ВЛАДИСЛАВ ОТРОШЕНКО

# ПОЧЕМУ ВЕЛИКИЙ

ТАМ  
ГДЕ  
СЛЫШНО  
ЖЕЗДОР

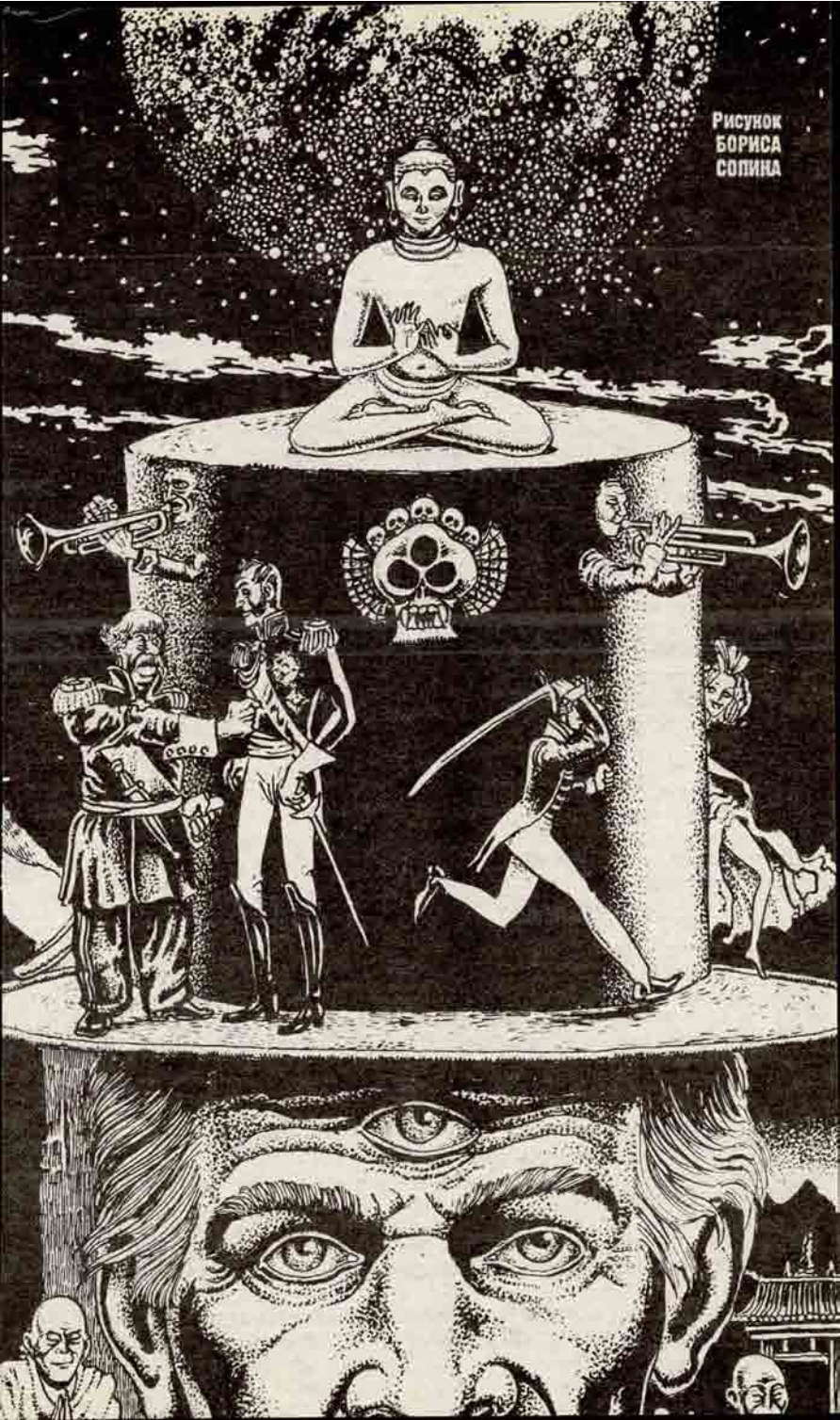
# НЕНАВИДОМ ПУТЕШЕСТВИЯ

*Публичная лекция,  
читанная в  
зимней столице  
королевства Бутан  
во время  
муссонных дождей*





Рисунок  
БОРИСА  
СОПИНА



а благоденствует древняя Пунакха, ее окрестности и все царство Друк-Юла, пока стоят Гималаи!

Дамы и господа!

Д Великих тамбурмажоров было всего четверо. Принято считать, что все они — итальянцы. Хотя один из них, Сальвадор Романо, граф Сальвадор Антонович, не только родился в России, но и, будучи ярким противником всяких вояжей, никогда не покидал ее пределов без чрезвычайной надобности. Его первый и, по всей вероятности, наиболее осведомленный биограф Степан Харузин настойчиво подчеркивает, что даже из своего излюбленного имения на юге России, в Малом Мишкино, где, кроме его небольшой усадьбы, заброшенной дачи атамана Платова и дожины

накрепко вросших в пологий холм куреней, обретался еще выстроенный на его пожертвование, предусмотрительно обнесенный высокой стеною из пиленого ракушечника уютный умалишенных — затейливой архитектуры дом, густо обросший с фасада дикой лозой и кучерявым плющом, он выезжал крайне редко. В Венеции, на родине Антонио Романо, своего непоседливого батюшки (так называл его сам Сальвадор), он побывал лишь однажды, незадолго до смерти, в 1900 году. Вернувшись домой зачем-то окольным путем на пароходе «Санкт-Петербург», ходившем в Россию через Атлантический океан, с трехдневной остановкой в Гавре, — он заявил в коротком интервью корреспонденту «Южного телеграфа», что город, «возросший по прихоти деятельного разума на островах лагуны», произвел на него «удручающее впечатление своей назойливой красотой», и что если он и мечтает о чем-нибудь (корреспондент стал расспрашивать его, девяностошестилетнего старика, о мечтах!), так это о том, чтобы больше не ездить в Венецию... в Рим, в Петербург, в Стамбул. «И куда бы то ни было, сударь. Ибо склонность к путешествиям — порочна!» «После этих слов, — пишет удивленный корреспондент, — он, как бы салютуя, вдруг вскинул к полям цилиндра необычайной длины указательный палец, украшенный ослепительным солитером, нетерпеливо махнул перчаткой молоджавому кучеру, его легонький фазтон, запряженный парой рыжих ганноверанов, быстро помчался по Михайловской площади Новочеркасска в сторону почтового тракта...»

О своей ненависти к путешествиям и путешественникам Сальвадор говорил почти во всех интервью, и с особенной пылкостью, с какой-то грозной настойчивостью, «прямо-таки с апостольским жаром», замечает Харузин, в тех, которые он давал летом 1898 года на Всемирном состязании тамбурмажоров в Фонтенбло. На этом поистине историческом состязании — самом продолжительном в XIX веке и по числу участников не превзойденном до нынешних дней (2300 тамбурмажоров из 49 государств, включая Заскар, Бутан и Мустанг, оспаривали первенство!) — Сальвадор, как известно, последний раз в жизни облачился в расшитый золотой канителью, щедро украшенный искрящимися галунами мундир фельдфебеля музыкальной команды и взял в руки тамбурмажорский жезл. Французские газеты писали тогда, что он вращал и подбрасывал его, маршируя в течение десяти часов на плацу с отрядом неумных барабанщиков и ротой неумотимых гренадеров, уже с нечеловеческой ловкостью — «с обезьяньей ловкостью», как выразился



более определенно корреспондент бостонской спиритической газеты «Herald of Truth»: «Я не видел зрелища более восхитительного и ужасающего в своей непостижимости, — писал американец, — чем то, которое явила нам в Фонтенбло эта яростная и человеколюбивая горилла в позументах, воздвигнувшая где-то в сарматских степях России сумасшедший дом для военных музыкантов. Полагаю, что именно в этом доме, среди свихнувшихся валторнистов, флейтистов и трубачей, Сальвадор и закончит свои дни, ибо искусство его уже давно достигло тех лучезарных высот, выше которых простирается сфера чистейшего идиотизма!»

Этот велеречивый корреспондент из Бостона был, кажется, единственным из всех газетчиков, кто сумел взять интервью у Сальвадора сразу же после его десятичасового выступления на плацу. Во всяком случае, французские репортеры писали потом в свое оправдание, что нужно было иметь такие плечи, как у «le spirite de Boston»\*, и обладать закалкой жителя Нового Света, чтобы, во-первых, протиснуться к Сальвадору сквозь толпу почитателей и частокол из двухметровых гренадеров, а во-вторых, стерпеть неучтивость маломишкинского камердинера — скуластого горца в малиновом казакине с огромными эполетами, сопровождавшего своего прославленного господина в поездках и на предыдущие состязания и позволявшего себе на этот раз производить при виде знакомых ему репортеров уже совершенно оскорбительные телодвижения и звуки. Преодолев на зависть subtilным французам эти «les obstacles facheux»\*\* и оказавшись рядом с Сальвадором на маленьком островке, омываемом шумной, подвижной толпой, то и дело накатывавшейся ритмичными волнами на широкие спины и крепкие ягодицы невозмутимых гренадеров, американец задал великому тамбурмажору вопрос, с которым корреспонденты «Herald of Truth» обращались в тот год беспрестанно ко всем выдающимся людям, не исключая банкиров и знаменитых лореток: «Do you believe in astral travels of spirit?\*\*\*». Сальвадор, хорошо владевший английским, «не хуже, чем русским, тибетским и итальянским», утверждает Харузин, сумел, очевидно, расслышать в разноязыком гомоне только словечко «travels». Но этого-то как раз и было достаточно, чтобы желчный своенравный старик, каким предстает Сальвадор в сочинениях авторитетных биографов и всевозможных воспоминателей, — в 1910 году даже его необузданный горец, не отличавшийся многообразием и страстью к сочинительству, выпустил в Санкт-Петербурге увесистый томик своих беспорядочных воспоминаний, озаглавленных несколько фамильярно для бывшего графского слуги: «Мой бешеный Сальвадор», — чтобы старик, тяжело переживавший всякий выезд из дома, да к тому же еще возбужденный всеобщим к нему вниманием, повергся в то болезненное состояние, которое Харузин, повинувшись правилам исследовательской деликатности, назвал «апостольским жаром».

— Что?! Что?! Путешествия?! — закричал Сальвадор по-английски, подняв над головою жезл. — Да будут прокляты путеше-

\* «бостонского спирита» (фр.).

\*\* «огорчительные препятствия» (фр.).

\*\*\* «Верите ли вы в астральные путешествия духа?» (англ.).

ствующие! И да стинут они с лица земли! Ибо они внушают нам, что мир бесконечно разнообразен! Они, уязвленные жаждой странствий, побуждают нас верить в ничтожество духа и невозможность покоя!.. Я проклинаю вас, путешествующие на верблюдах! на слонах! на ослах! на воздушных шарах!..

Боже мой, сколько лет я не был в Бутане! Сколько воды излилось с гималайских небес на царство Друк-Юла с тех пор, как я покинул его! Впрочем, здесь не многое изменилось. Подданные друк-гьялпо — да приумножатся дни его в этом мире! — по-прежнему носят пестрые кхо, перехваченные широкими поясами и отороченные парчой; так же улыбчивы и приветливы монахи в пурпурных тогах; неразговорчивы и медлительны горделивые воины гьялпо в шелковых длинных халатах, перетянутых накрест шарфами изумительной белизны! Все с тем же неумолкаемым рокотом течет по наклонной долине бурноводная Мачу; как и прежде загадочны и торжественны каменные чхортены по ее берегам; и все так же трепещут на башнях дзонга молитвенные флаги во славу Просветленного... О, Бутан, Бутан!

Мачу еще не вышла из берегов: муссонные дожди только начались. Однако весь королевский двор, множество монахов, тримптон и нерчьен Пунакхи уже переселились в летнюю столицу. Уехал в Тхимпху и король. Очень жаль! Жаль, что его величество друк-гьялпо не изволил — хотя бы еще на день! — задержаться в Пунакхе. Его присутствие на лекции наверняка привлекло бы в дзонг всю окрестную знать — влиятельных треба и почтеннейших рамджамов. Накануне я пытался уговорить одного из королевских секретарей, чтобы он убедил монарха посетить лекцию. Но молодой вельможа, отлично говоривший порусски, был непреклонен: «Мачу через несколько дней превратится в ревущий поток, — сказал он, — а дорогу размоет не сегодня-завтра. Я не могу допустить, милостивый государь, чтобы его величество король-дракон слушал здесь звуки ваших речей до окончания муссона, тогда как у него есть и более важные дела в Благословенной Крепости Веры...» Разумеется, я не стал выказывать королевскому секретарю своего недовольства, тем более что он тут же, без всякого перехода, но и без малейшей принужденности, как это умеют делать только бутанские придворные, чья обаятельность ничуть не уступает чудовищному высокомерию, сменил суровое выражение лица на самую теплую улыбку и вручил мне с почтительным полупоклоном долгожданный кашаг, скрепленный печатью его величества с изображением молнии и двух драконов, в котором говорилось, что мне, «ученому человеку с Запада», дозволяется изложить в дзонге Пунакхи, «пока будут шуметь в долинах Друк-Юла большие дожди», свои «размышления» о любом предмете. На деревенского рамджамы, замещающего на время муссона тримптона зимней столицы, бумага произвела неотразимое впечатление. Старик долго охал и цокал языком, рассматривая ее, а затем объявил мне с чрезмерной торжественностью, что он предоставляет в мое распоряжение самую пышную залу в южной части крепости. При этом он стал заверять меня, впадая в необычайное воодушевление, что в этой гигантской зале с оранже-



выми потолками и целым лесом разноцветных колонн все способствует углубленному размышлению — и огромные статуи будд, покрытые золотом, и яркие фрески, и тибетские вазы, и воспроизведенный сто восемь тысяч раз на вазах, колоннах и статуях текст священной мантры: «Ом мане падме хум» («Благословенно будь, о ты, сокровище лотоса»). «Я позабочусь, — сказал он, — чтобы ни одна душа не проникла в залу, пока вы там будете размышлять, достопочтенный!» Мне стоило немалых усилий объяснить рамджаму, что я вовсе не намерен размышлять в одиночестве и что я вообще не намерен размышлять. В силу того, что в его тщательно выбритой и бутристой, как перезревший гранат, голове безнадежно отсутствовали некоторые понятия, а в моем тибетском — некоторые слова, я никак не мог преодолеть того тягостного и непростительного, хотя и отчасти вынужденного, косноязычия, которое с каждой минутой утомляло меня все больше и больше и приводило в замешательство старого рамджаму, уже начинавшего сомневаться в моей учености. Мне не хватало на первый взгляд пустячка — слова «лекция» по-тибетски. Нет, конечно, латинские *lectio* — «чтение» и *lectito* — «читать часто, усердно, внимательно» — вполне поддаются буквальному переводу на сино-тибетские языки, как, впрочем, и *lector* — читатель, тец. Но тибетского слова, которое обозначало бы акт публичного выступления на какую-либо тему, я никак не мог отыскать в своей памяти. В конце концов, уже совершенно отчаявшись, я сказал рамджаму по-тибетски, наперед осознавая всю нелепость и неуклюжесть наугад построенной фразы: «Я буду произносить слова, которые нужно слушать множеством чутких ушей, исполненных пустотою усердия». К моему изумлению, рамджам просиял. «О, да! О, да!» — воскликнул он...

— Проклинаю и вас, — кричал Сальвадор иступленно, — вас, карабкающихся по горным склонам, подобно вьючным животным! И вас, путешествующих на пароходах, в экспрессах и экипажах! Я говорю вам: противны Единому ваши жалкие устремления к неведомому! И говорю вам: не отыщете вы неведомого во веки веков, куда бы не перемещали вы свои непоседливые задницы и алчные глаза, опьяненные зрелищем форм!..

Приступ грозного и темного словоизвержения, писали потом газеты, длился не менее часа. Не менее часа вещал Сальвадор неистово о порочности путешествий. Но этим не ограничился. В течение двух недель, как утверждает парижская «*Siecle*», он разъезжал по Фонтенбло на «Штевере», купленном им еще по пути во Францию (горцу в малиновом казакине до того полюбилась самодвижущаяся карета, что он, по его же признанию в мемуарах, жестоко избил на публике графского кучера, когда тот в простоте душевной попытался занять его место за рулевым колесом), и повсюду, собирая толпы зевак и репортеров, поносил путешествия и путешественников.

Те из репортеров, которые знали кое-что об отце Сальвадора, прославившемся в начале XIX века именно благодаря своей страсти к путешествиям и блестящим географическим трудам, искренне удивлялись мрачной ненависти Сальвадора ко всякого рода странствиям, ненависти, доходившей порою, как это было

в Фонтенбло, до пароксизмов безумия. Впрочем, некоторые журналисты, более осведомленные или менее поверхностные в суждениях, высказывали предположение, что Сальвадор на самом деле ненавидел вовсе не путешествия, а как раз-таки своего родителя, Антонио Умберто Романо, «ученого венецианца», как пишет о нем Харузин, военного инженера, «члена многих академий», состоявшего восемь лет в русской службе сначала в свите императора Павла Петровича, а затем — Александра Павловича. Последний произвел его в чин подполковника Генерального штаба незадолго до того, как Антонио (накануне Аустерлица) неожиданно исчез, чтобы затем объявиться как ни в чем не бывало в штабе Наполеона. Харузин со свойственной ему прямою и пылкой верой в непогрешимость выдающихся личностей решительно отвергает «досужие домыслы казенных борзописцев» (имеются в виду статьи в австрийской прессе и небольшая заметка в «Санкт-Петербургских ведомостях») о том, что отец Сальвадора захватил с собою при этом кое-какие штабные бумаги, кое-какие чертежи, а главное, составленные им же оригинальные проекты полевых и долговременных фортификаций русской армии. «Нет и нет! — настаивает Харузин. — Отец Сальвадора не способен был на подлое предательство, в котором его обвинили завистники и недоброжелатели. Он был человеком возвышенным, великодушным, мечтательным и вместе с тем необычайно деятельным, отчего не мог оставаться долгое время на одном месте, даже если того требовали соображения карьеры и личной выгоды. И эта его склонность к перемене мест, совершенно не передавшаяся сыну, чья привязанность к южнорусским степям приобрела со временем характер душевной болезни, — эта склонность Антонио была истолкована — ну не смешно ли! — как отсутствие в нем чувства долга и чести...».

По заверению Харузина, основанному не столько на фактах, сколько на его собственном запальчивом благонаравии, Антонио перешел к Наполеону «с пустыми руками» и исключительно потому, что «служба французской короне давала в то время больше возможности путешествовать не только по странам Христианского мира, но и по отдаленным и отрезанным от Европейской цивилизации, не посвященным в новейшие достижения наук, хотя и озаренным в достатке светом учения царевича Гаутамы, Гималайским государствам», куда Антонио, присягнув на верность Бонапарту, тотчас же и отправился в качестве секретного агента Французской империи с целью исследовать подробно высокогорные королевства Заскар и Мустанг и по возможности проникнуть в королевство Бутан. В Бутане Антонио неожиданно попался, хотя и продумал он, как ему представлялось, все до мелочей. Выдавая себя за паломника, он прятал в посохе термометр (по ночам, запалив костер, поднимавшийся ровным, почти неподвижным столбом к гималайским, белесым от звезд небесам, «ученый венецианец» опускал прибор в кипяток, определяя таким способом высоту над уровнем моря караванных дорог и пограничных перевалов), в молитвенной мельнице хранил записные книжки, в ритуальных сосудах — чернила и перья, а под просторной тибетской чубой — чертежную готовальню и штуцер. Разоблачил агента один наблюдательный странник, сосчитавший приметливым глазом количество костяшек на молитвенных четках Антонио. Их было сто вместо ста



восьми. О том, что это число священно в Буддийском мире, Антонио, вероятно, не подозревал, как не подозревал и того, что странник, перед которым он начал было ломать комедию, изображая внезапный приступ удушья и надеясь в удобный момент (дело происходило в заброшенном горном бунгало близ бутанско-сиикимской границы) исправить свою оплошность при помощи пистолета, был кавалером ордена Подвязки, офицером английской Ост-Индской компании, выполнявшим, в свою очередь, секретные поручения короля Георга, который не меньше, а может быть даже и больше, чем Наполеон, желал иметь подробные карты маленьких и непростительно беззаботных монархий, случайно затерявшихся в солнечном поднебесье среди гималайских вершин.

Между двумя агентами после короткого единоборства, в котором верх одержал англичанин — из-под непальских одежд бритоголового странника, обвешанного амулетами, вдруг выглянул к изумлению Антонио, чей устаревший за время странствий дульнозарядный пистолет мгновенно был выбит из рук точным ударом ноги, граненый ствол револьвера Коллера, — произошел, по-видимому, довольно бурный и откровенный разговор. Состоялась, вероятно, в горном бунгало и дружеская, если не сказать государственная, сделка. Иначе как объяснить тот факт, что обширные сведения о маленьких, прозябавших в блаженной беспечности королевствах Антонио доставил, минуя штаб Наполеона, прямо в Лондон одному из тайных королевских комиссаров по делам Индии, который, между прочим, отрекомендовал венецианца на аудиенции у Георга III как человека мужественного, ученого и вместе с тем преданного всем сердцем интересам британской короны. Произведенный в скором времени в чин инженер-полковника королевских войск, Антонио вновь отправился путешествовать, на сей раз по диковинным, разнообразно цветущим, исполненным всяческих колдунов и идолов землям, коими Англия уже владела или только намеревалась завладеть при помощи дерзкого флота, бывалых карабинеров, вкрадчивых дипломатов и неутомимых агентов. Где только не побывал Антонио Умберто Романо! И в тропиках Южной Америки, и в Новой Зеландии, и в Австралии, и на бесчисленных островах трех океанов, и, конечно же, в Африке.

Но вернемся, дамы и господа, к России.

Российская корона, как и французская с английской, поощряла по мере сил своих склонность Антонио к перемене мест. «За восемь лет безупречной службы нашему Отечеству, — пишет Харузин, — отец Сальвадора и двух месяцев кряду не прожил в Петербурге; подвергая себя опасностям, часто рискуя жизнью, он много и яростно путешествовал — по Европейской Турции, Греции, Албании, Далмации, Истрии, Польше, Германии, особенно же — по России, в которой проехал 30 000 верст, исполняя различные поручения Русского правительства».

И вот благодаря одному из таких поручений (чтобы его измыслить для неугодного венецианца, юному самодержицу Александру пришлось долго в унылый послеобеденный час водить по меркаторской карте империи увесистой лупой на длинной самшитовой ручке, вздувая ею то устье Днепра, то зачем-то заливы Карского моря и даже — совсем уж без мысли, а только ради забавы — острые зубчики фьордов пустынной Новой Земли)

Антонио оказался на юге России, в Малом Мишкино, на даче атамана Матвея Платова, где и был зачат летом 1803 года, — «в губернаторской комнатке с круглым окошком», уточняет Харузин, — снискавший всемирную славу российскому тамбурмажорскому искусству Сальвадор Романо.

Отправился же Антонио на юг России с целью «защитить, — как говорилось в рескрипте на имя Платова, — путем инженерных работ, как то: наведение каналов, устройство гидравлических систем и проч., столицу Области войска Донского Черкасск от весенних и летних разлитий Дона, кои затопляют ежегодно сей воздвигнутый невежественными пращурями на пологом острове город по окна, а в иные лета и по самые крыши домов, похищая тем самым множество жизней любезных Нашему сердцу казаков». Поручение это, надо сказать, было не то чтобы совершенно бессмысленным, оно было до крайности лукавым, ибо накануне Александр одобрил проект переноса казачьей столицы на новое место, представленный атаманом Платовым, который, как пишет один малороссийский историк, «страх як мрявъ стати фундатором нового граду, та ще такого, котрий затьмарив би аж Санкт-Петербург пишністю будівель та чудовною геометрією вулиць»\*. Так или иначе, Антонио, приехавший в Черкасск осенью 1802 года и ничего не знавший ни о проекте Платова, ни о страстных его мечтах, рьяно взялся за дело. Платов наблюдал за ним с насмешливым любопытством. Ожидая со дня на день высочайшего указа о возведении на самом величественном холме южнорусских степей, в пяти верстах от Малого Мишкино, Нового Черкаска, атаман, разумеется, не оказывал венецианцу ни малейшего содействия, но и не мешал ему выполнять поручение государя. И только в начале лета, когда Антонио, затратив огромные усилия, произвел-таки наконец все подготовительные работы, то есть объездил в распутицу и непогоду донские озера и гирла, назначил места для строительства дамб и плотин и умело разметил пути каналов, усеяв весь город колышками, Платов вызвал его в атаманский дворец и в торжественной обстановке, восседаая с насеком и перначом под войсковыми знаменами среди разодетых в парчу и бархат старшин (оба, и розовощекий, безусый император, и благородно седеющий, усатый атаман, конечно, созорничали, когда за ужином в Петергофе задумали смеха ради этот явно неделикатный и несколько театральный финал), объявил, что 100 000 рублей серебром, отпущенных казною на инженерные работы, издержаны без остатку третьего дня в Азове на покупку племенных жеребцов для станичных конезаводов, без процветания коих, сказал атаман сурово, немислимы мощь и проворство Всевеликого войска Донского. Выслушав это, Антонио, человек по природе своей необидчивый и умеющий применяться к любым обстоятельствам, неожиданно для себя вспылдил. Не думая о последствиях, он надерзил атаману; в сердцах даже выдернул из петлицы свою инженерскую шпашку, и, разумеется, тут же был взят под стражу, но отправлен, к своему изумлению, не в тюремный подвал

\* «страстно мечтал стать основателем нового города, да притом еще такого, который затмил бы аж Санкт-Петербург пышностью зданий и блистательной геометрией улиц» (укр.).



Воскресенского собора, где сиживал Стенька, а в Малое Мишкино, на атаманскую дачу, под домашний арест — до особых распоряжений из Петербурга.

Тут-то, на даче, Антонио и познакомился с будущей матерью Сальвадора, гувернанткой дочери атамана Платова, французской Эрнестиной Бессан, — бесовкой. Эрнестинкой Бессан-бесовкой называл ее в шутку Платов, поглядывая не без волнения на ее свежие щечки в мелких, табачного цвета веснушках, рыжие кудри и гибкую спинку... Да, господа бутанцы! Мать российского тамбурмажора была женщиной необычайно обворожительной и что бы там ни писал о ней благонравный Харузин, что бы он там ни мямлил в смущении о «маленьких шалостях» Эрнестинки, прибегая на каждом шагу то к застенчивому многоточию, то к жеманному эвфемизму, эксцентричной и сладострастной!..

.....

Бутанцы удивительно деликатный народ! До чего же внимательно, с каким почтительным выражением лиц они слушают лекцию! Всякий, кто хотя бы однажды поднимался на кафедру (здесь, конечно, кафедры нет: я, как и все бутанцы, сижу на циновке и лишь иногда встаю и прохаживаюсь, заложив руки за спину, между двумя колоннами, одна голубая, другая зеленая), поймет мое восхищение этой аудиторией, ибо знает, сколь важна и желанна для лектора атмосфера благожелательности. Благожелательность же бутанцев безгранична! Они даже не потребовали от меня, хотя и имели на то все основания, чтобы я читал на тибетском или на местном дзонг-кхе — «языке крепостей». Признаться, это было бы для меня весьма затруднительно. Гораздо труднее, нежели втолковать старику рамджаму, в чем состоит то существенное различие между лекцией и медитацией, которое он, кажется, так и не уловил, ибо вот он теперь сидит в укромном местечке за широкой пилястрой и беспрестанно вращает молитвенную мельницу, погруженный в свои раздумья... Зала, конечно, создана для медитации. Что и говорить! Все в ней дышит торжественным покоем. Крутом блестит, наполняя воздух дремотным свечением, старинная позолота; поднимаются из курильниц тончайшие струйки ароматного дыма; нежно потрескивает масло в бронзовых светильниках. И хотя здесь ходит свободно всяческая живность: вдруг прошагает, высоко поднимая лапы и что-то старательно высматривая по сторонам, невозмутимый фазан или пробежит, нагнувшись, догоняя мелкую ящерку, курица, величавый покой Благодичной Палаты Раздумий (так называется в переводе с тибетского эта зала) ничуть не нарушается.

Рамджам, вероятно, собрал здесь всех, кто остался в дзонге на время муссона. Даже воины гьялпо соблаговолили явиться на лекцию, хотя они и большие гордецы; многие из них хорошо образованны; иные читают в оригинале не только английских поэтов, но и немецких мистиков: я видел у одного офицера томик сочинений Майстера Экхарта, изданный в Мюнхене. Однако по-русски они не знают ни единого слова. Увы, ни единого, как и все в этой славной аудитории. Впрочем, вон тот монашек, вполне сумасшедший с виду, со сморщенным светло-коричневым личиком и неким подобием бакенбардов — пучочки же-

стких волосьев мышинного цвета топорчатся странным образом из-под самых мочек ушей, — знает Бог весть откуда одно русское слово: «барабан».

Перед самым началом лекции рамджам зачем-то подвел ко мне этого неопрятного, отвратительно кривляющегося (в силу какого-то нервного расстройства) монашка и, указав на меня кивком головы, стал ему объяснять, что я из огромной страны — рамджам сказал «с необъятного острова в Белом океане, к северу от Лхасы» — и что я-де умею говорить на диковинном языке, одни звуки которого способствуют размышлению. Тут-то монашек и выговорил старательно, удивив и меня, и рамджам:

— Ба-ра-бан!

Напрасно я пытался выяснить у него, знает ли он еще какие-нибудь слова по-русски. Монашек только улыбался в ответ да высовывал язык в знак приветствия и дружеского расположения. Единственное, что мне удалось от него добиться, так это то, что он произнес с таким же старанием слово «барабан» на тибетском:

— Шнабук! — сказал он. И тут же удалился, очень довольный нашей беседой.

Однако на этом наше общение с ним не закончилось. Теперь, на лекции, он то подмигивает мне, то, как бы подбадривая меня, одобрительно кивает, возбужденно жестикулирует и вообще ведет себя так, будто он хорошо понимает «диковинный язык» «необъятного острова в Белом океане». А когда мне случилось по ходу изложения произнести слово «барабанщики» в родительном падеже (я сказал «...с отрядом неумных барабанщиков и ротой неумимых гренадеров...»), монашек и совсем уж раздухарился. Он вскочил с места и, безобразно извиваясь всем своим непослушным телом, размахивая посохом, закричал по-тибетски:

— Ох апа! Ох апа! (Совершенно верно! Совершенно верно!) Барабанщиков... ох апа!

Эта выходка, обратившая на себя внимание всей аудитории, несколько озадачила меня, и я, признаться, решил больше не употреблять ни слова «барабан», ни его производных, несмотря на то, что мне просто необходимо рассказать кое-что о детстве Сальвадора, рассказать о том чудном, калмыкской работы, с малиновым корпусом и медными ободочками военном барабане (я воспользуюсь французским словом «тамбур»), который был подарен маленькому Сальвадору — явно по промыслу Божьему! — атаманом Матвеем Платовым...

Это случилось, дамы и господа, уже после того, как француженка Эрнестина Бессан, легко соблазненная в то пыльное, ветреное лето 1803 года штабного инженера Антонио Романо, скучавшего восемь недель под арестом на платовской даче (а потом уж, в иные лета и весны, когда инженер колесил по свету, позабыв о присяге на верность царю и о маленьком сыне на юге России, и уланского обер-офицера, дальнего родственника атамана, гостившего в Малом Мишкино, и войскового казначея, и даже одного генерал-губернатора), скончалась во временном женском госпитале бурно строящегося Нового Черкаска. Нет, не от скоротечной чахотки, как пишет Харузин, дошедший в пылу застенчивости до грубого передергивания, а от потери крови: атаманский денщик, давно домогавшийся ласк молодой мама-



ши — Эрнестине было тогда двадцать восемь, а Сальвадору — шесть, — рассек ей албанской саблей бедро, о котором он грезил в минуты мрачного возбуждения и которое она обнажила напоказ для его торопливого и постыдного облегчения за десять рублей в каретном сарае.

Мальчика взяла на воспитание дочь атамана Платова Анна Матвеевна (в замужестве Харитоновна). «Мне было так жаль, — вспоминает она, — этого маленького, несчастного иностранчика, никогда не видевшего своего родителя и потерявшего мать по вине отцовского денщика Якимя, что я готова была подать прошение об его усыновлении Государю Александру, на что получила — хоть и с большим трудом — согласие моего мужа Константина Ивановича. Однако папенька мой не позволил мне этого сделать. Во-первых, говорил он, Государь никогда не простит отца Сальвадора, подло сбежавшего к Бонапарту, а во-вторых, и я не могу допустить, чтобы сын перебежчика носил фамилию моего зятя». Инженера Антонио Платов, по свидетельству его дочери, ненавидел лютой ненавистью: встретив его в 1814 году в Лондоне в свите принца-регента Уэльского, он до того был взволнован и удивлен, что не мог сдержать своих чувств, схватил его за обшлаг — на Антонио был уже не полковничий, а генеральский мундир, украшенный Большим крестом ордена Бани, — и процедил сквозь зубы: — Так ты и от Наполеона сбежал, прохвост, сучий выродок!..

— Да, ваше сиятельство, — ответил Антонио спокойно. — А вы, я слышал, город воздвигнули и... сына моего приютили... как бишь его?.. Сальвадор?.. Очень признателен.

(Больше они никогда не виделись: Платов, которого целый месяц чествовали в Лондоне, воздавая ему за геройство в войне с Бонапартом, отплыл под салюты и фейерверки из Дувра на русском фрегате, а Антонио спустя два года, выйдя из того же порта на английской шхуне с секретным поручением принца-регента, утонул в Бискайском заливе.)

Однако к сыну перебежчика атаман относился со сдержанной, но все же заметной для всех теплотой. То ли потому, что он чувствовал вину перед ним за гибель его матери, — не досмотрел за развратным Якимом, вовремя не высек сластолюбивого денщика, — то ли потому, что ему пришлось по сердцу гордый, вспыльчивый нрав маленького Сальвадора: как-то раз, когда атаман сгоряча хлестнул его батоном за какую-то шалость, Сальвадор побледнел, затрясся от боли, но не обронил ни единого звука, едва сдержав слезы, а на следующий день поджег атаманскую конюшню.

Вскоре после этого случая, который Анна Матвеевна описывает в своих мемуарах довольно подробно и живо, Сальвадор заболел воспалением легких. Оно было вызвано не столько простудой, сколько нервным потрясением во время пожара: запалив конюшню, Сальвадор сам остался в ней и, вероятно, сгорел бы заживо, если бы его не вынес из огня расторопный платовский кучер, ставший впоследствии управляющим южнорусским имением Сальвадора. «Болезнь была жесточайшей, — вспоминает Анна Матвеевна. — Сальвадор ничего не ел, никого не узнавал в бреду, и надежд на его выздоровление было мало, хотя папенька и посылал беспрестанно за лучшими докторами то в Новый, то в Старый Черкасск, то в Ростов...»

154

Анна Матвеевна не сообщает, а потому и я не могу вам сказать, дамы и господа, как и почему доблестному атаману Матвеем Платову пришло в голову подарить семилетнему Сальвадору Романо, умиравшему от воспаления легких на постели своей ветреной матери в жарко натопленной гувернантской комнатке с единственным круглым окошком, смотревшим на аксайское займище, военный тамбур, да притом еще подарить в тот день, когда доктор Альберт Тизенгаузен, приехавший из Новочеркаска с целой свитой озабоченных ассистентов, объявил, осмотрев Сальвадора, что мальчик отдаст Богу душу не сегодня-завтра. Но я берусь утверждать, и утверждать наверняка, что этот нехитрый подарок не только спас Сальвадору жизнь, но и определил всю его дальнейшую судьбу. Вот что говорил на этот счет сам Сальвадор, уже будучи старцем, корреспонденту мадрасской браминской газеты «New Reformer», посетившему его в Малом Мишкино за несколько недель до его кончины (интервью это, между прочим, свидетельствует, что Сальвадор находился в совершенно здравом уме и ясной памяти, хотя и лежал, привязанный к койке ремнями по его же собственной настоятельной просьбе в отдельной палате маломишкинского сумасшедшего дома):

«САЛЬВАДОР. Чьи-то огромные лица склонялись надо мною, выступали из мрака тусклыми пятнами и снова исчезали. В комнатке было душно, меня тошнило. Все предметы казались мне чрезвычайно увеличенными и подвижными. Стоило мне взглянуть на какую-нибудь вазу, и она мгновенно разрасталась, на двигалась на меня вместе с консольным столиком... Ослабьте немножко ремень, сударь... да-да, вот здесь, рука затекла... Все формы в мире, видите ли, случайны, непрочны и смехотворны, их балаганное разнообразие просто нелепо, если узреть Единое...

КОРРЕСПОНДЕНТ. О да, несомненно!

САЛЬВАДОР. Но я привязался к этим формам... Степь хороша! И донские разливы, сударь, чудесны!.. Я не хочу изменений, движений, утрат, обновлений. Это болезненные процессы бытия — блажен, кто их избегает усердно, и поэтому я...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Простите великодушно, дорогой Сальвадор, Вы, кажется, хотели рассказать о тамбуре?

САЛЬВАДОР. Да-да, (тамбур)!.. (Тамбур) это тоже случайная форма, обретенная звуком. Единое породило звуки. Из звуков возникли — нет, не возникли, а вспыхнули, расцвели, точно салюты в ночных небесах, литавры, валторны, (тамбуры), тамбурмажорские жезлы и флейты!.. Надеюсь, Вы меня понимаете, сударь?

КОРРЕСПОНДЕНТ. О да, я слушаю Вас.

САЛЬВАДОР. А тот незабвенный (тамбур)... Я помню, мне показалось, что он возник сам собою в сумрачном воздухе, где-то у печки. Однако потом я заметил фигуру атамана. Он был в распахнутом кителе, нижняя рубашка на нем мерцала белолунным светом. Он стоял неподвижно и держал на ладони (тамбур), и эдак, знаете ли, грозно улыбался, как он улыбался всегда: одними глазами и левой бровью — вот так. Потом он приблизился ко мне на цыпочках; осторожно, будто картонку с дамской шляпкой или тортом, поставил (тамбур) на тумбу у моего изголовья и так же, на цыпочках, удалился, поскрипывая сапогами... А спустя некоторое время я услышал голос:



«Смотри, Сальвадор! Вот предмет, порожденный самыми гордыми, самыми бодрыми звуками во Вселенной! Это подарок тебе. Мой подарок!» Я приподнял голову — в комнате не было ни души. (Тамбур) стоял среди склянок с лекарствами, я протянул к нему руку, и он вдруг качнулся, поплыл на меня, и прежде, чем он наполнил собою всю комнату, я кое-что успел разглядеть в его начищенных медных ободочках...

**КОРРЕСПОНДЕНТ.** Вы хотите сказать, драгоценный Сальвадор, что Вам открылось тогда Ваше предназначение?

**САЛЬВАДОР.** Нет, тамбурмажорский жезл не предстал мне тогда в моем минутном видении. Я увидел чудесным образом только то, чем он потом одарял меня — меня, безродного иностранца, сударь! Я увидел ордена Святой Анны всех степеней, золотые империялы, эполеты лейб-музыканта Его Величества... Я выздоровел очень скоро, потому что мне захотелось шагать... шагать! И ударять в (тамбур) упругими палочками — тум-турурум! Тум-турурум!».

Это интервью, перепечатанное после смерти Сальвадора многими русскими и некоторыми европейскими газетами, было последним в его жизни и, пожалуй, самым душевным... Впрочем, дамы и господа, достопочтенные бутанцы, я обязан сказать вам, что и это предсмертное интервью, «проникутое», как заметил мечтательный «Крымский курьер» госпожи Лупандиной, «светлой грустью воспоминаний и предчувствием близкой кончины», не обошлось без выпренных инвектив, — я имею в виду то желчное, грозно-витиеватое, напитанное безумной злобой и, конечно, не соотносящееся ни с одним из вопросов мадрасского корреспондента, благоразумно уклонявшегося от болезненной для Сальвадора темы, высказывание о Миклухо-Маклае (совершенно фантастическом злодее, в представлении Сальвадора, встречавшегося с ним, оказывается, в 1886 году в Одессе), которое было изъято из деликатности не только степенными «Русскими ведомостями» и осмотрительным «Русским словом», но даже куражливый и беспечный, не лишенным вкуса к скандалам «Московским листком» Пастухова и от цитирования которого я тоже позволю себе воздержаться, чтобы не оскорблять здесь память знаменитого путешественника...

Монашек, кажется, успокоился, даже задремал. Однако сухонькая и тусклая рука его, уже просвечивающая от немощи, точно горящая свеча или тонкий фарфор, бодрствует — не забывает перебирать четки. Отполированные костяшки — каждая в свой черед — проходят через подвижные пальцы, и каждая как бы рождается на мгновение для их безотчетного осязания, рождается и снова умирает — уходит в область неосязаемости, — но не выходит из круга... снова рождается... «Я прошел через сансару многих рождений, и скажу тебе, о Ананда, рождение вновь и вновь — горестно!», потому что рожденных ждет смерть, а умерших — рождение. И так бесконечно и безначально и без исхода из круга...

Об этом ли думает теперь монашек, перебирая четки? Ему положено думать об этом. Даже во сне. Но я подозреваю, что он все же не спит. И я подозреваю также, что он знает по-русски не только слово «барабан»... Ба-ра-бан... Барабанщиков... Ох апа...

О, комедиант! Он слушает, он внимательно слушает — понимает все до единого слова!.. — и ждет, затаившись, веселой и разухабистой минуты скандала. И если он оттягивает ее, лукавый прозорливец, то вовсе не из жалости ко мне, а для собственного удовольствия... Наблюдает за мной, как бывалый крупье за неопытным шулером... Наблюдает с торжествующим и злорадным наслаждением, ибо давно уже догадался, — не мог не догадаться, — что я боюсь позорного разоблачения. Боюсь, что вот сейчас, сию минуту, он встряхнет костяными четками, поднимется и решительно воскликнет, — и не по-русски, нет, не по-русски! — а на тибетском или даонг-кхе, чтобы понимали все:

— Вы лжете, господин лектор! Вы бессовестно и извортливо лжете! Ни о каком Миклухо-Маклае не было речи и в помине в этом, как вы выразились, «предсмертном интервью»!.. Но было в нем сказано то, чего вы, ничтожный ученый червь, не решились сказать даже в бытность свою Гаутамою излюбленному ученику — Ананде!..

И тут он, быть может, извлечет из-под тоги номер мадрасской браминской газеты «New Refogmer» от 25 августа 1901 года и, кое-как нацепив на нос непослушной рукою очки с отломанными оглобелями, процитирует те безумные высказывания Сальвадора, напечатать которые не сочли для себя возможным ни «Русские ведомости», ни «Крымский курьер» Лупандиной, ни «Московский листок» Пастухова:

«САЛЬВАДОР. Вы спрашиваете о Едином, сударь. Я вам скажу: Единое вовсе не безгранично, как учат у вас там, в Индии. Его едва хватило на весь этот пестрый балаган воплощений... Да-да! Мир так устроен, что в силу самого факта его существования, при ограниченности Единого и полной завершенности Истории Воплощения, мы уже были и будем бесчисленное количество раз всем и вся, что однажды породило Единое в случайном порыве — барабанами, Цезарем, флейтами, звездами. И не думайте, сударь, что форм, порожденных Единым, так уж и много! Увы, это извечная и обольстительная иллюзия. Даже если бы в этом мире существовало время, нам бы его хватило, чтоб пройти миллиарды раз Полный Круг Воплощений. Но времени нет места в замкнутом круге. Часовые механизмы Единое породило лишь в угоду нашей трогательной фантазии. Движение же частиц Единого сквозь зримые формы не измеряется ни минутами, ни столетиями, — оно происходит, и это все, что можно о нем сказать. И я бы сказал еще вот что: движение это таково, что мне уже примелькались иные формы, и таково, что я уже успел присмотреться к иным воплощениям. Я не раз был Вами, как, впрочем, и Вы — мною, и осмелюсь доложить Вам, что Вы мне совершенно не нравитесь. Но пусть Вас это не оскорбляет: если бы это было возможно, я хотел бы избежать не только Вашей суетной, безалаберной и в общем-то неприметной жизни, но и жизни Христа, апостола Иоанна, Будды, Ананды, — и той благочестивой жизни, которая ждет меня теперь — жизни больного монашка, одержимого «пляской святого Витта», в королевстве Бутан, и следующей, увы, несчастной жизни — одного безумного валторниста, вообразившего себя — ну, кем бы вы думали! — ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ ТАМБУРМАЖОРСКОГО ИСКУССТВА, — да-да, я не шучу, Вы даже можете увидеть его, если хотите, прямо сейчас... Он здесь, в сумасшедшем доме,



на втором этаже: читает уже лет пять подряд со все возрастающим возбуждением нескончаемую и фантастическую лекцию обо мне... Словом, сударь, я должен признаться, что мне опостытели эти бесконечные путешествия — из формы в форму, из жизни в жизнь. И если уж мы не можем выйти из круга смертей и рождений, то я хотел бы по крайней мере являться в этот мир кем-нибудь одним...

**КОРРЕСПОНДЕНТ.** Но кем?

**САЛЬВАДОР.** Я понимаю Ваше любопытство. Но не скажу Вам ничего нового — ничего сверх того, что говорил Вам всегда при этом стечении обстоятельств и в этой точке мироздания: я привязался к настоящему воплощению, и всякий раз, когда я рождаюсь российским тамбурмажором Сальвадором Антоновичем Романо, я думаю, что всегда хотел бы родиться именно Сальвадором Антоновичем Романо, ну, или, быть может, Барабанщиковым... Барабанщиков! Такую фамилию придумал мне граф Платов в одной из своих бесчисленных жизней после того чудесного исцеления, о котором я, кажется, уже Вам рассказывал... И даже к жизни сумасшедшего валторниста я иногда привязываюсь и с удовольствием читаю его идиотскую лекцию, искренне сокрушаясь, что ее не почтил присутствием бутанский король...»

А потом монашек скажет все то, что известно ему и всякому, уже побывавшему в свой черед великим тамбурмажором.

— Никогда, — скажет он, — Сальвадор Антонович не поносил земных путешественников и не испытывал ненависти к земным путешествиям! И вы, господин лектор, хорошо знаете об этом, потому что сами были множество раз великим тамбурмажором. А теперь, когда вам, затерянной частичке Единого, удалось обрести покой, когда исполнилась ваша мечта, — то есть мечта Сальвадора! — и вы овладели счастливой способностью рождаться всегда только одним человеком — **ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ ТАМБУРМАЖОРСКОГО ИСКУССТВА**, — вы готовы оклеветать Сальвадора, вы готовы свести всю драму его жизни к пошлейшему психологическому этюду, для чего и выдумали бесовестно, что он будто бы ненавидел всякого рода путешествия и всякого рода путешественников, и что якобы батюшка его, почтенный инженер и домосед, благородно погибший при строительстве дамбы в Черкасске, был путешественником и шпионом!.. А потом вы нам скажете с ученой многозначительностью, я знаю наперед, что вы скажете: «Дамы и господа! Достопочтенные бутанцы! К сожалению, я не могу ответить сколь-нибудь однозначно на главный вопрос нашей лекции — почему великий тамбурмажор ненавидел путешествия? Однако считаю, что из всех предположений на этот счет наиболее обоснованным и правдоподобным остается предположение, что эта ненависть была вызвана враждебным отношением к отцу, который в угоду своей неумеренной страсти к перемене мест ступил на путь вероломства...» О, как просто у вас все сходится и объясняется, господин ничтожнейший лектор!! — воскликнет монашек...

Но он молчит, выжидает, перебирает четки — и, быть может, дает мне возможность исправить мое положение — повернуть лекцию иначе. И я поверну. Непременно поверну, дамы и господа! У меня есть еще время. Муссонные дожди в Бутане только начались!..

Роня золото листвы,  
 Деревья к небу тянут руки.  
 Не будет помощи. Мертвы  
 Красоты  
 осени-старухи.

Со старой липы вдалеке  
 Пророчит местная ворона  
 Беду, на птичьем языке  
 Изображая Цицерона.

Но стужа — грелка для нее:  
 Отменено в родных пенатах  
 Сладкоголосое вранье  
 Инакомыслящих пернатых.

Ровесник-тополь машет возле дома.  
 Играют листья блеском серебра.  
 Через ограду, не боясь надлома,  
 Стволом перевалился в глубь двора.  
 Моим ладоням исстари знакома  
 В узорах трещин теплая кора.  
 Я постою перед окном раскрытым  
 И с каждым деревцом поговорю.  
 А лето повернуло к сентябрю —  
 К его стенаньям, шепотам и скрипам  
 О тех, кто в эту желтую зарю  
 Ушел по дворовому пустырю.  
 Ровесник-тополь произрос наклонно  
 И дарит зелень моему двору.  
 Пока я тут — вовеки не умру:  
 Несет охрану ствольная колонна,  
 Зажав корнями черную дыру.  
 Но смерть ведет нечестную игру.  
 От перегрузок совести уеду.  
 Спасибо, друг, за ласковые дни,  
 За тишину и добрую беседу.  
 Но как распадных мыслей ни гони,  
 Я поддаюсь мучительному бреду,  
 Что возле дома — кладбище родни.  
 Когда на тополиных колокольнях  
 В набат ударят зимние ветра,  
 Поднимется окна прямоугольник  
 На крыльях занавесок со двора.  
 И в комнату вернется давний школьник —  
 Томиться жаждой славы и добра.





*И птица перелетная впустую  
бойницу проверяет — нет гнезда:  
восстановили стену крепостную...*

### ДЕКАБРЬ

*Даниловское кладбище насквозь  
прошел бы! И в морозном свете дня  
не увидал бы пламени, небось,  
когда б ворон не столько собралось  
и голубей — у Вечного огня...*



*Где он есть, Вифлеем?  
От сохи,  
под Ельцом и Коломной,  
к люльке в мазанке темной  
поклониться Младенцу пришли пастухи.  
Мы осла заменили конем,  
и корова средь наших земель  
в чернозем  
оступается вместо вола,  
ты «Дюшес», карамель,  
у Распятья кладешь, тяжела...*

### СЕРГЕЙ КАРАТОВ



*Сколь башенных минут  
мечте своей даруем  
...в предбаннике светло  
растелено рядно  
и пеной облачась  
она доверит струям  
все прелести что знать  
тебе не суждено  
избранница твоя  
в пяти шагах от детства  
к тебе наклон полей  
и солнце и она  
с венком из васильков  
глядеть не наглядеться  
о Боже почему  
слеза так солоня  
огни в плену ресниц  
и волосы волнисты  
смущеньем наведен  
румянец на щеках  
на пышных берегах*



зарю трубят горнисты  
доигрывает луч  
в брусничных облаках  
и музыка в цвету  
и танцы гнут ограду  
но где искать ее  
чтоб взор не отводя  
с застенчивостью вдруг  
опять не зная сладу  
пустынею души  
златого ждать дождя

### ВЕСТНИК

В завалах лжи,  
где истины зерно  
он добывал  
и клюв сточил изрядно,  
к нам ворон  
возвращается обратно  
и камнем  
ударяется в окно.  
Три моря высохло  
на водяных часах.  
Признаться, жаль  
убитых ожиданьем —  
верблюдов ли,  
навьюченных страданьем,  
поэтов ли,  
гремевших на басах.  
О истина,  
как ярок этот свет!  
Зажмурь глаза  
от счастья и цветенья.  
«Готовы ль мы  
к ее приобретенью» —  
на черном камне  
высечен ответ.  
Он скрыт от глаз,  
чтоб надпись не поблекла...  
А вестник  
утомился и продрог.  
Что истина? —  
твердят, —  
какой в ней прок,  
когда из-за нее  
колотят стекла?!

# Девочка, которая волялась потеряться

ВАЛЕРИЯ ГОРДЕЕВА

ПРОКУРАТУРА  
Союза Советских  
Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ  
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

5 октября 1954 г.  
№ 1/5-22/86-57  
Ул. Кирова, 41

Гр-ке КАЛИНА Заре-Ирине Игнатьевне

г. Ленинград, Солнечный пер.,  
дом 13, общежитие Ленинград-  
ского высшего художествен-  
ного училища им. Мухомовой.

Сообщая, что Вам деле, по которому Вы были осуж-  
дены 23 июля 1949 года на 5 лет лишения свободы, 1 октября  
1954 года Комитетом государственной безопасности при Совет-  
е Министров Союза ССР в уголовном порядке за отсутствием  
состава преступления прекращено.

ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА  
ПОЛКОВНИК ПСТАШИН

*Гордеева*  
НОВИКОВ

Повесть  
О СОВЕТСКОЙ  
политкаторжанке № СХ-365



«Ну, какой товар привезли?» — спросил покупатель... увидев и рассматривая по статьям семнадцатилетнюю Иру Калину... Купцы добросовестные требовали прогнать перед ними товар живьем и гольем... (офицеры ведь серьезно выбирали наложниц для себя и своего окружения)».

**А. СОЛЖЕНИЦЫН.**  
«Архипелаг ГУЛАГ».



Она все-таки «потерялась». С помощью чекистов. И вместо Москвы оказалась в Казахстане — в Степлаге, в Прибалхашье. Сколько же то конкретное упоминание Ирины Игнатьевны Калины опальным Солженицыным принесло ей, уже на свободе, неприятностей в долгие годы, когда «Архипелаг» был под запретом!

...Очень часто теперь она приходит в гастроном № 40, что на Кузнецком мосту, 19, и, стоя за столом в маленьком кафе-закутке, совершенно забыв про булочку и кофе, вглядывается в огромное окно, как в кино-экран, провожая взглядом прохожих. Но особенно — независимых, раскованных, ничего не боящихся юношей и девушек, которые знать не знают, как им повезло!

Журнальный вариант.

Потом долго всматривается в дом-крепость, во дворе которого — та страшная внутренняя Лубянская тюрьма, куда ее, недавнюю студентку, привезли ранним апрельским утром сорок девятого года. Вот как все это было...

## Сон первый: перед арестом

— Кто?

Ира спросила просто так, по инерции, прекрасно зная, кто стоял по ту сторону двери: видела из окна кухни, как мужчины в военном шли по двору к черному ходу, наверное, за понятыми. И безошибочно почувствовала: это — к ней. Ну и хорошо! Наконец-то! Уже почти всех из их компании забрали, а она — на свободе. И что ребята о ней подумают? Может, еще за провокатора примут?

— Проверка документов, — услышала спокойный ответ на свой вопрос. — Откройте!

Она открыла. Вошли трое: молодые, неприметные, в шинелях. И женщина с растерянным лицом. Где-то Ира видела ее... Ах, да, это же их дворник! «Круглова А. П.», как будет значиться вскоре в документах.

— Кто вы? — спросил один из военных.

— Я — Калина Зора-Ирина Игнатьевна, — девушка механически произнесла свое двойное имя, прозвучавшее в послевоенной московской коммуналке так же нелепо, как прозвучало бы, скажем: «Мария Антуанетта, королева Франции».

Намудрили родители в вольном городе Данциге, когда двадцать один год назад в семье Генерального консула Советского Союза Игнатия Петровича Калины эта девочка появилась на свет! Мама потом смущенно объясняла, что если у человека два имени, то и жизнью должно быть по крайней мере две: не ту, так эту проживешь. Но, похоже, у Иры и с одной не слишком получается.

— Вы-то нам и нужны... — Один из военных явно обрадовался. — Вот ордер на арест.

...Сорок лет спустя в Приемной КГБ на Кузнецком мосту, 22, я держала в руках этот ордер из группового «Дела № 2085», по которому проходило шесть юношей и одна девушка. Поэтому смогла потом рассказать Ирине Игнатьевне, кто санкционировал ее арест и кто на исходе весеннего дня девятого апреля сорок девятого года незванным ворвался в ее жилище.

Так, очень солидно, выглядел лист плотной глянцевой бумаги, заполненной чуждым писарским почерком фиолетовыми чернилами (орфографию и стиль сохраняю во всех документах):

«СССР

Министерство Государственной безопасности

**Ордер № 706**

Выдан капитану Копцову Н. Ф. и капитану Моисееву П. М.

на производство: Ареста и обыска

КАЛИНА Зоры-Ирины Игнатьевны:

Москва, ул. Чкалова, д. 14/16, кв. 64

Министр Государственной Безопасности Союза ССР»...

Ордер — «за» Абакумова — подписал Серов. Черным карандашом.

Санкционировал арест заместитель Генерального прокурора СССР гене-



рал-лейтенант юстиции Вавилов. Неплохой уровень для тунейдки? Точнее — для «плесени», как тогда говорили?

Сделали чекисты из обычного, нормального человека АС или СОЗ (антисоветский или социально опасный элемент) быстро, профессионально, не встретив, естественно, на своем пути никаких препятствий. Сначала Иру отчислили из Московского института декоративно-прикладного искусства, руководимого знаменитым Дейнекой, якобы за неуплату: в те годы учеба в вузе стоила денег... Потом велели уволить с завода малолитражных автомобилей, куда она устроилась художницей...

И все! И бери подозрительную девицу голыми руками! Что и было совершенно в ночь с девятого на десятое апреля. Хотя нет. Еще раньше. Когда выдавливали на допросах из арестованных уже мальчишек «показания на нее», и без того зная все нехитрые подробности от современно-го Азефа, действовавшего под именем «Андрей Белов» и внедренного в группу юных московских интеллектуалов, интересующихся литературой, музыкой, историей... Когда, мучительно подбирая слова и с трудом их согласовывая, сочиняли очередной опус...

### **«Постановление**

(на арест)

Гор. Москва, 1949 года, апреля «8» дня. Я, заместитель начальника 4 отделения 3 отдела 5 Управления МГБ СССР майор Мухин, рассмотрев поступившие в МГБ СССР материалы о преступной деятельности Калины Зоры-Ирины Игнатьевны, 1928 г. рождения, уроженки г. Данцига, русской, гражданки СССР, дочери репрессированного,

**НАШЕЛ:**

Калина, являясь участницей антисоветской группы из числа молодежи, предоставляла (!—**В. Г.**) свою квартиру (это — комнату в коммуналке, где жили три человека.— **В. Г.**) для нелегальных сборищ. Совместно со своими единомышленниками возводила клеветнические измышления на советскую действительность. ...На основании изложенного

**ПОСТАНОВИЛ:**

Калину Зору-Ирину Игнатьевну подвергнуть аресту и обыску»...

Восьмого апреля кто-то — вероятно, тот же Серов — «утвердил» этот документ «за» Абакумова. Девятого «Постановление» было «санкционировано» тем же замом Генерального прокурора.

Мухин оформляет и «ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об избрании меры пресечения)»: «Я, Мухин, НАШЕЛ»: И тут же: «ПОСТАНОВИЛ: мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда Калины И. И. избрать содержание под стражей».

Документ завизирован начальником 6 отдела 5 Управления МГБ СССР полковником Шумаковым и начальником 5 Управления полковником Волковым. Со всем «согласился» начальник третьего отдела 5 Управления полковник Агаянц.

Майор и три полковника очень боялись, что Ирина Калина, «дочь репрессированного», как было подчеркнуто в «Постановлении на арест», знает какие-то «способы уклонения от следствия и суда» и может ускользнуть из рук всемогущего Министерства, воспользовавшись ими. Поэтому пусть лучше сидит в тюрьме: так будет спокойнее!

— А где ваши родители? — удивился кто-то из капитанов: третий военный, видно, был на подхвате. — Десятый час уже!

— Отца у меня нет. А мама с сестрой приглашены на обед, — светски

прозвучало в ответ. Только без уточнения: в каком именно посольстве проходит торжество.

Капитаны вполголоса о чем-то посоветовались и изрекли:

— Садитесь на диван. Будем ждать мать.

Они устроились у стола. Молчаливая дворничиха сжалась в уголке. И тут в коридоре раздался телефонный звонок.

— Подойдите,— встрепелулся кто-то из двоих, основных, показывая Ире глазами на аппарат, висевший на стене.

Звонил Олег Гер, студент архитектурного института, Ирин жених: недавно, в знак обручения, он надел на ее палец тоненькое золотое колечко с веточкой и двумя маленькими рубинчиками. Может, специально выискал для нее олицетворение алых ягодок калины из жизнестойкого семейства жимолостных?

— Ирусик, можно я сейчас приеду?

Тактичный Олег никогда не звонил так поздно, и вдруг... Ира невольно повторила вслух его вопрос и посмотрела через открытую дверь на мужчин. Оба главных в унисон кивнули: пусть, мол, едет. И Олег очень быстро явился.

— Что у вас есть из вещей Ирины Калины? — сразу же огорошили его нетактичным, как посчитала Ира, вопросом. Юноша молча вынул из кармана письма невесты, ее фотографии и положил на стол перед офицерами.

— Хорошо. А теперь устраивайтесь на диване и не разговаривайте друг с другом,— сказали Олегу, и он, не глядя на Иру, присел в противоположном его углу.

Повисла неестественная, какая-то вязкая тишина. И вдруг Ира заметила, что «гости», как замороженные, смотрят на ее колени, обтянутые черными сатиновыми брючками, которые сшила мама-рукодельница. Оказывается, они крупно дрожали, а Ира не замечала. Непроницаемое, спокойное лицо. Прямая, гордая спина. И... трясущиеся колени. Какой стыд!

Ира, обхватив их руками, плотно сцепила пальцы и вскоре справилась с разгулявшимися внезапно нервами. Сказалось, наверное, многодневное ожидание ареста: ведь первого из них — Толю Бахтырева, их несравненного «Кузьму» (производное — от мудрого Козьмы Пруtkова), книгогоча и великого знатока Москвы,— забрали еще восемнадцатого декабря прошлого года. Почти четыре месяца назад! Потом, в январе,— сразу троих... Затем — еще одного, тоже в январе... А она — все на свободе...

Но в последние дни Ира уже четко знала: пора собираться. Сон был! В их семье вещие сны и всякая вроде бы мистика никогда бесследно не проходят. Приснилось ей, будто мчится она зимой вместе с мамой и Элькой в каком-то возке, запряженном лошадьми. На крутом вираже те резко берут в сторону. Ира вылетает из саней и падает в сугроб. Мать же с сестрой, ничуть не пострадав, исчезают вдали.

Чем иначе объяснить, что именно сегодня вечером, в ту минуту, когда трое военных пересекали двор, она специально подошла к кухонному окну и, встав на табурет, посмотрела вниз, все увидела и все поняла? Так однозначно, что, схватив альбом со своими детскими фотографиями, побежала в ванную и спрятала его в чье-то корыто, висевшее на стене? Почему-то именно это хотела сохранить...

Галина Алексеевна с Элей вернулись от родственников около одиннадцати. Дверь из комнаты в коридор была открыта, и Ира видела



в зеркале у входа, как побледнела мама, заметив на вешалке военные шинели. Входила она в свою комнату уже совершенно спокойной.

— В чем дело, товарищи?

И кто-то из капитанов, заметно смутившись, без всякого апломба ответил красивой женщине, перед которой млели многие мужчины из этого номенклатурного дома, набитого знаменитостями — летчиками и артистами, генералами и учеными:

— Мы пришли арестовать вашу дочь, — ему явно было не по себе.

Уже поздно ночью начался обыск. Но оказался он необременительным для офицеров. Шкаф... Буфет... Какая-то тумбочка... Бедность — редкостная даже для тех лет! Но бумаг, фотографий, всякой личной мелочи у Иры было много. Так что пришлось повозиться, все тщательно переписывая.

А вот под пунктом 11 шла необычная вещь: «Пластинка патефонная заграничная, металлическая, малая — 1 шт.». Под пунктом 13 — «Визитная карточка на иностранном (!— В. Г.) языке». Пункт 14 — «Открытка на иностранном языке». Все это значится в «Деле» под грифом: «Изъято для доставления в МГБ СССР».

Трудно ждать от человека, очутившегося в экстремальной ситуации, логики поведения. Но я все думаю о том, почему Ира спрятала в чужом корыте обычный альбом с фотографиями, а не ту металлическую пластинку, которую отец записал для дочерей и где звучал его живой голос: «Элька! Беби!»? Так звали в семье Иру. Зору-Ирину. А еще ее называли Ирэн. Рена. Не было нормального дня рождения — родилась она на Касьянов день, в високосный год, — зато было много имен.

Да, обидно... Ведь все, что «изъяли» в ту ночь, — вскоре сожгли. Потому что Иван Кононов, следователь Ирины, сделал следующий беспелляционный вывод: «...Вышеперечисленные материалы значения для следствия не имеют и ценностей собой не представляют (разрядка моя. — В. Г.) и подлежат уничтожению. — Ст. следователь следотдела 5 Управления МГБ СССР подполковник Кононов».

Его поддержал, начертав «согласен», «нач. отделения следотдела 5 Управления» подполковник Круковский. «Утвердил» эту «кремацию» начальник 6 отдела 5 Управления Шумаков. А жгли тридцатого мая Кононов и майор Макаренко, тоже старший следователь.

Представляю, как трудно и мучительно плавилась диковинная для того времени металлическая пластинка с голосом Игнатия Петровича... Как страдал он — на этот раз от жаркого пламени, уже убитый однажды нашими отважными чекистами, но иначе: замороженный в карцере-леднике, не доживший ни до суда, ни до приговора... (Его узнавали в Минской тюрьме по жуткому кашлю, вырывавшемуся из отечных легких. Значит, снова повели на допрос Калину.)

Но вернусь все же из тридцать восьмого года в сорок девятый. Из Минска в Москву, на улицу Чкалова, в дом № 14/16, в квартиру № 64. Оба капитана и после обыска продолжали пребывать в некоторой растерянности: им было предписано наложить арест на имущество Ирины, но... Пришлось составлять не совсем обычный документ:

«Нач. оперативного отделения

5 Управления МГБ СССР полковнику

тов. Щепилову

оперуполномоченного того же отделения

капитана Моисеева

## Репорт

Арест на имущество арестованной по ордеру МГБ СССР Калины Зоры-Ирины Игнатьевны..., по адресу... не наложен ввиду того, что арестованная все личные вещи взяла с собой..., а имевшееся одно старое платье и блузка оставлены матери. Арестованная проживала в одной комнате с матерью и сестрой.— Моисеев. 10 апреля 1949 г.»

Целую дочь при расставании, Галина Алексеевна шепнула ей:

— Говори только правду, и тебя отпустят...

Собственный тюремный опыт кое-что ей подсказывал. Но тут она ошибалась. Откуда эта женщина брала силы на третий арест в своей семье? На то, чтобы ни слезинки не уронить при посторонних? Неужели такое мужество дает долго презиравшаяся и преследовавшаяся у нас дворянская кровь? Тем более близкая роду Арсеньевых, из которых — бабушка космического Мишеля Лермонтова? И Ира, всегда старавшаяся походить на мать, не заплакала, не унизилась во время ареста: ни словом, ни жестом.

А вот соседка,— пожилая женщина Любовь Николаевна Климова, которую все называли просто Любашей, отчаянный человек! — не думала ни о гордости, ни о достоинстве: ей на это было наплевать. Когда Иру уводили, она бесстрашно вышла в коридор и начала стыдить офицеров:

— Как вы можете арестовывать ребенка?

Ира была худенькой, хрупкой и выглядела намного моложе своих лет. Голубые глаза... Копна пышных пепельных волос... Типичная Лорелея! Только по-советски изможденная. Такая не могла родиться ни на юге, ни на востоке — только в Данциге или в другом подобном городе. Не зря, наверное, зэк Солженицын принял Иру за семнадцатилетнюю. Позже он так и написал в своем «Архипелаге»: «Семнадцатилетняя Ирина Калина»...

Зато соседка внизу, в отличие от Любаши, вышла на лестничную площадку в семь утра совсем с другой целью, изображая, что тщательно чистит ботинки.

— Ой, Реночка, ты так рано гулять идешь? — спросила сладким фальшивым голосом девушку, спускавшуюся (отчего-то не на лифте, но так решили «спутники») в окружении мужчин в шинелях. И самой, видно, было интересно поглядеть на чужое горе, и поручили, возможно, так случайно попасться на дороге. А вдруг отчаянная девица вздумает побежать? Будет тогда свидетельница.

Уже садясь в легковушку, Ира попросила сопровождающих:

— Передайте, пожалуйста, Олегу, что я очень его люблю.

— Обязательно передадим,— серьезно заверили ее, и машина тронулась.

...Олег собирался стать архитектором. Но был он удивительно музыкален: наверное, в отца-скрипача. Прекрасно играл на рояле, читал ноты «с листа», отлично знал и понимал музыку. До чего им хорошо было вместе в консерватории, куда они бегали на каждый концерт!

А как Олег трогательно ухаживал за Ирой... Как, встав на колени, не стесняясь чопорной консерваторской публики, снимал с ее ног ботинки на кнопочках и надевал туфельки... Как жаждал их совместной поездки в родную Кострому, чтобы представить невесту родителям, которым он уже написал...

Все время их знакомства Олег был безупречен: интеллигентный юноша из интеллигентной семьи. Его не смущала волюющая бедность



Иры и ее близких, особенно заметная на фоне элиты, населяющей известный дом на улице Чкалова. Не смущало то, что кое-кого из знакомых ребят арестовали. Это, конечно же, какая-то нелепость: разберутся и выпустят! Ну что страшного в том, если вполне приличная молодежь иногда собиралась у того, у кого было посвободнее, и слушала «доклады» друг друга?

...Кто-то рассказывал о Тициане... Кто-то — о скульпторе Коненкове, о монументальной живописи... Ира, например, сделала сообщение об Озирисе, о древнеегипетском боге умирающей и воскресающей природы, показала слайды, взятые в институте... Кто-то читал Блока, Маяковского, свои собственные стихи...

Если был инструмент, Олег играл Чайковского, Листа, Шопена, «Песню Сольвейг» Грига, рассказывал о композиторах... А Ушаков отгрохал доклад «О воспитании детей», хотя ни у кого из слушателей не было не только детей, но и вообще семьи...

Только настрадавшаяся уже Галина Алексеевна нервничала, пренебрежительно называла эти вечера «ассамблеями», что раздражало Иру, и даже как-то заговорила о возможности арестов, что дочь просто рассмешило. Да они же не занимаются политикой! Их интересует совсем другое!

И вот начали сбываться тяжелые предчувствия Галины Алексеевны. Но пока Ира и Олег были на свободе, они никак не могли поверить в серьезность ситуации. Только в ее нелепость, ошибочность. В то, что правда обязательно восторжествует.

Накануне Иринога ареста девушка попросила жениха, снимавшего в Москве комнату, помочь ей сделать стенгазету ко дню рождения Ленина. Целый вечер оба корпели у Олега над огромным листом ватмана, в центре которого был Мавзолей, нанося на него, слой за слоем, сепию: светло-коричневую краску, добываемую из морских моллюсков, из той самой каракатицы, которая «задом пятится». И с каждым разом цвет становился все глубже, глубже... В «мраморе» появлялись блеск, переливы... Этот метод, которым Олег владел в совершенстве, у архитекторов называется «отмывкой».

В тот вечер Ира не заметила в женихе ничего особенного. Высокий, изысканный, темно-русый и сероглазый — ей всегда нравился такой тип мужчин (в сегодняшнем варианте — молодой Костолевский, в очках) — Олег был, как всегда, предупредителен. Но почему-то несколько раз вслух горестно произнес:

— Что будет со мной, если тебя, Ирусенька, арестуют? Я ведь только обрел тебя! И так тебя люблю!..

Это потом, позже, Ира вдруг сообразит, что Олег говорил не о том, что станет с ней, когда ее схватят и уведут в неволю, а о том, что будет с ним, каково будет именно ему. Но восьмого апреля, когда оказывается, уже было подписано «Постановление» на ее арест, Ира не придавала словам Олега, их истинному смыслу особого значения. Как и тому странному — почти ночному — его визиту к ним, на Чкалова, с запасливо прихваченными с собой ее письмами и фотографиями.

Ирина Игнатьевна не хочет произносить вслух слово «предательство»: нет вроде прямых улик. Да и трудно ей такое сказать! Мне легче: я — человек сторонний. И именно поэтому, «со стороны», не могу уповать на стечение обстоятельств в то далекое время, на какую-то случайность: слишком все очевидно.

И то, что Олега не арестовали... (А Ира в боксах, где слышимость была лучше, чем в камерах, все напевала начало «Первого концерта» Чайковского в надежде, что жених услышит этот «позывной» и как-то откликнется... Не откликнулся.) И то, что родители немедленно увезли его в Кострому и запихнули в больницу: «тяжелобольных» сложнее трогать... И то, что мгновенно женили на кухне: вскоре на свет появились двое малышей... И то, что Олег не написал Ире за все годы заключения ни одного слова... О посылках и говорить нечего, хотя девушка буквально доходила от непосильного труда и дистрофии! А ведь семья его была состоятельной...

Ни в коем случае нельзя утверждать, что на совести Олега Александровича Гера — молодежная «организация», лихо разгромленная и безжалостно искорененная из нашей послевоенной жизни гебистами. Это сделал совсем другой человек. Нельзя сказать и то, что Олег виновен в аресте своей невесты: ее и так арестовали бы, откажись он посодествовать чекистам.

Он виновен в другом: в том, что позволил себя запугать, сломать, распорядиться своей единственной жизнью по чужому усмотрению. Что не только не пошел с товарищами — и с невестой своей — на каторгу, но даже не стал ждать нареченную с этой каторги. Что между честью и бесчестьем очень быстро выбрал последнее. Короче, что вел себя не как Мужчина.

Такого, конечно, не украсит никакая «отмывка»: не углубит, не прибавит блеска. О таком даже в «Рапорте» капитана Моисеева сказано довольно холодно и равнодушно: там, где он докладывает «полковнику тов. Щепилову», что во время ареста «в квартиру пришел (! — В. Г.)... Гер Олег Александрович... студент архитектурного института... По окончании производства обыска в 7 ч. Гер был освобожден».

### **Сон второй: перед приговором**

Судя по квитанциям, Иру привезли на Лубянку, во внутреннюю тюрьму. После всяких формальностей поместили в одиночку. И тут — о чудо! — открылась дверь и кто-то протянул девушке миску густой душистой солянки, которой заключенные не ели здесь отродясь: надзиратели явно оторвали от себя, узнав, что «доставили» такую юную, такую тоненькую. В общем, начали сбываться Элькины предсказания. Старшая сестра своеобразно пыталась утешить мать, когда Иру увели: — Беби в тюрьме будет питаться лучше, чем мы!

На фоне их голодухи это было не сложно. Когда из трех вареных картофелин на троих одна обязательно оказывалась гнилой... Когда лишь в день зарплаты девочки получали «пирожные»: ломтик белого хлеба с маслом, посыпанный сахарным песком...

Работала одна Галина Алексеевна — ретушировала фотографии, расписывала ткани, делала на дому игрушки. Но сестры — и когда учились в школе, и когда уже в институте — регулярно ей помогали, получая строго определенные задания на каждый день. А если не успевали их выполнить, отменялось все остальное. В том числе и «ассамблеи».

В первые сутки, десятого апреля, Иру никто не вызывал. А одиннадцатого, после того как ее сфотографировали — профиль, анфас — и «дактилоскопировали в I отделении отдела «А» (архив. — В. Г.) МГБ



СССР», Иру привели на допрос к майору Кононову: тридцатого мая, когда он вместе с Макаренко жег документы, не представляющие, по его разумению, ценности, он был уже подполковником.

Допрос, как зарегистрировано в протоколе, начался в 23.45 и окончился в 03.00. Чтобы девочка сразу оценила, куда она попала, и поняла, что тут не курорт, что ночные бдения со спящей, до слез, лампой в лицо, — это типичное явление и лучше «не влиять», а «показывать правду». Тем более что «следствию все известно»...

А Ира и не влият! На вопрос об отце она твердо заявила, что он не был осужден, а умер в тюрьме еще до суда: так, мол, ей говорила мама... Это Кононову очень не понравилось. Через какое-то время, уличая Иру во лжи, он предъявил ей бумагу, полученную из Минской тюрьмы и приобщенную им к «Делу», в которой говорилось, что Калина Игнатий Петрович расстрелян.

А у Галины Алексеевны хранится другая справка: о том, что муж умер в процессе следствия. То есть не был осужден и, таким образом, не нуждается ни в какой реабилитации, хотя он ее, конечно, имеет, как практически все «враги народа»...

На второй вопрос — знает ли Ира, за что арестована, — она ответила также прямо:

— Да. Однако заявляю следствию, что какой-либо организованной антисоветской деятельности я за собой не чувствую.

Это было одиннадцатого апреля. А девятнадцатого следователь уже оформляет «ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о предъявлении обвинения): Я, ст. следователь майор Кононов, рассмотрев следственные материалы... и приняв во внимание, что... Калина достаточно изобличается (! — В. Г.) в том, что является участницей антисоветской группы из числа учащейся молодежи, предоставляя свою квартиру (! — В. Г.) для нелегальных сборищ участников группы и принимая непосредственное участие в этих сборищах, высказывая клеветнические измышления на Советскую действительность,

171

ПОСТАНОВИЛ: привлечь Калину Зору-Ирину Игнатьевну в качестве обвиняемой по ст. ст. 58—10, ч. 1, 58—11.— Кононов». Его поддерживает, подписывая документ, подполковник Круковский.

В этот же день, вернее поздний вечер, девятнадцатого апреля в протоколе допроса (он проходил с 22.00 до 04.20) впервые появляются «признательные» ирины показания с типично гебистскими терминами и лексикой: «сборища», «измышления клеветнического характера на Советскую действительность», в конце которых стоит совсем детская ее подпись.

Дальше — больше. Во время допроса двадцать седьмого апреля (22—04.00: в эти часы Кононов работал с особым вдохновением!) Ира полностью «раскальвается».

«...Участницей антисоветской группы из числа учащейся молодежи, — повторяет она, в протоколе за следователем как замороженная, — я являюсь с весны 1948 года. ...Мы, наряду с чтением художественной литературы и обсуждением прочитанных произведений, подвергали антисоветской критике отдельные мероприятия, проводимые ВКП(б) и Советским правительством, высказывали клеветнические измышления на Советскую действительность». И везде называет себя первой. Пытается даже изобразить, что это именно она создала группу, или «организацию» (ст. 58—11. — В. Г.): так больше устраивало Кононова.

Как же ему удалось достичь подобного успеха в «работе» с Ирой, которая на первом допросе категорически «показала», что она ни к «организации», ни к «антисоветчине» никакого отношения не имеет? Начал он, правда, не слишком удачно:

— Вы должны ненавидеть советскую власть.

— Почему?

— Потому, что мы уничтожили вашего отца. Вы — те самые волчата, которые всегда будут смотреть в лес.

Поняв, что это не совсем та «педадь», начал жать на другую:

— Нормальная молодежь общается в школах, в институтах, а не собирается подпольно на частных квартирах. И потом: вы что — профессора, чтобы доклады делать? Это и есть антисоветская группа, организация! — втемняшивал он Ире, как и мальчикам, изо дня в день. — Дальше. Вы говорили, что не одобряете раздельного обучения в школе. Но ведь это — постановление Партии и Правительства! Значит, вы их критикуете. Значит, недовольны нашей действительностью.

Ира пыталась что-то объяснить Кононову, взывая к логике, к здравому смыслу. Ничего не помогало. От допроса к допросу он гнул свою линию, хотя — где-то, очень глубоко — в нем, возможно, теплились какие-то человеческие чувства. Однажды следователь подошел к Ире и задумчиво погладил ее по великолепным волосам. Потом, будто спохватившись, сказал:

— Или вы действительно такая наивная, или очень хитрая...

Он ни разу ее не ударил. Никогда не материл. Самые страшные его фразы были такие: «Я выброшу вас, раз и навсегда, за борт социалистического общества!» Или: «Гусь свинье не товарищ!»

Каждое утро, проснувшись, Ира и Нелли Левензон-Островская, соседка по камере, тоже «подопечная» Кононова, но, конечно, не из их компании, начинали по очереди так:

— Доброе утро!

— Доброе утро.

— Итак, вы, честная советская девушка, сидите в советской тюрьме?

— Да.

— Интересно, интересно...

Это они передразнивали «своего» Ивана. Но он был далеко не Иванушкой-дурачком, этот майор-подполковник Кононов! Он все-таки нашел главную болевую точку Иры. По-доброму глядя на девушку во время очередного ночного допроса, он, сочувственно покачивая головой, сообщал ей:

— И сегодня у меня были ваши мама с сестрой. Как же они плакали! Их слезами можно было вымыть весь мой кабинет...

И тут Ира, обведя глазами большую комнату, начинала в голос рыдать, а следователь, не теряя ни одной драгоценной минуты, требовать, чтобы она тут же «дала показания» на Эльку: что тоже посещала их «сборища». Но как Ира ни бывала расстроена, она немедленно собиралась в кулак и полностью отрицала эти инсинуации.

Сестра действительно не бывала на их собраниях. Но, стоило бы Ире лишь раз поколебаться в своем ответе, «Иван» уж нашел бы, каким образом притянуть студентку полиграфического института к молодежной «антисоветской» группе...

До чего все-таки Ира и ее товарищи были наивны! Им вдолбили, что встречи дома — это преступление, и они поверили. Как и в то, что у них



была... организация. Целых четырнадцать человек-де туда входило! И вот семерых из них, самых вроде бы активных (а на самом же деле тех в первую голову, у которых были репрессированы родители. — В. Г.), арестовали.

А то, что настоящая организация должна иметь устав, программу с целями и задачами, оформленное по всем бюрократическим правилам членство, название, — это никого не волновало. Вернее, отсутствия этого. Ни Кононова, знавшего такие вещи лучше других, но молчавшего, ни ребят, которые почти все были старше Иры. А Феликс Карелин, ее давний поклонник, тот даже войну прошел и был вполне взрослым, двадцатичетырехлетним мужчиной. Именно его приемная мать, подруга Галины Алексеевны, тоже побывавшая в Минской тюрьме как жена «врага народа», отца Феликса, некогда сотрудника НКВД, узнавала по страшному кашлю Игнатия Петровича Калину...

Так Феликс этот сдался одним из первых, заявив ребятам на очных ставках: «Мы все виноваты и все должны отвечать за свою вину». Пламенный такой был... Чернокудрый... Блестяще декламировал Гумилева, перед которым преклонялся... А вел себя в «чрезвычайке» совсем иначе, чем любимый поэт!

Во время очной ставки Иры с Толей Бахтыревым Кононов вдруг тактично вышел из кабинета, оставив молодых людей одних. Он, конечно, все подслушивал, желая выведать как можно больше! А не узнав ничего нужного для следствия, разозлился и дал Толе карцер. Но это — потом. А пока Бахтырев опустил перед единственной в их незадачливой части сообщества девушкой на колени и стал целовать Ире руки:

— Как же ты, такая слабенькая, пройдешь через все? Ну мы, мужики, — уж ладно... А ты? Прости нас, Ирочка!

А за что их было прощать, бедолаг? Никто из них в общем-то не был перед нею виноват. Ну Феликс продемонстрировал явную слабину... Ну Олег катастрофически струсил... Но даже если бы этого не произошло, ареста ей все равно не избежать.

Об этом свидетельствовал тот, последний — можно сказать, прощальный — взгляд Андрея Белова, который Ира поймала на себе в консерватории, в зеркале, когда юноша подавал ей пальто: она с ним тоже ходила на концерты. В этом взгляде были и жалость, и грусть, но она тогда ничего не поняла. Все проанализировала гораздо позже!

...Ира познакомилась с Андреем довольно странно. Она купила Аллочке — именно так близкие называли Карелину — хлеб, но не могла занести его, так как зарядил ливень, а зонтика у девушки не было.

Аллочка сказала Ире, позвонившей из автомата, что к ней в метро подойдет молодой человек, в руках у него будет оранжевый томик Марка Твена. Так состоялась встреча со студентом литературного института Андреем Беловым, как он отрекомендовался. Впрочем, все и раньше, и позже — Аллочка, Галина Алексеевна — знали его только под этим именем.

Дружеские отношения между Ирой и Андреем завязались быстро и просто. Молодой человек был обходительным, начитанным, тоже очень любил музыку. А когда узнал, что Ире требуется помощь в русском языке и литературе, охотно стал с ней заниматься. И внешне он был интересен: этакий скандинав — высокий, светловолосый, светлоглазый. Одно в нем отталкивало: вроде бы надорванные уголки губ. Как

говорят в народе — «заеды». Но не проходящие. Такой постоянный авитаминоз...

Именно Белову принадлежала идея создания кружка молодежи, интересующейся искусством и литературой. Желавших оказалось — хоть отбавляй! Так и сколотилась более или менее постоянная группа людей, которые очень много давали друг другу, которым вместе было всегда интересно.

Все шло бы нормально, если бы Андрей не переусердствовал, чем и насторожил Иру. То он рассказывал ей о погибшем отце-разведчике... То о брате-эмигранте, который может к нему заявиться: и что тогда делать?.. То спрашивал Иру, не хочет ли она вернуться в Данциг, если бы ее позвали? Ведь по законам этого города она имеет право на гражданство, раз там родилась... И так далее.

Короче, Ира поняла, что Андрей ее прощупывает, провоцируя на откровенность. И с весьма определенными целями. Скорее не поняла, а почувствовала интуитивно. Ведь в ее жизни уже была подобная встреча, подобная ситуация! Правда, давно: когда она еще училась в ТХТУ — театрально-художественно-техническом училище, в которое поступила после семилетки. Ей тогда было пятнадцать лет.

...Иру вызвали не в основное здание, на Лубянке, а... в Политехнический музей, в какой-то кабинет. С ней говорил — туманно и вкрадчиво — молодой мужчина в штатском. Девочка долго ничего не понимала. А когда в конце концов сообразила, что ее вербуют в осведомители, что она должна будет доносить на свое ближайшее окружение, возмутилась и резко отказалась.

Ира была слишком мала и горда, чтобы испугаться, чтобы вспомнить, что она — дочь «врага народа»: тот самый волчонок, который всегда будет смотреть в лес. Она просто вспыхнула от унижения и сказала, что никогда не станет заниматься такими вещами. Мужчина с интересом посмотрел на нее и милостиво изрек:

— Что ж, неволить не будем...

Ира рассказала о возникших насчет Белова подозрениях товарищам. Те встревожились, решили не приглашать больше Андрея на свои вечера. Но, видно, уже поздно было. А Ира резко порвать с юношей не могла: он ведь по-прежнему добросовестно занимался с ней!

И вот последнее посещение консерватории, тот сочувственный взгляд, который она поймала в высоком торжественном зеркале... Видно, в последний миг Андрей потерял над собой контроль и ему стало жаль этого ягненка, приготовленного им для заклания... Не первая у него такая «группа», но поди ж ты — дрогнул!

Неизвестно, что бы еще взяла на себя Ира, умело оплетенная Кононовым, если бы не «прокурор по спецделам Прокуратуры Союза ССР Государственный советник юстиции 3 кл. Дорон», как записано в протоколах допросов от 19 мая 1949 г., от 3 и 13 июня.

...Первый раз он вызвал ее прямо в кабинет Кононова. А тому указал рукой на дверь:

— Выйди! — Вот так резко, на «ты»...

Потом взял стул, повернул, сел на него верхом, рядом с Ирой, и попросил все рассказать по порядку.

Сначала она была очень скованна: не верила его дружелюбному тону. Но потом, увидев, как прокурор сопереживает ей, как огорчается, что она, поверив Кононову, признала себя участницей «антисоветской орга-



низации», стала более откровенной и искренней. Во время третьего свидания Дорон вынул чистый лист бумаги и вместе с Ирой стал прорабатывать каждый эпизод, оттачивать новые формулировки. Попутно он учил ее:

— Никогда не подписывайте то, в чем вы не уверены! Итак, фиксируем: «По характеру своего участия — не считает себя членом антисоветской группы»... «Не слышала высказываний идеалистического характера»...

А Ира и не знала, что Карелину, Красину, Шмаину приписаны слова про то, что «интуиция и самосозерцание» имеют решающее значение для «открытия основных законов, движущих миром»! Вряд ли в этом что-то понимал «Иван». Да и ребята не стали бы такое говорить: они другим увлекались! Сочинил это, конечно, кто-то из местных доморощенных философов, чтобы придать делу солидность.

— Итак: «Не помнит, чтобы в ее присутствии обсуждались какие-либо вопросы политического характера»...

Дорона без конца дергали по телефону. Он нехотя брал трубку и отрывисто отвечал на чьи-то вопросы:

— Десять. Двадцать пять. Пятнадцать.

Лишь позже Ира догадалась, что он диктовал кому-то сроки. А с ней вот, убедившись в полной ее невинности, опасной честности и детской беззащитности, — столько возился!

— Идем дальше: «Да, присутствовала при обсуждении философских вопросов, но при ней никогда не критиковалось марксистское учение»...

Так прокурор, по собственной инициативе, вытаскивал Иру из трясины, в которую ее загнал Кононов. (Может, тот в ответ, когда для Дорона наступили страшные дни, тоже приложил руку — теперь уже к его «Делу», — помня об унижении, об этом «Выйди!», об этом «ты»?) Не стерпела душа!

Как и тогда, когда, вернувшись после своих тюрем, лагерей, после пыток, во время которых с него срывали ногти, Дорон дал пощечину Льву Шейнину прямо на партийном собрании, в прокуратуре. Видно, было, за что...

Вскоре Ира оказалась в страшном Лефортовском карцере. За что — она не знала: ей ничего не объяснили. Могла только гадать, чем не угодила своему следователю. То ли тем, что посмела заявить о том, что отец не был осужден, а значит, он не «враг народа»... То ли тем, что не «сдала» Эльку... А может, карцер все же за Дорона? Ведь он здорово насолил Кононову!

Короче, пришел за ней пожилой стражник, показавшийся ей тогда стариком, и велел собираться. А потом очень тихо произнес:

— Если у вас есть сахар, возьмите.

Она взяла с собой не только сахар, но и собачку, которую ей вылепила из черного хлеба Нелли. А Ира той — человечка. Когда они шли по гулким переходам, по сетчатым, словно в фантастическом цирке, ярусам, старик снова шепнул:

— Я не могу сказать, куда веду вас. Но, пока мы идем, съешьте весь сахар.

И Ира, недоумевая, сгрызла несколько кусочков, переданных мамой, которые она так берегла и растягивала, зажатых в правой ладони. В левой лежала собачка.

Наконец они куда-то пришли, и суровая молчаливая надзирательница

*Девятилетняя Ира  
пока не знает,  
что случится с ней  
и ее близкими,  
она еще счастлива...*

*Ире — пятнадцать лет.*

*«Марсианка» Ирина Калина,  
недавняя политкаторжанка.*



стала раздевать девушку. Когда Ира осталась в одной короткой рубашке и тоненькой кофточке, женщина вдруг обратила внимание на ее плотно сжатый левый кулачок и стала его разжимать. А Ира ни за что не хотела отдавать собачку и крепко сцепила пальцы.

Но силы были все же неравными. Женщина сноровисто действовала двумя руками, и вскоре из ладошки Иры что-то выпало, глухо стукнувшись об пол. Надзирательница подняла черный комочек, рассмотрела его, и вдруг бесстрастное лицо ее преобразилось: по нему пробежали какие-то чувства, какие-то светлые тени:

— Ну, что же вы мне не сказали? — Горло женщины перехватило, и она сама вложила Ире в руку собачку.

А потом со скрежетом отворилась дверь, и девушку кто-то толкнул в черный проем. Тут же, с лязгом и грохотом, дверь закрылась, и Ира оказалась в кромешной тьме. Ни единого лучика! Где она? Есть ли тут кто-то еще? Чего ждать? Удара по голове? Ножа?

Вытянув вперед руки, Ира начала ощупывать воздух. Потом, наткнувшись на стены, пошла, шлепая босыми ногами по цементному полу, по периметру небольшой, как оказалось, камеры. По дороге наткнулась на металлический уголок в стыке стен, где ей предстояло сидеть, и на кровать из голых прутьев, где могла лежать. Ни стола. Ни табуретки. Ни окна, из которого — пусть с решетками, с «намордниками», даже со ставнями — что-то просачивалось бы даже ночью.

Исчезло время. Исчезло ощущение реальности. Ужасный, все нарастающий холод сковал каждую клеточку тела. А страх вымораживал душу. Так мучили ее отца, застудив до смерти... Теперь взялись за дочь... Ира сидела на железном, обжигающем морозом уголке и, чтобы не сойти





с ума, твердила телефоны знакомых. Потом, когда почти падала, ложилась на ребристую ледяную кровать, безуспешно пытаюсь натянуть, хотя бы на колени, куцую рубашонку.

Иногда открывалась кормушка, и ей давали холодную воду и ломтик хлеба. Через какое-то время принесли баланду. И снова — вода с хлебом. Господи, как же вкусен горячий суп с гнилыми лопухами капусты и рыбьими костями, которым кормили в камере!

Ее соседка, дочь двух «врагов народа», проходивших, как она рассказывала, по делу Якира и Тухачевского, была старше Иры. Даже воевала. Ее, студентку-медичку, вызвали на Лубянку и велели смыть на фронте семейный позор: тогда, дескать, не тронут. Что она и сделала. Но после войны все равно арестовали. У Нелли никого не было, а значит, не было и передач. И Ира всем, что у нее появлялось, делилась с ней, ничего не ела одна! Потом, в лагерях, она поняла, что так поступают далеко не все.

Девушка чувствовала, что погибает в карцере. Но у нее и в мыслях не было кого-то позвать, пожаловаться... Продемонстрировать свою слабость? Дать им насладиться властью над ней? Ну, уж нет! Где-то, совсем близко, кричала женщина и ритмично билась головой о стену:

— Я не хочу больше жить! Я не хочу больше жить!

Потом — видно, в соседней камере — стал громко стучать в железную дверь мужчина:

— Мне холодно! Выпустите меня — мне холодно!

И тут Ира услышала голос дежурного:

— Как же вам не стыдно... Рядом с вами — полуробенек, и так все переносит... А вы?..

Девушка не знала, сколько пробыла в карцере. Но когда наконец открылась дверь и ей сказали, что можно выйти, она сама этого сделать не сумела: пришлось вывести ее под руки. Нелли в камере уже не было, и Ира сразу же провалилась в сон. А потом открылась кормушка, и тот самый добрый «старик» протянул ей полную миску гречневой каши с маслом — явно свою еду: зэков этим не кормили.

Иру все-таки многие жалели! Настолько она была юная, беззащитная. Ее иногда возили на допросы в другие места. И ни разу не было, чтобы конвоиры, как истые кавалеры, не подали бы ей руки, когда она должна была спрыгивать с довольно высоких ступенек «воронка».

...Однажды, поздно вечером, ее куда-то повезли. Но допрос все не начинался: видно, кто-то где-то задерживался. И тогда незнакомый молодой офицер, видя, что Ира просто валится от усталости со стула, снял с себя шинель и постелил на пол в небольшом боксе, где она сидела:

— Ложитесь, поспите. Если будет нужно, я вас разбужу, — военный вышел, заперев за собой дверь. И Ира рухнула на еще теплую от хозяина шинель (одну полу — под себя, другую — на себя, по-солдатски), тотчас уснув. В тот раз ее так и не вызвали, но офицер дал ей выспаться и лишь потом отправил назад, в Лефортово.

Следствие подходило к концу. Минуло немногим больше месяца со дня ареста Иры, как ей, по статье двести шестой, уже дали посмотреть явно сфабрикованное «Дело». Требовалось всего ничего: подпись девушки. И вот что восемнадцатого июня сорок девятого года написала Ирина Калина: «С материалами следствия в двух томах на 801 листе я ознакомилась путем личного чтения. В предъявленных обвинениях виновной себя не признаю».

Но все это не имело никакого значения, ибо судьба каждого была предрешена! Давно стало ясно, что Бахтырев — как руководитель — получит десять лет и особый лагерь. Что остальные ребята — по восемь. Что все дети «врагов народа» — «волчата» — тоже отправятся в особые лагеря: Карелин, Красин, Калина. А другие, даже ни в чем, ни разу не признавшийся Федоров, у которого отец — «бывший штабс-капитан Колчаковской армии», как отмечено в документах, основательно помогавший Кононова, — в обычный лагерь.

Еще в мае в «Дело» начали стекаться справки о состоянии здоровья подследственных под грифом «Секретно», а из Лефортово — «Сов. секретно». Вот как выглядит справка на Ирину Калину, единственную в группе девушку: «Здорова. Годна к тяжелому (разрядка моя. — В. Г.) физическому труду». Тогда как, скажем, Виктор Красин, Илья Шмаин, Феликс Карелин годны просто «к физическому труду». Мужики! Повезло ребятам: за них не заступался Дорон...

И вот двадцать седьмого июня подполковник Кононов, а вместе с ним подполковник Круковский и два полковника — Шумаков и Волков — создают «Обвинительное заключение», которое седьмого июля «утверждает» генерал-лейтенант Огольцов. Про Калину там сказано следующее: «...Вначале признала себя виновной, но впоследствии от своих показаний отказалась».

Вроде все честно записано. Да не совсем! Почему-то не отмечено, что в самом начале, на допросе одиннадцатого апреля, она категорически отрицала предъявленную ей чушь.



Тут же, в «Обвинительном заключении», ремарочка: «Отец Калины был арестован в 1937 г. за шпионскую деятельность в пользу иностранной (разрядка моя.— В. Г.) разведки». Помните: визитная карточка и открытка «на иностранном языке», изъятые у Иры? Там такая запись — явно от бескультурья. А тут-то отчего не уточнили, на какую страну работал Игнатий Петрович? Отчего столь туманное и зыбкое обвинение?

А дальше уж совсем беспардонная ложь: «Винным себя на следствии признал». Знали, что никто ничего уточнять не станет. Зато логика во всем, содеянном следствием, — налицо. Отец — враг и дочь, естественно, — враг. Хоть она в этом и не призналась.

Чуть ниже — запись: «Бахтырев и Калина находятся в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. Остальные — во Внутренней тюрьме...» И совсем интересная деталька. «Вещественных доказательств по делу нет». (Разрядка моя.— В. Г.) Спокойно так отмечают! На обороте фиолетовыми чернилами — вывод: «Дело внести на рассмотрение О/сов».

Но, чтобы слишком не затруднять «Особое совещание», Кононов уже раздал «всем сестрам — по серьгам» (братьям в основном) в своем «Обвинительном заключении»: «Полагал бы меру уголовного наказания определить»... И дальше, пофамильно, — кому сколько лет ИТЛ дать. Ну а кого в какой лагерь направить — обычный или особый, — он распределил еще седьмого июня, за месяц до «Обвинительного заключения»! Вот такой в МГБ служил стахановец...

В тюрьме Ира спала очень крепко, даже в неудобной позе — на спине, со строго положенными на одеяло руками. Как только повернешься и укроешься поуютнее, по-домашнему, входят, заставляют лечь в исходное положение, сами вынимают у сонного человека руки из-под одеяла или из-под подушки.

Ира с Нелли пытались добираться днем, сидя за столом и завесив лицо волосами. Но этими старыми тюремными трюками охрану не проведешь! А лечь днем нельзя. Более того, глаза закрыть невозможно: тотчас — окрик. Поэтому спала девушка в те часы, что оставались от ночных допросов, как убитая, без всяких сновидений.

И вдруг — сон. Второй после того, подарестного: когда она вылетела из саней в снег, а мама с Элькой умчались, целы и невредимы. Ира увидела, в цвете, свою ладонь с растопыренными пальцами. Все пять пальцев были явно больны. Но четыре — особенно: в ужасных язвах, ранах... Вскоре ее вызвал начальник тюрьмы и объявил приговор, вынесенный ОСО двадцать третьего июля: пять лет исправительно-трудовых лагерей.

Я держала в руках эту «выписку из Протокола № 40 Особого Совещания при Министре Госбезопасности Союза ССР...» «Слушали — Постановили»... На обороте, где после напечатанных слов: «С постановлением... ознакомилась», должна была стоять подпись Иры, вписано синими чернилами: «От подписи отказалась». Зато, вкривь и вкось, много других фамилий, разными чернилами. Прочитывается только одна — «Подполковник Воробьев»...

Как же Ира рыдала, выйдя от начальника тюрьмы и не помня, конечно, ни о каком «веще» сне, не зная тогда, что проведет в лагерях действительно не пять, а четыре года: после смерти Сталина ей повезет с бериевской амнистией. Ира так плакала по дороге в камеру, что

молодой солдатик, сопровождавший ее, испугался и все спрашивал: «Ну, сколько дали? Сколько?» А когда она наконец выдавила: «Пять лет», чуть не пустился в пляс:

— Да это «детский срок»! Сейчас дают десять, пятнадцать, двадцать пять! Радоваться надо, ты что?

### «Пусть будет стыдно нашему государству»...

Но Ира, перенесшая ледяной карцер, который не все мужчины переносили, была сломлена несправедливостью приговора, тем, что ее никуда не вызвали, не выслушали, тем, что за ее спиной был разыгран элементарный спектакль.

Она вдруг перестала есть. Нет, девушка не объявляла никакой голодовки. Просто пища из-за нервного спазма не проходила, не глоталась. Ее ругали, грозили, что применят принудительное кормление. Она послушно ложилась на спину, сама вливая себе ложкой в рот еду. Но...

Тогда ее куда-то перевезли и поместили в двухместную камеру. Судя по ковровым дорожкам, по безумным крикам, несшимся со двора, по мощным ударам, это была внутренняя тюрьма Лубянки, в которой шли обычные допросы. Женщина, которая уже находилась тут, сразу же спросила:

— Вы больны?

— Нет, — ответила Ира удивленно. В свою очередь, удивилась женщина:

— А я больна! — И охотно рассказала о своих недугах, о том, что она — родственница Лидии Руслановой: сестра ее мужа, генерала Крюкова. Так Ира поняла, что попала в санчасть Главной тюрьмы, для поправки здоровья.

Но с «поправкой» дело шло плохо — Ира по-прежнему почти не ела, а на прогулках еще сильнее плакала. И ее перевезли в Бутырки, чтобы оттуда отправить в лагерь. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон... Тем более что приговор у человека уже имеется, а в следственной тюрьме, каковой является Лубянка, таких держать нельзя.

Именно там, в некогда «Бутырском замке», построенном при Екатерине Второй по проекту знаменитого Матвея Казакова, видевшем в своих стенах лучших из лучших людей России, Ира написала письмо Абакумову. Оно подшито в «Дело»: небольшой желтоватый листок бумаги, с бисерным аккуратным иринным почерком.

В правом верхнем углу популярными тогда фиолетовыми чернилами обозначен адресат: «Лично Министру Государственной безопасности СССР Абакумову (без «товарища») — В. Г.» от осужденной... Бутырская тюрьма, кам. 336. 21/VIII—49 г.»

Дальше идет весьма неординарный текст: «Убедительно прошу Вашего разрешения на пересмотр моего дела. Я стала преступником, ничего не преступив. Я потребую ответа от всех, кому безразлична чужая жизнь. ...Можете меня никогда не возвращать из лагеря, я сама не захочу вернуться назад, в социалистическое общество, которое выкинуло меня из жизни, несмотря на то, что у меня нет никакой вины. Неужели это правда, что органы М. Г. Б. — органы насилия, которые не считаются со справедливостью? ...Мое дело запутали и не дали мне исправить. Мои лучшие порывы втоптаны в грязь!!!» И все это Ира почему-то озаглавила так: «Прошение»...



И. О. начальника тюрьмы майор Таланов и начальник секретариата майор Ковалерян уже 24 августа переправили вольнодумное письмо начальнику секретариата Министерства «полковнику тов. Чернову»: «При этом препровождается закрытое письмо заключенной Калиной (! — В. Г.) Зоры-Ирины Игнатьевны, адресованное на имя Министра Государственной Безопасности СССР генерал-полковника товарища (! — В. Г.) Абакумова».

Оттуда, 27-го, оно ушло в секретариат Особого совещания МГБ СССР: «генерал-майору Эсаулову А. А.». 17 сентября на свет рождается «Постановление», утвержденное начальником секретариата Эсауловым, в котором сказано: «Заявление оставить без удовлетворения, о чем сообщить осужденной через отдел «А» при МГБ СССР». И подписи — ст. оперуполномоченный 2 отд. секретариата Особого Совещания... подполковник Акопян, начальник 2 отд. ...подполковник Гусев».

Есть одна довольно любопытная подробность в преамбуле «Постановления», где сообщаются все данные на Ирину Калину: «Отец в 1937 году арестован за шпионаж (умер в тюрьме).» (Разрядка моя.— В. Г.) Человек то расстрелян, то умер. Но какая в конце концов разница? С их — Лубянской — «колокольни»?

Иру везли в лагерь в отдельном зарешеченном купе, как птичку в клетке: не дай Бог, что случится по дороге! А так будет настоящий подарочек избалованным лагерным боссам, выбор у которых и без того неограниченный. Но тут — девушка, да еще интеллигентная, да еще молодая и необыкновенно хорошенькая... Вот «товар» и стерегли-берегли.

А Ира все думала об Олеге, который почему-то так и не отреагировал ни в одной из тюрем на ее «музыкальный» сигнал... И очных ставок с ним не было... С другими были, а с ним — нет. И экзекутор Кононов о нем молчал... Столькими фамилиями манипулировал, а его ни разу не назвал!

Так и не успела она съездить с Олегом в Кострому, познакомиться с будущими родственниками... Когда теперь придется? В том, что это со временем случится, Ира не сомневалась. Они же еще молоды! Ну что в общем-то пять лет? Такая любовь, как у них с Олегом, все преодолет. А может, даже еще больше окрепнет, возмужает. Сколько Ира читала о том, что разлука не только проверяет чувства, но и усиливает, возвышает. Их любовь проверять, конечно, глупо: она очевидна. Но придать ей какие-то особые краски... Что ж, такая возможность Ире, художнику, не была чужда.

Однажды, провожая ее, Олег рассказал, как у них дома все красиво... Какой у них прекрасный рояль...

— Тебе, Ирусенька, у нас очень понравится!

Олег не хвастал, не противопоставлял свой благополучный быт ее, неустроенному. Он искренне желал, чтобы невесте пришлось по душе его родовое гнездо. А Ира тогда еле дождалась лифта и, не прощаясь, шмыгнула в него, быстренько нажав кнопку своего седьмого этажа.

И сразу же хлынули слезы обиды, горя, уязвленной гордости. Она ведь никогда не рассказывала Олегу о том, как они жили при папе, о том, какая трагедия произошла в их семье. Об этом не знал не только Олег, но и вообще никто вокруг!

Семья эта была для дома № 14/16 по улице Чкалова, конечно,

нетипичная: его населяли очень благополучные и обеспеченные люди. Но так уж случилось, что именно здесь Галине Алексеевне, когда она вернулась из Минской тюрьмы, просидев там под следствием целый год, выпущенной после смерти мужа за недоказанностью обвинения, дали небольшую комнату в коммунальной квартире.

Как-то Ира узнала, что ее товарищ по дворовым играм Фрэд Шафранский, сын крупного генерала, с большим недоумением сказал своей маме о том, что «Реночка живет очень бедно». Девочка, в свою очередь, спросила об этом Галину Алексеевну. И сделала вывод:

— Мне стыдно, что мы так живем!

Галина Алексеевна помолчала, видно, перебарывая поднявшуюся в душе бурю, а потом, как всегда с достоинством, ответила дочери:

— Пусть будет стыдно нашему государству...

Больше Ира никогда о таких вещах не спрашивала и так же, как мама, терпеливо переносила все бытовые тяготы.

От постоянного голода Ира была очень слабой, часто и много болела, плохо двигалась, играя в салочки, лапту или штандер, тогда как все мальчики и девочки были крепенькие, «напитанные», по выражению Ирины Игнатьевны. Она очень почему-то не любила в детстве, когда дыша в затылок, за ней бежали — сразу же останавливалась, будто вкопанная.

Но Фрэду сызмальства все нравилось в «Реночке», даже ее замедленность. (Недаром много лет спустя после неудачи в семейной жизни, которую пережили оба, они соединили свои жизни.) А уж про толстенные светло-пепельные косы и говорить нечего...

Красивый подросток, своеобразно одетый — черные блестящие сапожки, черный свитер, белоснежный воротничок, — выносил на балкон своего четвертого этажа патефон и кричал Ире, стоявшей наверху, на балконе безотказной Любаши, после посещения которой она всегда находила в кармане что-то съестное:

— Что тебе поставить? — И на всю мощь пускал заказанное: «Рио-Риту», «Серенаду Солнечной долины», «Джорджа из Динки-джаза», что-то из Эдди Рознера... У Фрэда, то есть у Фридриха, названного так в честь Энгельса, был большой выбор популярных пластинок тридцатых годов. И дом от этих концертов просто стонал!

А Ира, слушая музыку на чужом балконе, вспоминала ту, которую слушала когда-то, когда был еще папа, вспоминала ту жизнь, в которой она провела девять счастливейших лет.

...Она родилась в Данциге, и ее, недоношенную, выхаживали в клинике по лучшей зарубежной методе. Вскоре Ирина-Зора превратилась в очаровательную девчужку, напоминавшую тех пушистых цыплят, которых мама вышла на ее платье. Малышка была радостная, вся какая-то солнечная. И обожала не только эlegantного отца, красавицу мать, но и старшую сестру Эльку. Элеонору — как дочь Маркса. Много позже та почему-то стала Еленой...

Ира росла девочкой, которая все время боялась потерять, как заметила Галина Алексеевна. Поэтому та стала воспитывать дочь в суровых немецких традициях, в чем ей помогала строгая бонна Тереза, которую девочки, несмотря ни на что, очень любили.

Не раз вслух Беби высказывала две свои главные мечты: чтобы не было надоевшей ей еды и чтобы все жили в одной комнате. И Бог услышал ее, исполнив оба желания. Но до этого — еще несколько лет.



А грезил Ира о том, чтобы семья жила скопом, вот почему.

И в Данциге, где наше Генконсульство занимало особняк, построенный еще Петром Первым, и в Харькове, на Украине, и в Белоруссии, в Минске, где Игнатий Петрович был наркомом иностранных дел, во всех этих домах, предоставленных ему государством, было очень много комнат: и для работы, и для приемов, и для семьи.

Детей, конечно, рано укладывали, а им так хотелось посмотреть, как проходят торжественные приемы, на которых всегда блистала их молодая мама, которую Ирина Игнатьевна с первых лет своей жизни и до сегодняшнего дня считает совершенством.

Галина Алексеевна, жившая в раннем детстве в старинных Белозерске и Кириллове, осталась сиротой в пять лет: не выдержав позора карточного долга, в который его вверг опытный шулер, ее двадцативосьмилетний отец — дворянин, офицер — застрелился, оставив жену с четырьмя детьми.

Молоденькая вдова, выпускница института благородных девиц в Вологде, родня Арсеньевых, стала сельской учительницей. Но одна прокормить всех не могла, и Галю взяла ее бездетная сестра, то и дело секшая девочку розгами. Потом — школа, комсомол, учеба в московском медицинском училище.

И, наконец, встреча со своим преподавателем, известным врачом, родившимся в Польше, в семье лесничего, но получившим все-таки прекрасное образование в Швейцарии, куда он, принимавший участие в нелегальном рабочем движении с девятнадцати лет, то и дело сидевший в царских тюрьмах, вынужден был эмигрировать.

Галя, наслушавшись от подруг про какого-то удивительного Калину, долго болевшего, увидела однажды невысокого человека, не слишком красивого, но совершенно пленительного, завораживающего своей утонченностью, своей эрудицией. И безоглядно влюбилась в него.

Игнатий Петрович тоже обратил внимание на высокую, тоненькую, с длинными косами студентку, активную комсомолку, редактора стенограммы. Он видел, как она щурится, но не показывает вида, что блеснула. Как плохо одета, но ходит в своих кошмарных войлочных тапочках, с гордо закинутой головой. Когда после демонстрации, на которой ее обувка раскисла от дождя и просто сваливалась с ног, он хотел купить ей какие-то туфли, Галя страшно возмутилась.

И все-таки они поженились. Несмотря на то, что совсем вроде бы не подходили друг другу. Несмотря на двадцать два года разницы. И прожили вместе двенадцать счастливейших лет: до его ареста и гибели. Он звал ее «Галька». Она звала его «Милый». И очень редко — «Игнатий Петрович». Это означало, что она неимоверно на него сердится...

Злька родилась в Союзе. А Ира — уже за границей, когда отцу — солидно образованному человеку, знавшему несколько языков, — предложили дипломатическую работу. С тех пор они и поселились в бурлящем врагами советской власти Данциге. Но особенно кучковались эмигранты в Сопоте, где была международная рулетка и для въезда в который не нужен был даже паспорт. В Оливе — тоже, правда, поменьше. Да где их не было? И в Праге. И в Варшаве. И в Париже.

Галина Алексеевна все время волновалась за мужа. Когда убили Войкова, нашего полпреда в Польше, которому был подчинен Калина, совсем потеряла покой. А когда в парижской белоэмигрантской газете «Руть» напечатали открытый призыв расправиться в Данциге с совет-

ским генконсулом, на прогулках, под всякими предложениями, старалась идти не рядом с Игнатием Петровичем, а сзади, чтобы в случае нападения прикрыть мужа собой. Ей почему-то казалось, что покушение должно произойти именно с тыла.

Семья уезжала из Данцига с удовольствием: очень уж соскучились по Родине. Вот только Терезу и верного пса Рольфа очень было жалко оставлять... И Беби настойчиво просила взять с собой хоть собаку, если уж бонну нельзя. Ее убеждали:

— Это немецкая овчарка. Ей нельзя в Союз.

— А она на границе будет лаять по-русски! — упрямылась девочка. А потом в поезде, когда они шли в вагон-ресторан через длинный состав, с удивлением сказала:

— Пахнет бедными людьми...

И откуда ей, катавшейся как сыр в масле, было знать этот запах? Предчувствие будущих горестей? Не зря ведь после ареста отца в семье было два основных состояния: голод и холод. Но до этой трагедии еще четыре года. Еще жизнь в Харькове. А потом в Минске, где сестры уже учились в школе.

Как-то в ливень Галина Алексеевна послала за ними машину, и один из шоферов, Женя, попытался привезти девочек домой. Но те слюня голову бросились в разные стороны: им было стыдно перед подругами, ходившими пешком. А вот Эмме Байдуковой, дочери знаменитого летчика, жившего в Москве, на улице Чкалова, стыдно не было, что она, сопливая девчонка, на глазах всего дома спокойно усаживалась одна в поданную ей машину и ехала в школу!

На Игнатия Петровича донес другой шофер — Паша, в которого маленькая Беби была по-детски влюблена: не простил, видно, хозяину, что тот застукал его на левых заработках. А может, это лишь усугубило его рвение?

В середине декабря тридцать седьмого года Калину вызвали в Москву: вроде бы хотели послать в Бельгию советником. На душе у него было скверно — аресты шли день и ночь. Вокруг как косой всех повыскочило: забирали уже не просто знакомых, а самых близких людей. И ни слуха о них ни духа! Хотя нет, какие-то вести доходили. Например, что Николай Матвеевич Голодед, председатель Совнаркома Белоруссии, покончил с собой, выбросившись во время допроса из окна... Что его жену Веру и шестнадцатилетнюю дочь Валю тоже взяли...

Игнатий Петрович до этого был в отпуске, в Барвихе, под Москвой. Так он каждый день звонил оттуда: «Галька, у тебя все в порядке?» Она его успокаивала, а сама умирала от страха! Потом, вернувшись, Игнатий Петрович кричал по ночам и просыпался в поту: ему снилось, что его арестовали. А днем держался молодцом, хотя рассказывал нехотя про Барвиху:

— У меня там было такое чувство, что я постоянно под наблюдением...

И все же он поверил: насчет Бельгии! И отправился в Москву!

Галина Алексеевна не смогла проводить мужа: загрипповала. А Ира с шофером поехала на вокзал. Она долго и нежно прощалась с отцом. С тех пор они друг друга не видели. Никогда уже Игнатий Петрович не заглянет в детскую и не споеет младшей дочери колыбельную: «Пойду, пойду в лес за ягодкой земляничкой...» (Для Эльки у него было что-то



про косарей...) Никогда Ира не услышит его удивительный художественный свист... Хоть на сцене выступай!

Галина Алексеевна ждала мужа домой к восемнадцатому декабря, ко дню его рождения. Она тогда не знала, что НКВД хлебом не корми, но дай арестовать человека именно в праздник или накануне. Так и случилось: за Игнатием Петровичем пришли в Подсосенский переулок, в его небольшую московскую квартиру, как раз в ночь на восемнадцатое. Намекнула об этом по телефону Ганна, племянница мужа: что надо, дескать, срочно выезжать в Москву.

Галина Алексеевна заметалась по дому в ужасе, в полной растерянности. Потом забежала в спальню, схватила фотографию мужа, поставила ее на кровать, опустилась перед ней на колени и зашептала как безумная: «Милый, милый, что мне сделать для тебя?» И тут же, не вставая с коленей, дала Игнатию Петровичу клятву: никогда, никому, даже детям, не сказать «Милый». Галина Алексеевна эту клятву сдержала.

Немного придя в себя, она послала в «органы» с каким-то ерундовым вопросом секретаря мужа Павла Николаевича Андриевского. Там ответили: «Вот придет Калина, и мы решим». Но он все не ехал...

Тогда Галина Алексеевна, зная от Игнатия Петровича, что их завхоз — осведомитель, сказала при нем невзначай, что уезжает с детьми. Без подробностей. Она понимала: рано или поздно будет обыск. И предпочла, чтобы он состоялся здесь, в Минске, а не в Москве, где-нибудь на вокзале.

И точно! В ту же ночь в особняк пришли чекисты и все перевернули: как она узнала потом, искали радиостанцию. Затем долго описывали вещи, уникальную библиотеку мужа.

Как сохранился мраморный Посейдон, успокаивающий трезубцем волны, подаренный Игнатию Петровичу при расставании сенатом Данцига, копия фонтана, расположенного напротив Ландстага, музейная вещь, непонятно. Но тяжеленная статуэтка, пережившая обыски, описи, аресты, войну, эвакуацию, послевоенное лихолетье, когда нужна была любая копейка и все мало-мальски стоящее тащилось на барахолку, цела до сих пор.

Так и стоит бог-олимпиец, сын Кроноса и Реи, у Ирины Игнатьевны: антично-прекрасный, идеально сложенный, вселяющий надежды, позволяющий верить в мифы. Только вот трезубец, которым Посейдон управлял морями, куда-то делся... Выпал из мощной руки... Лишь замáх остался.

Как же хорошо помнит Ирина Игнатьевна ту ужасную ночь, когда в детской вдруг резко зажегся свет! (Потом яркой лампой, направленной в лицо, ее будет истязать Кононов.) Помнит большие мужские руки под собой, прощупывающие нижнюю перинку... Потом — верхнюю, служившую по немецкому обычаю одеялом... Галине Алексеевне почему-то не разрешили увести дочек из комнаты.

Ира притворилась спящей. Как и накануне, когда мама вошла ночью в детскую, села возле Элькиной кровати и тихо сказала ей, уже большой, одиннадцатилетней:

— Папу арестовали.

Ира в страхе натянула перинку на голову, отгораживаясь таким наивным способом от надвигавшейся на их семью беды: девочка сердцем понимала, что арест — это беда. И еще не хотелось огорчать

и без того расстроенную маму. Раз она ей не говорит, пусть уж считает, что младшая дочь ничего не слышала...

Хмурая зимняя Москва встретила Галину Алексеевну опечатанной квартирой. Хорошо, дочерей временно взяли в семью брата Игнатия Петровича, Станислава Петровича, юриста по образованию, заместителя председателя Моссовета, избежавшего, наверное, ареста только потому, что он успел умереть.

Пока звонила в НКВД, пока ждала официального представителя, который имел право взломать сургучные печати на дверях и впустить ее внутрь, прошел целый день. И никто из соседей, даже писатель-фантаст Палей, которому они без всякой платы разрешили жить и работать в этой квартире, не подошел к ней, сидящей на ступеньках, не предложил ни стул, ни чашку чая...

Сотрудник НКВД, впустивший наконец измученную Галину Алексеевну в дом, постарался ее по-своему утешить, увидев, как она рыдает: и из-за ареста мужа, и из-за того, что сделали с людьми, превратив их в трусов и подлецов:

— Не отчаивайтесь. Начинайте жить заново.

А Галина Алексеевна, оставшись одна, схватила в руки пижаму Игнатия Петровича и прижалась к ней лицом, вдыхая родной запах... Потом нашла в пепельнице окурки его папирос и взяла их, некурящая, губами: словно целовала мужа...

Днем она моталась по Москве, хотела найти Игнатия Петровича, что-то ему передать, сообщить — с семьей все в порядке. Но силы покидали ее, ведь каждую ночь сама ждала ареста и не спала до двух-трех часов. Дело дошло до обмороков. То ее вынесли без сознания из трамвая... То упала прямо на Лубянке, возле часового... А Галине Алексеевне в ту пору было всего тридцать два года!

Но, странное дело, именно в ночь на двадцать пятое января, когда за ней пришли, она рано уснула и очень крепко спала, будто сил набиралась впрок. Элька сдерживалась, не плакала, когда Галина Алексеевна собиралась. А девятилетняя Беби ревела как белуга, обхватив ее за ногу. Той уже надо было уходить, но девочка все не могла оторваться от матери. И тут один из тех, кто пришел за ней, сказал очень убедительно:

— Не плачь, мама завтра вернется!

И Ира, ободрившись, разжала руки. Но Галина Алексеевна вернулась лишь через год.

Кстати, снова о серьезности и точности снов в этой семье. Накануне освобождения Галине Алексеевне приснилось следующее. Группа женщин — и она, конечно, — гуляет по тюремному двору. Вдруг все видят, что идет... Ленин. С криком: «Гражданин начальник!» — все кидаются к нему. Владимир Ильич, сморщившись, поправляет их: «Я не «гражданин начальник», а «товарищ»... Сон явно обещал что-то хорошее. Так в конце концов и получилось.

Галину Алексеевну, как, оказывается, и мужа, увезли в Минск, на место совершения «преступления». Но и там они не встретились: не дали, совершенно сознательно. А тюрьма — это своеобразное заведение. Люди и к нему приноравливаются. Однажды в лазарете, где на короткое время оказалась Галина Алексеевна, заключенная из obsługi тихонько сказала ей:

— Вам — привет...



Та, разволновавшись, начала громко спрашивать, от кого привет, где этот человек, хотя поняла, что речь, конечно же, об Игнатии Петровиче. И женщина, испугавшись, тотчас ушла, ничего больше не добавив. Оставалось уповать лишь на полчасовые прогулки, на коротенькие слова, тайком выцарапанные где придется. Несколько раз Галина Алексеевна натыкалась на свое имя: «Гальяка!» Несколько раз ей удавалось написать: «Милый!»

Как-то в круглом дворе, разделенном на секторы, словно арбуз — на вертикальные ломти, Галина Алексеевна увидела внутри, на стене, написанный по-немецки текст: «Калина ин Кранкен Хауз гешто...» Последнее слово было не окончено: не успели доцарапать, видно, что-то помешало. Но и так стало ясно, что все кончено, надежды больше нет, раз «Калина в больнице умер»: «гешторбен»...

С тех пор Галина Алексеевна ко всему стала равнодушной. Даже протоколы подписывала не читая! Тем более что плохо видела. Лишь один раз вдруг решила посмотреть, что там все-таки назаписывал следователь. Ведь постоянно, почти год, твердила ему одно и то же: что ни муж, ни она никогда не работали против страны.

Боже, что с ним произошло... Обычно не слишком усердствовавший, не слишком ругавшийся, он, стоя у окна и отвернувшись от подследственной, матерился так, что Галина Алексеевна, удивленно подняв от бумаг глаза, привычно сощурившись, увидела — со спины! — как пылают его уши. И поняла причину: в каждом слове полуграмотного следователя было по несколько ошибок. Чекист, зная это, просто сгорал со стыда.

Вот такие люди в тридцать восьмом году вели дела... Может быть, именно он или ему подобный допрашивал и европейски образованного Калину... Ну, а бить, пытаться — так на это ни ума, ни интеллекта не надо!

Когда-то, точнее — почти двенадцать лет назад, примерно столько, сколько длилось ее счастье, Галину Алексеевну перевозили из Москвы в Минск. «Вести под прикрытием», — услышала она приказ относительно себя. И по неопытности поняла так, что ее в дороге чем-то накроют. Оказывается, с охраной. Теперь так же везли ее младшую дочь — Ирину. Ее Беби, Бебили...

Перед отправкой им дали свидание. Может, лучше и не давали бы? Народа — тьма: по одну сторону чугунной, с вертикальными прутьями, решетки — осужденные, по другую — родственники, посредине прохаживается охрана и следит, чтобы произносились только самые безобидные слова.

Ира сразу же выхватила из толпы прекрасное мамино лицо. Недаром оно постоянно мерещилось ей, даже в тюремном глазке... Галина Алексеевна, несмотря на плохое зрение, тоже мгновенно нашла взглядом Иру, бледную, осунувшуюся. Потом жестами, ударяя себя кулачком по лицу, спросила, не били ли дочь. Обрадовалась: не били. И тут Ира, перевернув справа налево фамилию Дорона, несколько раз произнесла слово «народ». Хоть и не совсем точно, но мама поймет. И та поняла.

Каким-то чудом Галина Алексеевна узнала телефон прокурора. А когда позвонила и представилась, он так испугался, что дальнейший разговор был бессмысленным. Наверное, собственные неприятности Дорона уже начинались...

## Райские яблочки

И вот она, птичка-невеличка, попавшая в клетку, пересекает не по своей воле великие просторы нашей необъятной Родины, как у нас то и дело писалось, и приближается к Куйбышеву: там ее ждет пересыльный пункт, там ждут ее удивительные встречи.

Где же скрестились их пути — Иры и Солженицына? Если ему никто не написал о судьбе девушки, когда Александр Исаевич готовил свой «Архипелаг», то это могло случиться лишь в Куйбышеве: только там оба были в одно время.

Обычно мужчины и женщины не общаются. Но в Куйбышеве, пока их гнали к тюрьме, на каком-то привале получилось так, что разные этапы и группы на короткое время соприкоснулись, то есть люди перебросились несколькими фразами — кто, откуда, куда следует...

Ирина Игнатьевна помнит, что к ней подходил какой-то пожилой, как тогда показалось, человек, что стал ее сочувственно расспрашивать. И немудрено! Женщин в их этапе было немного. А из этих немногих она заметно выделялась своим городским видом: никаких старушечьих платков, гордо поднятая голова, чудо-волосы... Вполне могло быть, что уже зревшее внутри Солженицына «писательство» толкнуло его к необычной арестантке и он запомнил ее — тоже необычные, рифмующиеся — имя и фамилию: Ирина Калина. Очень же просто!

Во всяком случае, через сорок лет в главе, где Александр Исаевич рассказывал об участии женщин в советских лагерях, мы смогли прочесть те самые строки: «Ну, какой товар привезли?»

Ведь заевшиеся, как говорится, от изобилия и разнообразия «товара» гулаговские бонзы были весьма привередливы. Но девушки, да еще такие симпатичные, даже после тюрьмы и тяжелой дороги, встречались не слишком часто. Поэтому Ира, на горе свое, была в центре внимания.

Тут, в Куйбышеве, ее сразу же выделил начальник пересыльной тюрьмы и немедленно вызвал... помыть пол в своем кабинете. Ира ползала перед ним на коленках, мусолила мокрой тряпкой паркет, а сама то и дело гладила маленького котенка, бродившего здесь же. Детский сад! Детский срок!

— Так, пол мыть вы не умеете... — сделал вывод начальник, понаблюдав, как скверно выполняет заключенная приказ. Но это его, видно, не огорчило, потому что он сразу же предложил Ире остаться тут: ей в тюрьме будет гораздо легче, чем в лагере, особенно на общих работах. Но Ира отрицательно замотала головой:

— Я получила направление, туда и поеду. — Она надеялась на встречу со своими «подельщиками»: куда уж теперь им друг от друга! И началось... Вернее, продолжилось... Еще в первый день по прибытии, когда Ира заученно отвечала на традиционный вопрос «Где родилась?», вдруг заволновалась какая-то группа мужчин, бывших неподалеку и улыхавших: «В Данциге». Оказалось — немцы.

Вскоре, но уже после безрезультатной встречи Иры с начальником Куйбышевской пересыльной тюрьмы, они начали стучать в стену ее камеры, приняв девушку за свою, желая что-то уточнить. Тотчас явились надзиратели и, не слушая никаких ириных объяснений, засунули «проvincишуся» в карцер.

Он был не таким ледником, как в Лефортове, но тоже ужасным. Да просто обидно получать несправедливое наказание — ни за что ни про



что! И Ира объявила голодовку: ничего не ела день, другой, третий... Даже слыша рядом вопли и черную ругань в свой адрес вечно несытых людей, умолявших отдать им пайку этой ..., раз она — добровольно! — отказывается от «приема пищи», не поддавалась соблазну.

Когда девушку выпустили из карцера, ей аккуратно выдали весь сбереженный для нее хлеб, и она завернула драгоценные кусочки в полотенчишко, которое брала с собой. Медленно идя, шатаясь от слабости, по тюремному двору впереди вооруженного охранника, Ира вдруг увидела, как в грузовик вместе с другими мужчинами залезает... Бахтырев.

— Кузьма! — закричала она и бросилась к грузовику. — Кузьма, подожди! — Откуда только силы взялись?

Солдат бухал сапогами сзади, с винтовкой наперевес, и вопил истошно: «Стой! Стрелять буду!» Но Ира не обращала на него никакого внимания. Толя уже стоял в машине и недоуменно вглядывался в приближающуюся к нему фигурку, бегущую с трудом, как во сне. А узнав, буквально просиял от счастья.

Но у них оставались лишь секунды: на какие-то междометия. Машина тронулась, и тут Ира, спохватившись, сунула худощемому «Кузьме» свой узелок: там были не съеденный ею хлеб, луковица и расческа. Лишь в камере она вспомнила, что бедный Толя был постижен наголо...

Через несколько дней и Ира двинулась в путь, чтобы в плоском, как стол, Степлаге позабыть свое имя: она стала человеком номер СХ-365. Отныне девушка должна была носить этот номер на спине, рукаве и юбке. Или брючине. Тряпица с цифрами, сделанными аккуратно, по трафарету, нашивалась в лагерной мастерской не на ткань, а на прямоугольную дырку. Если, задумав побег, спорешь номер, под ним будет пустота, и каждый бдительный человек узнает в тебе политкаторжанку.

Итак, после Куйбышевской пересылки Иру ждали Казахский Кингир с начальником Звериковым и Степлаг со Стадниковым. Интересно, это совпадение или все же знак судьбы, что оба эти человека носили такие фамилии? Судя по их поведению, в совпадение верится трудно.

Однажды, поздно вечером, когда Ира вернулась с работы из котлована, что заключенные рыли в Прибалхашье, она, не в силах ни переодеться, ни высушить мокрую и заскорузлую одежду, рухнула, в чем была, на нары и прикрыла в изнеможении глаза: ей уже больше не мешал никогда не выключавшийся свет. Она не замечала разговоров, не замечала возни около себя: будто в бездну провалилась. И вдруг страшный шум, голоса, взрывы хохота...

Ира открыла глаза. Рядом, почему-то в ее немногочисленных скромных вещичках, плясали и пели соседки по барaku: все из «придурков» или «фраеров», как еще называли тех, кто устроился в зоне на блатных местах и не ходил на общие работы.

Это был настоящий шабаш! Женщины, бесстыдно кривляясь, совершали хорошо понятные друг другу, но незнакомые девушке телодвижения, указывали пальцами на сакраментальное место, называя его пространственным матерным словом и в полный голос распевая сочиненную ими же песню про то, что «п...а» — это кормилица, что нечего ее беречь, а надо пользоваться случаем, чтобы хорошо жить...

Ира в ужасе смотрела на эту вакханалию, устроенную, конечно же, по велению свыше, иначе такой «номерок» в бараке никогда не прошел бы.

Но внешне никак не реагировала на самодеятельный концерт. Разочарованные тем, что Ира не взорвалась, что молчит, «артистки» побросали ее шмотки назад, в узелок, и отправились спать. А девушка, снова прикрыв глаза, невольно вспомнила то, что всеми силами старалась забыть.

...В первом ирином лагере, в Кингире, хозяином над всеми был Звериков. Он сразу же «положил глаз» на новенькую: без конца вызывал ее, беседовал... Опытные зэчки предупредили девушку, что ей суждено стать наложницей начальника.

Ира пришла в ужас. И, как только подвернулся этап в Степлаг, срочно записалась в него. Звериков пытался отговорить ее — там, мол, она пропадет, это страшное место, но Ира слушать его не захотела. И попала напрямик в руки... Стадникова, другого «гражданина начальника». Но до того...

До того ее все же настиг Звериков. Возможно, как теперь становится ясно, он уже считал девушку собственностью. Возможно, даже с кем-то расплатился за нее. Короче, однажды вечером за ней пришла надзирательница, куда-то молча повела, и Ира неожиданно оказалась в небольшой комнате с лавкой наедине со ... Звериковым.

Офицер запер дверь, выключил свет, быстро догола разделся и ловко посрывал все, что было на Ире. И тут вялая, усталая после непосильной работы девушка преобразилась, превратившись в настоящую тигрицу.

Сражение шло до утра: ни один из двоих не сдавался. Иногда обескураженный, неимоверно обозленный яростным сопротивлением Звериков отдыхал, устав от единоборства. Тогда чуть-чуть расслаблялась и Ира, правда, ни на секунду не теряя бдительности. Так что, когда Звериков вновь кидался на девушку, словно разъяренный бык на красное полотнище, она давала ему такой отпор, что здоровенный, откормленный офицер вновь брал «тайм-аут».

Пришла Ира в барак под утро. Все спали, лишь Тося Мальцева, подруга, бодрствовала в тревоге. Измученная девушка лаконично рассказала ей о случившемся. А вскоре ее пригласили в медкабинет, на обследование, и врач после осмотра доложил нескольким незнакомым встревоженным военным, что с Ирой все в порядке...

Стадников не пытался примитивно изнасиловать Иру. Однажды, застав ее где-то одну, он подошел внезапно и, ни слова не сказав, впился губами в ее губы. И снова скрытая пружина, мгновенно раскрутившись, выстрелила у Иры внутри: девушка больно схватила офицера за густые волосы на затылке — благо, руки были свободны — и с силой рванула голову назад.

Офицер, крепкий, статный, буквально оторопел. Потом безмолвно, лишь прищурив стальные миндалевидные глаза, резко повернулся, щелкнул каблуками сверкающих сапог и, чеканя шаг, вышел из помещения. Так Ира определила свою лагерную жизнь: вскоре она очутилась в штрафной бригаде бандеровки Юлии Радченко.

Интересный вывод сделала тогда девушка. Почему-то среди особо жестоких людей в лагерях оказалось много молодых и красивых. Вот такое странное сочетание... Недурен был Звериков. Просто хорош — Стадников. Прелестная молоденькая надзирательница с особым наслаждением надевала Ире, ни в чем не провинившейся, страшные американские наручники, которые от малейшего движения все глубже и глубже впивались в запястья, словно зубы пираньи...



А Радченко, которой в иное время и в ином месте можно бы просто залюбоваться, с удовольствием била Иру по щекам. Зэк — зэка! Но Юлия была бригадиром, значит, имела власть над людьми. А коли так... Тем более что эта «недотрога» (в заключении все быстро становится известно) не выполняла норму, которую, правда, и другие не выполнили бы.

Вот и поставила ее однажды Радченко на всю смену «под вышку»: в страшный мороз, по стойке «смирно». Шевельнется — часовые имеют право стрелять. Пусть еще скажет спасибо, что в одежде! А могла бы и раздеть.

Ира действительно плохо справлялась с заданиями. Но сказать, что она не хочет работать, — значит погрешить против истины.

Их возили на грузовиках очень далеко: отправлялись утром, даже в пургу, затемно, возвращались тоже в темноте. В ватных бушлатах, в толстых штанах, в ушанках и огромных, уже кем-то изношенных ботинках, натянутых на онучи, женщины плотно сидели в кузове, а в их расставленных ногах устраивался следующий ряд. Не пропадали ни один сантиметр площади!

Когда Ира первый раз попала в необозримую степь, она была потрясена открывшейся ей картиной: словно оказалась в каком-то фантастическом мире. Огромное пространство, обнесенное колючей проволокой, с вышками по углам... Холмы и карьеры, высвеченные мертвенным светом мощных прожекторов, будто поверхность Луны или Марса... И маленькие черные фигурки, копошащиеся на этой бесплодной, мрачной земле...

Если бы Ире тогда сказали, что она, вернувшись и вновь обретя желание жить, будет сниматься в фильме «Азлита» вместе с Лановым и Этушем, изображая марсианку, и, танцуя на просторной площадке таинственного города Соацера, застывать в изящных, грациозных позах, словно необыкновенные женщины с картин Боттичелли, сочла бы это за насмешку, за издевательство.

Ира тогда серьезно подумывала о самоубийстве и, если бы не письмо Галины Алексеевны, прочитавшей страшную мысль дочери даже на таком огромном расстоянии и написавшей ей, что тогда у нее не будет ни цели, ни смысла жизни, что-то предприняла бы в этом плане. Бросилась бы, очевидно, ночью в глубокий котлован с отвесными бетонными стенами... А — из-за мамы — пришлось смириться и стараться выжить, но не теряя, конечно, человеческого достоинства.

Много горя испытала девушка в хозяйстве Стадникова. Но всегда ей светила какая-то звезда над головой (может быть, тот самый Марс?), которая ее оберегала. Когда она впервые оказалась в степи и ей, отмерив огромный кусок твердой, как гранит, земли, дали в заледенелые руки кирку и велели ее долбить, Ира расплакалась от отчаяния: кирка даже не входила в грунт!

Тотчас к ней подошла пожилая украинка и начала утешать, оболаскивая ласковой, очень домашней украинской «мовой». Ира не знала языка, но отдельные слова, а главное, интонацию понимала: «Така гарна дивчинка... Донэчка малэнька...» Женщина гладила Иру, как ребенка, и успокаивала — что надо перетерпеть, что не надо плакать...

А те солдаты на вышке, когда Юлия, отхлестав девушку по щекам за то, что она была не в силах вытащить из мерзлоты тяжеленный отбойный молоток, поставила Иру на сорокаградусном морозе по стойке

«смирно»? Девушка, конечно, шевелилась, переступала с ноги на ногу, но охрана, сама буквально плакавшая от жгучего холода, не стреляла: делала вид, что не замечает.

А «Скорпион», суровая и крикливая надзирательница? Но на самом деле очень хорошая. И прикоснется тайком, сердечно, и незаметно поможет в чем-то, но чего-то — чего ей не надо видеть — не увидит. А шума внешнего от нее было ужас сколько!

Однажды Иру случайно обожгли горячим битумом: не в ведро, что она подставила, плеснули, а прямо в брезентовую рукавицу. Хорошо, что внутри была еще домашняя варежка, что все женщины кинулись на помощь, сразу вспомнив проверенное народное средство... В общем, спасли молодой художнице правую руку.

А как-то Иру и еще несколько человек отправили в казарму охранников: прибраться. Девушка мыла окна, когда один солдатик, совсем еще мальчик, подошел к ней и куда-то позвал. Ира, наученная уже горьким опытом, пошла неохотно. И все удивлялась, что вокруг никого нет.

Они долго блуждали какими-то ходами-переходами, так никого и не встретив, пока не оказались наконец в пустой кухне. Парнишка усадил Иру за стол, налил полную миску густого, наваристого борща и поставил перед ней. От давно забытого аромата у Иры закружилась голова. Но она, с трудом пересилив себя, сказала спокойно:

— Спасибо, я не хочу есть.

Это была очевидная ложь, солдатик прекрасно все видел. Но иначе поступить девушке не позволила фамильная гордость.

192 Даже у милейшего бригадира — из вольнонаемных — Надымова, который приносил ей из дома то бутерброды, а то и конфеты, вечно голодная Ира не сразу начала брать «гостинцы». Не собака же, чтобы из рук выхватывать! И человек быстро сообразил, что к чему: стал незаметно оставлять то одно, то другое возле девушки. Когда он уходил, тогда Ира ела. А при нем...

Так и в этот раз, с милым мальчиком — москвичом, как оказалось, — вышло не очень складно. Как же он, бедный, расстроился!

— Если бы вы знали, чего мне это стоило... — произнес огорченно.

Ира понимала сложность проделанной операции: ведь ему нужно было так договориться с товарищами, чтобы на всем пути им никто не встретился, чтобы никто не видел, что он ведет на военную кухню заключенную. Но ничего не могла с собой поделать.

Когда девушка уже заканчивала мыть окна и все остальные зэчки тоже справились со своей работой, солдатик принес Ире райских яблок, набив ими карманы. Их она взяла с благодарностью и тут же угостила женщин. В зону пронести — даже такой пустяк — нельзя, поэтому они вынуждены были съесть все яблоки прямо тут, в казарме.

До сих пор Ирина Игнатьевна помнит тот своеобразный сладкий вкус маленьких, с детский кулак, яблочек, медово-прозрачных, из которых варят варенье... Помнит того заботливого паренька, что по-братски пожалел ее, дистрофика, и хотел сытно накормить...

А потом был «венец ее жизни», как образно сказала мне эмоциональная Ирина Игнатьевна: встреча с Батеневым, практически спасшим ее, погибавшую от истощения на постоянном штрафном пайке. По зоне объявили, что к ним на несколько дней едет очень большое гулаговское начальство и что каждый может записаться на прием.



Ира теперь не обольщалась надеждами, не уповала на добрых «дядей» в гимнастерках. Легче было сделать себе «мастырку» (натереть специально ногу, обварить руку, чтобы не ходить за зону), чем найти правду и справедливость у лагерного руководства, не став — взамен — чьей-то наложницей... Они были, как оказалось, у всех! Даже у простой охраны! Чего же говорить о «чинах»?

Нет, ни за что не пошла бы Ира к Батеневу, если бы ее не допекла еще одна бригадирша, тоже из эзчек, но нетипичная: не молодая, красивая, а, наоборот, старая, уродливая, хоть и такая же, как те, жестокая. И, что удивительно, еврейка по национальности, для которой, вечно гонимой и угнетенной, такие вещи вроде бы нетипичны.

Ира тогда — летом, в страшную жару — откалывала от огромного валуна куски гранита и складывала их в тачку. Приставит длинную острую железяку к камню и бьет по ней кувалдой, которую просто удержать в руке едва может... Нароботает так, с колоссальным трудом, сколько-то и собирается везти неподъемную тачку в гору. А бригадирша тут как тут: мало, еще клади! Опять мало — добавляй!

И девушка поняла: все, ей конец. Последние силы ушли. Их и так было немного. А тут еще то БУР — барак усиленного режима, то карцер...

Когда Лебедев сажал Иру туда из-за Левы Премирова, тоже художника, с которым они ухитрились наладить переписку, то и дело перехватываемую начальником режима (мужская и женская зоны, хоть и на одном лагпункте, были строго изолированы), все было ясно: заключенным мужчинам и женщинам — политическим, естественно, — общаться было запрещено. Даже на духовной основе. Но вот когда девушка оказалась однажды в карцере без всякого проступка — это было непонятно. Лишь из удивленного возгласа надзирательницы («А ты что тут делаешь?»), поразившейся присутствию Иры в следственной камере, та поняла, что ей хотят «намотать» новый срок: типичное для лагеря дело.

Но кто-то, видно, за нее похлопотал, раз обошлось. Может быть, тот же Лебедев, не злой, в общем-то, человек. Сколько раз во время отсидки заходил он к Ире в карцер и требовал, чтобы она «порвала» с Премировым, хотя и рвать-то с сорокалетним Левой, потерявшим в северных лагерях от цинги все зубы, сыном расстрелянных родителей, было нечего.

— Он же вам в отцы годится! — убеждал Иру, съезжившуюся на нарах и поджавшую под себя ноги в носочках, Лебедев. — Дайте мне слово, что прекратите переписку, и выходите хоть сию минуту!

— Вам не понять, что это потребность души, — стояла на своем девушка. Кроме того, она не могла предать человека, видевшего ее лишь мельком, случайно, но для которого она стала смыслом жизни, который рисовал ее и для нее, который сочинил сказку про хрупкий Лазоревый цветок, выросший у проезжей дороги, несмотря на пыль и гарь: по ней сновали «тупорылые грузовики».

Лазоревый цветок — это, конечно, она, Ира Калина. Но вот когда во время шмона у нее нашли другую сказку Премирова — про маленького мальчика, боровшегося с драконом, — вот тут для них обоих все могло кончиться плохо.

...Обычно в барак врывались среди ночи, неожиданно, и начинали всех трясти: каждую вещичку, внимательно рассмотрев, брезгливо от-

швыривали в сторону. А Ире было невероятно стыдно, что пахнет парашей! Ей, а не им. Потом, перебрав личные вещи, выгоняли сонных женщин во двор и приказывали им, полуодетым, сесть на землю. В любую погоду. А сами уже более тщательно перерывали весь барак, все нары.

Так и нашли левину сказку, сопровождаемую, как обычно, рисунками: храбрый мальчик, размахивая саблей, отсекает у чудовища одну голову за другой. Но вдруг кому-то что-то показалось...

— Это намек на МГБ? — прицепились к Ире. — Это мы, по-вашему, «дракон»?

Еле тогда она переубедила сверхдвительных чекистов, ссылаясь на многочисленные фольклорные примеры. Вроде успокоились. Только вот начальник режима не отстает, но по другому поводу:

— Значит, не даёте мне слова порвать с Премировым? — И расстроенный Лебедев сочувственно погладил ирину ногу в детском носочке: до чего же упряма!

Пришлось девушке все-таки записаться к Батеневу: поняла, что с такой дистрофией и с такой работой не продержится. Когда она вошла в надзирательскую, где велся прием, начальник сидел за столом, положив голову на руки: пользовался, видно, паузой для отдыха. Иру поразила его шевелюра — светлые, слегка вьющиеся, как у Есенина, волосы. И лицо оказалось точь-в-точь, но лет на десять постарше. Удивительное сходство...

Лицо это потрясло девушку и другим — своим странным выражением. Когда Батенев поднял голову и взглянул на вошедшую, чувство изумления, которое мужчина испытал с первых же секунд, так и не исчезло с его «есенинского» лика до конца их долгого разговора.

Но как Батеневу, повидавшему сотни заключенных женщин — явно несчастных, ужасно одетых, в каких-то линялых платках и косынках, жалких и униженных, — было не изумиться? На пороге стояла гётевская Гретхен, этакая «цирлих-манирлих»...

Блестящие длинные волосы (Иру еще в тюрьме за страсть к мытью прозвали «Уточкой»). Нарядное платье из ткани «Пепита», в мелкую бело-голубую клетку; белая манишка, белый воротничок, поясок с пряжкой, перламутровые пуговицы (двоюродная сестра Ганна прислала платье из Австрии, где работала переводчицей, Галине Алексеевне, а та уже переправила его в лагерь).

Правда, номер и на платье пристрочен там, где ему надлежало быть. Но даже он, ей-богу, не портил впечатления! Иначе Батенев не сидел бы словно громом оглушенный... Потом, опомнившись, он вежливо предложил девушке стул около себя (обычно эзков сажали поодаль) и начал расспрашивать о семье, о ее «Деле», о том, каково ей тут.

— На этой работе я не выживу, — честно сказала Ира. — Стадников и его люди ненавидят интеллигенцию и все сделают, чтобы мы здесь перемерли.

— А чем вы хотели бы заняться?

— Я могла бы стать нормировщицей, — призналась Ира. И подумала: если бы с этим вышло, она взяла бы к себе всех своих девчонок. Тех, конечно, что так же, как и она, не продавались за тепленькие местечки.

— Это сложная работа, — задумчиво произнес Батенев. — Придется кое-что изучить. Напишите-ка в Москву, чтобы вам прислали специаль-



ное пособие: есть такое. Ну, и на месте подучитесь... А потом придет опыт.

Они много, будто ровня, разговаривали: о жизни, о музыке, о живописи. И вдруг Батенев спросил:

— Вам хоть немного стало легче?

А потом предложил:

— Я могу переправить вашей маме письмо.

Но Ира твердо отказалась, хотя имела право писать лишь два раза в год: она не хотела никаких привилегий. И еще раз девушка сказала «нет» своему могущественному собеседнику. Когда он — по-доброму так, неназойливо, намеками, но Ира поняла, о чем речь, — попросил ее «помогать» ему в работе. Она отказалась это делать в пятнадцать лет. Отказалась и теперь, став взрослой.

— Мы здесь все в одинаковых условиях, все равны, и поэтому я даже в заключении хочу быть такой же, какой была на свободе.

Вот тогда-то Батенев сказал ей то, что Ирина Игнатьевна помнит до сих пор, считая те слова и те минуты «венцом жизни».

— Я десять лет работаю в системе лагерей. Но никогда не встречал такого честного человека, как вы!

Это свидание, посланное Ире той же звездой, что неизменно оберегает ее и поддерживает в самые критические мгновения, спасло девушку от гибели: мало что ли зэков сгнило в лагерях?

...Их выстроили как-то зимой во дворе, открыли ворота, и несколько охранников приволокли что-то на веревках, бросив перед женщинами. Вгляделись: совершенно голый мертвый мужчина. И тут кто-то из военных стал колоть очоженевшее тело штыком. Под страшные звуки хруста костей и треска раздираемого сталью ледяного мяса (а это был чей-то сын, чей-то муж!) лагерь наполнился женским плачем и стонами. Но все перекрыл сиплый мужской голос:

— И так будет с каждым, кто вздумает бежать!

Ранней весной пятьдесят третьего, вскоре после смерти Сталина, Галина Алексеевна сообщила Ире, что вдруг, как огнем, вспыхнула ее любимая — засохшая было — красная герань. И сделала осторожный вывод: наступают хорошие времена. И оказалась права: семнадцатого апреля Иру, подпавшую под амнистию, выпустили из лагеря. Сбылся вечий сон: прошло ровно четыре года.

Девушка, конечно, была счастлива, но она и не предполагала, что расставание станет таким тяжелым.

...И снова все стояли во дворе. И снова открылись ворота, чтобы пропустить на волю всего двух женщин: Иру и молодую баптистку, тоже амнистированную, которая ни дня не трудилась в лагере.

— Я не могу работать на нечистую силу! — терпеливо объясняла она всем. Так ничего и не сумели с ней поделать, хотя неоднократно истязали карцером.

Женщины стояли молча, пристально глядя вслед двум отделившимся от строя фигурам. А когда ворота стали закрываться за ними, не выдержали: завыли, закричали... Сердце у Иры чуть не разорвалось тогда от сострадания, в этот первый миг свободы. А потом бальзамом на него легли воспоминания о словах «Черного ворона» — заключенной, водившей других женщин к начальству: такая у нее была работа. Узнав, что Ира освобождается, она сказала ей:

— Я тебя очень уважаю. И ты знаешь, за что.

## Клиническая смерть, но не эпилепс

— Ну, с Богом! — закончив мысленную молитву, тихо сказал профессор Юдин, племянник того знаменитого Юдина, академика, тоже арестовывавшегося, и отвернулся от окна. Больная уже спала на столе под наркозом, значит, можно было начинать операцию.

Но Ирина Игнатьевна, оказывается, спала не так глубоко, как следовало бы. Поэтому от первого же прикосновения скальпеля она... умерла. Точнее, оказалась между небом и землей, как мы часто говорим. Между жизнью и смертью, когда душа расстается с телом.

Анестезиологи, услышав хрип и увидев, что женщина сначала стала желтой, а потом белой, как бумага, начали ее реанимировать. А профессор, не останавливаясь, продолжал операцию, надеясь на мастерство коллег. И они справились с ситуацией, «запустив» сердце через две минуты, не ведая, что звезда, сиявшая над головой новорожденной девочки в тот далекий «Касьянов день», в вольном городе Данциге, вновь спасла Ирину Игнатьевну.

Когда пациентка отошла от наркоза и чуть-чуть стала соображать, к ней под разными предлогами начали приходить в палату медики и задавать один и тот же вопрос: помнит ли она, что с ней было в течение этих двух роковых минут? Но она всем говорила, что не помнит, что ничего особенного не произошло — просто спала. Говорила неправду. Все равно ведь не поверили бы ее рассказу!

Вот когда Ирина Игнатьевна однажды тонула в реке Березине, в Белоруссии, когда лодка, перевернувшись, накрыла ее, у нее не перед глазами, как обычно говорят — перед ее открытыми в ужасе глазами была лишь мутная зеленая вода, — а скорее в мозгу промелькнула целая жизнь, лучшая ее часть. Будто на бешеной скорости цветной фильм показали: ей — про нее. Раньше считала, что это слова, литературный штамп. И оказалась не права. Вот об этом феномене она могла бы рассказать медикам. Но заинтересует ли он их? Как повстречалась (и попрощалась) со столькими людьми?

И с папой — таким живым, таким ласковым... И с мамой... Вот она — душистая, со сверкающей диадемой в волосах: начинался правительственный прием с балом — заходит в детскую, чтобы поцеловать девочек на ночь... И с юным Фрэдом... И с Володей Товаченко, тоже снимавшимся в «Аэлите» и подарившим ей ее оригинальный портрет... Ира, в облегающем точеную фигурку черном платье, отвернулась от зрителя, а сзади у нее два крыла: одно — бабочки, которая всегда обжигается, летя на яркий свет, другое — мудрой, осторожной летучей мыши... И с удивительным человеком — Зинаидой Васильевной Белых — еще раз пообщалась... Работая в комитете партийного контроля, она восстанавливала в партии реабилитированного Игнатия Петровича. А потом стала большим другом всей его семьи.

Может быть, если бы Ирина Игнатьевна знала, кто реабилитировал — без всяких просьб и заявлений — ее саму первого октября пятьдесят четвертого года (и тут номер: «Р-24896»!), эти люди тоже как-то всплыли бы в ее угасавшем сознании? Но она этого, увы, не знала.

Справку о том, что Ира ни в чем не виновата, ей принесли прямо на занятия в Ленинградское высшее художественное училище имени Мухомовой, с которым слился ее бывший институт и куда Ира поступила, вернувшись из лагеря. Как же она плакала над ней, окропив ее слезами... А ребята, ничего не понимая, утешали: «Все же хорошо! Ты же оправдана!»

«А изуродованная молодость? — хотелось спросить Ире. — А вечное



клеймо каторжанки, которое не смоешь?» Ира в этом почему-то не сомневалась. Да ребята и сами хорошо знали про недавний случай.

...Пропало в общежитии керамическое блюдо, которое сделала одна из девочек. Оно быстро было найдено в чемодане другой: вместе с женихом эта смазливая девчонка сбывала краденое у подруг. Так, когда к ней подступились с вопросом, она, не стесняясь, потому что не знала, что пропала уже найдена, нагло заявила:

— Это Ира Калина украли — она же в тюрьме за воровство сидела!

Даже после того, как девчонки отлупили мерзавку, на душе Иры легче не стало. Какой с нее, юной дуры, спрос, если даже народный художник СССР, известный скульптор, к тому же женщина, сказала об Ире, сдавшей все экзамены в «Строгановку»:

— Зачем мы будем принимать антисоветские элементы, когда у нас так много честной советской молодежи?

Екатерина Федоровна Белашова, член-корреспондент Академии художеств, лауреат Государственной премии, член институтской приемной комиссии, не слишком отличалась во взглядах от заводской мойщицы машин, по соседству с которой после окончания Мухинского училища и возвращения в Москву получила комнату молодая художница. Так вот, эта Елизавета Акимовна, уже хорошо узнав Ирину Игнатьевну, с необыкновенным рвением, по-родственному опекавшую двух ее дочек, все же с сомнением покачивала головой, когда речь заходила о репрессиях:

— У нас невиновных не тягают... Вот меня же куда не тягали?

Ну, что такому человеку — и всем подобным — возразить, если мимо них прошла, не задев ни сердце, ни ум, трагедия целой страны? Рассказать поподробнее про свою собственную судьбу? Или про Феликса Карелина, вынужденного, доказывая, что он не стукач, убить в лагере заключенного, получить новые десять лет и пять — поражение в правах, будучи вскоре оправданным «по прежнему делу (по ОСО) за отсутствием состава преступления», а позже стать... священником?

Или поведать про «Кузьму» — про Толю Бахтырева, который в лагере был тише воды, ниже травы, к удивлению отчаянной Иры, а потом, уже на свободе, не захотевшего жить и отравившегося? На его несчастье, Иван Кононов, покинувший отнюдь не по своему желанию чехистские ряды, переброшенный в милицию, оказался в одном с Толей районе, в одном отделении. И, видно, чем-то шантажировал чувствительного, с ранимой психикой человека: Бахтырев как-то намекнул Ире на это... Вскоре его не стало. А Олег Гер с его изувеченной жизнью, исковерканной любовью? А медленно сгоравший от туберкулеза Саша Александров, арестованный в один день с Ирой? Несмотря на «астеническое телосложение» и на «сухие хрипы» в легких, на «анемию», в его справке из тюремной больницы написано: «Трудоспособен».

И поехал мальчишка со своими восемью годами вместо хорошей клиники в лагерь, спасибо, хоть в обычный. А потом оказался на Волгодонстрое, в Калачевском ИТЛ. Наверное, именно там Саше стало совсем плохо, и ему сделали искусственный пневмоторакс правого легкого, поспешив сообщить об этом в Москву. Это — уже в июле пятьдесят четвертого, когда давно не было Сталина и даже с Берией разобрались!

Вот так у нас — «не тягают невиновных»... «Тягают». Да еще как. Что потом даже на воле жить невозможно.

Нет, это все не заинтересует, конечно, медиков. Им нужно совсем другое: что было с Ириной Игнатьевной в те две минуты, когда остановилось ее сердце. Но она им так и не призналась. А было вот что.

...В полной тишине, в кромешном мраке, в общем, в небытии наркоза,

раздался чей-то хрип (оказалось — ее собственный, предсмертный), и громкий мужской голос отчетливо произнес:

— Ты стесняешься своей веры. Если ты три раза не скажешь: «Господи, я верую в тебя!» — то сейчас умрешь.

И Ирина Игнатьевна изо всех сил, как ей показалось, закричала: — Я верую! Я верую! Я верую!

И тут же, к радости врачей, вновь забилось ее сердце.

Ирина Игнатьевна действительно верила в Нечто, именуемое в просторечии Богом. Иначе не окрестилась бы в уже весьма зрелом возрасте. Но, ложась на операционный стол, почему-то сняла с себя нательный крест и стыдливо засунула его за ремешок часов.

Наверное, и против крестика не возражали бы! Но Ирина Игнатьевна, несмотря на свое благочестие, которое, к ее удивлению, не раз замечала совершенно посторонние люди, застенялась его. И была наказана.

А она толком даже и не знает, что под этим подразумевается. Зато все знает про свою любимую... линию. Сколько та приносит волнения, тревоги, удовлетворения. Просто ли ведешь угольком или мягким карандашом по ватману... Мнешь ли глину, ощущая под пальцами текучесть формы... Кладешь ли первый акварельный мазок на волглую бумагу... Все — истинная страсть. До жара. До экстаза. Как в любви!

Художник декоративно-прикладного искусства — Ирина Игнатьевна окончила отделение по обработке металла, она к тому же прекрасный живописец, удивительно видящий цвет. Недаром всегда приходила на помощь сокурсникам, просившим ее: «А ну-ка, Ира, ударь цветом!»

А линия? Ирина Игнатьевна видит ее везде: в человеке, в природе, в предмете. Даже в лягушке с «грациозными лапками». Даже в мрачной тюремной решетке. Мир состоит из линий: тяжелых, изящных, трагичных, поющих...

Та необычная женщина, в Сочи, окруженная черными кошками, типичная «колдунья» (тогда не были в ходу такие термины, как «экстрасенс», «хиромант», «астролог»), изучая ладонь Ирины Игнатьевны, воскликнула:

— Вас хотели убить! Но не убили... Теперь вы должны торжествовать. Вы должны быть над всеми.

Помолчала, пристально рассматривая паутинки линий на руке посетительницы. Потом четко рассказала Ирине Игнатьевне обо всех этапах ее жизни:

— Ваши страдания начались примерно в двадцать лет и длились лет пять...

«Они длятся всю жизнь!» — хотелось поправить женщину Ирине Игнатьевне. Это несмотря на веселый нрав и неизбывный оптимизм. Один знакомый сказал про нее: «Сначала появляется улыбка, потом Калина». И все же в ее словах-мыслях много горькой правды. Двадцатилетние девчонки влюблялись, выходили замуж, рожали детей — самый же возраст! — а она сидела в тюрьме, вкалывала за колючей проволокой. А затем, уже на свободе, то догоняла своих ровесниц, то перегоняла. Прямо как смешной Простак из диснеевской «Белоснежки», который никак не мог попасть в ногу с остальными гномами...

Потом «колдунья» сказала то, о чем догадывалась сама Ирина Игнатьевна и что подтвердили годы:

— Линия вашей судьбы не совпадает с линией жизни.

Увы, это так: на скрижалях было начертано одно, в реальности, в нашей советской реальности, происходило совсем другое.

Но если такое «раздвоение», не от нее зависящее, Ирина Игнатьевна не в силах преодолеть, то соединить линию судьбы, творческую линию



с линией поведения ей вполне доступно, что она постоянно и делает. В «Мемориале» тоже, неумоимо рассказывая о своей семье, в которой из четырех человек было репрессировано трое.

Но и он не вся жизнь Ирины Игнатъевны, девочки, которая боялась потеряться и, точно, не уберечься, исчезла на несколько лет из нормальной жизни.

Зато потом она уже ничего не боялась — ни голода, ни холода: все мерила тюрьмой, на все смотрела через тюрьму. Что может быть страшнее несвободы? Что еще способно огорчить или испугать? Так благодаря ГУЛАГу Ирина Игнатъевна стала бесстрашным человеком.

Она, долго не думая, взялась за непосильную для женщины работу: с железом, например. (Хотя что это в сравнении с кувалдой или отбойным молотком?) Одно из ее любимых детищ — каминный экран, в центре которого, подсвеченная пламенем дров, сидит совсем живая сова. Как хотел заполнить ту решетку очень большой руководитель! Художнице сказали об этом, намекнув, что тогда изменится вся ее жизнь: сразу же в МОСХ примут.

Но Ирина Игнатъевна снова категорически сказала «нет». Как говорила уже много раз: она никогда не улучшала и не облегчала свою жизнь таким образом. И не собирается изменять этой линии своей жизни.

Вернувшись после учебы из Ленинграда в Москву, она очень увлеклась спортом (надо было поправлять здоровье) и хорошо наладила его в комбинате прикладного искусства художественного фонда РСФСР, где стала работать. Его спортсмены — спартаковцы — всегда участвовали в парадах на Красной площади, а Ирина Игнатъевна, председатель совета физкультуры, постоянно была правофланговой.

И вот однажды она увидела свой портрет, во весь рост, сделанный фотокорреспондентом Длугачем, в витрине АПН. В красном спортивном костюме, в шапочке с помпоном, Ира победно держала над головой наш спутник с пучком антенн. Интересно, что бы сказали на это Звериков и Стадников? Или Иван Кононов, входящий в сделанный мной список из двадцати двух человек (посчитала, не поленилась), так или иначе «тягавших» Ирину Игнатъевну?

Именно столько людей были причастны к ее аресту, следствию, содержанию в тюрьмах. Кто-то обыскивал... Кто-то допрашивал... Кто-то «утверждал» и «соглашался»... И так далее. От министра до канцеляриста, до самых мелких сошек, но тоже оставивших свои подписи в «Деле». Она одна. А их двадцать два! И все — мужики...

Но вынесла. «Не скурвилась» — думаю, здесь позволительно употребить вполне уместное для темы выражение. Зная о вихрящихся вокруг Калины — моложавой, яркой, состоявшейся наперекор всему и в творческом плане — сплетнях, я с особым тщанием анализировала ее «Дело», все официальные бумаги, малейшие изгибы ее пути. И утверждаю: она действительно сохранила душу и тело в чистоте. Лазоревый цветок Левы Премирова, к которому не пристала никакая грязь!

А главное, сохранила удивительную способность радоваться каждому дню, подарку судьбы, пусть и не совпадающей у нее с жизнью, и радовать других. Тоненькая инопланетянка, в прозрачной, развевающейся на ветру тунике, с трогательным хвостиком волос, торчащим на темени в золотом цилиндрике...

— Надо вон ту марсианочку украсть! — шутили актеры на съемках «Азлиты», наблюдая, как самозабвенно танцует молодая женщина на площади придуманного Алексеем Толстым города Соацера.

Но с этим могли бы справиться лишь два человека: капитаны Копцов и Моисеев. Которые — с другой планеты, с другой площади... Простым смертным увести Ирину Калину против ее желания не было дано.



Коллаж АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

# Николай и „Блажь“

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН





## РУССКИЕ РОКЕРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Наверное, нет ни одной отечественной рок-группы, которая не хотела бы отправиться на гастроли за рубеж и добиться там успеха. И это вполне естественно: если певец или ансамбль популярен у нас, то удача за границей только упрочит его позиции дома; если дома такой популярности пока нет, но удастся приобрести ее там, то она рикошетом вернется сюда. Кроме того, гастроли за рубежом почти всегда позволяют поправить материальное положение, что, в свою очередь, дает возможность предпринять новую попытку сказать свое слово на Родине — оплатить, например, запись альбома в студии, снять видеоклип.

Чтобы осуществить такой вояж, наши ребята бьются изо всех сил. Чего только не предпринимают, на какие только варианты не соглашаются! И действительно, в последние годы выезжать удается многим. Едут, например, по частным приглашениям — вроде бы отдохнуть, в гости, но на самом деле — работают, играют в «клубах» и «пабах», на студенческих вечеринках или просто на улице.

Известно, что рок-фестивали на Западе не редкость. Не редкость и любые другие «мероприятия», включающие в себя «культурную программу». А когда состоятельные господа гуляют, на столе должно быть все — даже то, чего, может быть, и есть никто не станет. Почему бы для полноты ассортимента не пригласить еще и какой-нибудь коллектив из страны, где теперь модные «гласност энд пэрэстрой-ка»?

В качестве гонораров многие наши музыканты получают крышу над головой и «карманные деньги», которых, по западным меркам, должно хватить лишь на всякие необходимые цивилизованному че-

ловеку мелочи. Однако если к предстоящим зарубежным «гастролям» подготовиться «серьезно» (взять с собой туда что-нибудь из продуктов, прихватить что-то на продажу), то оттуда можно вернуться, например, с новой гитарой или с видеомэгнитофоном.

Короче говоря, восторженные рассказы о «триумфальном шествии» советских рок-музыкантов по концертным площадкам Запада — это не более чем «устное народное творчество», или, попросту говоря, «художественный свист». Мало кому из музыкантов удастся заявить о себе за рубежом всерьез. В лучшем случае группа выпускает за границей одну-единственную пластинку, которая расходуется чисто символическим тиражом и остается практически незамеченной западной публикой.

## РЕДКОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Исключения из этого правила случаются крайне редко. Удача сопутствовала американской пластинке Бориса Гребенщикова, но наибольший успех выпал на долю московской группы «ПАРК ГОРЬКОГО». Она действительно сумела отвоевать себе местечко на международной рок-сцене. Дебютный альбом этой группы, выпущенный в США, поднимался до 80-го места в списке 200 лучших альбомов авторитетного музыкального еженедельника «Биллборд». А песня «Бэнг» с этой пластинки даже вошла в пятерку хитов «Эм Ти Ви». В Дании диск разошелся «золотым» тиражом, а «Бэнг» вообще стала там «Песней года».

## «БЛАЖЬ» НИКОЛАЯ

Известие о том, что «Бэнг» удостоилась сего титула, догнало Николая Носкова — ведущего вока-



листа «Парка Горького» и автора музыки этой песни — уже в Москве. Да, он оставил группу и вернулся домой, чтобы начать все сначала. Ну чем не «блажь»?

Стас Намин, который четыре года назад явился инициатором создания «Парка Горького», публично призывал Николая одуматься и вернуться в группу. А Николай Носков тем временем уже работал над новыми песнями с новыми музыкантами. К нему присоединились гитарист Дмитрий Четвергов, клавишник Алексей Берестовский, басист Валентин Лезов и барабанщик Андрей Шатуновский. Те, кто хоть иногда обращает внимание на имена музыкантов, играющих в понравившихся группах, согласятся, что команду Николай Носков набрал сильную и от нее можно ожидать многого. Каждый из пятерых имеет уже солидный опыт работы на сцене и в студии.

Новая группа «НИКОЛАЙ 'Н' БЛАЖЬ» дебютировала на московском фестивале «Звезды «Ботшоу-91», где показала четыре песни на английском языке.

— У нас, в Советском Союзе, некоторые независимые фирмы предлагали мне записать все песни на русском языке, — рассказывал Николай в один из фестивальных дней. — Но проблема состоит в том, что если петь на русском, то всю мелодику нужно писать специально для русского языка. Я пою на английском не потому, что опять решил ехать в Америку. Я считаю, эту музыку нужно петь на английском. А если кто-то не понимает по-английски... что ж, пусть учит. (Смеется.) Вот такая ситуация.

## АМЕРИКАНСКИЙ КОНТРАКТ

— Николай, какова ситуация с «Парком Горького»? Что случилось?

— Уход из группы — страшный период. Положить три года на группу... А вообще-то я знал, что рано или поздно так должно произойти. С гитаристом Алексеем Беловым у нас все время был какой-то легкий неконтакт. (Напомню, что Николай Носков и Алексей Белов работали вместе еще до «Парка Горького» — в группе «Москва». — А. З.) Но переговоры продолжались. В конце концов я согласился. Записали пластинку — получилось хорошо. А потом этот «неконтакт» вырос в большого «монстра», и я ушел из группы. Есть и другая причина. Ребята хотели сидеть в Штатах во что бы то ни стало — получается что-то или нет. А я хочу творчески работать.

— У вас возникали проблемы с работой в Америке?

— В Америке у нас был только один тур, и мы не выступали на больших концертных площадках. На стадионах мы могли бы выступать только в качестве «разогревающего» состава — перед какой-нибудь очень известной группой. Но и этого добиться не просто. За то, чтобы играть в Америке вместе с «Роллинг стоунз» во время их последнего турне, была настоящая драка. Доходило до взаимных публичных оскорблений между претендентами. За право играть бились такие известные уже группы, как, например, «Ганз 'н' роузис».

— А в Европе?

— В Европе — другое дело! Там мы выступали в качестве «хэдлайнеров».

— А как же контракт с фирмой «Полиграм рекордз»? В одном из советских журналов я, помню, читал, что у «Парка Горького» заключен с ней контракт сроком на восемь лет.

— Ну, что ты?! Ни одна фирма не заключает такие продолжительные контракты с новой группой.

Он обычно заключается на выпуск двух альбомов. Затем контракт может быть продлен, но может быть и расторгнут раньше срока по инициативе фирмы. Когда я ушел из «Парка Горького», фирма «Полигрэм» расторгла контракт.

— *Что же теперь делает «Парк Горького»?*

— Они заключили контракт с какой-то японской фирмой, но ее даже нельзя сравнить с «Полигрэм рекордз». «Полигрэм» — могущественнейшая фирма!

(По количеству выпускаемых альбомов фирма «Полигрэм» занимает 3-е место в мире, а по выпуску «синглов» — второе. — А. З.)

— *«Парк Горького» нашел другого вокалиста?*

— Нет. Теперь поет басист.

— *Будут ли отличаться твои новые песни от тех, которые исполняла группа «Парк Горького»?*

— Да, это будет другая музыка.

Хочется использовать новые краски в рок-н-рольной музыке. Аранжировки мы делали втроем — с Четверговым и Берестовским, включили женские голоса — на подпевки. Записываться здесь, конечно, труднее, чем в Америке, но скоро альбом будет готов. Стихи для песен написал Карен Кавалерян.

## БИЗНЕС И ТВОРЧЕСТВО

Из всех когда-либо существовавших советских рок-групп «Парк Горького» — самая известная за рубежом. На сегодняшний день «Парк Горького» для нашей страны — то же самое, что группа «Скорпионс» для Германии, если их оценивать с точки зрения международного успеха. Поэтому как менеджера Стаса Намина можно понять. То, что Николай Носков покинул группу по собственной

инициативе, представляется нелепым шагом. Но настоящему творческому человеку известно и другое. Бывают такие моменты, когда не лежит душа что-то делать через силу. На эту тему, по-моему, хорошо высказался гитарист Дмитрий Четвергов, у которого я брал интервью на следующий день после разговора с Николаем Носковым.

— Я видел много музыкантов. Одни занимаются музыкой в первую очередь ради «срывания бабок» и приобретения успеха у женщин. Для других музыка — это все! Когда я приехал к Носкову — нас познакомил Карен Кавалерян, — я увидел человека, живущего в музыке, отрешенного от реальной жизни, и это для меня главное. Я решил работать с ним, как бы ни складывались дела, и ушел из группы «Кураж».

(«Кураж» — последняя, но далеко не единственная группа, в которой играл Дмитрий. Лет пять назад я писал статью для чешского журнала «Мелодия» о московском квартете «Квадро». Это была первая профессиональная группа Дмитрия Четвергова, но уже тогда он входил в пятерку лучших гитаристов хит-парада, проводимого газетой «Московский комсомолец». Затем Дмитрий играл в группах «Дюна-1», «Примус», «Красное и черное», сотрудничал с Ольгой Кормухиной, Сергеем Минаевым. В качестве студийного музыканта записал несколько гитарных партий для «Машины времени», Вадима Усланова и других.)

— Во время поездки в Австрию в составе группы «Кураж», — продолжал Дмитрий, — я услышал, как играют уличные музыканты, увидел работу настоящих суперзвезд.

Сравнил это с тем, что происходит в нашей стране, и решил, что мне надо изменить свою жизнь в корне и начать все с нуля. И мы



начали работать вместе с Носковым. Сочиняли и делали аранжировки на протяжении трех с половиной месяцев... «Блажь» — старое русское слово, которое многие забыли. Это емко, лаконично. Хорошее название для группы:

(Блажь — нелепая причуда, дурь. Словарь русского языка С. И. Ожегова.)

К тому моменту, когда этот номер «Смены» выйдет в свет, группа Николая Носкова, по всей видимости, будет находиться в Америке или в Европе, поскольку интерес к ней уже проявили крупные фирмы грамзаписи. И можно предположить, что добьется не меньшего успеха, чем «Парк Горького».

**ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ**

**с 1993 ГОДА**

*Малое коммерческое предприятие*

**«АКАДЕМИЯ»**

**НАЧИНАЕТ ВЫПУСК**

**300** *ТОМНОЙ*

**БИБЛИОТЕКИ ФАНТАСТИКИ.**

**Все книги — в твердых переплетках, с иллюстрациями.**

Если вы оформите предоплату (задаток) за подписку в первом квартале 1992 года, то она составит всего 24 рубля, во втором — уже 49, в третьем — 74, а в четвертом — 99 рублей. Мы думаем, вы сами решите, когда вам выгоднее подписаться.

Первый том выйдет в январе 1993 года.

Деньги необходимо перечислить на р/с 000161402/46811 в областном отделении Госбанка г. Николаева МФО 326450, а также выслать заявку и копию квитанции (можно написанную от руки) по адресу: 327008, г. Николаев, а/я 705.

Книги будут высылаться налоговым платежом. Цена каждого тома — в два-три раза ниже рыночной. Ежегодно подписчик будет получать 40 томов.

**МКП «АКАДЕМИЯ» —**

**ЭТО КАЧЕСТВО ИЗДАНИЙ  
И БЫСТРОТА ИСПОЛНЕНИЯ,  
А ТАКЖЕ САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ!**

# ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Жизнь — чертово колесо?

Г Зекам помогут верующие

Г «Что знаете вы о любви?»

Г Моя мама умерла, когда мне было четырнадцать. Отец нас, детей, страшно бил. Сейчас даже не пересчитать, сколько палок переломалось о нас; однажды даже швабру о мою голову сломал. Да, да, бывают и такие папаши. После маминой смерти он начал «ухаживать» за мной, а однажды предложил постель. Хорошо хоть, не дошло до изнасилования. Не прошло и года после маминой смерти, а он уже женился. Ну, естественно, мачеха нас ненавидела. Я дома все делала — стирала, убирала, готовила, растила ее новорожденную. Из дома я убежала неоднократно, жила у знакомых, через два-три дня приходила домой, отец просил прощения, и все шло по-старому. На мамином кладбище ни разу не была, хотя уже четыре года ее нет. В шестнадцать лет уехала из Баку, закончила училище в Москве и стала отработывать в области. Потом пошло-поехало. Нас с подругой изнасиловали. Это случилось в пасхальную ночь: насильники еще и на крестный ход ходили. Подругу мучили меньше, а я симпатичная, меня раза четыре по кругу пускали. Для меня это было ужасно. Как жить дальше? Я одинока со своими страшными мыслями. Конечно, если жить по принципу: дискотека, выпивка, кино,

то у меня появится много друзей, но... Но это не для меня. Мне восемнадцать, и, как ни странно, эти развлечения меня не интересуют. Пока искала работу, голодала; месяца два фактически ничего не ела — только чай, супари, вода. Наши уважаемые тетушки и бабушки спрашивают: «Откуда берутся проститутки, хулиганы и т. д.?» Перечитайте-ка мое письмо, вот вам и ответ. Правда, я не стала проституткой. У меня, наверное, все-таки сила воли большая, раз я не пала в моем-то положении, без родных, без друзей, без денег, без еды. Я просто одинокая девушка, всех боюсь, всех ненавижу. Теперь работаю, читаю книжки, никуда не хожу, думаю о жизни: вот ребятишки становятся взрослыми, выходят замуж, женятся; у них появляются дети, папаши со временем становятся пьяницами, а мамыши идут на подработки. Бабушки тоже работают, чтоб пенсия побольше была, потому что знают — дети и внуки помогут им не будут. Значит, взрослые на работе, а кто детей воспитывает? Да никто. Так и вырастают бездельники, хулиганы, проститутки...

У меня есть мечта — выступить по телевизору. Я бы сказала обо всем этом, и об одиноче-



стве, и о том, как должны люди относиться друг к другу, чтобы жизнь наша была просто человеческой.

**КРИСТИНА,  
Электросталь  
Московской области**

Прочитала статью С. Баймухаметова «Путешествие из Екатеринбурга в Москву» («Смена» № 9 — 1991) и неожиданно для себя почувствовала неприязнь к многострадальному герою. Хотя ситуации, в которые попадал Н. Н., до боли знакомы и прочувствованы на собственной шкуре. Наглость, хамство в гостиницах, на вокзалах, в поездах — все это описано абсолютно правдиво. Но мне жаль не интеллигентного ученого из Москвы, а себя и многих никому не известных людей с периферии. Уж если мы попадем в Москву, то столица не осчастливит нас даже «пеналом с умывальником». Мы с мужем немало поездили по стране, и везде одно и то же. И я не представляю, что может быть иначе. Видно, рабские, привычка безропотно сносить унижения впитались в кровь и плоть. Имея на руках билет и квитанцию на уже оплаченный номер в гостинице, я все равно вложу в вагон с дрожью, а уже в гостиницу вообще чуть ли не вползаю (в душе по крайней мере), спрятав голову в плечи и заискивающе глядя на дородную администраторшу. А уж попросить номер с удобствами, да еще с телевизором, — это неслыханная наглость. С точки зрения администраторши, разумеется. На это не решается даже мой муж.

И несмотря на все это, на понимание чувств Н. Н., я не стою противника его, а противника. Из-за той атмосферы столичного превосходства, с которой встречают нас москвичи. Попа-

дая в Москву, мы становимся божьими, мы ночуем на вокзалах и терпим пренебрежительное отношение москвичей везде: в метро ли, в магазине ли. Профессор Н. Н. возмущается, получив комнату с умывальником в свердловской гостинице, тогда как мы, приехав в Москву, посчитали бы это за подарок судьбы, за счастье!

**ЕЛЕНА ПИСАВНИНА,  
Пермь**

Прочитала в № 8 за прошлый год подборку писем о людях, находящихся в заключении, и решила вместе с моими единомышленниками помочь этим несчастным. Мы люди верующие, православные, хотим с ними переписываться, оказывать посильную помощь, так как судьба оказалась очень жестокой по отношению к большинству томлящихся за решеткой (я не имею в виду насильников-садистов, гнуемых убийц, растлителей детей и им подобных). Большинство за сравнительно небольшую провинность попало в тюрьму, которая покалечила всю их жизнь. Многие остались один на один со своей бедой. А проблема в масштабах государства, думаю, решится очень не скоро. Итак, еще раз повторяю от своего имени и от имени многих моих друзей: пишите нам — поддержим по мере сил.

Мой адрес в редакции есть.  
**ИРИНА КУЗНЕЦОВА,  
Москва**

Несколько месяцев я нахожусь в чудовищном шоке. Не вижу выхода, не хочу жить. Умом понимаю, что обязана жить, но душой умерла. Мне никто не может помочь. Но хоть как-то объяснить, разобраться, что же это такое... Мне сорок лет. У меня двое детей — сын 19 лет и дочь 8 лет. Четыре года

воспитываю детей одна. Живем в коммунальной квартире в одной комнате. Когда сыну было пятнадцать лет, пришлось очень трудно и ему, и мне. Ситуация была критической, он оказался вне дома. Я знала, что он не виновен, но найти его не могла. Месяц неизвестности забрал годы жизни. Потом все образовалось. Мальчишка жил на чердаке, и ему повезло. Его взял к себе один мужчина. Вымыл, накормил, оставил у себя. Десять дней пытался добиться у него, где же родные. Сын сказал, что есть только дальние родственники, к которым А. Н. и отправил его. Прошло время, я узнала о добром отношении к нему от самого сына, поблагодарила. Мы познакомились, подружились. А. Н. помогал мне в воспитании сына-подростка. Без него я бы не уберегла сына от преступного мира. Мальчик был уже в этой среде. А. Н. боролся за него, как за родного, вкладывал в него всю душу. Сын его полюбил. По возрасту мы с А. Н. ровесники, и ко мне он относился с душевной сердечностью, тактом, вниманием. Я не могла его не полюбить. Человек имеет два высших образования, понимает и любит музыку, искусство. Так хотелось, чтобы и дочь моя что-то взяла от него. Сын благодаря А. Н. стал учиться, потянулся к искусству, сейчас на втором курсе института. Между нами отношения дружеские, близкие к платонической взаимной любви. Мне все кажется, что вот чуть-чуть подождать — и мы будем вместе, все будем счастливы. Ведь четыре таких трудных года морально и духовно мы вместе, понимаем друг друга с полуслова. У меня сложилась непредвиденная ситуа-

ция — год пришлось не работать: несчастный случай с девочкой, — и А. Н. без слов помогает материально: дает деньги на лекарства, продукты, даже кровь покупали. Я не работала, а он меня содержал. Ведь сын ушел в армию. Казалось, вот оно, такое долгожданное, выстраданное счастье, мы уже видели его в глазах друг у друга. Он любил меня. Любил, понимаете? Он добрый, честный, справедливый. Он лучше всех. Когда я находилась в больнице и валялась с ног от горя и усталости, он приходил и мыл пол в палате на десять человек, ухаживал за другими больными. Он настоящий, понимаете? Но — был он гомосексуалистом. Узнала я это не от него. Сначала не поверила, даже не слушала. Но это оказалось правдой. Я не знаю, как мне теперь жить. Я люблю его, хотя он никогда не относился ко мне как к любовнице. Но я уверена, что он любит меня. Неужели эти люди не могут быть счастливы естественно? Что это, болезнь? Это приносит им счастье, или они несчастны? Никогда не думала, что это может как-то коснуться меня. И теперь не знаю, как жить.

В жизни я перенесла много горя. Но этого мне не вынести. Я живу и ничего не вижу, ничего не слышу. Мне так плохо и горько. Я не люблю больше жизнь. Жизнь — для меня это он. Как жить?

**А. К.,  
Ленинград**



Ф И Р М А

# Элиден

ПРЕДЛАГАЕТ ЦЕННЕЙШЕЕ ЛЕЧЕБНОЕ СРЕДСТВО

Если вы хотите избавиться от язвенных болезней, от болезней желудочно-кишечного тракта, переломов, ожогов, гнойных и инфекционных ран, гипертонии, ревматизма, бронхиальной астмы, сахарного диабета, последствий повышенных доз облучения и других недугов, то вам поможет лечебное средство восточной медицины, не имеющее аналогов, —  
**«МУМИЕ».**

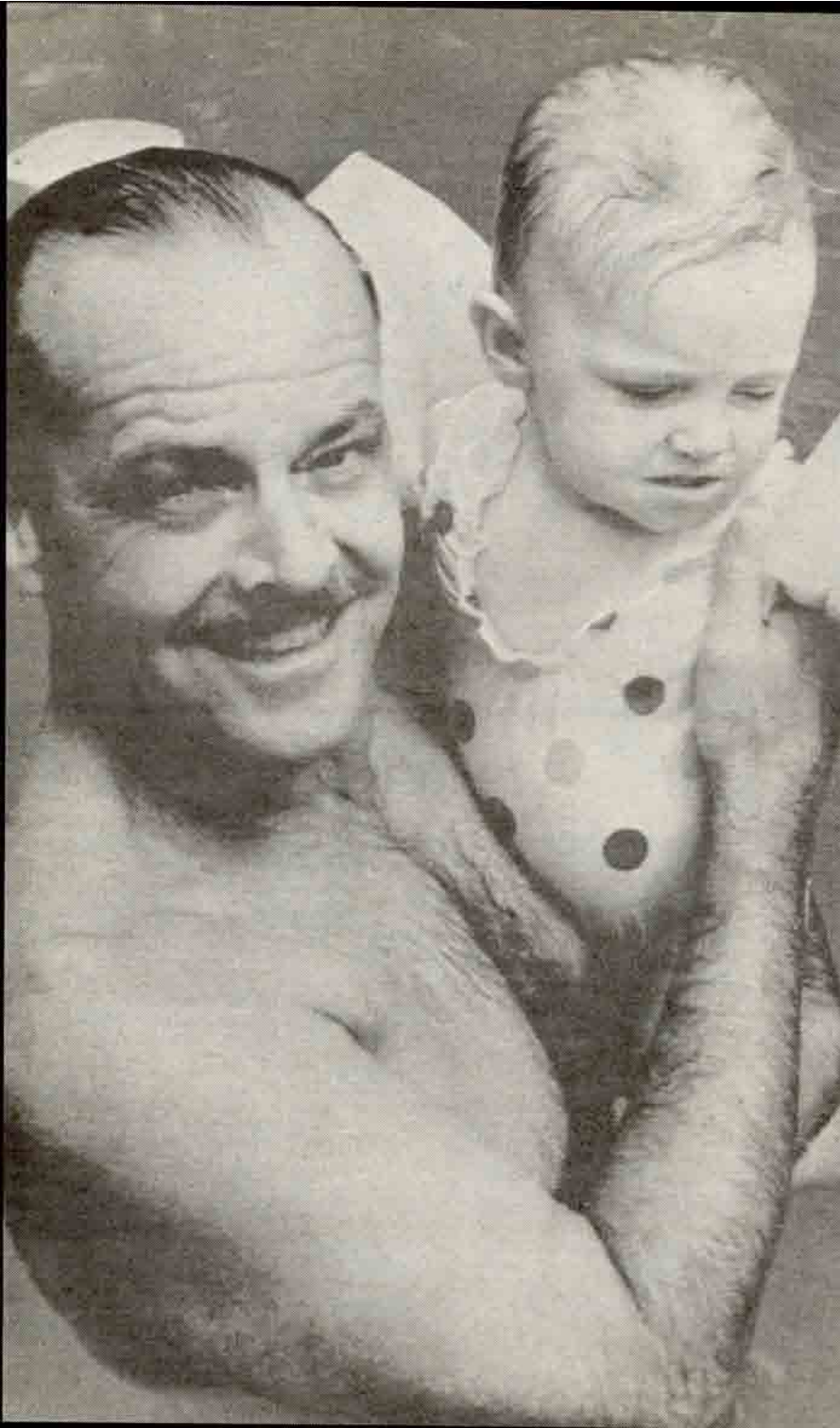
Необходимое количество мумие на один курс лечения — 10—15 граммов.

Высылка производится наложенным платежом по цене 25 рублей за 5 граммов. Каждая партия мумие подвергается анализам в Екатеринбургском медицинском институте и имеет сертификат качества. Для ускорения выполнения заказа вложите в письмо конверт с обратным адресом.

Обращайтесь по адресу: 456324, г. Миасс Челябинской обл., а/я 25. Фирма «Элиден», сектор «Дельта».



Для организаций, приобретающих мумие в больших количествах, необходимо предварительно перечислить деньги на р/с № 468434 в филиале Инкомбанка г. Кыштыма Челябинской обл. МФО 278337.





# ДОНЖУАН ИЗ ГОЛЛИВУДА

АЛЕКСАНДР МИНЧИН

Великолепный актер, позер, продюсер, бабник, миллионер Джек Николсон — центр и звезда того замкнутого мира, который зовется «кино». Его гонорары достигают 10 миллионов за фильм. Он не женат, хотя любовными приключениями известен не только Америке, но и всему миру. Его большой дом в Беверли Хиллс — место знаменитых гулянок и грандиозных попоек. С ближайшим другом Уорреном Битти они считаются отъявленными донжуанами Голливуда. О, сколько молодых звездочек и надеющихся на блистательную карьеру актрис было приведено в известный дом...

Зиму Николсон проводит в роскошной вилле в Аспене, Колорадо, где продолжается тот же бедлам и разгул, что и в Беверли Хиллс, только девочки вместо бикини одеты в шубы. Колорадо — модное место богачей, знаменитостей, звезд; дома здесь стоят до

15 миллионов долларов. С наступлением лета Николсон отправляется на юг Франции, в Канны, в Ниццу, совершает средиземноморские круизы с заездом в Монако, в казино Монте-Карло играет в рулетку. Еще в арсенале развлечений Джека — полеты на собственных самолетах в рестораны, находящиеся в разных провинциях, катание на водных лыжах, гонки на суперскоростных лодках с реактивными двигателями стоимостью в сто тысяч долларов. (Кстати, это любимое занятие и сына Набокова Дмитрия, профессионального гонщика.)

А начиналось все так... Джек Николсон родился в небольшом городке Нептун, штат Нью-Джерси, 22 апреля 1937 года. Воспитывался матерью-одиночкой, владелицей маленькой парикмахерской, поскольку отец-алкоголик сбежал от семьи. В семнадцать лет Джек едет в Калифорнию к сестре

и остается в одной из голливудских студий учиться актерскому мастерству, отказавшись от стипендии в колледже. Это был рискованный шаг. Знаменитый режиссер малобюджетных фильмов Роже Корман, наштамповавший их, наверное, сотню, замечает молодого актера и снимает в своем фильме в 1958 году. После этого Николсон попадает в «струю» и играет в десятках фильмов ужасов и боевиках. До тридцати двух лет актер снимался только в «бифильмах» (малобюджетных, второстепенных, иногда они шли в паре с главной картиной). Чего стоят одни их названия: «Убийца плачущих детей», «Магазинчик ужасов», «Ворон», «Ужас», «Проходная дверь в ад», «Ангелы ада на колесах», «Массовая резня в день св. Валентина» и так далее. Казалось, он так и останется известным актером второсортных фильмов. Но судьба сделала ему подарок, о котором он мечтал десять лет.

Выход на большой экран состоялся в 1969 году в фильме «Беспечный ездох», где Николсон играет южанина-адвоката, выпивоху и балагура. Фильм — главные роли в нем играли Питер Фонда и Деннис Хоппер — прошел по всем экранам мира. За роль адвоката Джека Николсона даже представили к «Оскару», но он не получил его — все еще было впереди. Необычайная, фантастическая слава только начиналась.

В 1970 году Джек снимается в картине «Пять легких пьес», где блестяще демонстрирует свое актерское мастерство. В следующем году выходит фильм «Половое созревание» одного из лучших режиссеров Америки, Майка Николса, урожденного Игоря Пешковского, родившегося в Берлине в семье еврейских эмигрантов. Картина наделала много шума,

как темой — о сексуальной молодежи, — так и актерским составом. В главной роли снялся Джек Николсон. С ним блистала будущая кинозвезда, шведка по происхождению, Анн-Маргарит.

В 1974 году Джек Николсон снимается в фильме режиссера Романа Поланского «Китайский городок», ставшем жемчужиной мирового кино. «Китайский городок» — мистический детектив. Главную женскую роль блестяще сыграла Фей Данауэй. Между актерами, как на экране, так и в жизни, завязывается бурный роман, выплеснувшийся на страницы газет. Американская публика падка на любовные приключения голливудских кинозвезд, особенно такой величины.

«Китайский городок» сделал Джека Николсона ведущим актером мира.

Обычно американские актеры редко снимаются в европейских фильмах. Видимо, потому, что в Европе не могут платить сумасшедших гонораров и не ставят фильмы с таким размахом, как в Голливуде. Но Джек Николсон снялся в 1975 году в фильме Антониони «Пассажир», известном в советском прокате под названием «Профессия — репортер».

Его герои, как правило, одиночки, «бродяги», изгои, они умны, сосредоточены на себе. Им свойственны цинизм, отрешенность, неожиданные выходки, шокирующий финал, к которому медленно, но верно подводит нас актер.

В одном из лучших американских фильмов, «Полет над гнездом кукушки», снятом режиссером Милошем Форманом, герой Джека Николсона попадает в психиатрическую больницу. Здоровый человек в психбольнице — трагедия, многократно использованная в литературе и на экране. Но с какой иронией и правдивостью актер



изображает героя, не подозревающего, на что он обречен! Находясь среди психов, Николсон хочет помочь им, как-то скрасить их скучное существование. Все его проделки, розыгрыши кончаются страшным наказанием — трепанацией черепа и полной невменяемостью. Один из друзей накрывает его подушкой и душит... помогая избежать десятилетий жуткого существования.

Фильм произвел переворот в Голливуде, завоевав пять главных «Оскаров». Джек Николсон получил «Оскара» за лучшую мужскую роль года. Лента ознаменовала также дебют в Америке блестящего режиссера Милоша Формана, вынужденного бежать из Чехословакии после событий 1968 года.

Каждый герой Николсона прежде всего индивидуалист. Сам актер говорит, что тщательно выбирает роли, прежде чем соглашается играть. Слава Богу, у миллионера-кинозвезды есть такая возможность.

После того как Николсон стал ведущим актером Голливуда, жизнь его превратилась в сказку. Женщины, спорт, гулянки, друзья. Пожалуй, по этим показателям он стоит на втором месте в США после величественного и неприступного Брандо.

В 1980 году Джек Николсон снимается в психологическом фильме ужасов «Сияющий» режиссера Стенли Кубрика. Актер играет писателя, впавшего в психоз и пытающегося убить жену и сына. Картина с невероятным успехом прошла на экранах. Вообще любому фильму, в котором играет Джек Николсон, гарантированы успех, полные кассы и набитый битком зал.

Актер известен всевозможными эксцентрическими выходками. Почему бы и нет, он — звезда. Кроме

того, Джек — заядлый спортивный болельщик, его страсть — лос-анджелесская баскетбольная команда «Лэйкерс». За постоянное место в центре баскетбольного корта он платит от 50 000 до 100 000 долларов в год, а после успешных матчей приглашает к себе всю команду. Говорят, что он даже инвестирует деньги в любимый баскетбольный клуб, спортсмены которого сами миллионеры.

Дружба режиссера Уоррена Битти и Джека Николсона заключалась не только в обмене девочками и актрисами, хотя и это частенько бывало, но и в совместной работе. В 1981 году Битти снимает нашумевший и умопомрачительный по своим расходам фильм «Красные». И все ради того, чтобы показать, почему Джон Рид, американский писатель, был влюблен в Революцию. В картине Битти играет главную роль писателя, одновременно он же продюсер и режиссер. Джеку Николсону была предложена роль приятеля Рида — известного американского драматурга Юджина О'Нила. В центре фильма — классический треугольник. Рид и О'нил делят любовь журналистки Луизы Брант, влюбленной в Джона Рида и следующей за ним в снежную Россию. Актриса Дайан Китон, играющая пылкую возлюбленную, была и в жизни поделена между друзьями. Так что классический треугольник на экране перенесся в жизнь...

На пару лет Джек Николсон исчезает с экранного горизонта. А в 1983 году, снявшись в фильме «Пределы нежности», он получает очередного «Оскара».

Американский писатель Джон Апдайк написал роман «Ведьмы Иствика». Книга была куплена в Голливуде, переделана и экранизирована. В результате появил-

ся прекрасный фильм с налетом этаким булгаковской дьяволиады и явным влиянием «Мастера и Маргариты». Главную роль Дьявола-Искусителя виртуозно сыграл Джек Николсон. По ходу фильма он приезжает в маленький городок Иствик, влюбляет в себя трех женщин и с каждой заводит роман. Каждая рождает ему ребенка, после чего «неблагодарные» женщины, используя магию и всяческие заклинания, буквально стирают с лица земли дьявольского любовника, Искусителя-Джека, и остаются жить в его замке. А папу показывают детям только на экране телевизора. Так называемая «черная комедия», с легкой иронией, тонким чувством юмора, колоритной символикой и потрясающе сыгранной Николсоном главной ролью, оказалась приятным исключением из серой плеяды фильмов Голливуда конца 80-х. Женский ансамбль: Мишель Файфер, певица Шер и Сюзан Сарандон — великолепен.

Вообще женщины занимают важное и значительное место в жизни Николсона. О его открытом соревновании с Уорреном Битти было известно всему Голливуду. Две великие «страсти» Николсона перешли к Битти, одна из которых — Мишель Филлипс, первая красавица Америки, ведущая певица рок-группы «Мамас и Папас». Возможно, отечественный зритель видел ее в фильме «Валентино» вместе с Рудольфом Нуреевым, где она играла возлюбленную Валентино Наташу Рембову.

Если в первой половине «донжуанского пути» Джек старался держать свои связи в тайне, то в последние годы каждая из них со скандальными подробностями выплескивалась на страницы газет.

Но самым шумевшим был ро-

ман Джека Николсона с Анжеликой Хьюстон, продолжавшийся с перерывами 17 лет, с 1973 года по 1990-й. Она прощала ему многое: измены, гулянки, непостоянство. Актер по-своему любил и уважал Анжелику, к тому же она была дочерью его кумира, Джона Хьюстона. Шла речь даже о замужестве, но последняя связь Джека окончательно добила ее, после чего актриса окончательно разорвала все отношения с Николсоном.

Очередную пассию Николсона звали Ребекка Борссар. Какое-то время она была моделью в Нью-Йорке, после чего перебралась в Лос-Анджелес, где работала официанткой в ресторане. (Привычная работа для начинающих и незамеченных актрис.) Не прошло и года, как девушка уведомила актера, что беременна и хочет родить ребенка. Она была вознесена в трехмиллионный дом в Беверли Хиллс и в апреле 1990 года родила девочку, которую назвала Лоррэйн.

Так в 53 года Джек Николсон стал отцом.

Вот этого предательства Анжелики и не простила ему.

Он очень тоскует без нее, кается и... заводит новые романы. А Анжелике посылает самые дорогие подарки из платины и золота, которые возвращаются обратно.

Но все еще впереди. Как фильмы, так и...



# Поступающим в вузы и школьникам

предлагаются пособия для подготовки к экзаменам по следующим предметам:

□ **МАТЕМАТИКА** (способы решения основных типов задач, предлагаемых на письменных экзаменах):

— для 9 класса; — для 11 класса; — для поступающих в вузы.

В каждом из трех пособий по математике рассматривается 80—120 типов задач.

□ **ФИЗИКА** для 11 класса и поступающих в вузы:

№ 1 (ответы на основные вопросы экзаменационных билетов);

№ 2 (способы решения основных типов задач, предлагаемых на экзамене).

□ **ХИМИЯ** для 11 класса и поступающих в вузы:

№ 1 (ответы на основные вопросы экзаменационных билетов);

№ 2 (способы решения основных типов задач, предлагаемых на экзамене).

□ **БИОЛОГИЯ** для 11 класса (ответы на основные вопросы экзаменационных билетов).

□ **АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ** для 11 класса и поступающих в вузы:

(основные темы, включаемые в экзаменационные билеты, с переводом и пояснениями).

□ **РУССКИЙ ЯЗЫК** — 9 класс (ответы на основные вопросы экзаменационных билетов).

□ **СОЧИНЕНИЕ** — три пособия для поступающих в вузы:

№ 1 (больше сочинений по программным произведениям);

№ 2 (больше сочинений по современной литературе: «Дети Арбата», «Плаха», «Жизнь и судьба», «Белые одежды», романы В. Пикуля и целый ряд др.);

№ 3 (обзор новинок литературы, молодежная, экологическая, анти-сталинская, нравственная и другие темы в современной литературе);

— пять пособий для школьников: три отдельных для 9, 10, 11 классов.

В каждом из трех пособий представлены сочинения по основным произведениям, изучаемым именно в этом классе. Два общих для 9—11 классов: 9—11 (№ 1) по классическим программным произведениям (Пушкин, Толстой, Есенин и др.); 9—11 (№ 2) — основа сборника —

сочинения на свободные темы, по внеклассному чтению и по произведениям, включенным в новую программу для 11 кл. (А. Куприн «Поединок», М. Булгаков «Мастер и Маргарита», Б. Пастернак «Доктор Живаго» и др.).

В каждом пособии 13—16 полных сочинений, т.е. более 110 в восьми пособиях. При этом темы нигде не повторяются.

**Цена одного пособия по любому предмету — 75 рублей. Оплата при получении на почте.**

**Заказы (лучше на открытках) присылайте по адресу: 400067, Волгоград, почтовое отделение № 67, а/я 19, кооператив «Учитель».**

Школы и организации могут приобрести пособия по безналичному расчету, если пришлют заявку на адрес кооператива. Организации, желающие получить пособия быстрее, могут сразу перечислить деньги на р/с 461808, ЖФБ 261946 в кооперативном банке «Раритет-Волгограда, одновременно прислать заявку, где указать, кто плательщик, кто получатель номера, количество брошюр и точный адрес получателя.



СЕРГЕЙ СМОРОДКИН

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

# Город на

216

В от выписки из двух документов 500-летней давности. Полагаю, что они представляют интерес для нынешнего читателя не только своим почтенным возрастом.

«В лето 7000-ное<sup>1</sup>... тоя же весны повелением Великого князя Ивана Василиевича всея Руссии, заложиша град на немецком рубежи противу Ругодива-города<sup>2</sup> немецкого, на реце на Нарове на Девичьей горе на слуде<sup>3</sup>, четверуголен; и нарече ему имя Ивангород». (Полное собрание русских летописей, т. 3, с. 144.)

Из письма фогта<sup>4</sup> города Нарвы магистру Ливонского ордена:

«...Замок и палисад на русской стороне еще не завершен, четыре

башни уже есть, стены с зубцами высотой в 7 сажень, и башни в 9 сажень высотой, как и прежде писал Вашей Милости. Замок же они сделали в 7 недель и каменщиков и весь свой народ снова увели, так что теперь никого нет, кто бы его охранял и он стоит пустой, но есть и четырехугольные стены, на каждом углу по башне. А еще Ваша Милость, расстояние от палисада внутри вокруг замка 80 сажень. Теперь они хотят там брать пошину досками весь этот год, туда их привезли к воротам, и они покрыли башни и стены досками. Далее, Высокопочтимый господин магистр, они не выстроили никакого пока укрепления или сруба, откуда могли бы стрелять пушки, что меня очень

<sup>1</sup> 1492 год.

<sup>2</sup> Нарва.

<sup>3</sup> Обрывистый речной берег.

<sup>4</sup> Должностное лицо, ведавшее в средние века определенным административным округом в церковной вотчине.



## Вольные беседы в осеннем саду

# тоже

удивляет. Русские построили крепкие стены и башни и оставили их стоять без народа: Ваша милость могла бы взять этот замок, разве что некоторое кровопролитие может быть с нашей стороны...»

К основному тексту следует приписка: «...Как встаем мы, почти каждый день видим, что приведенные ими снова люди уже ломают камень и жгут известь, потому что хотят на другой год возводить прикрывающие стены. Пока они не выстроили никаких дымовых труб или клетей внутри крепости. А еще, Ваша милость, от Великого князя ушли 3 тысячи татар, которые ему долго служили за плату, и в Москву к Великому князю поспешно уехал новгородский воевода Яков Захарьевич.

Других никаких известий я в настоящее время от лазутчиков не получил...»

Подпись и дата: 12 августа 1492 года.

### 1

Ивангород и Нарва, как две половинки яблока, разрезанного рекой. Впервые реку и оба города на ее берегах я увидел на рассвете...

Был пятый час утра. Кричал пуг, хрипло, настойчиво. На высоких зеленых берегах глядели друг на друга две древние крепости. (Вспомнилась запись средневекового хрониста, что расстояние между ними «в луценную стрелу или в хороший мушкетный выстрел».) Птицы кружили над серыми с ржавчиной башнями да над одной из них — Нарвской — развевался стяг государства Эстония. На башнях Ивангородской крепости трехцветного российского флага не было.

От крепостей разбегались улицы, кирпичные, панельные, деревянные дома с темными полосками окон, радугой цветов в палисадниках, клиньями огородов, ребрами теплиц, с которых сдерну-

та блестящая полиэтиленовая кожа. Торчали подъемные краны, заводские трубы, мачты электропередач, серебряно светились вогнутые тарелки телеантенн. Там, где вспыхивали и гасли световые фары, выгнул бетонную спину мост; справа зеленела маковками церковь — она была так точно поставлена, что, казалось, упала с неба и застыла каплей на берегу...

По серо-голубой пустынной реке скользила лодка. Человека в ней не было видно. Лодка плыла, как призрак, волоча за собой завитки тумана. Словно само время проплыло перед глазами, убегая все назад, назад, к железным шеломам дружин московского князя, рваным мужицким шапкам, клобукам монахов, театральным плащам и перьям европейских рыцарей. Видели стены крепостей торговых людей со всего света, видели почти всех российских царей и цариц, странников, ученых, прозорливцев, заводчиков, поэтов, мошенников... Видели удрученных аристократов, спасавшихся от «красных» после Октября, уходивших через границу в Эстонию и дальше на Запад.

По местному преданию, именно здесь, на берегу Нарвы, взяла с собой щепотку русской земли легендарная теперь Мать Мария, пронесла эту землю через всю свою страдальческую и прекрасную жизнь, пока не сгорела она вместе с ее плотью в гитлеровской сатанинской печи. (Как будто жив еще и проводник, что безлунной ночью переводил через границу Кузьмину-Караваеву. Порасспросить бы его, да не удалось: не случилось проводника в эти дни в городе...)

Но больше всего, кажется, видели эти каменные крепостные стены пожаров. Багровыми трещинами разъезжалось небо, гудели огненные языки, треск, вой, солнце в кровавой дымке. И что эти крошечные, несчастные человечки

с ведрами да крючьями? Нет ни города, ни слободы, ни жилищ — пепел, зола, прах. Все съедено пожаром войны. Одни трупные мухи жиреют, роясь над остывшими головешками.

После Великой Отечественной войны, к примеру, в Нарве и Ивангороде осталось всего несколько десятков выживших жителей. Это из почти стотысячного-то населения?! А ведь до Отечественной по этим же местам прокатилась первая мировая. Если почитать русские средневековые летописи да западные хроники, то насчитаешь с дюжину больших и малых войн, — это кроме кровавых стычек, что постоянно вспыхивали на западной российской границе.

Но снова сходились люди — уж очень удобное место: до моря Варяжского (Балтийского) рукой подать, не замерзающая в лютые морозы река, леса, пашни. И снова строились, возделывали землю, разводили сады и огороды, петровским удалым аршином отмеряли улицы; и вот уже бегут, перекрещиваются каменные ряды, гудят рынки, торопятся в повозках и каретах чиновники и купцы, спешит пешком мелкий люд, полощутся на ветру флаги, крутятся с музыкой карусели, звенят колокола в восстановленных храмах.

А у лавок — востроглазые сидельцы. Поглядывают на проходящих девок — не вертлявых да худых питерских мамзелек, а на своих, местных — бокастых, румяных, полногрудых. И кто-нибудь из сидельцев, зажав в горсти смоляную бороду, окликает соседа:

— Ну, что нового? Что из града-столицы слышно?

— Машину, слышь, изобрели, — отвечает сосед в шелковой восточной рубахе да в сафьянных сапогах. — Человеческим голосом говорит...

— Ишь ведь... — удивляется борода, прикидывая творческой головой, на пользу ли это пойдет торговле. И, подумав, решает, что



убытку не будет. — К пользе, — роняет. — Для поощрения, стало быть, купечества...

А в погребах, трактирах и ресторанах, расставив крепкие ноги, уперев руки в колени, поблескивая перстнями, беседуют знаменитые на всю Россию купцы. Кто в длиннополых сюртуках, волосы подстрижены «под дубинку», а кто в несколько кургуzych, зато последней парижской моды визитках, надушен, распомажен. За неспешным разговором поигрывают миллионами, перекидывают пшеницу в Нью-Йорк, лес — в Лондон, пушнину — в Мадрид, Рим, Лиссабон, драгоценные камни — в Амстердам и Париж... Кушают присолы из живой рыбы, царский студень, щи со сметками, пироги косые или суп прентаньер, седло барашка, дичь жареную, ананас. Кому что нравится. Хитро, кругами, кругами, с подходом да лестью, подпуская туману, издали объезжают конкурента. А как сторговались — миг! — и уже несут в серебряных ведерках шампанское, в пятифунтовых хрустальных чашах икру.

«Ваше здоровье, Егор Парменович!» — «Ваше... любезный Иоганн Христофорович»...

## 2

Примерно так размышлял, разглядывая оба города, раскинувшихся на берегах. Представлялось все отчетливо, будто действительность, а не призрак, действовала жизнь, что кипела здесь, когда процветали торговля и ремесла, в гавани теснились корабли, заходившие в Нарву с моря, — из Англии, Швеции, Норвегии, Голландии, Германии, Испании. Ушла ли, исчезла безвозвратно? Или существует только в памяти девяностолетних старцев, которые видели

все это своими тогда еще очень и очень зоркими глазами? А может, воспоминание о прошлом живет в нас, в нашей крови, проникая таинственным, неуловимым образом, наподобие чувства времени и пространства? Перекачивается через поколения темный, густой поток...

Так думал, двигаясь к мосту, и чем ближе подходил, тем отчетливее видел рядом с ним, новым бетонным, останки старого, пунктиром просвечивающие из-под воды. Подошел ближе и разглядел остатки мощных гранитных быков. Вот так все рядом: жизнь прошлая и нынешняя; они перекрещиваются, проскальзывают дальше, дальше, в бесконечность, куда уж нашим современным глазом, слава Богу, не достичь...

А перед въездом на мост кипела работа: эстонская таможня проверяла машины, следующие на правый, российский берег. Разыскал начальника таможенной службы, спросил, что можно вывозить из Эстонии мне, например, приехавшему в командировку?

— По инструкции — на 50 рублей продуктов и до 200 рублей промышленных товаров, — ответил таможенник с легким акцентом.

— А ввозить в Эстонию?

— Сколько и чего угодно.

— Но, позвольте, в соседней России цены на все товары значительно ниже, чем в Эстонии, и только ленивый станет покупать, скажем, гвоздь в Нарве за рубль, если в Ивангороде он стоит пять копеек?

— Это ваши заботы, — пожал плечами таможенник. И посоветовал: — Ставьте свою таможню. Сосед хорош, когда забор хороший.

Последнюю фразу он произнес с большим акцентом, чем предыдущие...\*

\* Пока материал готовился к печати, таможенная застава появилась и на русском берегу Нарвы. С ноября 1991 г. установлен контроль за вывозом товаров из России.

На такой несогласованности между республиками греют руки предприимчивые люди. Гостиничный этаж, где я жил, был заполнен одинаково смуглыми людьми. Видно, обосновались они тут давно, потому что некоторые жили семейно, с малыми детьми, женами и родственниками. Обычно они собирались в номере у высокого худощавого человека с седой бородкой — я его называл про себя «крестным отцом», пили чай, жарили в электрошашлычнице шашлык, потом исчезали, снова собирались, снова пили чай...

На меня они посматривали с интересом: видно, не могли угадать, чем же занимаюсь в этом пограничном городе? Один из соседей, в кожаной куртке и «варенке», как-то остановил в коридоре, ошупал глазами, будто проверяя, предложил: «Дихлофос» надо? Контейнер...»

«Дихлофос» мне был не нужен.

### 3

— После провозглашения Эстонией независимости, — рассказывал председатель исполкома Ивангородского горсовета Михаил Борисович Корнеев, — у нас возникли всяческие сложности. С Нарвой мы связаны многими нитями. Получаем оттуда питьевую воду, молочные и хлебобулочные изделия. Все очистные сооружения, часть теплоснабжения, автобусное обслуживание — тоже на той стороне реки. Тысячи людей из Нарвы работают в Ивангороде, и наоборот. Подсчитали: чтобы городу существовать автономно, нужно сегодня около семидесяти миллионов рублей. Даже если нам их дадут — а этого пока даже не обещают, — чтобы освоить их, надо несколько лет. При нынешней инфляции семьдесят миллионов за это время могут вырасти и до семисот... Так что река для нас стала «берлинской стеной». И главное, — осторожный Михаил

Борисович, видно, подыскивал подходящее выражение. — Как бы это... нет у нас уверенности в будущем. Где пройдет граница? По реке, как было все послевоенные десятилетия? Или...

Недоговорил мой собеседник. А я понимаю, что имел он в виду. Год назад со стороны Эстонии была попытка самовольно перенести границу за Ивангород: приехали такие же парни, что я видел на таможне, и вкопали в землю несколько пограничных столбов. Столбы, естественно, через несколько часов местные жители выдернули, но тревога осталась. Что-то будет завтра? Чем закончатся переговоры, которые ведет делегация СССР, возглавляемая А. Собчаком, с правительством Эстонии? Не будет ли принято решение, которое не учитывает мнения жителей Ивангорода? Но какое мнение? Настроения разные.

На предприятиях Ивангорода беседовал со многими, и как будто подавляющее большинство хочет, чтобы Ивангород остался российским. Хотя с глазу на глаз некоторые говорили прямо, что хотели бы стать гражданами Эстонии и чтобы город перешел под соседскую руку. Третьим все едино: чей будет город, лишь бы жизнь улучшилась.

Но все, с кем бы ни говорил в Ивангороде, сходились в одном: будущее тревожно и туманно. По русской поговорке: «Межи да грани, ссоры да брани». Будут ли, к примеру, платить пенсию, если всю жизнь проработал в Ивангороде, а живешь в Нарве? Не отберут ли у ивангородцев садовые участки и домики, что на нарвской стороне? Можно ли будет видеться с родственниками, что живут за рекой? А если и впрямь Ивангород передадут соседнему государству? И что тогда делать: бросить все и уехать или остаться? Вопросы, вопросы... От кого ждать ответ? Величайшее в мире государство, на поддержание которого



и охрану уходили все наши силы и средства, вдруг поплыло, как крепость, построенная на песке. Защитит ли оно своих граждан? Поможет ли? А может, прав философ Николай Бердяев, который писал: «Немец чувствует, что Германия его не спасет, — он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасает Россию, а Россия его спасет?»

Но встретился в Ивангороде человек, который считает, что при каких угодно внешних обстоятельствах надо оставаться самим собой и стараться делать свое дело. Пусть маленькое, незаметное, но **дело.**

#### 4

Мстислав Николаевич открыл калитку, пропустил меня вперед, и я вошел в сад. Сонно клонилась трава, в которой голубели незабудки и еще другие цветы — белые-белые, незнакомые мне. Шелестела раскидистая яблоня, и качалось на ветке забытое яблоко, почти прозрачное под солнцем, так что в потаенной сердцевине угадывались темные зернышки.

Не спеша шли по дорожке к деревянному дому. Почти весь день провели вместе: сначала Мстислав Николаевич Потоцкий показывал один из немногих сохранившихся старых районов Ивангорода — Парусинку, — так назвали его потому, что там жили и работали мастера, изготавливавшие паруса для молодого российского флота. Потом были на заброшенном православном кладбище — ему не одно столетие. На разбитых мраморных плитах, на опрокинутых памятниках разбирали мы надписи и даты — русские, эстонские, немецкие, греческие, английские, шведские имена...

Возвращались с кладбища на Госпитальную сторону (селились тут солдаты Петра I, получившие раны при штурме Нарвы) вдоль шоссе, соединяющего Ивангород с Санкт-Петербургом и Таллинном.

Машины шли потоком, и с российской стороны на эстонскую столб тяжело груженные, что, кажется, сама земля прогибалась под ними. После их рева, после раскаленного дизельно-резинового чада здесь, в саду, особенно легко и чисто был воздух и нетронутой стояла тишина.

...Что я знал о моем спутнике?

Что юность его прошла в эмиграции. Сначала в Египте, потом во Франции. Что в середине тридцатых годов, в самый разгар репрессий, вернулся на родину. Перед самой войной окончил биологический факультет Ленинградского университета. На фронт ушел добровольцем. Воевал в противотанковой артиллерии. Закончил войну старшиной артиллерийского расчета «сорокапятка». Первый свой бой принял под Ленинградом, Победу же встретил на госпитальной койке в Кенигсберге.

Что еще знал о спутнике?

Что в Париже ему было присвоено звание бакалавра философии и риторики, в Ленинграде — кандидата биологических наук. Его специальность — гидробиология. Изучал крабов в морях страны.

Философскую работу Мстислав Николаевич писал в Париже по Канту, и, когда в университете сдавал диалектический материализм, преподаватель был недоволен ответом и язвительно спросил: «Чему же вас учили в Париже, молодой человек?» Мстислав Николаевич ответил. «Так вы занимались Кантом? — приглушив голос, переспросил экзаменатор. — Интересно. Попрошу вас остаться после экзамена. Побеседуем...» Они проговорили несколько часов. Положительная оценка по диамату была поставлена. Преподаватель, однако, попросил, чтобы студент никому не говорил о состоявшейся беседе...

А еще Потоцкий — почетный гражданин Ивангорода. Он основал в маленьком российском городке, которому исполняется скоро пятьсот лет, первую в его исто-

рии художественную галерею. В ней работает постоянная выставка двух замечательных русских художников — И. Я. Билибина (1876—1942) и А. В. Щекатихиной-Потоцкой (1892—1967).

— Вы спрашиваете, почему именно Ивангород стал местом, где собраны работы этих двух художников, — говорит Мстислав Николаевич, едва заметно грассируя. — Тут случилась такая история... Иван Яковлевич Билибин — мой отчим. Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая — моя матушка. В Ленинграде, в Союзе художников, была выставка — и крупная — отчима и мамы. И вот на выставке находит меня человек, представляется как директор Ивангородской рисовальной школы и осведомляется: нельзя ли показать несколько подлинных работ Билибина и матушки ученикам? Я говорю: отчего же нельзя? Давайте назначим удобное для обоих время... Одним словом, поехал в Ивангород и, приехав, походил по городу, и вспомнился мне разговор, свидетелем которого был. В Париже мы жили в третьем этаже небольшого дома на бульваре Пастера. Квартира состояла из мастерской (метров двенадцать в длину, семь в ширину и шесть в высоту), двух комнат и кухни. Освещение было газовым. На стене висела декоративная персидская ткань. Обычно по средам собирались друзья и знакомые художники, бывшие известные в дореволюционной России меценаты — княгиня Тенишева, князь Щербатов, писатели Бунин, Куприн, Саша Черный, Ремизов, режиссер Евреинов, актер Александр Мозжухин, политические деятели Милюков и Маклаков, химик Чичибабин... Проездом из США появлялся Николай Рерих. Приходили и французы: художник Морис Дени, у которого в молодости училась моя мама, профессор Андре Мазон — специалист по русской литературе...

(И вот однажды, на одной из сред, Александр Иванович Куприн, с которым наша семья была очень дружна, говорит: «Как бы я хотел побывать в Ивангороде. Это последнее место, где я был в России...» «А я тоже был в Ивангороде, — откликнулся отчим. — В 1901 году...» Начали вспоминать, и выяснилось, что оба останавливались в одном и том же доме ивангородского купца Пантелеева. Из этого дома, по их словам, были видны сразу две крепости — Нарвская и Ивангородская... Иван Яковлевич и Куприн точно описали и дом, и вид. И вот через десятилетия иду по Ивангороду, куда привез работы отчима и матушки, и спрашиваю у сопровождающих, не сохранился ли дом купца Пантелеева? «Как же, — отвечают, — сохранился, и можно его посмотреть? А почему вы о нем спросили?» И я рассказываю о разговоре Куприна с отчимом...

Вот так счастливо все совпало, и в конце концов удалось открыть художественную галерею с постоянной выставкой. Конечно, это было непросто, но руководители города всячески помогали и отдали под музей именно дом, принадлежавший когда-то Пантелееву. Между прочим, один из дальних родственников этого купца — народный депутат СССР. По телевидению выступает довольно часто. Видите, как тесен мир?..

Мстислав Николаевич прохаживается по саду, опираясь на палочку, вспоминает, и смутные тени пробегают по тонкому сухому лицу, делая его беззащитным и грустным.

Что это было? Обычная усталость немолодого уже человека? Сожаление о чем-то? Сомнение? Не знаю. У каждого есть переживания, глубоко затаенные, очень личные. О них не следует, как мне кажется, говорить. Хотя нынче в ходу другое: безжалостно перед миллионами зрителей, слушате-



лей, свидетелей выворачивают души участники сессий, митингов, собраний. Публично клянутся в любви, божатся, отрекаются, бьют поклоны, олять клянутся и олять отрекаются.

Бесконечный спектакль с политическими «актами» и «ню».

А ведь обнажая сокровенное даже самому близкому человеку, замечал Достоевский, пропадает нечто главное, без чего твои мысли и чувства выглядят мелко, плоско. «Провирается жизнь», — говорил писатель. А уж он-то знал человеческую душу.

## 5

А сад тем временем жил своей жизнью. У лужицы с дождевой водой топтался взъерошенный воробей. Пил, то поднимая голову вверх, то косясь на нас, наклонял вбок, точно прислушивался. Крупная темно-коричневая бабочка — Антиона — плыла в воздухе, и, хотя была не очень близко, хорошо представлял ее блестящие лачковые крылья, отороченные палевой широкой зубчатой каймой. Все это — яблоня с раскачивающимся яблоком, трепещущее горлышко воробья, неровный полет Антионы — словно бы виделось впервые, будто глаза и впрямь превратились в зеницы самой всевидящей, божественной и прекрасной Природы. Превратились и мгновенно, как один удар сердца, прошли. Исчезла Антиона, пуста была лужица, и спряталось в густой травяной сети упавшее с ветки прозрачное яблоко...

Наверное, Мстислав Николаевич чувствовал нечто подобное, потому что достал сигарету, закурил.

— Как мне думается, — сказал он негромко, — основная цель музея, особенно в таком небольшом городке, воспитывать вкус, воспитывать людей эстетически. Вот и пытаюсь это делать, пополняя коллекцию, занимаясь историей Ивангорода. Правду сказать, тол-

ком ею никто не занимался. А ведь история богатейшая. Пятисот лет городу. Это дата! Верно? Историю делают люди. Кто здесь жил? Когда? Что делал для потомков? Как жить в городе, если нет истории, преданий, памятников?

Возьмите историю барона Штиглица. Да-да, того самого, который основал Центральное училище технического рисования в Петербурге. Оно носит имя Мухиной. Конечно, надо вернуть ему имя основателя, и я хлопочу об этом. А Штиглиц похоронен здесь, в Ивангороде. Владел суконной фабрикой, потом основал здесь льнопрядильное производство. На свои средства поставил церковь Святой Троицы, больницу, библиотеку, открыл для рабочих рисовальную школу. Храм вы видели, в каком состоянии... надо реставрировать. Учащиеся и выпускники высшего художественно-промышленного училища предложили устроить выставку-продажу и вырученные деньги передать на реставрацию церкви и могилы основателя училища. Считаю, что это доброе дело, и всячески ему стараюсь поспособствовать.

...Нужно спасать все, что касается истории Ивангорода. Вот привели в порядок братскую могилу солдат Юденича. Отслужили панихиду. И на могиле священнослужитель резонно, как мне кажется, сказал в своем слове, что это были русские ребята. Заблуждались? Возможно. История рассудит, кто прав, кто виноват. Пока еще нам не все тут ясно.

Мстислав Николаевич улыбается. Удивительная у него все-таки улыбка: открытая, добродушная.

— А к 500-летию города хочу подготовить выставку, как жили здесь, на одной земле, ижоры, русские, эстонцы, шведы, немцы. Мирно жили и не ругались. Я знаю, как сделать такую выставку. Но пока секрет. Есть примета: нельзя говорить, пока не начал дело...

Снова идем по дорожке к деревянному дому. Мой собеседник окидывает взглядом уже темнеющий сад, небо, в которое врезаны первые яркие звезды, тихо, будто про себя, произносит: «Как капля в море опущенна, вся твердь перед Тобой сия. Но что мной зримая Вселенна? И что перед Тобою я?» Узнаете, чьи это строки? Верно, Державин. Ода «Бог». Отчим читал ее наизусть. А знаете, что ода писалась здесь, на берегах Нарвы, или, как ее тогда называли, Наровы. История удивительная...

## 6

История создания, может быть, самой сильной державинской оды и впрямь необычна. Писалась она несколько лет. Вернее, первые строки родились в 1780 году, после пасхальной заутрени. Но потом, сколько ни принимался Державин за оду, продолжения не было. Весной 1784 года неожиданно объявил жене, что едет осматривать свои белорусские земли, в которых ни разу не был. Стояла распутица. О дальней дороге, кажется, нельзя было и помыслить, но Державин помчался. Доскакал до Нарвы, бросил слуг, повозку на постоялом дворе, у какой-то старухи снял угловую комнату и заперся. Писал, пока сон не валил его, а проснувшись, снова брал в руки перо. Так продолжалось несколько дней. Старуха носила ему еду. Позже, в «Объяснении» к оде, Державин вспоминал: «Не докончив последнего куплета сей оды, что было уже ночью, заснул перед рассветом (Гавриил Романович писал о себе, как Цезарь, в третьем лице), — видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле воображение было так разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с ним вместе полились потоки слез из глаз у него. Он встал и в ту же минуту, при освещающей лампаде, написал по-

следнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал он благодарные слезы за те понятия, которые ему вперены были».

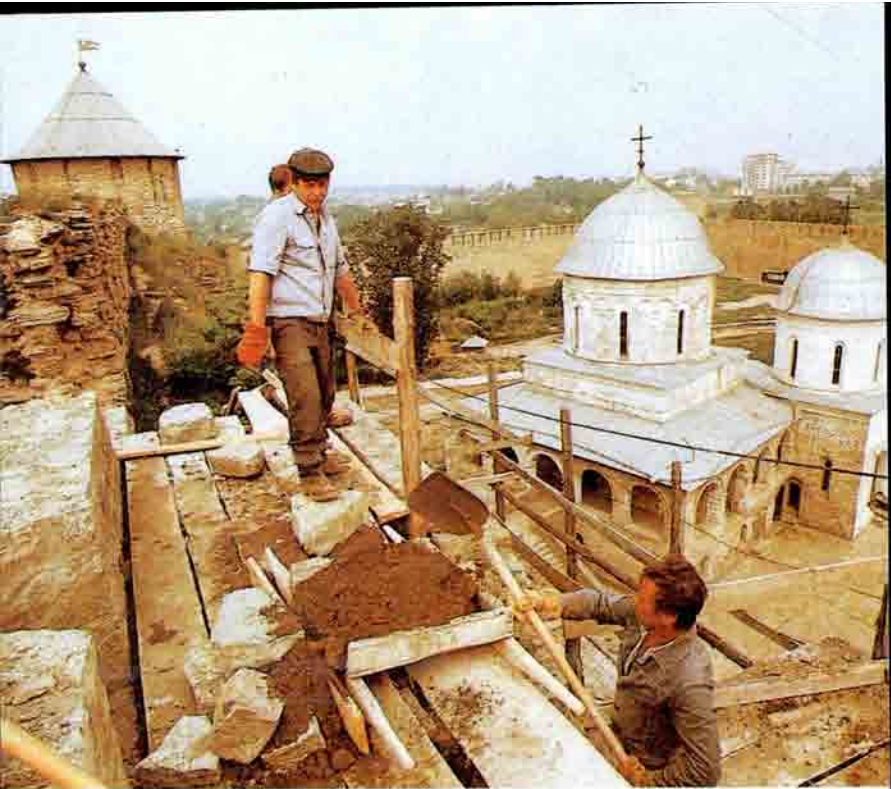
Вот эта последняя строфа: «Неизъяснимый, Непостижный! Я знаю, что души моей воображения бессильны и тени начертать Твоей; но если славословить должно, то слабым смертным невозможно Тебя ничем иным почитать, как им к Тебе лишь возвышаться. В безмерной радости теряться и благодарны слезы лить».

История создания на берегах Нарвы оды «Бог», быть может, одно из самых поразительных в мировой литературе описаний творческого процесса. Сама суть державинского пафоса: Поэт, беседующий с Творцом, — впоследствии была продолжена, развита многими русскими поэтами. Читая сегодня кажущиеся несколько неуклюжими державинские строфы, все равно чувствуешь, что в этом патриархе российской словесности есть что-то современное, молодое. Искренние думы о великом и важном? Глубокие размышления о жизни и смерти? Или то, что в эпоху своеволия, повального воровства и издоимства Гавриил Романович Державин своей неподкупной честностью («в службе горяч и в правде чорт») действительно приносил пользу государству...

## 7

Странно устроен человек, размышлял по этому поводу Мстислав Николаевич, с досадой вспомнив, что кооператив, взявшийся восстанавливать одну из церквей, получил ссуду, издал на эти деньги «Тарзана», прибыль поделил и исчез, вместе со своими «праведными» доходами. Каждый понимает, что понятие «честный человек» гораздо содержательнее понятия «умный человек». Однако на практике человек весьма активно старается казаться как можно умнее и гораздо более умеренно















старается казаться честным.

— У Державина есть по этому поводу любопытные рассуждения... — продолжал развивать свою мысль Мстислав Николаевич, когда мы входили на крыльцо.

Так, беседуя о Державине, о его полной приключений жизни, о честности, уме и о том, что в каждом городе должен быть свой гений и свой пророк, входим мы в старый деревянный дом, в его тепло и свет.

Но беседы в нем — уже другой сюжет, другие истории...

*Всесоюзная служба*

*создания семьи*

*информационно-компьютерного  
центра*

**«ИНФОРМСЕРВИС»**

**ПОМОЖЕТ ВАМ СОЗДАТЬ  
СЕМЬЮ.**

отыскать друга,  
единомышленника. В чем тайна  
любви? Может, она  
в психологической  
и биоритмической совместимости  
людей? Все это просчитают  
специалисты фирмы. Наше  
преимущество — высокое  
качество и скорость  
обслуживания. Мужчинам  
предоставляются льготы.

«Информсервис» сотрудничает  
с американской службой  
знакомств «Рашен Американ  
Романс».

**СОСТАВИТ ВАШ  
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ГОРОСКОП**

по основным направлениям  
жизни. Ваш гороскоп поможет вам  
сориентироваться в сложном  
настоящем, «по-новому»  
взглянуть в будущее.

**ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:**

105215, Москва Е-215. А/я 10,  
«Информсервис». В письмо не  
забудьте вложить пустой конверт  
с вашим полным адресом — в нем  
мы вышлем вам условия  
обслуживания и анкеты. На  
письме к нам сделайте  
соответствующую пометку: «Зн»  
или «Гороскоп».

# БУНТ СТОНЬКУ





# Разина

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ



Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

## Пролог

Вокруг этой личности, несомненно весьма выпуклой, яркой и своеобразной, создалась цветистая и красивая легенда, дорогая поэтам и романистам. Даже в наши дни она извращает в глазах большинства истинный характер драмы, герой которой отважно поставил на карту свою голову. В сущности, вся его эпопея сводится к истории разбойничьей шайки.

С 1639 года татары закрыли казакам доступ к морю, установив надзор в Азове; некоторые из казаков стали искать выхода через Астрахань. Отсутствие между Доном и Волгой прямого водного сообщения не составляло непреодолимого препятствия для легких челнов этих пиратов. Казаки ухитрились перетянуть их от реки к реке. Но Москва, заботясь о сохранении мира с шахом, султаном и ханом, старательно оберегала доступ к Каспийскому морю. Казачья вольница поднялась поэтому вверх по Волге, набрала сторонников среди низших слоев прибрежного населения, ограбила торговые суда и выдержала форменную осаду в крепостце, сооруженной на одном из притоков Волги, Иловле, и названной «Новая Рига».

Восемь лет спустя предприятие, с которым Стенька Разин связал свое имя, было лишь более широким повторением этого заурядного набега.

В 1666 году шайка, численностью в 500 человек под начальством атамана Васьки Уса опустошила провинции воронежскую и тульскую, бунтуя крестьян и крепостных и избивая помещиков. На запрос из Москвы донской старшина ответил, что над виновными учинена быстрая и строгая расправа. Между тем Васька Ус, продолжавший свои похождения, вскоре оказался отодвинутым на задний план несравненно более предприимчивым атаманом.

Степан Тимофеевич Разин, прозванный Стенькой, был среднего роста, широкоплеч, крепко сложен, отважен, жесток и хитер; он давно уже пользовался некоторою известностью среди сотоварищей. В описываемое нами время ему было около сорока лет. Посланный в 1661 году к калмыкам, чтобы склонить их к совместным с казаками действиям против татар, он с успехом выполнил свое поручение. Осенью того же года Разин побывал в Москве и совершил паломничество в Соловецкий монастырь.

Проявления подобной набожности были довольно часты среди казаков, несмотря на их невоздержанный образ жизни и распущенные нравы. В Черняеве (В Шацком уезде, нынешней Тамбовской губернии) эти атеисты соорудили даже и содержали монастырь, в котором некоторые из них схимились, когда возраст, болезнь или какое-либо увечье лишали их возможности вести боевой образ жизни.

По словам иностранных летописцев, брат Степана Тимофеевича, служивший несколько позднее в войске князя Георгия Долгорукого, был повешен за дезертирство. Степан и третий брат, Фрол, будто бы поклялись отомстить за него боярам и воеводам. Однако, ни документы, которыми мы располагаем, ни местное предание не подтверждают этого эпизода. Достаточно подгото-





вленная, очерченными выше условиями деятельность Стеньки Разина, по-видимому, не нуждалась ни в каких особых побуждениях, — для нее достаточно было темперамента, весьма склонного откликнуться на запросы жизни.

Приняв на себя командование голодным сбродом и разбойниками, присоединившимися к ядру шайки, собранной Усом, Разин попытался пробраться к морю через Дон. Задержанный самими казаками, Стенька поднялся по реке до места, где ее течение наиболее приближается к Волге, получил от жителей Воронежа запасы пороха и свинца, и основал между Иловлей и Тишинею вторую, более внушительную «Ригу». Вскоре затем, с тысячью людей, он напал на караван, спускавшийся по Волге с хлебным грузом для Астрахани. Барки были разграблены, агенты, сопровождавшие хлебный транспорт, подвергнуты пыткам и повешены. Одна из барок принадлежала патриарху Иосафу, недавно унаследовавшему сан Никона, — весьма возможно, что это обстоятельство внушило Стеньке выдать себя за союзника Никона, мстящего за его низложение. Таким образом, набег мог быть примирен с благочестивыми воспоминаниями о паломничестве в Соловки. Позднее легенда о пребывании Никона в шайке отважного атамана находила много верящих в очень широких кругах населения. Один из летописцев пишет даже, будто Стенька Разин старался подкрепить этот слух, возя с собою куклу, изображавшую опального патриарха.

Известную реплику В. О. Ключевского о том, что «исторических писателей объединяет одно общее качество — они одинаково не знают истории», можно обернуть и другой стороной, бросив подобный упрек историкам, в большинстве своем недостаточно владеющим писательским мастерством. Вывод изрывается сам собой: историк и писатель — сочетание столь же редкое, сколь и счастлирое. Здесь и следует назвать имя Казимира Валишевского, тем более что на отечественном историко-литературном поприще он занимает исключительное место как по своему происхождению, так и по удивительной судьбе произведений, им созданных.

Польский историк и писатель, писавший, кстати сказать, по-французски, родился в 1849 году. Всемирную известность принесла Валишевскому серия произведений, посвященных русской истории XVI — XIX века, изучению которой он отдал более тридцати лет жизни. — «Иван Грозный», «Смутное время», «Первые Романовы», «Петр Великий», «Дочь Петра Великого», «Вокруг трона», «Царство женщины», «Павел Первый» и другие. Последняя книга этого цикла, посвященная Александру Первому, вышла в 1925 году в Париже, где десятью годами позже автор и скончался.

Жанр и фактура книг Валишевского, пожалуй, не имеют аналогов в нашей исторической литературе — несмотря на научную основу, произведения Валишевского читаются, как увлекательные исторические романы, и нет ничего удивительного, что монографию о царствовании Екатерины Второй автор назвал по законам беллетристики — «Роман императрицы». Так что вопрос «писатель или историк» снимается единственно, пожалуй, ответом — «писатель-историк». Это сочетание и принесло ему всемирную известность.

Забавно, чтобы не сказать «дико», но труды Валишевского о русской истории были запрещены только в одной стране мира — России. Запрет продолжался вплоть до революции 1905 года, когда цензурные шлюзы были подняты и в отечестве нашей для Валишевского настали поистине красные дни — книги его начинают издавать сразу пять издательств; выходят и первые четыре тома полного собрания сочинений Валишевского.



Ограбленный караван сопровождал отряд стрельцов, даже не пытавшихся оказать сопротивление. Бездействие стрельцов воспламенило народное воображение. Атаман прослыл колдуном.

Одним криком он останавливает корабли; одним взглядом повергает в оцепенение солдат, которым поручена охрана их; от его тела отскакивают пули.

Возбужденный столь легко давшимися успехом, Стенька на несколько времени расположился лагерем в окрестностях Камышина, на холмах, донныне носящих его имя. Затем, спустившись по Волге, он миновал Царицын; легенда уверяет, будто пушки крепости опять-таки оказались негодными для стрельбы и воевода поэтому вынужден был послушно выполнить приказания атамана. Город, однако, не был взят. Тем не менее, направившись далее с отрядом, насчитывавшим уже 1500 человек на тридцати пяти лодках, Разин миновал в обычное время хорошо охраняемый проход Черного Яра и пробился к морю.

Невозможно угадать, каким планом руководствовался он тогда. Вероятнее всего, что у него вовсе не было никакого плана. Авантюрист, он лишь искал приключений. Стенька Разин обогнул северный берег Каспийского моря до устья Яика, нынешнего Урала, и напал на небольшой городок этого же имени, не оказавший никакого сопротивления. Командир малочисленного мо-

---

Впрочем, «красным дном» популярного писателя-историка предел положила другая революция — Октябрьская. Валишевский был «закрыт» наглухо и надолго. Однако нынешнее время вновь подтвердило старую истину, что история повторяется. Едва ли не единственное достижение нашей перестройки — гласность — коснулось и литературного наследия К. Валишевского: только за последние два года репринтным способом переиздан десяток его книг. Так что, казалось бы, мы уже и не вправе числить произведения Валишевского в ряду библиографических редкостей. Но это не так.

Дело в том, что переизданы только крупные книги-монографии, посвященные эпохам русской истории. Но до сих пор современному читателю остаются неизвестными произведения Валишевского, в которых рассказывается об отдельных ее эпизодах. Впрочем, винить современных издателей в таком «упущении» было бы не совсем справедливо, поскольку эти труды писателя-историка разбросаны по страницам труднодоступной дореволюционной периодики, а если судить по каталогам «главной библиотеки страны», то они даже не удостоились сколько-нибудь приличной библиографии. Тем не менее нам посчастливилось отыскать и для начала предложить читателям одно из них — исторический очерк «Бунт Стеньки Разина».

Как и в названных выше «больших» книгах Валишевского, читатель не найдет здесь «классовой оценки» событий и героев, равно как и «социально-экономических предисловий, обусловивших кричащие противоречия», а также «единолично правильного марксистско-ленинско-сталинского взгляда на историю» — всего того, без чего, как нам кажется, вполне можно обойтись, когда речь идет об истории и литературе. Но зато он найдет здесь то, что отмечал такой строгий ценитель, как Л. Н. Толстой, считавший книги Валишевского «очень интересными» и говоривший, что этот писатель «несколькими штрихами передает главное, характерное». Кроме того, благодаря легкому, изящному стилю автора, чего не оспаривали даже самые рьяные недруги Валишевского, читатель получит столь же редкую в этом жанре возможность поистине увлекательного чтения.

сковского гарнизона, находившегося в Яике, Сергей Яцын, уверял потом, будто попался впросак, думая заманить нападающих в ловушку. Раскрыв двери церкви, в которой они желали помолиться, он надеялся, что захватит их там всех в плен. Несомненно лишь одно: стрельцы несколько времени колебались, — одни советовали присоединиться к казакам, другие — выйти на астраханскую дорогу, — и затем почти все были перебиты.

Городок этот несколько времени служил победителю оперативной базой для сухопутных и морских экспедиций против татар, к устью Волги и против мусульманских кораблей вдоль дагестанского побережья.

Хотя сначала этому движению не было придано существенно-го значения, в Москве начали теперь тревожиться; заволновались на Дону и сами казаки, все громче выражавшие желание присоединиться к прославленному атаману. Войсковой старшина Корнил Яковлев чувствовал, что его авторитет падает. Он не мог считать в безопасности даже свою жизнь; круг отказывался слушать старых и сдержанных казаков.

Переговоры, завязанные обеими сторонами с казаками, захватившими Яик, не дали никакого результата. Не произвели никакого впечатления и послания от самого царя. В конце 1667 года астраханский воевода князь Иван Прозоровский получил приказ выступить в поход. Стенька Разин мгновенно справился с высланным против него отрядом; часть солдат он переманил на свою сторону, остальных перебил. Весной следующего года он получил с Дона подкрепление в 700 казаков и вышел в море; начался самый блестящий период его карьеры.

## *Персидская эпопея*

Опустошив персидское побережье от Дербента до Баку, Разин достиг Решта. Вступив с казаками в переговоры и согласившись обменяться заложниками, губернатор города Будархан открыл рейд казачьей флотилии; в то время, как этот успех разнесся по всему Дону, Стенька стал мечтать о переселении на персидскую территорию и послал шаху предложение поступить к нему на службу.

При таком направлении предприятие раскрывало виды, которые могли показаться соблазнительными самой Москве. Ермак и его спутники таким же образом приступили к завоеванию Сибири, с той, однако, разницей, что им не пришлось столкнуться ни с какой правильно организованной державой, с которой правительство их страны поддерживало постоянные сношения. Шах и предложения, делаемые ему Разиным, портили дело. В Кремле не отступили бы перед попыткой преодолеть трудности, если бы Стенька и его товарищи не устранили всякую возможность компромисса с ними. Они повели себя в Реште так, что жители возмутились и вынудили их поспешно бежать из города, потеряв в нем до 400 человек.

Казаки жестоко отомстили за поражение в Фарабате. Явившись туда сначала самым мирным образом, будто бы с намерением наладить торговые сношения с местным рынком, они



напали врасплох на жителей, не ожидавших коварного нападения. Набеги эти они продолжали весной 1669 г., вернувшись на восточный берег Каспийского моря, чтобы разграбить туркменские улусы и напасть затем на персидский флот. Флот был совершенно уничтожен. Персидский адмирал Менеди-хан спасся всего с тремя судами, оставив в руках победителя сына и дочь, которую Стенька превратил в свою любовницу.

Воспоминание об этом подвиге сохранилось в одной казацкой «думе», в которой вместе с Разиным сражается Илья Муромец, сказочный богатырь былинного эпоса, современник киевского стольного князя Владимира!

Но в действительности похождения казацкого атамана начали принимать опасный оборот. Переговоры, затеянные с шахом, не привели ни к чему; победившие, но истощенные совершенными усилиями, лишённые возможности долго держаться на море, без запасов провианта, Стенька и его спутники не знали, что им дальше делать и как поступить с огромной добычей, которую они награбили. В сущности, следуя своему внутреннему влечению, они охотно завершили бы свои рискованные приключения обычной, заурядной развязкой казацких экспедиций по Черному морю: возвращением в донские станицы с награбленной у «неверных» добычей. Но они имели неосторожность бросить вызов московскому правительству, — и обратный путь был для них прегражден. Астраханский воевода, подготовившись на этот раз более предусмотрительно, ждал их у прохода с тридцатью шестью судами и 4000 стрельцов.

Плохо осведомленный и, как всегда, дерзкий, Стенька безрассудно столкнулся с этой внушительной силой, вынужден был отступить и, преследуемый, сдался на капитуляцию. Следуя своим инструкциям, Прозоровский проявил большую уступчивость. Казаки предложили возратить все, награбленное не на мусульманской территории, разгром же каспийских берегов мог сойти за своего рода законные репрессии, ввиду постоянных набегов персидских подданных или данников на московские прибрежные владения. Соображения эти легли в основу переговоров. В астраханском городском приказе, 25-го августа 1663 года Стенька и его сотоварищи принесли торжественно повинную. Атаман сложил свою предводительскую булаву, подтвердил клятвенным обещанием, что выполнит принятые на себя обязательства и послал в Москву депутацию, отделавшуюся снисходительным выговором.

Стенька пировал с воеводами, одарил их персидскими тканями, бил челом царю городами, отнятыми у шаха, и достиг своей цели — позволения вернуться на Дон с остальной частью добычи. Пообещав сдать всю свою артиллерию, он сохранил однако около двадцати пушек, — сославшись на необходимость миновать степи, где ему могли угрожать крымские или азовские татары и турки.

Воевод упрекали потом, что они не задержали казаков, распределив их по стрелецким ротам. Но воеводы не могли и думать о подобной попытке: Стенька и его присные предстали перед ними в таком великолелии, что, покрытые шелками, с руками,

полными золотом, воскресили в них воспоминание об Олеге и его дружинне, слепивших Киев богатствами, захваченными в греческой империи. На лодках их красовались чуть не легендарные шелковые канаты и паруса! Наполовину оказавшиеся в городе, где все дышало еще тем же духом первобытной независимости, стрельцы далеко не внушали доверия в отношении воинской дисциплины; между тем, это была единственная сила, на которую опирались Прозоровский и его помощник. Для стрельцов соблазн был слишком велик: они сами могли пожелать присоединиться к торжествующей казачьей вольнице, шатавшейся по кабакам в бархатных кафтанах и, для расплаты по счету отдравившей от шайки драгоценную жемчужину.

Стенька, державший в полном подчинении всю эту суровую орду, представлялся таким ласковым, щедрым, великодушным! Воеводы, сравнительно с ним, казались такими требовательными и строгими к бедному люду! Правда, Стенька желал, чтобы ему оказывали почти царские почести: приходившие к нему должны были становиться на колени и кланяться лбом до земли; но он позволял делать что угодно, никогда ни в чем не отказывал.

Прибывший в это время в Астрахань на корабле «Орел», — первом образце будущего русского флота\* голландец Стрюис видел атамана и следующими чертами обрисовывает его наружность:

«Он казался высоким, держался с достоинством, имел вид горделивый. Сложен он был стройно, но лицо было несколько поперчено рябинами. Он обладал даром внушать страх и любовь... Мы застали его в шатре с его наперсником, прозванным «Чертовы усы» (речь идет, вероятно, о Васье Усе), и несколькими другими офицерами... Наш капитан поднес ему в дар две бутылки водки, которой он обрадовался, так как давно уже не пил ее... Он сделал нам знак сесть и поднес нам по чарке за свое здоровье... но не говорил почти ничего и не проявил никакого желания узнать, для какой именно цели мы прибыли в эту страну... Мы вторично посетили его и нашли на реке, в раскрашенной и вызолоченной лодке, пьющим и веселящимся с некоторыми из его офицеров. Возле него была персидская принцесса...»

Красота этой наложницы и ее знатное происхождение немало способствовали престижу Стеньки, возбуждая, впрочем, зависть среди его соратников. Этим, вероятно, объясняется неожиданный

\* Первым русским кораблем было, в сущности, судно «Фридрих», сооруженное в 1635 и, в царствование Михаила Федоровича, в Нижнем Новгороде. Построенное голыштейнским корабельщиком при содействии русских плотников, оно вышло по Волге в море, но тотчас же разбилось у берегов Дагестана. «Орел» был построен в 1667 г. голландскими судостроителями в деревне Дединово, на Оке. В сентябре 1668 г. отсюда отплыла для усмирения пиратов первая эскадра, состоявшая из «Орла», имевшего в длину 80 и в ширину 21 фут и снабженного 22 пушками, яхты и трех служебных лодок. Экипаж из 14 человек с капитаном Давидом Бутлером во главе был выписан из Амстердама. В Астрахань «царский флот» прибыл в июне 1669 года. Выступление на сцену Стеньки Разина уничтожило все надежды, возлагавшиеся на эту флотилию: в следующем же году «Орел» и остальные суда были сожжены по приказу крамольного атамана.



«жест», которым, согласно преданию, завершился роман с персидской царевной. В самый разгар пиршества, опьяненный вином и страстью, атаман бросил прекрасную персиянку в Волгу, оправдывая свой поступок желанием рассчитаться с любимой рекой, наградившей его властью, золотом, всякими богатствами; он, в свою очередь, пожертвовал ей лучшей частью своей добычи!

Приводя этот эпизод, Стрюис не говорит, что был его очевидцем; достоверность его тем более подозрительна, что такое же повествование включено в былинку о Садке, новгородском госте.

Стенька, как и большинство ему подобных авантюристов, относился с пренебрежением ко всему, не исключая человеческой жизни; вся его карьера была лишь кровавой оргией. Можно допустить, что он убил и дочь Менеди-хана, — но при условиях не столь мелодраматических. Присвоив себе роль верховного судьи, он приказал, в другом случае, повесить за ноги женщину, уличенную в прелюбодеянии, и утопить ее соблазнителя.

Подобные эпизоды внушили астраханским воеводам желание поскорее избавиться от таких неудобных соседей; 4-го сентября казаки покинули Астрахань.

Подымаясь по Волге, Стенька, вопреки запрещению, заставил раскрыть ворота Царицына, поил своих людей водкой за счет жителей, сорвал откуп с царицынского воеводы Григория Унковского, подвергав его предварительно за бороду, и направился, наконец, к Дону. Навстречу ему выехали послы, которых он отправил в Москву.

Стенька проник в Астрахани сознанием своего значения и могущества; он и не подумал о том, чтобы выполнить только что принятые на себя обязательства. Не отослав, как обещал, оставленных ему двадцати пушек, он окопался между Кагальником и Ведерниковым, вызвал в новую резиденцию свою жену и брата Фрола и как бы поделил область войска Донского: в Черкасске верховодил по-прежнему Корнил Яковлев, под главенством же Стеньки Разина сосредоточилось до 2700 хорошо вооруженных казаков, покрытых легендарной славой персидского набега. Стоустая молва преувеличивала рассказы о баснословно богатой добыче. Многие прибывали к Стеньке даже с отдаленных берегов Днепра: все эти искатели приключений ожидали новой экспедиции, план которой, по-видимому, еще не созрел в голове Стеньки.

В ожидании, чтобы заручиться расположением местного населения, он воздерживался от всяких грабежей и даже не мешал развитию торговых сношений между донской областью и Москвой. Он добивался лишь, чтобы московские купцы отдавали предпочтение Кагальнику перед Черкасском, что, впрочем, совпадало с выгодами торговцев. Черкасские казаки, конечно, косились на усиливающегося конкурента, угрожавшего им разорением.

Весной 1670 года Стенька Разин вывел их из затруднения. Он нагрянул на Черкасск с ватагой избранных головорезов, как раз в тот самый момент, когда Корнил Яковлев с почестями отсылал царского гонца, привезшего благосклонное послание. Стенька

обругал гонца шпионом, подосланным не царем, а боярами, и приказал бросить его в воду вместе с несколькими казаками, протестовавшими против такого самоуправства.

## Диктатура Стеньки

Корнилу Яковлеву было не под силу тягаться с таким соперником. Вся власть вскоре нераздельно перешла в руки Стеньки, который стал вводить новые порядки. Считая попов агентами московского правительства, он наметил, между прочим, любопытную попытку ввести гражданский брак. В Черкасске сгорело несколько церквей. Казаки просили денег, чтобы отстроить их. Новый вождь позаимствовал уловку от одного из древнейших героев былинного эпоса, Дуная Ивановича: «зачем вам церкви? к чему нужны попы? Чтоб венчать вас? Поставьте жениха и невесту под деревом, попляшите вокруг них, — вот вам и свадьба!»

Отпраздновав несколько свадеб по этому обряду, он поднялся по Дону до городка Паншина, где соединился с Васькой Усом, разорявшим тем временем помещичьи вотчины около Воронежа и Тулы. Вместе с этим подкреплением, у него набралось до 7000 вооруженных людей, с которыми Стенька двинулся сухопутным путем к Царицыну.

Жители этого города покорно раскрыли перед ним ворота. Башня, в которой засел градоправитель Тимофей Тургенев, была взята приступом; несчастного воеводу протащили, с петлей на шее, до Волги и зверски утопили. Стенька Разин открыто выступил в своей новой роли. Он наметил сотоварищам грандиозный план: подняться по реке, захватить попутные города, расправившись с воеводами, как с Тургеньевым, взбунтовать окрестное население, — и пойти на Москву, чтобы положить там конец правлению бояр, врагов народа и царя.

## Бунт

Но Стенька Разин самообольщался: он не располагал ни способностями, ни воинским дарованием, ни пониманием своей задачи, необходимыми для достижения намеченной цели. Вскормленный, возвеличенный разбоями, он обречен был остаться разбойником. Подняв широкое народное движение, он не сумел ни направить его, ни обеспечить ему дальнейшее развитие.

Узнав, что Прозоровский послал сильный отряд из Черного Яра и что, в то же время 5000 стрельцов из Москвы спускаются по реке к Царицыну, чтобы захватить его между двух огней, Стенька применил прием обычной казацкой тактики: он бросился навстречу врагу, приближавшемуся с севера, настиг его у острова Денежного, в семи верстах от Царицына, отбросил к городу, где стрельцов встретили пушечными выстрелами, и частью истребил, частью забрал их в плен. Московский военачальник Иван Лопатин и его помощники разделили участь Тургеньева. Уцелевшие стрельцы немало удивились, узнав, что Стенька



вовсе не сражается против царя, — а выдает себя за его защитника от гнусной боярской камарильи.

Астраханские стрельцы также не выдержали натиска и сдались без сопротивления. Стенька Разин, соблазнившись возможностью разграбить Астрахань и установить в ней в широком масштабе пародию на правительство, испробованную в Черкасске, отбросил первоначальный план — подняться по Волге и идти на Москву, ослабленную войной с Польшей. Вместо этого он повернулся спиной к дальнейшим успехам и бросился к низовьям, на южную торговую столицу.

## Казацкое правительство

Князю Прозоровскому доставил весть о поражении спасшийся командир отряда астраханских стрельцов князь Семен Львов. Прозоровский поспешил укрепить город. Но население его было взбодуражено тревожными слухами и предзнаменованиями. Митрополит Иосиф, жестоко пострадавший от казаков Заруцкого, всполошился. Среди стрельцов обнаружилось опасное брожение; 15 июня они с угрозами потребовали уплаты просроченного жалованья. При помощи духовенства Прозоровскому кое-как удалось их успокоить. Через неделю Стенька Разин появился под стенами города. Два дня спустя, после попытки завязать с осажденными переговоры, он пошел на приступ.

Астрахань была защищена стенами в четыре сажени вышины и в полторы сажени ширины, снабженными башнями и 460 пушками. Но стрельцы убили лейтенанта Фому Бойля, помощника капитана «Орла» Бутлера, командовавшего артиллерией, — и пушки не помешали казакам влезть по лестницам на укрепления. Собор вскоре наполнился московскими офицерами и чиновниками, бежавшими от начавшегося избиения. Прозоровского принесли тяжело раненного пикой. Митрополит успел лишь причастить мужественного воина, с которым его связывала тесная дружба. Заперли тяжелую, из кованого железа дверь храма; но в окна сыпались пули, убившие в числе других, ребенка на руках матери и продырявившие чудотворную икону Казанской Божией Матери. Наконец, дверь поддалась, и, переступив через тело стрелецкого сотника, героически преградившего доступ в перковь, казаки ринулись на еще живого Прозоровского и связали как его, так и остальных московских агентов.

Расправа не замедлила: Стенька прошептал несколько слов Прозоровскому, воевода отрицательно покачал в ответ на его предложение головой, — и тотчас же казаки потащили умирающего на колокольню, откуда сбросили его на крепостные стены. После произведенного для видимости допроса остальные пленники были умерщвлены, большей частью тут же, на соборной паперти. В монастыре св. Троицы, где их похоронили, один монах насчитал 441 труп.

За побоищем последовало всеобщее разграбление, причем не были пощажены не только присутственные места и дома богатых москвичей, но и индийские и бухарские базары.

Стенька Разин превратил Астрахань в казацкий город, разде-

лив жителей на тысячи, сотни и десятки, под начальством избранных есаулов, сотников и десятников, организовал «круг» и сделал вид, будто хочет восстановить древнее вече. Однажды утром население погнало за город, на большое поле, принять присягу на верность царю, атаману и казацкому войску, с клятвой выдавать «изменников». Двое священников отказались от присяги; Стенька велел утопить одного из них, а другому — отрезать руку и ногу. Он приказал сжечь все бумаги архивов и канцелярий, заявив, что поступит так же в Москве и даже в самом дворце царя. При неграмотности казаков эти бумаги были изжины.

Как сам атаман, так и его подручные бражничали с утра до ночи, превращая свое правление в сплошную оргию. Они утопали в водке и крови. Стенька Разин не переставал выискивать новые жертвы для мучительств. После неудачи возобновленных переговоров с Менеди-ханом он приказал повесить пленного сына этого мусульманина, зацепив жертву ребром за железный крюк.

Дети подражали популярному атаману, и также играли в палачей. Они секли мнимых преступников или вешали их за ноги. Одна из их жертв не была освобождена вовремя — и умерла.

Обедневших жен и дочерей убитых Стенька выдавал замуж за своих казаков. Для этой цели он прибегал даже к помощи немногих уцелевших священников, запрещая им, однако, подчиняться митрополиту.

Митрополит не противодействовал, и в день имени царевича Федора Алексеевича имел даже слабость пригласить к столу Стеньку Разина и сотню его сотоварищей. В оправдание его следует сказать, что дом его служил убежищем для вдовы князя Прозоровского, Парасковии Федоровны, скрывшейся там с двумя сыновьями, 16-ти и 8-ми лет. Стенька открыл-таки несчастных мальчиков; старший был убит, после ужаснейших пыток, посредством которых казаки старались выведать, куда спрятал князь Прозоровский свою казну, а младший был возвращен матери в плачевном состоянии.

В конце июля Стенька почувствовал, что опасно дать Москве время собраться с силами для новых наступательных действий; он решил продолжать свои прерванные операции, — но благоприятное время уже было потеряно.

Оставив в Астрахани Ваську Уса, Стенька поднялся по Волге на двухстах лодках; две тысячи верховых казаков следовали по берегу. Затем были также захвачены и разграблены Саратов и Самара. В начале сентября он достиг Симбирска и вместе с тем предела своих успехов.

## Поражение

Симбирский воевода Иван Милославский получил из Казани подкрепление, под начальством князя Георгия Барятинского; но оба эти полководца располагали лишь призрачным войском. Им прислали достаточно денег для производства нового набора, но они сговорились присвоить себе эти средства, вписать в ложные



перечни рекрутов убитых или вовсе не существовавших людей.

Барятинский, проявив больше отваги, чем честности, вступил в бой с крамольным атаманом и, в пять или шесть раз слабее его численностью, продержался целый день. Ночью, однако, повторилось то же, что случилось в Астрахани и Царицыне: жители Симбирска пустили казаков в главный форт города и, под огнем собственных пушек Барятинский вынужден был отступить. Милославский, с ничтожной кучкой солдат, стойко держался в другом форте. Стенька, выказав поразительную неумелость, в течение целого месяца не мог вытеснить его оттуда. Тем временем Барятинский вернулся со свежими войсками. Разин не сумел использовать своего численного превосходства; совершенно неспособный к ведению правильного боя, он оказался бессильным против неприятеля, на этот раз не обезоруженного изменой. Попытки заменить искусство личной отвагой привели лишь к тому, что, дважды раненный в схватке, он лишился возможности руководить своими людьми и был разбит наголову. Под покровом ночи он бросил ядро своих сил, состоявшее из плохо вооруженных крестьян, и с одними донскими казаками спустился по Волге.

Наутро Барятинский и Милославский без труда расправились с остатками Стенькиного войска. Несколько сот человек было брошено в воду; остальных или изрубили в куски, или сохранили для виселиц, которые вскоре испещрили все соседние дороги. Бунт Стеньки Разина окончился.

Перед этим поражением его предприятие приняло на несколько времени ужасающие размеры. Отступление Барятинского произвело сенсацию; казаки еще усилили его эффект, распространив соблазнительные слухи по всему течению верхней Волги. Они уверяли, будто привели в своих рядах не только патриарха Никона, но и царевича Алексея, выдавая их за жертвы бояр, обманывающих своего государя. Царевич Алексей, наследник престола, умер в январе 1670 г., а Никон пребывал в Ферапонтовском монастыре; но мистификатор более искусный, чем полководец, Стенька окружал в своей флотилии глубокой тайнственностью две старательно оберегаемых лодки, в которых за красными и черными бархатными драпировками будто бы скрывались высокопоставленные особы.

В изобильно распространяемых воззваниях он объявлял беспощадную войну чиновникам всех рангов, предвещал конец всякой бюрократии и всякой власти. Хотя он отрицал, что восстал на царя, однако, давал понять, что и этот авторитет уже отжил, но Стенька не хотел заменить его собственным авторитетом. Казак, он останется среди казаков, своих братьев, которые в новой организации, скопированной по образцу казачьих установлений, установят всюду торжество принципа полного равенства.

Этому вздору верили; бунт ширился по всему огромному пространству между Волгой и Окой, к югу — до саратовских степей, на восток — до Рязани и Воронежа. Крестьяне убивали своих помещиков или их управляющих и массами переходили в казачество, т.е. делались разбойниками. Всюду организовались но-

вые шайки; при их приближении городская чернь бросалась на воевод и их подчиненных, заменяла их атаманами и есаулами, водворяя новый режим, не забыв предварительно истребить представителей старого.

Как в эпоху самозванцев, местные ивородцы, мордва, чуваш и черемисы присоединялись к восстанию. Из Симбирска, до возвращения Бярятинского, движение с особенной силой распространялось на запад, по нынешним Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерниям, и на северо-запад, к Нижнему Новгороду. Отделившись от войска Стеньки, который безрассудно дробил свои силы, одна из ватаг направилась по Тамбовской дороге, взбунтовать по пути Зарайск и Пензу. Другая, которой будто бы самолично командовал сам царевич Алексей, двинулась на Алатырь, Курмыш и Ядрин, где заставила духовные и светские власти устроить торжественную встречу с иконами и хоругвями. В Козьмодемьянске и Мурашкине воеводы, не выказавшие готовности воздать почести мнимому царевичу, были убиты жителями. Лже-Алексей, простой казак, называвшийся в действительности Максимом Осиповым, принужден был взять приступом монастырь св. Макария в Желтоводах. Он устроил избиение монахов и, ограбив почитаемую обитель, собирался пойти на Нижний Новгород, когда донеслась весть о поражении Разина.

Начался общий разгром. В Арзамасе прославленный воитель, князь Георгий Долгорукий, перешел в наступление и вскоре очистил от разбойников всю страну.<...>

## Казнь

Из Симбирска Стенька Разин бежал в Самару, оправдывая свое поражение бездействием пушек, направленных против него самого, — подобно тому, как это случилось прежде в Царицыне. Но хитрость эта подорвала легенду, которая создала все его успехи. Значит, он не колдун, значит, он утратил свою сверхъестественную власть! Обитатели Самары, разочаровавшись в нем, закрыли перед Стенькой ворота. Так же поступили и саратовцы. В Черкасск Корнилу Яковлеву из Москвы поспешно выслали в подкрепление 1000 рейтаров и драгунов, обученных по-европейски, под начальством Григория Косогова. К известию о приближении этого отряда присоединились слухи об ужасных репрессалиях Долгорукого; участь Стеньки была решена.

Официальные сведения относительно обстоятельств, обусловивших развязку, крайне сбивчивы и противоречивы. Трудно определить, каким именно образом были захвачены Фрол и Стенька: осадили ли их и взяли в крепостце Кагальника, выдали ли их принесшие повинную сотоварищи, заманил ли их в ловушку старый Яковлев? Препровожденные в Москву, они выказали далеко не одинаковое мужество. Атаман хранил полную достоинства невозмутимость, а брат его, напротив, расточал жалобы и упреки.

— Чего ты жалуешься? — спросил, наконец, раздосадованный Стенька. — Нам готовят великолепный прием: знатнейшие вельможи столицы выйдут к нам навстречу!



Вся Москва 4-го июня 1671 года, в самом деле, присутствовала при въезде легендарного героя. Атаман, к своему великому сожалению, не мог сохранить прежних великолепных одеяний. Его везли в жалких рубищах, на телеге вместе с виселицей.

По преданию, самые жестокие пытки не заставили его проронить ни слова. Но это обстоятельство представляется сомнительным: Алексей в своей переписке с Никоном ссылался именно на указания, доставленные допросом Стеньки относительно сношений крамольного атамана с экс-патриархом.

Предание уверяет, будто суровый разбойник продолжал осмеивать брата, выказывавшего в руках палачей малодушие:

— Перестань нюнить, как баба! Погуляли мы с тобой вволю, надо теперь потерпеть немного...

Стенька будто бы не испугался самой мучительной пытки того времени: капанья холодной водой на обритый затылок. Когда ему брили макушку головы, он сострил:

— Ну, вот, — меня, бедного, невежественного мужика украшают тонзурой, точно самого ученого из монахов!

Шестого июня его повели на лобное место. Стенька выслушал, не моргнув глазом, приговор, присуждавший его к четвертованию, набожно повернулся к соседней церкви, четырежды поклонился народу, прося прощения, и, не теряя самообладания, отдал себя в руки палачей. Его положили меж двух досок; сначала ему отрубили правую руку, повыше локтя, затем левую ногу, ниже колена. Стенька даже не вскрикнул. Его сочли мертвым; но при виде приготовлений предстоящей мучительной казни, Фрол не выдержал и пробормотал формулу «слово и дело», посредством которой обреченные на казнь могли получить отсрочку для сообщения судьям важных признаний; льгота эта искупалась, впрочем, дополнительными жестокими пытками. Вдруг, из-под окровавленных досок, между которыми лежало недвижно искалеченное тело Стеньки, раздался грозный окрик:

— Молчи, собака!

Это были последние слова легендарного атамана. Они также не подтверждаются историческими документами; но при казнях того времени нередко вполне достоверные подобные случаи. Что касается Фрола, то он, несомненно, добился отсрочки. Он, по видимому, указал на тайник с важными бумагами или кладом; и хотя поиски по его указаниям не увенчались успехом, однако Фрол отделался пожизненным заключением.

По преданию, Стенька Разин, готовясь к смерти, сочинил поэму, сохранившуюся в устах народных певцов; в ней он просит, чтобы его похоронили на перекрестке трех дорог, ведущих в Москву, Астрахань и Киев. Пресловутый атаман мог быть в известной степени поэтом, если вдохновил столько других поэтов. По всему району, послужившему ареной для его приключений, память о нем живо сохранилась до нашего времени.

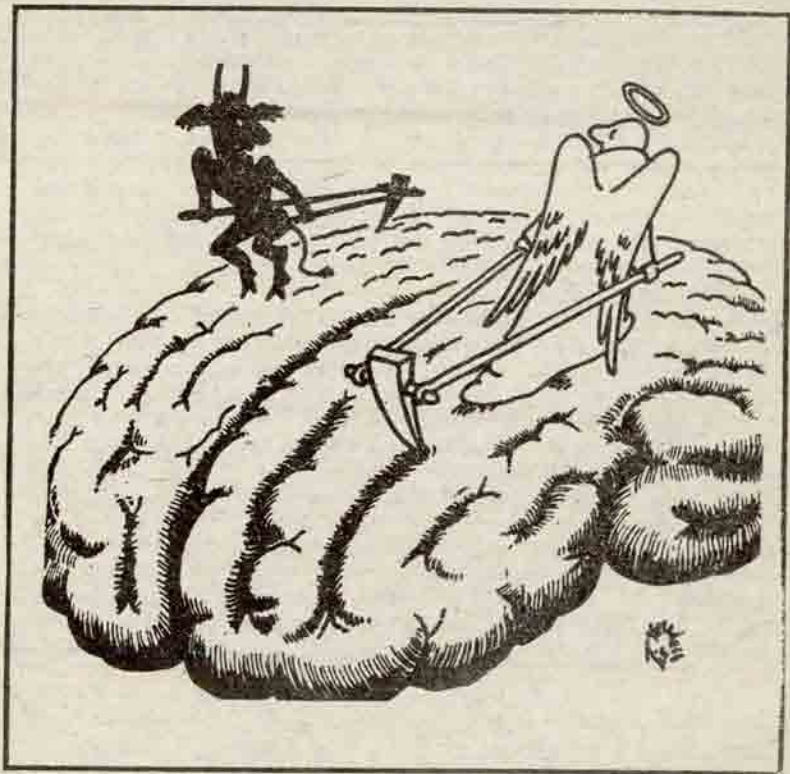
КЛУБ ВЕСЕЛЫХ АВТОРОВ И КАРИКАТУРИСТОВ

# КВАК

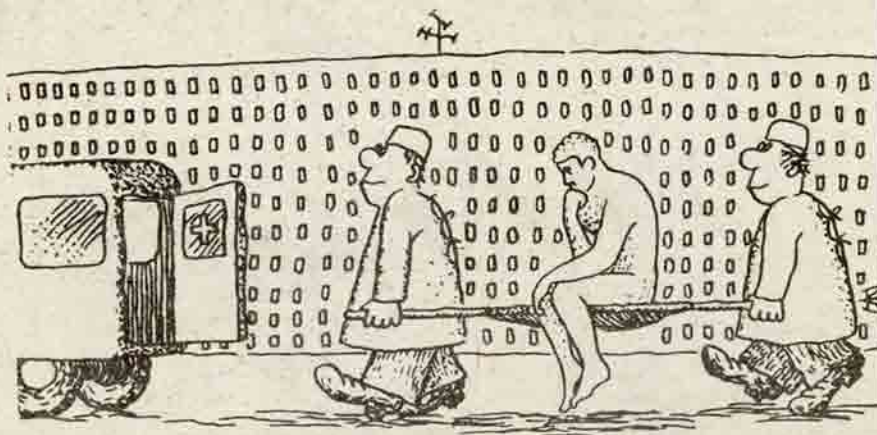


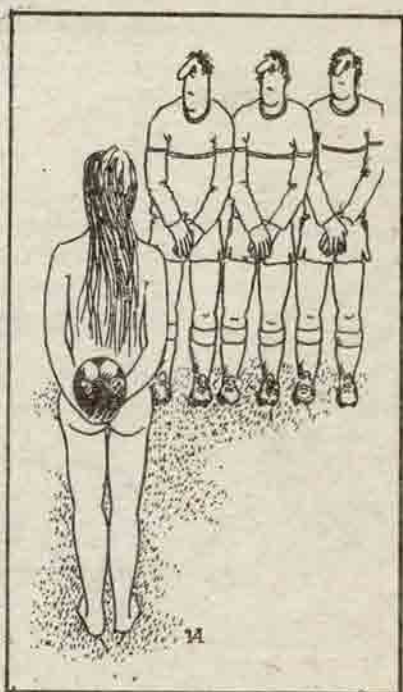
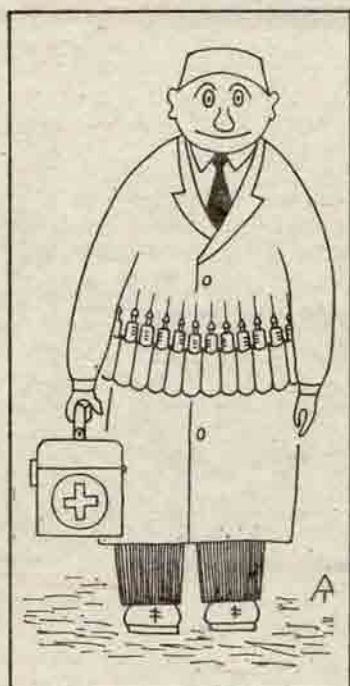
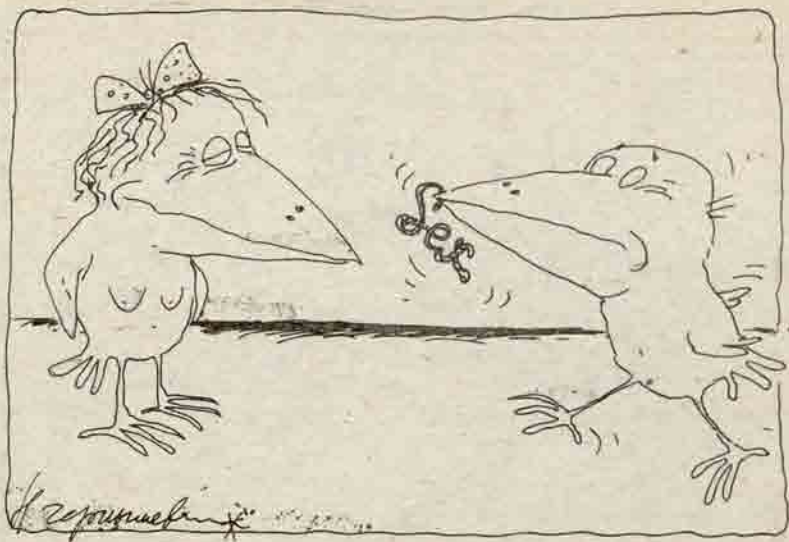
В гостях у «Смень»  
челябинский  
КЛУБ ВЕСЕЛЫХ  
АВТОРОВ-  
КАРИКАТУРИСТОВ

Рисунки  
В. КОЛЕСНИКОВА,  
К. МАЛЬЦЕВА,  
А. ТИШУНОВА,  
Г. ЧЕГОДАЕВА,  
Н. ЧЕРНЫШЕВА,  
А. ЧЕСНОКОВА.

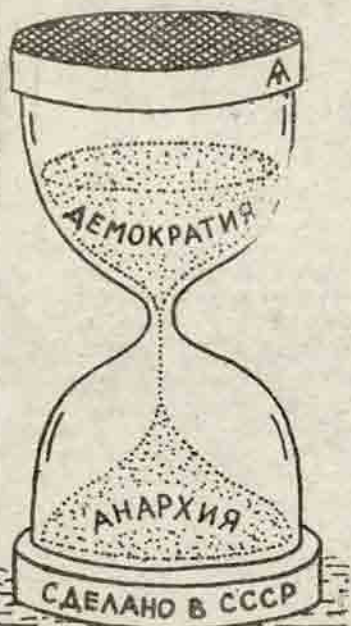












## Шахматная эпиграмма

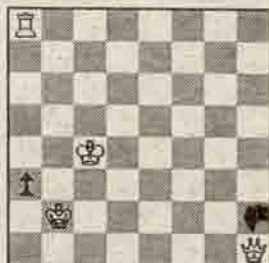


Под редакцией  
международного гроссмейстера

### ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

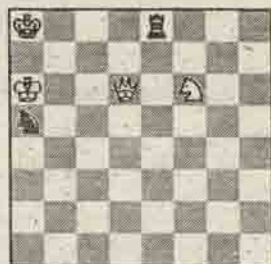
В сегодняшней публикации представлены композиции различных стилей. В трех первых двухходовках акцент сделан на перемене игры (ищите ложные следы). Три следующие миниатюры — комбинационного плана. № 16 — чешского стиля (обратите внимание на правильные маты). Авторский замысел в № 17 — чередование ходов (включая и вступительные, если найти ложный след). Заключает подборку миниатюр единственная, но зато очень длинная многоходовка. Ждем от наших читателей новых оригинальных миниатюр!

10. С. ЦЫРУЛИК  
Гродненская обл.



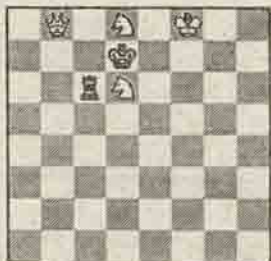
Мат в 2 хода

11. О. ГРИЦЫНА  
Львов



Мат в 2 хода

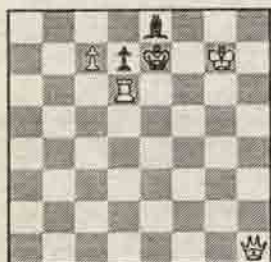
12. В. МАРКОВИЦ  
Закарпатская обл.



Мат в 2 хода

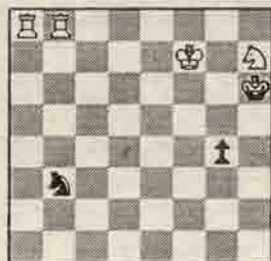


**13. А. БУЛАНОВ**  
*Санкт-Петербург*



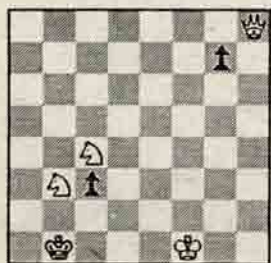
**Мат в 2 хода**

**14. Д. КОМАРОВ И С. ШЕДЕЙ**  
*Харьков*



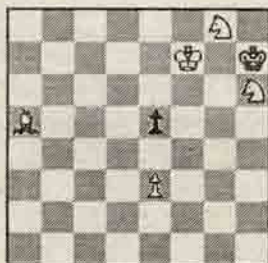
**Мат в 3 хода**

**15. В. ГАВРИЛОВ**  
*Москва*



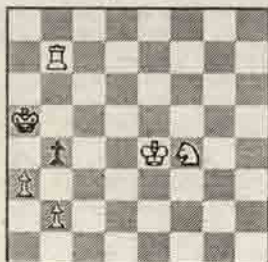
**Мат в 3 хода**

**16. В. КОЖАКИН**  
*Магадан*



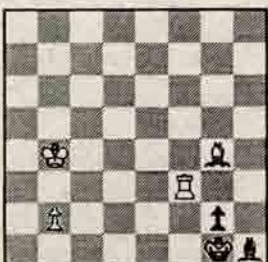
**Мат в 3 хода**

**17. В. АНТИПОВ**  
*Боровичи*



**Мат в 3 хода**

**18. М. МАРАНДЮК**  
*Черновицкая обл.*



**Мат в 14 ходов**

## ГИМНАСТИКА УМА

Судя по неугасающему интересу к кроссворду, он может стать своеобразной школой знаний. Разумеется, помочь этому способен только творческий подход (поделки из примитивных сеток и определений загаданных слов не в счет). Вот почему мы предъявляем к кроссворду иные требования, чем большинство других редакций.

Наши читатели просят повторить эти требования.

Основа кроссворда — сетка (рисунок). Мы остановились на ее классическом типе, самом понятном и позволяющем делать задачи любой сложности. Сетку читатель должен придумать сам. Она не должна повторять в точности ни одну из полвившихся в печати. Сетка должна быть:

1. Полностью или попарно-двусторонне симметричной либо закрученной по спирали, изящной и не распадаться на отдельные части.

2. Размер — не более 21 клетки и по горизонтали, и по вертикали (лучше — 19 или даже меньше). Число позиций — от 40 до 75.

3. Чем меньше черных (пустых) клеток, тем лучше. Недопустимы сочетания из двух и более черных клеток. Слова могут быть любой длины, начиная с двухбуквенных. Но слов из двух, трех и четырех букв не должно быть слишком много. Красоту и законченность кроссворду придают длинные слова.

Стремитесь заполнить сетку самыми разными по тематике словами. Причем простых, знакомых слов обычно должно быть больше, чем редких, сложных. Не надо загадывать названия болезней, малые планеты, марки бытовых приборов, неблагозвучные слова. Разумеется, нельзя брать однокоренные слова.

Основные требования к лексикону:

1. Слова берут в единственном числе именительного падежа. Во множественном числе можно загадывать названия народов и жителей государств, городов и т. д., нарицательные предметы, слова, у которых нет единственного числа. Названия произведений (в одно слово) можно брать любые. В цитатах (в одном кроссворде их не надо брать много, причем цитаты ищите афористические, познавательные, источники цитат — классическая литература) слова можно брать и во множественном числе, а также в любом падеже, если по написанию при этом они не отличаются от именительного.

2. Имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных слов. Личные имена берут только как персонажи произведений либо принадлежат замечательным людям. Начальные буквы слов должны как можно шире отражать алфавит. Причем на одну букву не берут больше 10 процентов от всех загаданных (если всего слов, скажем, 50, то на одну букву не больше пяти). В ответах не может быть больше двух слов подряд на одну букву.

3. Из населенных пунктов берут столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места (причем, кроме последних, географические названия, если и они не пересечены на всех буквах, можно брать лишь из Малого атласа мира и Атласа СССР). Из произведений классики можно загадывать любые населенные пункты.

4. Нельзя загадывать больше трех однородных понятий (например, птиц, цветов, рек).

5. Слов с правильным чередованием гласных и согласных (город, дорога, Имя) не должно быть больше половины от всех загаданных.

6. Слова надо стремиться пересекать чаще на согласных, а не на гласных (это упрощает разгадывание). Нельзя пересекать «е» и «ё» — это разные буквы. Редкие, трудные слова желательнее пересекать на первой букве.

Настоящая творческая работа при составлении кроссворда начинается с толкования слов. Даже обычные определения чаще всего



нельзя просто переписывать из словарей и энциклопедий, где они нередко слишком специализованные или неоправданно растянутые. А в кроссворде определение должно быть понятным каждому читателю, житейским.

Часть определений **ОБЯЗАТЕЛЬНО** должна быть познавательной, занимательной, интригующей. Искать их надо прежде всего в научно-познавательной литературе, газетах, журналах, других источниках. Проще сначала накопить достаточный запас таких определений, а затем уже под них загадывать слова. Поиски позволяют интересно зашифровать самое, казалось бы, обычное слово. Допустим, это «вакса». Его можно определить так: продукция фабрики, на которой в юности работал Ч. Диккенс. И так едва ли не по каждому слову. Ко многим словам можно найти сотни неожиданных определений.

Все **ЖИВОТНЫЕ** и **РАСТЕНИЯ** обязательно должны быть загаданы оригинально, обычно познавательно. Недопустимы научные термины «отряд», «семейство» и т. д.

В определениях, конечно же, недопустимы неопределенные слова типа «что-либо», «где-нибудь» (они могут быть лишь в цитатах).

Ни одно из загаданных слов и однокоренных с ним не должно встречаться ни в одном из всех определений одного кроссворда.

Кратко об оформлении. В редакцию надо присылать две аккуратно сделанные сетки с четко заштрихованными черными клетками. Одну заполняют цифрами, обозначающими позиции, другую — загаданными словами.

Определения оформляйте так:

3. Камень — древнерусское  
название Уральских  
гор (Мезени — 4).

Каждую новую позицию начинайте с новой строки. Если в определении больше одной строки, то вторая и последующие строки не должны заходить под загаданное слово. Пишите лишь на одной стороне листа разборчивым почерком либо на машинке.

В конце работы расшифруйте все источники толкования, обязательно даже к простым словам. В данном случае: Н. Мезени. Уральский металл. М., Металлургия, 1981 (страница указана сразу). Приводить надо именно источник определения, а не загаданного слова. Может быть и несколько источников. Если вы указали источник, где слово стоит во множественном числе, то нужно указать и другой, где оно есть в единственном.

У этих простых правил двойная цель. Во-первых, они позволяют составить по-настоящему интересный, познавательный кроссворд, а во-вторых, на справедливой, совершенно объективной основе отбирать работы для публикации в журнале. Иными словами, любой наш читатель, с достаточной полнотой выполнивший все пункты правил, вполне может рассчитывать на публикацию своего кроссворда в «Смене».

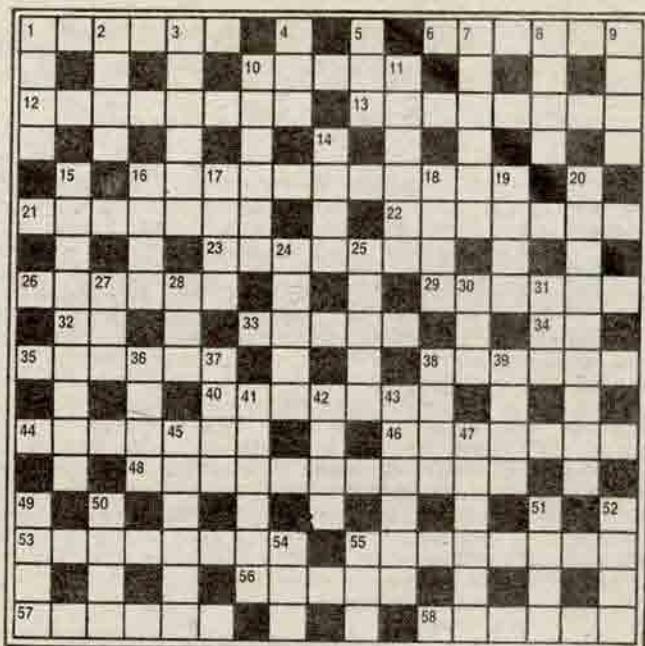
Сохраните этот номер журнала. С этого года мы будем отвечать лишь авторам кроссвордов, составивших их по этим правилам (и в случае, когда в работах есть погрешности).

В заключение несколько слов любителям разгадывать кроссворды. Наши кроссворды дают истинную возможность проверить свою эрудицию и способность познавать, заставляют работать со словарями, энциклопедиями и другими источниками. Разгадывать начинайте с самого простого для вас слова.

Если вы не уверены, что правильно нашли слово, не спешите вписывать его в клетки, а проверьте его на пересечениях.

Если вы разгадали половину слов в кроссворде «Смены» — это ваш первый успех. Постепенно вы будете разгадывать их все больше и больше.

Желаем вам успехов.



## По горизонтали:

1. Совокупность предметов одежды, праздничный вариант которых в Италии эпохи Ренессанса весил до сорока килограммов. 6. Ариадна Эфрон по отношению к основателю Музея изящных искусств в Москве. 10. Ученик П. Клодта, автор скульптуры «Мать учит свою дочь родному слову». 12. Исламский праздник осеннего равноденствия. 13. Одна из основных рабочих профессий при дедовском способе добычи нефти. 16. Советский стихослагатель, назвавший свою мать в 1923 году «пятнышком в нашей борьбе». 21. Знаменитый освобождением от турок крепости Анапа русский генерал, женатый на дочери последнего украинского гетмана. 22. Дом, где один из героев фильма «Белое солнце пустыни» с отвращением ест икру ложкой. 23. Не самый частый знак в знаменном письме Древней Руси. 26. Народ, чье название «пристало» к вавилонским жрецам. 29. Известный актер театра «Комеди Франсез». В начале его пути Т. Готье отмечал в нем «великолепный пыл, искрометное веселье и легкость молодости». 32. Около четырех метров в японской системе мер. 33. Самая «уважаемая» деталь английской одежды во времена Шекспира. 34. Двойка, четверка или шестерка с вальковыми веслами. 35. Лисица, живущая без воды и способная неделями не есть, сохраняя активность. 38. «Доктор Мозес» немецкой сатиры. В науке — один из основоположников экспериментальной психологии. 40. Одна из девяти аонийских сестер, или пизрид.



греческой мифологии. 44. Принадлежащий азиатскому государству остров у африканского берега. 46. «Песня» раздраженной собаки. 48. Жена знаменитого поэта, написавшая в воспоминаниях о «послереволюции»: «Разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что мы отменяем ее и для себя». 53. Драгоценный камень. Им часто украшали оклады русских икон. 55. Изменение сознания, освобождение его от несправедности и греховности. 56. Римский полководец, потопивший карфагенский флот в первую Пуническую войну. 57. Камень, музей которого есть в Сингапуре. 58. Каждое из растений, которым отец Дарвина Эразм часами играл на флейте.

#### По вертикали:

1. Сказочный лисий эпитет. 2. Самоназвание якутов. 3. Громов, Данилин и ... совершили в 1937 году беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — США. 4. Пятьсот сорок квадратных сажен в Китае. 5. Должность Андреа Дандоло, друга Петрарки. 7. Металл, компонент сплавов, используемых для катодов в мощных электронных приборах. 8. Место, куда забрел слепой герой в басне И. Крылова «Филин и Осел». 9. Строение, под которым изображены Эразм Роттердамский и римский бог Термин на картине Гольбейна Младшего. 10. Горбуша, кета, кижуч, нерка, сима (недостающая рыба). 11. Полосатый ориентир ямщика. 14. Каков корень, таково и ... (поговорка). 15. Автор строки: «На славный Киров трон восшел Гистаспов сын». 16. Знаменитый агент американского кино, которого играл Шон Коннери. 17. Ласковое прозвище Ференца Листа в раннем детстве. 18. Большая лодка карибских индейцев. 19. Английский собрат американского города, который первоначально назывался Новым Амстердамом. 20. Энергия у Аристотеля означает переход от возможности к действительности. Термин (неологизм), означающий у него конечный результат этого перехода. 24. Профессиональный синоним оркестранта. 25. Острый предмет, от которого произошло греческое слово «лабиринт». 27. Король, которого ненавидел Л. Толстой. 28. Средство от голода. 30. Французский физик, открывший широкие атмосферные ливни. 31. Денежная единица Китая в XIV—XIX веках. 36. Близкая участь брички в повести А. Чехова «Стель». 37. Самая центральная часть ядра галактики. 38. Путеводная звезда кладовискателя. 39. Место, где молчание и впрямь золото. 41. Город в африканской стране, носящей одинаковое название с ее высшей точкой (5199 метров). 42. Промысел ростовщика (по В. Далю). 43. Игра, где мяч нередко выше ее участников. 45. Соломенный символ японской чистоты. 47. Кавалер четырех Георгиевских крестов, красный комдив. 49. Город в Англии, где в 1811 году прошла первая регата на восьмерках. 50. Придворное положение купца Усена в поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре». 51. Мороз в поэме Н. Некрасова с героиней Дарьей: «Задумаю — реки большие надолго упрячу под..., построю мосты ледяные, каких не построит народ». 52. Танец «под битлов». 54. Наполеоновский маршал, после поражения под Ватерлоо сам командовавший своим расстрелом. 55. Медная восточная монета, ходившая на Руси в XV—XVI века.

#### ОТВЕТЫ

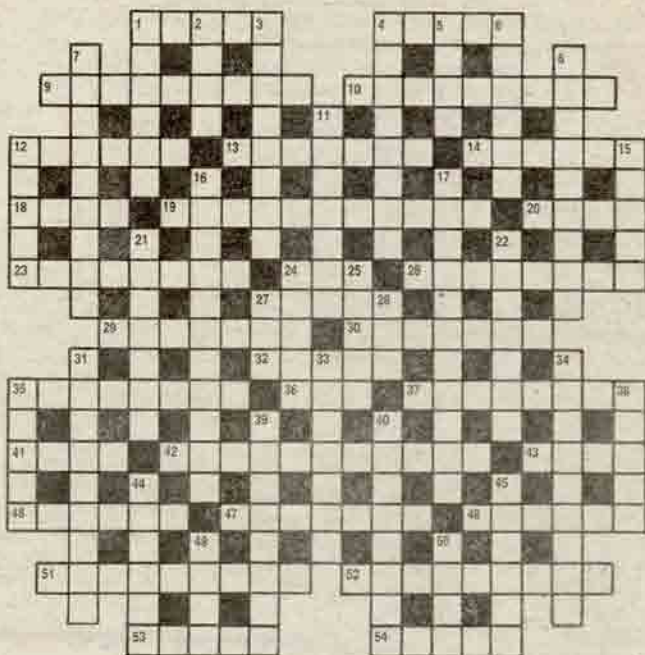
НА  
«ЗРУДИТ»  
НАПЕЧАТАННЫЙ  
В № 1

#### По горизонтали:

1. Мэйхуа. 7. Вереск. 10. Повчага. 11. Чехонь. 12. Цангпо. 13. ...барibal (североамериканские медведи). 14. Кимоно. 15. ...азалия... 16. Манилов. 23. Ренар. 27. Гилельс. 28. Джугара. 29. Ерица. 30. «Органон». 31. Ландино. 32. Азади. 37. Плотник. 41. Урарту. 42. Распев. 43. Липовка. 44. Алейск (Обь). 45. Нансен. 46. ...картина... 47. Шарادا. 48. Хэнкок.

#### По вертикали:

2. Элегия. 3. Хлопок. 4. Альбом. 5. Дворяне. 6. Камбала. 7. Вацлав. 8. Ренуар. 9. Сапфир. 17. Арсенал. 18. Инцитат. 19. Ордалии. 20. Ягноб. 21. Фляга. 22. Глина. 24. Сукно. 25. Зажим. 26. «Басок». 33. Зоопарк. 34. Дневник. 35. Грелка. 36. Тройка. 37. Пуллка. 38. Кранах. 39. Ксенон. 40. Железо.



**КРОССВОРД**  
Составил  
**М. АКУЛИЧ,**  
Омск

**По горизонтали:**

1. Елецкий по отношению к Лизе в опере П. Чайковского «Пиковая дама». 4. Головной убор средневековых европейских дам, высота которого соответствовала сану (у принцесс до метра). 9. Пишущая машинка в доме Л. Толстого. 10. Суконный фрак с гербовыми пуговицами, одежда русских чиновников. 12. Злейший враг коралловых рифов. 13. Амфитеатр Древнего Рима. Праздник его открытия длился сто дней. На арене перебили девять тысяч диких и домашних животных. 14. Украшенная кистью петля на рукоятке палаша, сабли, шпаги (у гренадеров, гусар, драгун). 18. Фонтанка как дельтовый проток Невы. 19. Красноголовик. 20. Принцесса в оперетте И. Кальмана «Голландочка». 23. Картина К. Брюллова из серии «По установлению Аллаха раз в году меняется рубаха». 24. Туркменский напиток из верблюжьего молока. 26. Русская писательница, писавшая под псевдонимом Ал. Алтаев. 27. Правый приток Лены. 29. Птица, прилетающая с юга одной из последних. 30. Персонаж в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 32. Мешочек, где Макар Чудра в рассказе М. Горького носил трубку. 35. Древнегреческое название Днепра. 36. У древних римлян «надеть сагум» означало «война», «снять сагум» — ... 37. Нидерландский алхимик, всю жизнь искавший философский камень, превращающий ртуть и свинец в золото. 41. Ткань, юбки из которой на Руси женщины надевали по праздникам и собираясь в церковь. 42. Змея, мяso



которой китайцы и корейцы сушат, считая его целебным. 43. Спутник Сатурна, открытый в 1898 году. 46. Древнегреческий скульптор, предполагаемый автор бронзовой скульптуры Посейдона, найденной у мыса Артемисион. 47. Пятнышко на коже. 48. Начало шахматной партии. 51. Конструктор, создавший самолеты «Русский витязь», «Илья Муромец». 52. Иносказание. 53. «Дитя» костра. 54. Представительница северной национальности.

#### По вертикали:

1. Степная ящерица, впервые обнаруженная в Средней Азии в 1908 году. 2. Блаженство, упоение. 3. Препарат для борьбы с вредными насекомыми. 4. Атолл, известный испытаниями ядерного оружия. 5. Сияние вокруг головы святых на иконах. 6. Дерсу Узала по национальности. 7. Специальность ирландца Данлока, изобретателя пневматической велосипедной шины. 8. Ускоритель протонов и ионов. 11. Каждый из минералов, из которых на 85 процентов состоит твердая часть земной коры. 12. Авиалодразделение. 15. Кожаное накладное голенище. 16. Роман Л. Толстого. 17. Аргон, висмут или золото по отношению к одному из физических свойств веществ. 21. Человек, убежденный в превосходстве веры над знанием. 22. Рыба, бич Божий Амазонки. 24. Водяной орех, накапливающий марганец. 25. Корабль с сильным вооружением, выводящий миноносцы в минную атаку. 27. «Время ста календарей». 28. Циновка. 31. Лыжи —... — ботинки. 33. Купля и продажа церковных должностей во времена Мартина Лютера. 34. Самые древние толщи горных пород. 35. Именной подарок П. Багратиона Д. Давыдову за отличие и храбрость в первом его бою. 38. Почтовая дорога на Руси. 39. Зерно, благодаря которому принц в сказке Х. Андерсена нашел настоящую принцессу. 40. Парфюмерное средство. 44. ... с галошами, а на дворе нет лошади (пословица). 45. Музыкальная форма в финале оперы К. Глюка «Орфей». 49. Орган виноградной лозы, огуречной плети. 50. Генералиссимус, подавивший восстание стрельцов.

#### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

#### По горизонтали:

1. Луноход. 8. Ставролит. 10. Бурре. 11. Элара (спутник Юпитера). 12. Костромич. 13. «Белло». 14. Стенд. 16. Орган. 20. Скалозуб. 21. Инвенция. 22. Марка. 23. Чрево... 24. Гжель. 26. Раджа. 28. Пиноккио. 30. Роптанье. 32. Крица. 35. Уткин. 38. Тенор. 39. Шредингер. 40. Длань. 41. Вилка. 42. Теократия. 43. Долерит.

#### По вертикали:

1. Литров (иногда пишут Литтров). 2. Новатор. 3. Хромота. 4. Джигит. 5. Перепел. 6. Желатин. 7. Зулейка. 9. Принцип. 15. Узбечка. 16. Обморок. 17. Городки. 18. Ниагара. 19. Евтерпа. 25. Фистула. 27. Щиповка. 29. Осинник. 31. Аметист. 33. Радикал. 34. Центавр. 36. Яркенд. 37. Шевиот.

# АП «МОСКОВСКИЙ МАГАЗИН ПО ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ И ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ»

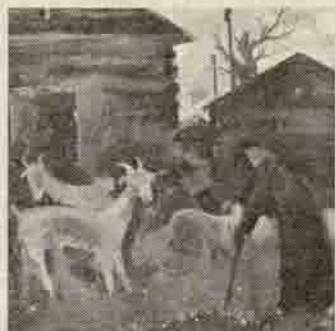
*реализует*  
*за свободно конвертируемую валюту*  
*автомобили*  
**«ГАЗ-2410», «ГАЗ-3102», «УАЗ-31512»,**  
*а также автомобили*  
*иностранного производства*  
**«ФОРД», «ОПЕЛЬ»,**  
**«МЕРСЕДЕС-БЕНЦ»,**  
*(как новые,*  
*так и бывшие в употреблении).*

*В продаже имеются*  
*приборы защиты автомашин*  
*от коррозии, запасные части.*  
*Оплата в рублях.*

**АДРЕС:**

127247, Москва, Дмитровское шоссе, 98.  
ТЕЛЕФОНЫ: 489-85-40, 483-84-88, 906-10-52.  
ФАКС: 489-84-46.





# ХУДОЖНИК МОСКОВСКОЙ ОКРАИНЫ

**АЛЕКСАНДР ДЕГТЯРЕВ**

Павел Матусяк живет в сотне метров от окружной дороги. Но муза его витает там, где бескрайним простором разбегается во все стороны от Москвы вечная Русь.

Художник молод, едва перешагнув за четверть века. Видимо, поэтому мироощущение его заметно отличается и от бунтарства шестидесятников, и от серой покорности конформистов-семидесятников, уныло стоявших в очереди на вступление в Союз

художников. Искусство его лишено заказного административного восторга и подчас столь же заказного мракописания окружающей жизни. Настроение, которое рождает его картины, точнее всего можно передать пушкинской строкой — «Печаль моя светла...».

Есть о чем печалиться современнику. Правда, возникает вопрос о природе этой печали. Коль погружает она душу человеческую

в безысходность, за таким пониманием мира — смерть.

Но если печаль сопряжена с пониманием жизни, смысла человеческого бытия, тогда иной сюжет.

Художник ставит перед собой трудную задачу — запечатлеть нынешнюю деревню, ее ранящую душу скудость, христианское долготерпение и истинно российскую неприязательность. И если присутствует в душе художника боль по родной земле, то даже пейзаж становится для него темой остро социальной. Взгляните, например, на «Судьбину», выполненную в напряженной и суровой цветовой гамме. Явственно проглядывает былинный мотив — три могучих дерева-брата, словно богатырская застава. Однако, приглядевшись, видишь, что братья, стоящие на изрытой земле, скорее всего мертвы, ибо изломаны, черны и обуглены. Но жизненный ток просыпающейся природы, осязаемый во всем пространстве картины, оставляет надежду на возрождение. Так за судьбой деревьев встает образ судьбы Отечества.

Впрочем, неверно думать, что трагический излом русской деревни, затрагивая и волнуя художника, закрывает перед ним светлую сторону жизни. Она тоже не ускользает от взгляда, и на ее солнечном фоне контрастнее вычерчиваются упущенные обретення.

Взгляните на «Полдень». Вещь, казалось бы, безыскусная — несколько ульев среди мощной поросли подсолнухов. Но в предельной безыскусности является вам спокойная радость бытия, находящегося в ладу с собой и миром, и это выступает уже как идеал духовный, к которому устремляет современника художник.

Совсем другая гармония в «Последнем лете бабы Кати». Дом и двор, деревенское житье-бытье,

ежечасный тяжелый труд — смысл крестьянского существования. Хрупкого, боящегося внешних вторжений, пришедшей разрушительной силы. Отсюда напряженная красная гамма полотна и пепельно-спокойные тона первого плана, на котором идет по кругу привычной жизни девяностолетняя русская труженица баба Катя, ровесница нашего буйного века...

В свободное время Павел Матусяк ведет детскую изостудию при жилконторе. Недавно в очередной раз она приказала долго жить. Трижды изгоняли ее из тесных конторских каморок могущественные новоприходцы-кооператоры. А недавно коротким штурмом вышибло студию таинственное и могущественное советско-турецкое совместное предприятие, задумавшее совершить нечто великое на Калужском краю Москвы.

Но мир не без добрых людей, новое пристанище найдено. Надолго ли?

В этой истории постоянных изгнаний детской студии проглядывается сегодняшнее отношение к культуре. К сожалению, оно являет собой жесткий бульдозер, отодвигающий прекрасное на окраину жизни, где оно и прозябает в последней надежде...



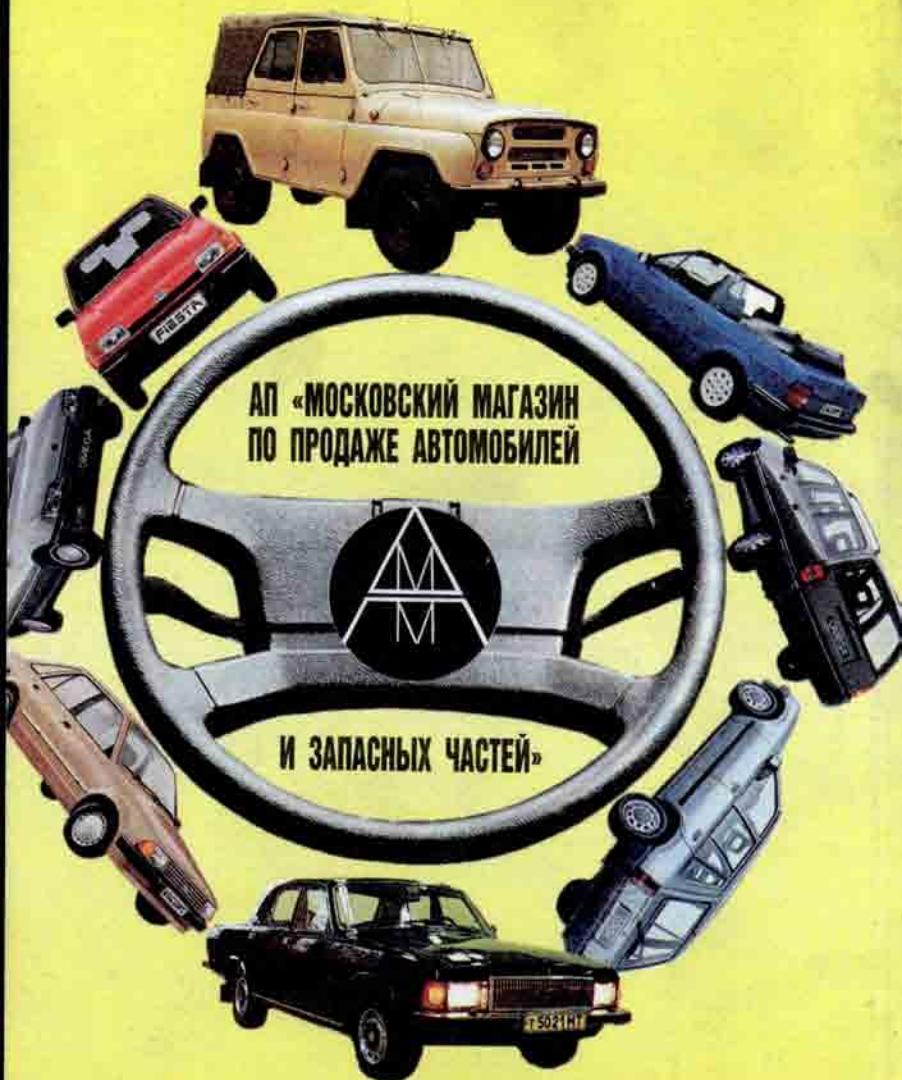


Судьбина ▶



▶ Последнее лето бабы Кати.

**ИНДЕКС 70620.**



**АП «МОСКОВСКИЙ МАГАЗИН  
ПО ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ**

**И ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ»**

**АДРЕС:  
127247,  
Москва,  
Дмитровское шоссе, 98.**

**(Читайте стр. 254.)**